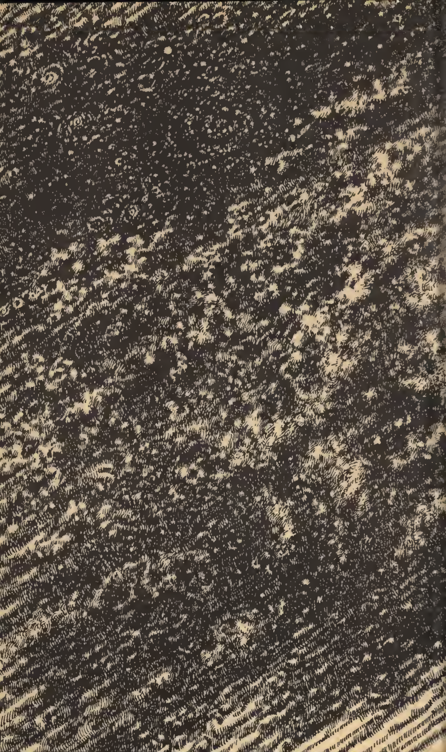
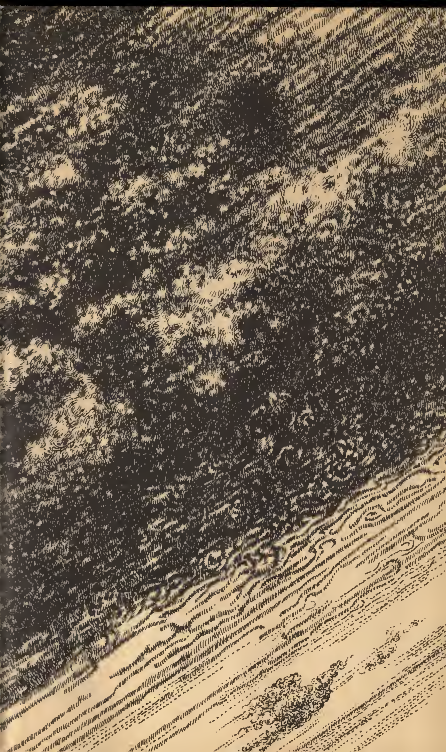
Приключения · Фантастика

ПОИСК-86

ПОИСК-86

Приключения.
фантастика

В отличие от историков и краеведов, еще и сегодня спорящих о том, существовала ли легендарная Золотая Баба, многие из персонажей приключенческой повести Эрнста Бутина «Золотой огонь Югры», открывающей новый выпуск «Поиска», знают и верят: загадочный «наипервейший истукан», отлитый из драгоценного металла,— не выдумка. Белому офицеру Арчеву удается даже узнать имена хранителей древнего хантыйского капища, где спрятана золотая таежная богиня. Летом двадцать первого года, когда под ударами красных частей откатывались на Обский Север остатки разгромленных отрядов кулацких мятежников, Арчев со своими подручными заявляется в стойбище Сатаров, требуя, чтобы ему показали «главное святое место»...

Если остросюжетная, полная неожиданностей повесть Эрнста Бутина (печатающаяся с сокращениями) переносит нас в суровую пору гражданской войны, то повесть Феликса Сузина «Опоздание» — современный детектив. Действие здесь развертывается в начале восьмидесятых годов в большом зауральском городе.

В разделе фантастики центральное место занимает повесть Сергея Другаля «Василиск», продолжающая цикл его произведений об Институте Реставрации Природы. Те, кто читал книгу рассказов С. Другаля «Тигр проводит вас до гаража» (Свердловск, 1984), встретят в «Василиске» немало знакомых героев — воспитателя Нури, вундеркинда Алешку, охотника Олле и других. Всех их влечет Заколдованный Лес, где ученые работают над созданием сказочных форм жизни...

Разнообразны по жанру вошедшие в «Поиск-86» рассказы. Новеллы Александра Чуманова — «Вечная бабушка», «Вызывают на связь», «Место в очереди», «Розовое облако» — своего рода современные притчи, где причудливо переплетаются фантастика и повседневность. А в рассказе Дмитрия Надеждина «Логово Сатаны» при всей остроте сюжета ощущаешь ироничность автора. И уже откровенно ироничны «Ловушка для падающих звезд» Евгения Филенко и миниатюра Сергея Георгиева «Удар! Го-о-ол!». Есть в «Поиске-86» и фантастическая юмореска «Дзюм, дитя Арсопа» Германа Дробиза.

Завершает сборник библиографический обзор «Довоенная советская фантастика», составленный Виталием Бугровым и Игорем Халымбаджой.

Почти все авторы сборника — свердловчане. Гостей только двое — курганец Ф. Сузин и пермяк Е. Филенко.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

ПОИСК-86

Э. БУТИН
Золотой огонь Югры

Ф. СУЗИН
Опоздание

С. ДРУГАЛЬ
Василиск

А. ЧУМАНОВ
Вечная бабушка
Вызывают на связь
Место в очереди
Розовое облако

Е. ФИЛЕНКО
Ловушка для падающих звезд

Д. НАДЕЖДИН
Логово Сатаны

С. ГЕОРГИЕВ
Удар! Го-о-ол!

Г. ДРОБИЗ
Дзюм, дитя Арсопа

В. БУГРОВ
И. ХАЛЫМБАДЖА
Довоенная советская фантастика

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1986

84Р7
П47

Составители

В. Бугров
Л. Румянцев

П47 **Поиск-86.** Приключения. Фантастика: Повести и рассказы/Сост.: Бугров В. И., Румянцев Л. Г.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.— 336 с.

В пер. 1 р. 40 к. 100 000 экз.

Сборник новых приключенческих и фантастических повестей и рассказов уральских литераторов.

П $\frac{4702010200-087}{М158(03)-86}$ 36-86 ББК 84Р7

ЭРНСТ БУТИН

Золотой огонь Югры

1

Деревяииые божки в меховых одеждах плотно, один к одному, лежали в коробе, обтяиутом иалимьей кожей. Плоские, с едва иамечеиными глазами и губами лица фигурок казались сейчас Ефрему-ики торжествеииыми: сегодия еще один из Сатаров должен стать взрослым, еще одии охотиик и рыбак будет у Назым-ях — людей реки Назым.

Старик любовио погладил божков-иттарма, словио прощеиия попросил за то, что беспокоит,— давио ие тревожил, с той поры, как две зимы назад вывез их из урмана Отца Кедров, напугаииый, что к имыиг тахи — святому месту — свериул отряд русских. Страшиый отряд: флаг-хоругвь иосили, а иа флаге том — русский бог по имеии Сусе Кристе нарисоваи. Поп-батюшка, когда еще при царе Микуле приезжал в Сатарово праздиик делать, деньги-пушниику собирать, говорил, что бог Сусе добрый. А люди, которые с флагом этим ходили,— лютые были. Других русики, тех, что главному белому иачальиику Колочаку служить ие хотели, убивали, если иайдут. Да ие просто убивали, а сперва изобьют-изуродуют, пятилепестковые метки иа груди или иа лбу вырежут,— такие метки иосили иа шапках те русики, что до колочаков иедолго правили и после править стали. Эти, с пятилепестковыми зиачками, хорошие русские — купцов прогиали, торговать с речиыми людьми стали честио: много товара за шкурки, за рыбу дают; а те, с богом Сусе, совсем иичего ие давали: олеия отберут, шкурки отберут, меховую одежду отберут, последнюю рыбешку отберут, да еще в лицо смеются. Совсем плохие были колочаки с богом Сусе иа флаге-хоругви. И по урману Отца Кедров как дикие прошли: священиые лабазы и амбарчики поломали, сожгли, больших богов, которых Ефрем-ики вывезти не сумел, порубили. Хорошо еще, что главиое ие нашли...

Ефрем-икн вздохнул, поднял глаза на внсевшую на стене нкону: молодой, в золотой чешуе, в красной развевающейся накндке другой русскнй бог, сидя на белом коне, протыкал копьем крылатого змея, который корчился под копытами. Этого бога руснки Егорнем зовут, а отец объяснил Ефрему-нкн, когда тот был еще совсем маленькнм, что на самом деле нарисован Нум Торым — верховный бог ханты, побеждающнй злого врага своего Конлюнг-икн.

На нкону старнк смотрел недолго, сразу же перевел взгляд ннже — там был прнклеен пожелтевшнй уже лист: царь Микуль с царнцкой нарнсованы. Вокруг Микуля н его жены, в маленькнх кружочках, царевы родственникн и детн — большой род. На царя Ефрем-нкн глядел равнодушно — это от его именн говорнлн, его нменем расправлялнсь люди нз отряда бога Сусе.

Старнк усмехнулся — а все-такн прнгоднлась картннка с царевой семьей: по ней учнл он внука своего Еремея русской грамоте. Мальчнк уже мог отчеканнть без запннкн главную надпнсь: «Трехсотлетне царствующего дома Романовых», а еслн попроснть, то и прочнтать напнсанное вннзу мелкнми буковками.

Ефрем-нкн поглядел на прикрепленный справа от нконы маленькнй портрет Ленина.

В прошлом месяце, Месяце Созревання Черемухн, плавал Ефрем-нки с Еремейкой в Сатарово: вяленую рыбу на соль обменять, новости узнать. И услыхал от Лабутнна, начальннка в Сатарово, хорошую весть — у русскнх вверху по реке кончнлась новая война, которая началась весной. Летом, в Месяц Нереста, как узнал Ефрем-нкн о том, что опять дерутся русскне, очень огорчился: зачем снова стреляют-убнвают, чего делят? Лабутнн объяснил: богатые хотят новую власть нзничтожнть, старые порядкн вернуть.

И вот в последний прнезд Ефрема-икн повеселевшнй Лабутнн объявнл, что война по нменн мятеж прекратилась. И больше выступленнй против Советской властн не будет, потому что для этого нет причнн — так сказал Леннн, а слово Леннна крепче железа. Ефрем-нкн про Леннна знал — это имя часто слышал н в тюрьме, и после освобождення, в тот шумный, полный музыкн, красных флагов, рева толпы первый месяц жизнн без царя. Вернл Ефрем-нкн Ленину — от нменн этого человека говорнлн русскне с пятилепестковыми красными

значками на шапках, когда обещали, что никто больше не будет обижать речных людей.

«Расскажи остякам про Ленина,— сказал Лабутин.— Ваши люди тебя слушаются. Ефрем Сатаров для них авторитет. На, дарю!» Ефрем-ики не знал, что такое «авторитет», но согласно кивнул, приняв в сдвинутые ладони квадратик толстой шероховатой бумаги, всмотрелся в изображение лобастого человека, с острой бородкой, с добрым прищуром глаз. «Ладно. Всем, кого увижу, покажу...»

Ефрем-ики бережно вынул из священного ларя божков, положил их на нары и, затаив дыхание, достал еще одну фигурку, укутанную в самый дорогой, самый редкий мех — мех соболя. Плавными движениями размотал пушистые, волнисто переливающиеся шкурки, извлек из них тускло блеснувшую, в пол-локтя ростом, Им Вал Эви — серебряную дочь Нум Торыма. В литом широком, до ступней, саке, в диковинной, с высоким гребнем, шапке Им Вал Эви, прямоспинная, гордая, выглядела грозно. В правой руке сжимала она длинное, с большим наконечником копье, похожее на то, с каким хаживал Ефрем-ики на пупи — медведя, если пупи начинал маленько плохо вести себя — людей пугать, оленей драть. В левой руке держала Им Вал Эви круглый щит, прижимая его к боку.

Осторожно поставив Им Вал Эви на полочку под иконой так, чтобы лицо суровой дочери Нум Торыма прямо на дверь смотрело, старик деловито прошел к двери. Приоткрыл ее.

Нежаркое утреннее солнце уже показалось из-за макушек сосен на другом берегу Назыма, разогнало жиденький слоистый туманец, бросило на серую воду голубые текучие тени деревьев, высветлило гладкие лоснящиеся бока двух обласов — долбленых лодок, которые лежали на песке отмели днищами вверх, напоминая гигантских рыбин. Подплывал к двери слабый запах дыма, вареного мяса — женщины готовили еду. Поскуливали у лабаза Клыкастый и Хитрая — догадались собаки, что кто-то из хозяев собирается в дальнюю дорогу, посматривали выжидательно на людей, хотя и знали, что сидеть им на привязи до первого снега. Мягкой скороговоркой частил перестук-топоток копыт, заглушаемый хорканьем, всфыркиванием; стремительным росчерком взметнулся над жердями загона тынзян — отец Еремей-

ки, Демьян, отлавливал для сына оленей. Около загона младший брат Еремейки Микулька, который пришел в жизнь семь лет назад, тоже, подражая отцу, метнул свой арканчик, целясь на оленьи рога, которые держала над головой Дашка, его сестра. Эта совсем маленькая, четыре года всего.

Ефрем-ики улыбнулся — хороший бросок у Микульки получился. Петля опустилась до основания рога и резко, рывком затянулась.

Но тут же старик нахмурился — путь внуку дальний, а он еще из стойбища не вышел. Ефрем-ики повернулся в сторону навеса. Там склонился над рыболовными снастями Еремей. Почувствовав взгляд деда, мальчик вздрогнул, выпрямился и, подхватив две плетенные из ивняка ловушки-пун, рысцой побежал к избушке. Бросил морды у входа, вошел внутрь. Ефрем-ики захлопнул дверь, проворчал:

— Долго собираешься, Еремейка!

— Все равно отец еще не отобрал оленей...

— Не о Демьяне, о тебе говорю,— оборвал старик.— Отвечай за себя. Тебе уже два раза по семь лет — большой.— И приказал: — Начинай!

Мальчик торопливо пригладил жесткие волосы, торчащие на макушке. Поднял на икону черные глаза.

— Нум Торым, слышишь меня? Я сейчас на Куип-лор ягун пойду, пун буду ставить. Один пойду, в первый раз один. Дедушка сказал,— мальчик, не отрывая взгляда от иконы, кивнул на Ефрема-ики,— что видел на Куип-лоре чернолицего сына твоего. Скажи ему, чтобы не уходил, пока я с ним не поговорю. Мне пришла пора встретиться с ним, чтобы я тоже имел право называть его пупи...— Он перевел взгляд на серебряную статуэтку.— А ты, Им Вал Эви, скажи бродящему по урману брату своему, что я — Еремей Сатар, сын Демьяна Сатара, внук Большого Ефрема-ики, поэтому пусть ведет себя хорошо! — Мальчик облегченно вздохнул, вопросительно посмотрел на деда.— Все?

— Вроде все,— согласился тот.— Маленько неласково говорил с Нум Торымом, но ничего... Нум Торым знает, что ты мой внук. Не рассердится. Теперь даю тебе ружье...— Ефрем-ики снял со стены карабин, подал его мальчику.— Даю еще свой ремень,— поднял с нар широкий пояс с расшитым бисером качином — мужской сумкой из оленьей шкуры, с ножом в темных деревянных

ножнах с нашнтыми медными кольцамн, амулетамн, медвежьнмн клыкамн.— Покажн пупн зубы его братьев, скажн, что мы, Сатары, нз его рода, пусть слушается тебя. Не захочет — заберн у него жнзнь.

Еремей, сосредоточенно сопя, застегнул на себе пояс деда. Дернул плечом, поправляя карабнн, н, не глядя на Ефрема-нкн, вышел.

Демьян завьючнвал последнего, третьего в связке оленя. Взглянул на старшего сына, задержал взгляд на карабнне.

— Слопцы в урмане посмотрн,— попроснл, стараясь говорнть как можно равнодушней.— Еслн что-нибудь почнннть надо, сделай. Мосткн у запора подправь, колья...

Еремей, скармлнвавшнй рыбу вожаку-хору, кнвнул.

— На сосне Назым-нкн наш знак поставь,— напомнил, выйдя нз дома, старнк.— Это теперь твое место будет. Пусть н богн, н людн знают, что на Кунп-лор ягуне рыбачнт Еремей Сатар,— Ефрем-нкн раскрыл берестяную коробочку, которую крутнл в руках, захватнл щепотку табаку, клубочек белой тальниковой стружки, сунул прнвычно за щеку.— Идн! И так много времени потерял.

Демьян суетливо подал повод сыну. Еремей дернул повод н не спеша, с достоннством пошел от нзбушки.

Женщины, ннзко склоннвшнсь над работой, сделалн внд, как того требовал обычай, будто ннчего не замечают: мать Еремея, вспоров брюхо щуке, сноровнсто выгребла на доску снзые ленты кишок, матово-блестящне полосы молок; бабушка, жена Ефрема-нки, пригнувшнсь к казану, пробовала нз черпака варево, отрешенно глядя в костер. Только Арннэ, подняв ненадолго лнцо от деревянного корыта с тестом, радостно и ободряюще улыбнулась брату.

Ефрем-нки отвел взгляд от удалявшейся спины внука, выплюнул табачную жвачку н вернулся в нзбушку.

И сразу же Демьян сорвался с места, броснлся вслед за сыном. Догнал его уже на опушке молодого ельннка, подступнвшего к стойбнщу.

— Патроны хочу дать,— Демьян одннм движеннем расстегнул офицерскнй ремень, принялся стаскнвать с него брезентовый армейскнй подсумок, но пряжка не пролезала сквозь петлн, цеплялась.— А, ладно, берн так. Вместе с ножом, вместе с поясом!

— Да у меня все есть,— недовольно буркнул мальчик. Похлопал по расшитой сумке Ефрема-ики.— Тут и патроны, и огонь, и все, что надо...

— Ничего, ничего, возьми. Лишнее не будет. И второй нож может пригодиться, мало ли что...— Демьян сунул ему в руки ремень. Еремей нехотя взял пояс, начал, нагнув голову, застегивать на себе.— Патроны все же береги, зря не стреляй,— попросил отец.

Еремей оскорбленно вскинул голову — сам, что ли, не знаю?! Демьян отвел взгляд.

— А с пупи не связывайся,— посоветовал тихо.— Спрячься или убеги, не разговаривай с чернолицым, ну его...

Еремей снисходительно усмехнулся. Лицо его стало насмешливо-жестким.

— Не вернусь, пока не увижусь с чернолицым,— твердо сказал мальчик.— Я тоже хочу называть его пупи!

Демьян глядел вслед сыну, пока тот не исчез за деревцами. Потом понуро пошел назад.

Около лабаза остановился, осмотрелся. Кликнул Микульку — надо поставить чум: завтра или послезавтра должны приплыть с низовьев Сардаковы, чтобы порадоваться — отпраздновать вместе с Сатарами день, когда Еремейка стал настоящим взрослым охотником и рыболовом...

Демьян и Микулька затягивали последний ремень, прикрепляя к жердям чума шкуру-июк, когда Клыкастый и Хитрая заворчали, поднялись с земли, сторожко шевельнули ушами, задрали морды, принюхиваясь, и вдруг звонко, восторженно залаяли. Демьян разогнулся, посмотрел на реку. Микулька, не задумываясь, сиганул на берег, мелькая черными пятками, и запританцовывал в нетерпеливом ожидании на отмели. Женщины выпрямились, застыли. Аринэ подхватила на руки Дашку, поглядывая то на Микульку, то на даль реки.

Дверь избушки распахнулась, появился Ефрем-ики. Повернулся к Назыму: из-за плотного темно-зеленого кедрача, стеной вставшего на мыске ниже стойбища, выплыла русская, сбитая из досок, лодка, в которой сидели четыре мужика в шинелях и мальчишка — на носу. Тяжело и не враз поднимались весла, в воду зары-

вались глубоко, вразнобой — плохие, знать, гребцы, неумелые, да и устали-выдохлись.

Женщины, увидев, что приехали чужие, незнакомые люди, прикрыли лица платками, отвернулись. Ефрем-ики и Демьян переглянулись.

— Вота она! Сатар-хот! [1] — донесся из лодки радостный мальчишеский вопль.— Она — Сатарват!..[2] Пэча, Микулька-а-а...

— Пэча вола, Антошы-ы-ыка-а-а... Пэча вола!

Лодка круто вильнула и, дергаясь, переваливаясь с борта на борт, пошла к берегу. Ткнулась в отмель рядом с обласами, зашуршала днищем по песку. Мальчишка в серой до колен рубахе выскочил на берег, заулыбался во весь рот, но, увидев неласковые глаза Ефрема-ики, съежился. Микулька подскочил к нему, принялся дергать за руку, теребить.

Ефрем-ики перевел взгляд на чужаков. Гребцы — широкогрудый, большерукий парень и жилистый носатый мужик с всклокоченной бородой — мельком и равнодушно взглянули на хозяина стойбища, подняли со дна лодки винтовки. Подобрав полы шинелей, неуклюже выбрались через борт. Третий, тот, что, надвинув фуражку с блестящим козырьком, сидел, ссутулившись, на корме, лениво поднялся, перекинул через плечо выгоревшую котомку. Вышагнул на берег, оглянулся на четвертого — щуплого, с черной кучерявой бородкой. Тот растирал затекшую ногу, но под взглядом человека с котомкой вскочил. Выпрыгнул на песок и, прихрамывая, направился к хантам.

— Ну, здравствуйте, господа Сатаровы! — Он засмеялся.— Давненько не виделись. Соскучились, чай, без меня, любезные?

— Зачем приехал, Кирюшка? — спросил Ефрем-ики.

— Большого русского начальника привез. Очень большого! — Кирюшка показал взглядом на человека с котомкой.— Уважь этого русики, сделай, что попросит. Понял?!

— Моц хо — торым хо,— серьезно ответил Ефрем-ики и повторил по-русски: — Гость — человек бога... Как звать тебя? — спросил у человека с котомкой.

---

[1] Дом Сатаров (*хант.*).
[2] Селение Сатаров (*хант.*).

— Забыл, как к большим людям обращаться? — Кирюшка грозно сдвинул брови.

— Оставьте,— поморщился начальник.— Вы хорошо говорите по-русски... э-э, почтеннейший Ефрем Сатаров. Думаю, мы найдем общий язык. А звать? Можете звать меня хоть товарищем... Но лучше все же — «господин Арчев».

— Ладно,— согласился Ефрем-ики. Приказал через плечо сыну: — Заколи Бурундучиху. Скажи женщинам: пори варлы. Моц ях!

— Праздник будет. Гости,— негромко перевел Кирюшка Арчеву.

Ефрем-ики развернулся, пошел к чуму для гостей, уверенный, что все четверо следуют за ним, однако шагов не услышал. Удивленно оглянулся. И нахмурился.

Курчавый Кирюшка, изогнувшись, осклабившись, уже открыл дверь в избушку, пропуская Арчева. И едва тот вошел, скользнул за ним. Следом — уверенно, по-хозяйски — скрылись в дверях гребцы.

Когда вошел и Ефрем-ики, Арчев сидел на нарах, почесывал задумчиво светлую щетину на подбородке и с интересом разглядывал поблескивающую в свете верхнего, открытого на лето окна фигурку Им Вал Эви. Кирюшка стоял посреди избушки, заложив руки за спину, и тоже не отрывал глаз от дочери Нум Торыма.

На стук двери он медленно повернул голову, смерил хозяина стойбища тяжелым взглядом, усмехнулся.

— А этот зачем у тебя? — повел рукой на портрет Ленина.

Ефрем-ики сел на чурбак около чувала, достал коробочку с табаком. Покосился на гребцов, которые застыли слева и справа от входа.

— Власть,— старик заложил порцию табака за щеку, сунул туда же стружку-утлап. Пожевал.— Твоего хозяина, Кирюшка, купца Астаха выгнал, тебя выгнал. Речных людей обманывать запретил... Хорошая власть!.. Не то что Колочак.

— Хорошая власть...— передразнил Кирюшка и сжал кулаки.— Что ж ты в таком разе, пенек таежный, августейшую фамилию оставил?— Показал глазами на лист с семейством царя.

— Давно висит. Пущай себе... Больно одежда на царе с царицкой красивая. Из наших зверюшек, поди, сшили.

— Вот дожили, язви тя в душу,— вздохиул пожилой гребец, и длиииое лицо его стало оскорблениым.— Помазаииика божьего токмо из-за одежки и почитают шайтаищики. Как же это, Степа? — Пристукиул прикладом о пол.— Оие ведь хрещеиые аль иет?

— Хрещеные, Парамонов,— подтвердил иапариик.— Только я так думаю, что энтот остячишка,— и лениво, сонно посмотрел иа старика,— большевик. Вишь, и бороду, как у главаря ихиего, завел. Под иего, знать, ладится. Тутошиим председателем Совиаркома себя, иебось, миит...

Парамоиов сморщился, захихикал, словио завсхлипывал; Степаи широко раскрыл рот, иабрал побольше воздуху и захохотал. Рассмеялся и Кирюшка. Даже Арчев улыбнулся — иехотя, ие разжимая губ.

Ефрем-ики невозмутимо посматривал иа неизвестио с чего развеселившихся чужаков.

Кирюшка иетороплиTво потянулся через иары к стеие, сорвал портрет Лениииа. Смял, отбросил вялым и небрежиым жестом под иоги хозяииу стойбища. Ефрем-ики ие шелохиулся, только табак жевать перестал.

Кирюшка выпрямился, охлопал ладони, показал пальцем иа статуэтку.

— А это у тебя кто? — и скосил глаза на Арчева.

— Нум Торыма дочь,— спокойио поясиил Ефрем-ики.— На охоте помогает, видишь, с копьем,— и перевел тяжелый взгляд иа Степана.

Тот, покряхтывая, присел иа корточки, цапиул двумя пальцами скомкаиный портрет и брезгливо швыриул его в печку.

— Откуда у вас эта фигурка? — хрипло спросил Арчев. Кашляиул, прочищая горло.

— Стояла в урмаие Отца Кедров. Мой отец, отец моего отца там с ней, с Им Вал Эви, разговаривали. А я сюда принес. Две зимы назад. Когда колочаки зачем-то в имыиг тахи свериули,— Ефрем-ики выплюиул черно-зелеиую табачиую кашицу, растер ее пяткой.— Зачем ты туда ходил, Кирюшка? — поиитересовался, не подиимая головы.

Парамоиов и Степаи иасторожились. Арчев прищурился.

— Разве я тех иехороших людей на имынг тахи водил?! Не я, ей-богу,— прижал ладоии к груди Кирюшка, заморгал оскорблеиио.— Ваш же остяк, Спирька,

привел. Помнишь Спирьку-то? Старшиной в инородческой управе был...

— Водил Спирька колочаков, знаю,— кивнул Ефрем-ики.— Нету больше Спирьки. Потому тебя и спрашиваю: чего там искал? — Подождал, но Кирюшка не ответил,— лишь руками развел: знать, мол, не знаю.— Ладно,— старик уперся ладонями в колени, поднялся с чурбана.— Поедим маленько.

Посмотрел на дверь. Та открылась. Внутрь скользнула старуха, прикрывая лицо краем белой с алыми цветами шали. Шмыгнула в левый угол, достала два низеньких столика, проворно поставила их на нары и быстро вышла. Тут же в дверях показался Демьян. Улыбаясь, нес он долбленое корытце, в котором бугрился, мокро поблескивая, светло-коричневый ком сырой оленьей печени. Мелко семеня, склонив голову с надвинутым пестрым синим платком, вплыла вслед за мужем мать Еремея, бережно неся берестяную чашу, до краев наполненную исходящим паром лакомством — варкой: икрой, сваренной вместе с молоками и рыбьей печенью. За матерью, еле ступая от смущения, появилась Аринэ, так закутанная в зеленую с золотыми разводами шаль, что видны были только черные, расширенные любопытством глаза. Она несла деревянное блюдо с распластанной, матово розовеющей тушкой муксуна. Замыкал шествие Микулька. Надув от усердия щеки, нес он берестяную посудину с крупной, густо-красной брусникой, весело посверкивающей точечками бликов.

Арчев снял фуражку, пригладил короткие золотистые волосы. Рывком расправил плечи, сбрасывая за спину шинель. Достал из котомки фляжку.

Степан заулыбался, торопливо повесил винтовку на стену. Сел рядом с Арчевым, заерзал. Парамонов стянул с головы мятую солдатскую папаху, поплевал на ладонь и тоже, как и командир, пригладил реденькие волосы. Винтовку не выпустил,— присев на краешек нар, зажал ее меж колен. Кирюшка, выдернув из ножен тесак, склонился над оленьей печенью.

— Маленько подожди,— Демьян удержал его за руку.— Отца подожди надо,— показал взглядом на Ефрема-ики.

Старик расшвырял в углу нар спальные шкуры, извлек из-под них бутыль, налитую розоватым. Поставил

ее между столиками. Подождал, пока выйдут женщины, притащившие котел с вареным мясом, казанок с ухой, сочные, насаженные на прутья ломти жареной щуки, лепешки. Демьян вскочил, встал рядом с отцом. Строго глядя на Георгия Победоносца, Ефрем-ики негромко заговорил.

Арчев вопросительно поднял глаза на Кирюшку.

— Молится, к богу тутошнему обращается,— торопливо начал переводить тот.— Ты, мол, Нум Торым, и вы, дети его, к вам, дескать, взываю. Когда, говорит, будете делить удачу, не забудьте и моих гостей, нас то есть. Отведите, говорит, от них беду, помогите им, стал быть, во всех делах...— подождал, когда смолк старик, выкрикнул весело: — Аминь! — И деловито принялся разливать из бутыли в приготовленные хозяевами кружки, плошки.

Парамонов, закатив глаза, истово перекрестился. Степан тоже перекрестился, но небрежно, меленько, точно от мух отмахнулся, и проворно схватил самую большую кружку.

— Ну, с богом! — Арчев налил себе из фляжки в крышечку-колпачок.— Долгих вам лет жизни, хозяева! — Поднес стопочку к губам, отхлебнул.

Ефрем-ики, глядя на него, тоже сделал лишь крохотный глоточек и отставил плошку. Демьян же выпил свою порцию всю: скривившись, не дыша.

Парамонов, Степан и Кирюшка, настороженно наблюдавшие за хозяевами, решились: хакнули, выпили залпом. И выпучили глаза, оцепенели от неожиданности — розовенькая водичка оказалась подкрашенным спиртом.

— Шибко сердитая? — Демьян, зажмурившись, захихикал, покрутил головой.— Отец давно держит, мне не дает. Для большой праздник, сказал.

Кирюшка, отпластав ломоть печени, вцепился в нее зубами. Промычал что-то, пережевывая. Парамонов и Степан даже не взглянули на хозяев стойбища — с жадностью накинулись на пищу: постанывали, вытирали рукавами пот и лоснящиеся губы, чавкали и опять жевали, жевали, сотрясаясь изредка от отрыжки. В такие мгновенья Арчев, осторожно выбиравший косточки из жареной рыбы, цепенел. Ел он мало и неохотно, спирт не пил вовсе.

Когда гости насытились и Кирюшка принялся вылав-

ливать тесаком сгустки икры из варки, Степан выбивать на столик костный мозг из мослов, а Парамонов потянул из кармана засаленный кисет, Ефрем-ики спросил:

— Какие вести на реке? Начальник Лабутин говорил: война опять была. Кто воевал, зачем?

Кирюшка подавился икрой, заперхал, мотая над столиком кудрями.

— Эвон какие у тебя друзья-приятели! — Степан замер с поднятой в замахе костью.— Уж не для товарища ли Лабутина ты выпивку-то припас, а? — Уперся в старика мутным пьяным взглядом.

— Погодь, Степа, чего вызверился? — Парамонов вцепился ему в запястье.— Мы, мил человек, воевали, мы,— повернулся он к Ефрему-ики.— Всем миром, значит-ца, пошли против антихристов-большевиков. Да побили нас, вишь ли...

— Эт-то кого побили? — прокашлявшись, заорал Кирюшка.— У нас пере... пересид... тьфу ты! Пере-дислокация, во!— С силой воткнул тесак в столешницу.— Мы есть восставший народ... Бей жидов, спасай Россию! Уря-а-а Советам без коммунистов! Понял, харя немытая? — И потянулся скрюченными пальцами к бороде старика.

— Прекратить балаган! — рявкнул Арчев.— Не сердись, старик,— он постарался улыбнуться Ефрему-ики, но глаза оставались холодными.— И людей моих пойми: нас действительно разбили. Поэтому и пришли к тебе. Выведи нас на Казым. Надо обойти большевиков стороной. Поможешь?

— Зачем воевал? — спросил Ефрем-ики, глядя ему в глаза.

— Во баран! — возмутился Кирюшка.— Говорят тебе: за Советы без коммунистов!

— Господин Серафимов прав,— Арчев небрежно кивнул в его сторону.— Но вам, остякам, трудно понять это. Вас тайга да река кормит, а русский мужик от хлебушка зависит.— Поднял кусок бурой лепешки.— У вас вот, пожалуйста, мука имеется, хоть вы не сеете, не пашете. А у русского мужичка мучицы нету!

Степан угрюмо кивнул. Парамонов, облизывавший толстую самокрутку, склеивая шов, зло сплюнул под ноги.

— Вот куда, язви их, ржица с пашеничкой идут — к инородцам!

— Мы за муку пушнину даем,— спокойно ответил Ефрем-ики.

— Пушнину?! — взревел Степан.— Аль ее жрать можно, пушнину тую?

— Тихо! — властно потребовал Арчев. И снова, теперь уже ласково, к Ефрему-ики: — Верно, вы платите за муку. А куда все это идет? Меха комиссаршам на шубки, икра да рыба туда же, куда и мужицкий хлеб, коммунистам на стол. А крестьянин не то что икру, мякину не видит. Все до последнего зернышка у него отбирают!

— Продразверстка, мать ее в душу! — Степан скрипнул зубами.

— Коммуния, хе-хе,— Парамонов покрутил головой.— Все обчее, особливо воши.— Захватил губами цигарку и принялся высекать кресалом огонь.

— Однако Лабутин говорил: нет больше разверстка.— Ефрем-ики насмешливо смотрел на Арчева.— Мужику хлеб оставлять будут. Торговать можно. Зачем воевали?

— Брешет твой Лабутин,— взъярился Парамонов. Стукнул прикладом о пол.

— Ох, дед, дед, знать, ты насквозь красный,— покачал головой Степан.— Видать, надоело тебе по земле топать,— выдернул самокрутку изо рта Парамонова, глубоко затянулся, пыхнув в лицо Ефрема-ики и сонно разглядывая его.

— Я вижу, ты много знаешь, старик,— удивленно протянул Арчев.

— Много,— серьезно согласился Ефрем-ики.— Закон тайги, закон воды знаю. Злых, добрых шайтанов знаю — слушаются меня. Язык русики знаю, читать по-вашему умею...

— Еремейка шибко хорошо читать может,— Демьян счастливо заулыбался.— Сын мой, Еремейка,— пояснил, горделиво постучав себя по груди.— Больно умный Еремейка, все понимат. А я нет, я плохо понимаю,— засмеялся, потянулся к бутыли.— Зачем ругаться? Песни петь будем, весело говорить будем. Давай?

— Где же ты всему обучился, старик? — снисходительно спросил Арчев.

— В остроге, поди. Где же еще,— зло буркнул Ки-

рюшка.— Я ж рассказывал вам... Там, у политических, башку-то себе и задурнл. Был благонамеренным — стал сволочью.

— Да уж, после арестантских университетов благонадежности не жди,— кивнул Арчев.— Ничего, Ефрем-ики свой грех искупит. В шестнадцатом помог эсдеку от властей уйти, сейчас нам поможет. Верно?

— Помогу,— пообещал Ефрем-ики.— Закон тайги говорит: помоги тому, кто в беде. Помогу... Тебе власть не нравится — твое дело. Много есть людей... Есть русики, есть ханты, есть манси... Кто хороший, кто плохой, как сразу поймешь? Кирюшка плохой, знаю. Тебя не знаю,— повернул голову к Арчеву.— Ханты не обижал, меня с Демьянкой не ругал, побить не хотел. Помогу, выведу... Только зачем на Казым хочешь? В реку Ас попадешь. А там везде большевики, везде власть. Поймают. Думаю, тебе на Надым надо. А потом по тундре в Обдорск.

Арчев достал из котомки потертую, сложенную во множество квадратов карту, развернул ее, решительно сдвинув посуду, объедки. Потом вынул из нагрудного кармана френча некогда белый, а теперь серый от грязи прямоугольник батиста, положил его на карту, разгладил ладонью.

— Ачи, лейла, мынг пусив![1] — Демьян засмеялся, уставился на тряпицу с вышитыми на ней извивами рек, плавными закруглениями болот. Ткнул пальцем в один рисунок, потом в другой, точно такой же: раскинул руки, раздвинул ноги человечек; в нем — еще один.

Ефрем-ики нагнулся к лоскуту.

— Спирька, знать, рисовал? — Поднял на Арчева глаза.— Знаю, зачем рисовал. Святые места метил. Это урман Отца Кедров, где Им Вал Эвн стояла,— показал на маленький рисунок.— Это эвыт, Нум Торыма место,— показал на другой рисунок. И выпрямился.— Зря метил Спирька,— пренебрежительно махнул рукой.— Много лет не живет тут Нум Торым. Старая метка, не годится.

Гости смолкли — Степан замер, не донеся до рта обслюнявленный окурок; Парамонов, вцепившнсь двумя руками в ствол винтовки, воззрился на начальника вопрошающими глазами; Кирюшка вытянул шею, гулко проглотил слюну, натянуто и недоверчиво заулыбался.

---

[1] Отец, смотрн, наша метка (наш знак) *(хант.)*.

— А где сейчас священное место Нум Торыма? — спросил словно бы скучающим тоном Арчев.— Ты знаешь?

— Как не знать? — удивился старик.— Я знаю, сын мой знает,— повел глазами на Демьяна, тот кивнул подтверждающе.— Его сын, Еремейка, знает. Микулька только не знает — маленький еще... Я умру, Демьян старшим у Назым-ях станет. Демьян умрет, Еремейка старшим станет. Старший Сатар должен знать, где Имынг Тахи Нум Торым. Закон такой у нас, у ханты...

— Покажешь мне новый эвыт,— перебил Арчев.

Ефрем-ики сдержанно улыбнулся.

— Только Сатары, только мужики нашего рода должны знать, где эвыт. Другие ханты не знают. Ни Казым-ях, ни Аган-ях, ни Надым-ях. Даже Ас-ях не знают, нельзя... Тебе, русики, совсем нельзя. Закон такой.

— Мне можно,— Арчев дрогнул ноздрями. Вытащил не спеша из-под полы френча револьвер, навел его на Ефрема-ики.

— Слава те, осподи, настал час! — Кирюшка радостно перекрестился.— Я те покажу: Кирюшка плохой! Я те покажу...— Он рывком вскинулся, размашисто ударил старика в скулу.

Ефрем-ики шатнулся от удара, резко опустил руку, чтобы выхватить нож, но ножа не было — отдал внуку. Степан облапил старика сзади, сдавил, засипел в ухо:

— Не трепыхайся, не трепыхайся... Силен бродяга, мотри-кось ты!

Демьян, вмиг протрезвев, взвизгнул, оскалился, тоже стремительно провел ладонью вдоль пояса и тоже не нащупал нож. Оттолкнувшись от нар, вскочил и метнулся к двери. Распахнул ее ударом ноги, крикнул истошно:

— Ляль юхит! Каняхтытых!..[1]

Грохнул выстрел. Демьян взметнул руки, выгнулся назад и плашмя упал на спину. Кирюшка, сорвавшийся вдогонку за ним с нар, перемахнул через тело, юркнул наружу, даже не оглянувшись.

Парамонов передернул затвор — блеснув, выскочила гильза, запрыгала по плахам пола.

— Остолоп, надо было подбить его, и только,— недо-

---

[1] Беда пришла! Убегайте! (*хант.*).

вольно проворчал Арчев.— Так нет же, лупишь наповал.

— Виноват, вашбродь! — Парамонов вскочил, приставил винтовку к ноге.— Я не размышлямши. Рука сама сработала.

— Вечно вы... не размышлямши,— Арчев дернул верхней губой.— Отпусти старика! — приказал Степану.

Тот нехотя разжал руки. Ефрем-ики повернул голову, увидел тело сына, ссутулился.

— Ну, поведешь на капище Нум Торыма? Если нет, тогда...— Арчев приставил дуло к виску старика.— Только легкой смерти не жди. Умирать будешь долго.

— Пугаешь? — Ефрем-ики ладонью отвел револьвер.— Не боюсь.

Лицо его отвердело, глаза расширились, превратились, казалось, в сплошные зрачки. Он плавно повел рукой, выдернул без усилия тесак, глубоко вонзенный Кирюшкой в столешницу. Степан вцепился в кулак старика, но тот медленно повернул к нему голову и от жуткого, остановившегося взгляда хозяина избушки мужик поежился, расслабил пальцы.

— Смо-три,— глухо сказал Ефрем-ики и все так же замедленно потянул рубаху за ворот. Ветхое, застиранное полотно разорвалось с легким шорохом, открыв грудь с одрябшими мышцами. Ефрем-ики, глядя уже в глаза Арчеву, прижал клинок к телу и, не поморщившись, не вздрогнув, повел не спеша тесак вниз и наискось. За лезвием прорисовалась алая полоска, которая сразу же превратилась в широкую, ярко-красную на белой коже, ленту крови, стекающей под рубаху.— Гля-ди, не бо-ольно-о-о...

Арчев, слегка зажмурившись, мотнул головой, отгоняя видение. Парамонов, вскинув винтовку, успел отбить руку Ефрема-ики, когда жало клинка уже почти коснулось шеи Арчева. Тесак выпал, воткнулся с легким стуком в пол. Степан вздрогнул, словно проснулся, навалился со спины на старика, подмял его, запыхтел.

— Ишь чего, колдун плешивый, удумал: глаза отводить! — Парамонов нервно хихикнул, наложил пятерню на лысину Ефрема-ики, толкнул несильно.— Спасибички скажите, вашбродь, что я в зенки его лешачьи не смотрел, за кинжалом следил.— Задрал голову, почесал сквозь взлохмаченную бороду подбородок.— А энтим фокусам — по живому мясу резать - меня не напужаешь. Еще чище умею: звездочками...

— По чужому телу,— отрывисто уточнил Арчев. Потер лоб кулаком, в котором держал револьвер, передернул плечами.— Черт-те что! Вульгарный гипнотизм, а я, как гимназистка... Не придуши его, олух! — прикрикнул на Степана.

Тот отпустил старика, поглядел набычившись на испачканные кровью ладони, вытер их о штаны.

Ефрем-ики с трудом распрямился, покрутил головой, потискал пальцами горло. Стянул рваную рубаху на груди, прикрывая багровый, теперь уже слабо кровоточащий рубец и замер, прислушиваясь.

Снаружи доносились крики, плач, подвывание, перекрываемые свирепым, захлебывающимся лаем Клыкастого и Хитрой. Хлопнули один за другим два выстрела — собаки, пронзительно взвизгнув, смолкли.

Аринэ с Дашкой, жена Демьяна с Микулькой на руках, старуха показались все разом в дверях и тут же отшатнулись, отпрянули, оборвав стенания,— увидели на полу убитого.

Кирюшка, взмахивая наганом, тычками и пинками загнал в избушку женщин. Те, не пряча больше свои лица, робко обогнули тело Демьяна, остановились над ним недвижно. Дашка захныкала, но бабушка закрыла ей лицо ладонью, прижала девочку к себе.

— Ну, милые дамы, отвечайте,— Арчев поднял над столиком револьвер, щелкнул предохранителем.— Кто отведет нас на имыг тахи? Ты? — направил оружие на старуху.— Ты? — повел стволом в сторону жены Демьяна.

— Зачем баб пугаешь? — презрительно спросил Ефрем-ики.— Говорил тебе: мужики Сатары знают, бабы — нет... Теперь только я да Еремейка знаем.— Смело и зло поглядел в глаза гостя-врага.— Еремейка далеко, а я не скажу.

— Скажешь, морда остяцкая!— Кирюшка замахнулся на него, но Арчев удержал сообщника за руку.

— Хочешь жить, красавица? — Он прицелился в Аринэ.— Где Еремейка?

— Не нада-а-а... Не убей! — взвыла девушка, не отрывая переполненных ужасом глаз от черной дырочки дула.— Ушел Еремейка! Куип-лор ягун ушел...

— Мос! Суйлэх вола! [1] — рыкнул дед. И когда внуч-

[1] Хватит! Молчи! (*хант.*)

ка резко, точно ей под коленки ударилн, присела, повернулся к Арчеву.— Как Кунп-лор найдешь? — Ненавндящнй взгляд старика пропитался язвительностью.

— Найду,— уверенно пообещал Арчев.— Мать объяснит дорогу.— И, показав револьвером на Микульку, коротко кивнул Кнрюшке.— Займнтесь мальчиком, Серафнмов.

2

Похожнй на черный утюг, шнрокнй, с ннзенькнмн бортами пароходнк, на кожухах колес которого белело подновленное н исправленное «Советогор» вместо «Святогоръ», лихо развернулся боком к берегу н заскользнл по светлой от солнца реке. Колеса, взблескивая мокрымн плицамн, вращались все медленней н медленней н наконец замерли. Обвис на корме красный флаг.

— Самый малый назад! — склоннвшнсь к переговорной трубе, приказал капнтан, чем-то неуловимо напоминающнй свой пароход: такой же потрепанный годамн н жнзнью, но все еще бодренькнй, крепенькнй, кругленький. Приложнлся ухом к раструбу, выслушал. Снова прижался губамн к трубе.— Да, да, Екнмыч... Ну ты сам знаешь, как надо, чтобы не сноснло. Добро! — Поставил ручку машинного телеграфа на «стоп».— Вот н Сатарово, товарнщ Фролов, дорогой мой, так сказать, старпом.

Фролов, худой, сутуловатый, в кожаной тужурке, разглядывал в бинокль берег. Хмыкнул, покоснлся на капнтана — не издевается лн? Но тот смотрел открыто, бесхитростно, чуть лн не радостно, хотя радоваться было нечему: пароход вышел почтн без команды — ннкакого «пома» у капнтана не нмелось. Сам себе помощннк, сам себе штурман, сам и боцман. Даже механиков не было. Хорошо хоть, что удалось отыскать перед отплытнем двух машнннстов, не сбежавшнх во время мятежа нз города: старнка Екнмыча н молоденького Севостьянова.

«Советогор» дернулся назад, качнулся и застыл на месте. Капитан взглянул на круглые, в медном ободке часы над штурманским столом.

— Прнбыли, можно сказать, по распнсанню,— он довольно потер рукн.— Как в добрые старые времена.

— Я не счнтаю старые времена добрымн,— не от-

рывая от глаз бинокля, заметил Фролов.— Лучшие годы — будущие годы. Есть возражения?

— Кто же возьмется это оспаривать? — Капитан благодушно рассмеялся. Потянул ручку сирены. Гудок, засипев, взвыл мощно и голосисто, но тут же оборвал свой рев — Фролов ожег капитана взглядом.

— Отставить! — потребовал возмущенно.— Зачем их предупреждать?

Басовитый вскрик парохода прокатился по глади реки, по бело-песчаному берегу, ударился о крутой, точно срезанный, склон горы, под которой приткнулось с десяток изб и избушек, и, ослабленный, вернулся назад.

— Положено гудок давать,— сконфуженно начал оправдываться капитан.— Да и нет в фактории контры. Видите, словно вымерло...

— Вижу, вижу,— проворчал Фролов.— А если они где-то рядом? Услышат сирену — насторожатся...— Фролов с силой потер подбородок. Сжал его в ладони.— Ладно, будем высаживаться... В поселке определенно кто-то есть: может, хозяева, может, засада, а может, просто-напросто остяки. Но есть.

— Туземец тоже всякий бывает,— буркнул капитан.

Но Фролов уже распахнул дверь рубки, приказал:

— Взвод Латышева, на берег! Остальные — ждать сигнала!

Залегшие вдоль борта разношерстно одетые мужики и парни с винтовками зашевелились. Часть из них, пригнувшись, пробежала к корме, несуетливо расселась в спущенной на воду шлюпке.

Последним в нее спрыгнул Фролов. Хватаясь за плечи бойцов, пробрался на нос, где скрючились у пулемета девушка в алой косынке и стоял в полный рост Латышев — тоненький парнишка в малиновых галифе, в суконной гимнастерке, перетянутой ремнями портупеи.

Как только шлюпка врезалась в отмель, бойцы сиганули через борта, помчались от реки, петляя на берегу, рассыпаясь и растягиваясь в неровную цепь. Упали, замерли, держа под прицелом поселочек, поглядывая то на девушку, окаменевшую за щитком «максима», то на командиров.

— Смотрите, никак депутация! С хлебом-солью встречают,— удивленный Латышев показал револьвером на самый большой дом, который стоял близ амбара.— Или — военная хитрость?

От дома шли желтоволосый, похожий на гриб-боровичок, мальчик-крепыш, босоногий, в белой рубашке, и сухонький старик в голубой косоворотке и тяжелых смазных сапогах. Он нес на вытянутых руках деревянную резную чашу, накрытую расшитым узорами полотенцем.

Фролов не торопясь вложил маузер в кобуру и вразвалку двинулся навстречу деду и мальчишке. Латышев, оглянувшись на бойцов, взмахнул рукой — вперед, вперед! — и засеменил за Фроловым.

— Милости просим в Сатарово,— старик остановился в двух шагах от командиров. Поклонился.

— Ты что это комедию ломаешь, дед? — раздраженно спросил Фролов, увидев в чаше, которую держал старик, туесок с крупной, зернышко к зернышку, бледно-розовой икрой и скромненькую россыпь черных сухарей.

— Извиняйте за таку хлеб-соль,— старик виновато заморгал круглыми светлыми глазами.— Обнишшали. Хлебушек не помним, когда и едали. Не обессудьте, люди добрые, примите.— Он, опять поклонившись, протянул чашу Фролову.— Слава те, господи, что хучь сухариков-то горстку нашли. Нетути и сухариков-то. Последние реквизировали у нас намедни...

— Кто? — отрывисто спросил Фролов.— Кто реквизировал?

— Мы не в обиде,— торопливо заверил дед. Отвел взгляд, зачастил, наблюдая за девушкой в красной косынке, которая быстрым, летящим шагом приближалась к ним: — Не, не, мы супротив ничего не имеем. У них и мандат с печатью губернского Совета. Оказывать, написано, всяческое содействие, препятствия не чинить...

— На чье имя мандат?.. Когда они были? — в один голос поинтересовались Фролов и Латышев.

— Пfive ден тому,— встрял в разговор мальчик.— Есеры оне. Соцьялисты-революционеры, значит. А старшой у них господин-товарищ Арчев.

Фролов и Латышев переглянулись.

— Ух ты, серьезный какой! — засмеялась девушка и с ходу стремительно присела перед мальчиком.— А как тебя звать, а кой тебе годик, мужичок с ноготок?

— Ежели по поэту Некрасову, то следоват: «Шестой миновал!» — залебезил старик, поглядывая то на

командиров, то на девушку.— А Егорию два раза по шесть. Двенадцать, стал быть...

— Отпусти, не замай! — Егорушка отступил на шаг.

— Егор, значит. А меня звать Люсей,— девушка смотрела на него веселыми синими глазами. И вдруг, резко выкинув руки, схватила мальчика за плечи, притянула к себе.— А теперь,— шепнула ему в ухо,— представь нам дедушку. А то нехорошо получается.

— Чего? — не понял Егорушка. Но, сообразив, потеплел взглядом.— А-а... Никифором Савельевичем его звать. Его и покойный товарищ Лабутин завсегда заместо себя оставлял.

— Убили, выходит, Лабутина? — нахмурился Фролов.

— Убили гражданина Лабутина, убили...— подтвердил старик. Хотел перекреститься, но, испуганно взглянув на Фролова, на Латышева, не донес руку до лба, потеребил узкую бородку.— Вона и могилка его,— показал взглядом на черный холмик вдалеке.— Социялисты-революционеры приговорили и порешили... А вы, извиняйте, кто будете? — спросил почти бодро, но испуг в голосе скрыть не сумел.

— Части особого назначения,— сухо пояснил Латышев, глядя в сторону могилы.

— Так, так, особого...— Старик пожевал губами, зажал в кулаке бороденку.— С полномочьями, получается. С правами...

— Может, пройдем куда-нибудь в помещение? — кашлянув, предложил Фролов. Он, неловко держа в вытянутых руках подношение деда Никифора, переступил с ноги на ногу.— Надо кое-что уточнить.

— Ах ты, господи, ну конечно же. Айдате в контору, а то притомил я вас,— старик суетливо развернулся к дому.

— Флаг республики почему не вывесили? — шагая за ним, спросил Латышев.

— Флаг-то? Дак его господин-товарищ Арчев на портянки себе пустил. Был у нас флаг, само собой. Был. Как же без флага-то? — Старик тяжело поднялся на крыльцо, распахнул дверь.— Прошу, люди добрые, можете располагаться. Правда, тута мы с внучонком живем, но не беда — потеснимся...

— Об этом не может быть и речи,— оборвал Фролов.

Пропустив вперед Люсю и все так же торжественно

несся хлеб-соль, он вошел в сени. Латышев же задержался на крыльце.

Оправил под ремнем гимнастерку, обвел внимательным взглядом поселочек, посмотрел на вершину поросшей сосняком горы. Прислушался, глянул на ожидающих команды бойцов, которые выстроились по ранжиру в плотную шеренгу. И приказал низенькому, плечистому левофланговому в лоснящемся от машинного масла бушлате:

— Матюхин, ты — часовой! Остальным — личное время. Р-р-разойдись!

Шеренга мгновенно распалась — бойцы, стараясь не громыхать ботинками, сапогами, прикладами, потянулись в дом.

В горнице — она же кухня, спальня, она же канцелярия деда Никифора — часть чоновцев скромненько села на широкую лавку около печки, другие прислонились к простенкам.

— Вот мой мандат, Никифор Савельевич,— Фролов достал из кармана гимнастерки бумагу, протянул старику.

Тот развернул ее, прочитал, шевеля губами. Покрутил в руках, посмотрел даже, не написано ли чего на обороте.

— А партийного документа, извиняюсь, у вас нету? — и отвел глаза.

— Есть и партийный,— Фролов не торопясь вынул из того же кармана гимнастерки тонюсенькую книжечку.

— Российская коммунистическая партия,— многозначительно взметнув брови, проговорил старик, отделяя каждое слово. И вдруг выкрикнул срывающимся голосом: — Ташши отчетность, Егорка! Законна власть пришла!

Мальчик, крутнувшись на пятке, рванул за кольцо лаза в подпол, откинул крышку. И мигом исчез в квадратной дыре.

— Можно ваши книги посмотреть? — спросила Люся, подойдя к полке.— У вас тут такие редкие, старинные издания.

— Смотрите, сделайте милость, коли хочется...— Старик заулыбался.— Книги и впрямь редкие и старинные, это вы правду сказали. Я их, почитай, из огня вытащил, когда в семнадцатом годе губернаторов особняк громили. Очення жалко мне стало эти редкости,

потому как уважаю ученость,— любовно провел пальцем по потертым кожаным корешкам.— Сызмальства уважаю, с той поры, как служил мальчиком в книжной лавке госпожи Гроссе. Тогда-то и к сурьезному чтению пристрастился...— Он, склонив голову, полюбовался на свои сокровища, вздохнул.— Одну вот не уберег. «Историческое обозрение Сибири» господина Словцова. Лиходей Арчев забрал. Про род евонный вогульский тама написано.

— Деда, примай! — Егорка вынырнул по грудь из подпола, шмякнул о доски прямоугольным свертком в холстинке.

Никифор подскочил к внуку, подхватил сверток. Выкрикнул бесшабашно:

— Теперь, Егорий, мечи весь провиант. Весь, до последнего зернышка!

Шагнул к Фролову, положил сверток на стол.

— Вота! Вся наша с товарищем Лабутиным документация тута. Сдаю вам, товарищи советские начальники.— Никифор поджал губы, вскинул воинственно бородку.— Готов ответить за все статьи дохода-расхода. Тута все до малой полушки расписано, включая и грабеж господ есеров.

Фролов размотал холстинку. Подошла и Люся, заложив палец меж страниц полураскрытой книги. Присела рядом с Фроловым, тоже к бумагам склонилась.

— Это по рыбе, это по мясу,— дед Никифор бережно, щепоткой, подхватывал за уголки листы, откладывал их в сторону.— Это поступление товара для обмена... А это самая главная — по пушнине.

Люся развернула бумагу. И ошеломленно подняла на старика глаза.

— Неужто бандиты все меха забрали? Как же вы допустили такое?!

— Дак, милые мои, кто ж знал...— Никифор растерялся.— Мы пушнинку упаковали, ждем-пождем: пораде и забирать... А тута Арчев и заявись. Он ведь тоже не дурак: с красным флагом прибыл. Мы с товарищем Лабутиным рты-то и раззявили. Опять же документы у него, мандат! Кто ж знал, что эдак получится,— повторил старик потухшим голосом.— Не виноваты мы...

— Никто вас не винит, Никифор Савельевич,— Фролов выпрямился, прижал ладонью бумаги.

— Деда, примай! — вновь закричал Егорушка.

Из подпола выметнулась связка копчеиой рыбы, показался покрытый мучной пылью споловиненный мешок. Потом Никифор приият от виука какие-то кадушечки, туесы, корчаги, вяленую оленью ногу, завернутую в тряпку.

Бойцы сдержанио заулыбались, зашевелились, отводя и ие в силах отвести глаза от снеди.

— Угошшайтесь, товарищи,— Никифор, просительио поглядывая иа командиров, волоком подтащил к столу пестерь с кедровыми орехами.— Лузгайте, пока мы с Егорушкой спроворим чего-нибудь горячего. Я ведь свой-то припас ухитрился от есеров утаить. Не густо, знамо, но...

— Нет, нет, спасибо, Никифор Савельевич,— торопливо, но твердо заявил Фролов.— Оставьте продукты для себя! Нам ничего не нужно.

— Дык как же так? — Старик огорчеино заморгал.— Я ведь от чистого сердца...

— Нет и нет! — еще тверже сказал Фролов.— Вы лучше помогите нам разобраться и с этим,— постучал пальцем по бумагам,— и с эсерами. Сможете?

— Как ие смогу? — Старик обиженно передернул плечами. Подошел к столу, опустился на табурет.— Доверял мие товарищ Лабутии. Потому как я и при бывшем хозяиие, господиие Астахове, и при колчаках, и при вашей, Советской то исть, власти здеся обретался. Так что местную жизнь и всю округу, как отче иаш, знаю...— Увидел виука, который растеряиио топтался около извлеченного из подполья провиаита, велел ему: — А ну, Егорий, дуй едииым махом иа улицу, давай сигнал орде — свои пришли!

Егорушка заулыбался, сорвался с места. И скрылся за дверью.

— Дык чем интересуетесь, товарищ иачальник? — повериулся Никифор к Фролову.

— Прежде всего меня иитересует банда,— Фролов аккуратио переставил иа край стола чашу с икрой и сухарями, сдвииул бумаги отчетности.— О хозяйствеиных делах вы потом поговорите с времениым представителем Советской власти в Сатарово, который здесь и комеидант, и ревком в одиом лице,— кивнул иа Латышева.

Тот уже изучал, серьезио и сосредоточеиио, записи деда Никифора.

Старик, услыхав, что этот розовощекий мальчик с белыми бровками отныне его начальник, приоткрыл в изумлении рот.

— Значит, так,— Фролов деловито перебросил на колени полевую сумку, достал из нее карту.— Начнем с того, сколько их было.

— Есеров-то? — Старик исподтишка взглянул на Латышева.— Докладаю: тридцать душ вместе с самим Арчевым, две больших лодки-дощаника, три лошади, три пулемета «максим». Все!

— С нашими данными совпадает... И куда же они, по-вашему, двинулись? Сюда? — Фролов провел ногтем вправо от речной развилки.— К Сургуту? Чтобы уйти на восток?

— Не, не, вверх по Оби оне не пойдут! — решительно помотал головой, возражая, Никифор.— Лошади обезножели и тащить дощаники супротив течения навряд ли смогут.— Навалился грудью на стол, решительно провел пальцем по нижнему течению Оби.— Я думаю, оне в Березово подались. Идтить намного легче вниз по воде. Можно под парусом, можно на гребях. И лошади отдохнут... Окромя того, похвалялись, что в тамошнем уезде их ждут единомышленники. Баяли, быдто все еще власть тама ихняя. Врут, поди?

— Врут! — уверенно заявил Латышев, не отрываясь от бумаг.

— А не могли они в притоки свернуть? — спросила Люся.

— В притоки? — удивился старик.— Нашто? Чтоб в капкан залезть? Опять же надо назад вертаться, а тута вы и поджидаете...— И смолк, задумался, припоминая что-то.— Хотя погодь, погодь. Арчев меня все про Ефрема Сатарова выпытывал: где, дескать, его юрта? А стойбище-то Ефрема-ики здеся вот,— пополз взглядом по карте, уверенно ткнул в синюю жилочку реки.

— Назым,— прочитал Фролов.— Совсем рядом.

— А Ефрем-ики — это кто? — поинтересовалась девушка.

— О-о,— Никифор закатил глаза.— Это наипервейший человек у тамошних остяков. Старшой... Шибко древний род. В давние времена пращуры его тутошним местом владели, оттого и прозывается Сатарово...

— Ну, сюда они не полезут,— пошарив взглядом по верховьям Назыма, решительно заявил Латышев.—

Даже если вздумали на север по суше пробираться. Без проводника — самоубийство. Дебри, топи.

— Проводник-то у них имеется. Хороший проводник,— Никифор хмыкнул, почесал, скривившись, щеку.— Кирюшка Серафимов, аспид. Ране-то он у Астахова разъездным приказчиком служил. Поганый человечишко — пройдоха, жулик, срамник, не приведи господь. Но Югру знает, как хозяйский чулан. Всю тайгу облазил, с каждого ордынца по семь шкур спустил...

— Что это вы все время «ордынцы» да «ордынцы»?! — возмутилась Люся, и синие глаза ее стали темными от гнева.— Неужели местных жителей нисколько не уважаете? — Она в раздражении шлепнула по столу книгой, которую все еще держала в руке.

— Виноват, привык,— старик смутился.— Очень уж историей края интересуюсь.— Потянулся к книге, мягко, но требовательно вытянул томик из пальцев девушки. Погладил переплет.— Семена Ульяновича Ремезова вот на ночь заместо священного писания читаю...

— Орда идет! — раздался снаружи вопль Егорушки.

Чоновцы сгрудились у окон. Поднялись и сидевшие за столом, глянули на улицу поверх голов бойцов.

Сквозь редкий сосняк у подножия горы пробирались, то уплотняясь в слитное пятно, то растягиваясь, ханты. Мелькали за желтыми стволами деревьев синие, зеленые, коричневые летние малицы и сакн, серой массой шевелилось небольшое оленье стадо. Впереди торопливо вышагивал невысокий кривоногий старик в облезшем, клочковатом кумыше.

— Стой, стрелять буду! — срывая голос, пронзительно закричал Матюхин. Вскинул винтовку.— Кто такие?!

— Да свои это, нашенские, тутошние! — Егорушка запрыгал вокруг часового.

— Цыц, пескарь! — Матюхин взмахнул в его сторону винтовкой и опять грозно закричал хантам: — Не подходи, замри на месте!

Но его уже окружили, загалдели, закричали безбоязненно:

— Начальника давай!.. Где командира? — Оглянулись на высыпавших из дома чоновцев, сбавили тон, но от Матюхина не отстали.— Зови давай командира!

— Замолкни, орда! — выскочив на крыльцо, фальцетом выкрикнул старик Никифор и даже бороденкой затряс, сапогом притопнул для грозности. Увидел краем

глаза лицо Люси, появившейся вслед за Фроловым и Латышевым, поперхнулся.— Тихо! — приказал уже не так решительно, но все еще делая свирепое лицо.

Ханты отхлынули от часового. Обступили крыльцо. засмеялись:

— Чего больно орешь, Никишка-ики? Шибко страшно, думашь?.. Не-е, не страшно.— И еще пуще загалдели, замахали руками, глядя недовольно, гневно то на Фролова, то на Латышева, то на Люсю.— Пошто, командира, нас опять обижают?.. Пошто русики речных людей грабят? Што ли, как купец Астаха, стали? Отвечай, красные штаны!

— Люся, переводи,— шепнул Фролов и, когда девушка кивнула, заговорил негромко, даже глуховато: — Дорогие товарищи местные жители! Никакой речи о старых порядках быть не может.— И повысил голос: — Старые порядки хотели восстановить враги трудового народа! Они подняли кулацко-эсеровский мятеж, чтобы уничтожить завоевания революции, но мятеж этот уже подавлен.— Сутуловатый Фролов выпрямился, расправил плечи. Люся наморщила лоб, потерла пальцами висок, споткнувшись на словах «эсеровский» и «революция», и дала их без перевода.— Правда, отдельные банды уползли в тайгу,— продолжал Фролов.— Уползли, чтобы грабить. Но мы настигнем этих недобитков и уничтожим! Больше вас никто обижать не будет. А чтобы вам жилось спокойно, пока не поймаем Арчева, оставляем здесь десять человек во главе с товарищем Латышевым.— Положил ладонь на плечо юноши.— По всем вопросам — к нему...

Ханты, молча, настороженно слушавшие Фролова, зашевелились.

— Когда тороговать станешь? — спросил, выступив на шаг, кривоногий старик.— Начальник Лабутин шибко правильно тороговал. Хорошо будешь — хорошая власть. Плохо — плохая власть. Чего привез тороговать?

Соплеменники за его спиной одобрительно загудели.

Латышев, молодецки взметнув руку, выкрикнул митингово:

— Товарищи остяки! Вы что же, состояние дел на текущий момент не знаете?! — Сурово оглядел таежных жителей. Те опустили глаза, засопели огорченно и покорно.— Сейчас, на четвертом году торжества рабоче-крестьянской власти, когда героическая Красная Армия

наголову разбила полчища врагов всех мастей, мировая контрреволюция в лице Антанты решила задушить Рэсэфэсээр костлявой рукой голода...

Фролов кашлянул, укоризненно посмотрел на него. Молодой представитель Советской власти в Сатарово смутился и слегка покраснел.

— Ладно, об этом в другой раз,— решил, рубанув ладонью воздух.— Привезли мы вам товар. Немного, конечно, но... Губернские власти выделили все, что могли: соль, чай, охотничий припас, мануфактуру. Сейчас выгружать будем. Не обессудьте, чем богаты...

Последние слова его никто не расслышал — они потерялись в гаме, радостных выкриках.

Латышев спрыгнул с крыльца, выхватил из кобуры маузер, выстрелил в воздух. И побежал к берегу под восторженные вопли Егорушки.

— И энто полномочный властей? — Дед Никифор сокрушенно крякнул.— Ему бы в бабки аль в рюхи с ребятней играть. Чистое дите, а туда же — «Рэсэфэсээр». Много для Рэсэфэсээр проку от такого стригунка,— и боком, подтягивая ногу к ноге, начал спускаться по ступеням.

— Много,— серьезно ответил Фролов за его спиной.— У этого, как вы говорите, стригунка три раны, полученные в боях за революцию.

— И полгода колчаковских застенков,— поддерживая старика под локоть, добавила Люся.

— Эвон как! — Никифор вскинул голову, изумленно помолчал.— Ах ты... Еруслан-богатырь! — Задумчиво поглядел в сторону берега, где, окруженный чоновцами и хантами, размахивал руками Латышев. И медленно побрел туда, к ним. Фролов двинулся было за Никифором, но его тронул за рукав старик в облезлом кумыше.

— Ты, кожаный начальник, сказал: плохих людей ловишь?.. Они вниз по Ас-реке плывут. Две большая лодка, три лошадь...

— Точно, арчевцы! — подтвердил Фролов. И поинтересовался на всякий случай: — А людей сколько?

Старый ханты подумал, растопырил пальцы, поднял их к лицу.

— Два раза десят. И пят.

— Двадцать пять? — удивился Фролов.— Должно быть тридцать. Уточни, Люся. Может, он напутал?

Девушка быстро переспросила по-хаитыйски старика. Скуластое коричневое лицо того стало обиженным. Он смерил Люсю взглядом. Заговорил возмущенно.

— Двадцать пять,— перевела она.— Сам считал. Зачем, говорит, ему обманывать?.. Может, говорит, пять человек умерли? А может, отделились и ушли вверх по Оби. Но он сомневается. В устье Назыма Сардаковы живут. От них человека с новостями не было, значит — никто не проходил. Если бы прошли, знали бы. На реке все знают...

— Все знаем,— кивнул старик.— Закон такой.

— Придется, видимо, заглянуть к Сардаковым,— Фролов, прищурясь от солнца, поглядел на пароход.— Смущают меня эти пятеро... Ну, хорошо. Спасибо вам,— протянул ладонь, пожал руку старика.— Началась мирная жизнь, отец. Везите мясо, рыбу, дичь...— И собрав в складки лоб, повторил с усилием по-хаитыйски: — Кул-воих-ияви тухитых!

— Мал-мал понимаешь по-нашему? — Старик засмеялся, отчего глаза его утонули в глубоких морщинах.— Сделаем, как просишь, кожаный начальник. Больно ладно Никишка-ики тороговать стал...

— А у вас хорошее произношение,— удивленно сказала Люся, когда они шли к берегу.— Вы что, изучали остяцкий?

— Изучал,— Фролов усмехнулся, поглубже натянул фуражку на лоб.— В ссылке...— пояснил, поймав вопросительный взгляд Люси.— Правда, вместо пяти лет только год пришлось. Сбежал.

— «Веревочкой», по цепочке?

— Планировалось так,— Фролов поморщился, поежился.— Да не получилось... Хорошо, что остяк один меня подобрал, а то бы...— Помолчал, глядя мимо девушки остановившимися глазами.— Не знаю я остяцкого, милая Люся. И завидую тебе. Вот ты его здорово выучила.

— Ну уж, здорово,— она смутилась.— Просто сложилось так... Я же вам рассказывала про отца.

— Да, да, действительно,— ответил Фролов и рассеянно кивнул.

Он, конечно же, помнил, что Люся рассказывала об отце еще в девятнадцатом, когда ее, совсем девчонку, подобрали в освобожденном Тобольске бойцы четвертой роты и определили в лазарет сестрой милосердия. Фро-

лов беседовал тогда с ней, окаменевшей в горе, и из того отрывочного рассказа у него сложилось впечатление о Люсином отце, убитом пьяным казаком, как о типичном, хотя и чудаковатом русском интеллигенте. Иван Евграфович Медведев, отец Люси, был одержим идеей изучить до тонкости остяцкие диалекты и для этого каждые вакации выезжал из Ревеля, где был преподавателем словесности в гимназии, то на Урал, то в Западную Сибирь. А перед самой империалистической войной перевелся в тобольскую гимназию...

И Люся задумалась: вспомнила отца — худого, долговязого, с всклокоченной бородкой, беспомощного в быту книжника и полиглота. Матери она не знала — та умерла от родов, и Люсю вынянчила сестра матери тетя Эви, часто повторявшая, когда девочка выросла, что такой любви, как у Ивана и Люсиной мамы, не было, нет и больше не будет. Тетя Эви уверяла, что отец Люси и на языках-то помешался только из любви к жене — начал с ее родного эстонского, а потом увлекся... Может, так оно и было — покойную жену Иван Евграфович боготворил, все знали это. Но, став постарше, Люся поняла и то, что языки отцу давались легко, играючи, поэтому едва ли мать была причиной отцовой лингвистической страсти. Девочка росла в атмосфере ежедневных рассуждений отца (говорить-то ему больше было почти и не с кем) о финском, ижорском, вепском, черемисском, вотяцком, венгерском, вогульском, остяцком и прочих угро-финских языках. Остяцкому отец отдавал предпочтение, считал, что этот язык наиболее близок праугорскому, и для постижения его тайн изучал составленные миссионерами-священниками азбуки: Егорова на обдорском диалекте, Тверитина на вах-васьюганском, а потом зачастил каждое лето вместе с дочерью в Приобье...

— У остяков что ни диалект, то, по существу, язык,— все еще мыслями в прошлом, проговорила негромко Люся слова отца.— Без практики тяжело.

Фролов снова рассеянно кивнул. Он не мигая смотрел на мелкую рябь солнечных бликов, плясавших по воде, а видел беспорядочное мельтешение сухих и колючих снежинок, которые швыряла в лицо январская вьюга шестнадцатого года, когда он, Фролов, потерявший в метели оленей, вымотавшийся, обессилевший, полз снежной целиной и вдруг, всплыв из очередного

забытья, увидел прямо перед глазамн серьезное строгое лнцо своего спасителя — седобородого остяцкого старнка с чуть раскосыми черными глазамн.

3

Еремей закрепнл последнюю морду в проходе запора — нзгородн нз кольев, протянувшейся от берега к берегу речкн Кунп-лор ягун, поднялся с колен, глянул в лесную чащу, где меж бородатых пнхт н кедров уже скаплнвался, густел сумрак, н, подхватнв небольшого сонного осетра, который давно, вндать, застрял в запоре, нетороплнво пошел к берегу по пружннистым жердям мостков.

Около огромной, в два обхвата, сосны-сухары броснл рыбнну на мешок из налнмьей кожи. Посмотрел на гладкне бугры ствола, напомннающне добродушно-уднвленное щекастое лнцо с небольшим дуплом-ртом, перевел взгляд на родовую метку «сорнн най», которую вырезал, как только пршшел сюда,— два, однн в другом, человечка: сама Сорнн Най, в ней урт Сатар — предок рода. Сходнл с котелком к реке, прннес воды. Открывая дедушкнну сумку-качнн, взглянул прнвычно на знак «сорни най», который был вышнт плотно подогнаннымн бнсернннкамн, сравнил еще раз с тем, что вырезал на сосне, н сдержанно улыбнулся — хорошо вырезал, точно. Достал нз качнна кресало, кремень-камешек, клубочек трута. Сноровнсто разжег костер, повеснл над ннм на рогульке котелок н начал разделывать осетра.

Тоненько позваннвалн колокольчнкн оленей, которые, пофыркнвая, паслнсь между деревьямн; тяжелымн вздохами проноснлся нногда неясный шум по вершннам деревьев; негромко потрескнвал, пострелнвал костер, шипел, когда в него выплескнвалась вода нз начавшего побулькнвать котелка. Желтая заря тнхо угасала за елямн, тенн сгустнлнсь н опять поблеклн — из глубнны неба, прямо над головой, выплыл, налнвшись прозрачной белнзной, ломтнк луны.

Колокольчнкн вдруг перестали вызваннвать, но тут же зачастнлн, затрезвоннлн встревоженно; оленн, хоркнув, метнулнсь в чащу.

Еремей рывком поднял голову и обомлел — на протнвоположной стороне поляны, то появляясь в залнтых

луиным светом прогалииах, то исчезая в теии деревьев, иетороплино брел, уткиув морду в белую пеиу ягельиика, медведь — большой, сытый, округлый, с гладкой блестящей шерстью, переливающейся по буграм лопаток. Мальчик поднялся иа иоги. Бесшумио сиял с обломлеииой ветки сухары карабии. Укрепился иа широко расставлеииых иогах.

— Э, чериолицый, пэча вола́,— окликиул иегромко медведя. Тот вскииул морду, замер.— Здравствуй, говорю, сыи Нум Торыма, брат людей иашего рода,— чуть громче, стараясь произиосить слова четко и увереиио, повторил Еремей.

Медведь заворчал, колыхиулся, хотел встать иа дыбы.

— Не иадо, пупи, ие боюсь. Дедушка сказал: если хозяин не будет слушаться, возьми у иего жизнь,— мальчик передернул затвор карабииа.— А я ие хочу убивать тебя. Ты отец урта Сатара, иаш отец. Нельзя иам убивать друг друга. Иди отсюда, пупи. Здесь мое место. Мие его дедушка, Большой Ефрем-ики, отдал. Зиаешь моего дедушку? Вот его ремеиь, посмотри...— Не спуская палец с курка и зажав приклад под мышкой, провел левой рукой по поясу, потрогал-поперебирал медвежьи клыки.— Видишь, сколько зубов твоих братьев? Хочешь, чтоб и твои тут висели?.. Раио еще тебе умирать. Вои какой ты сильиый, молодой, тебе жить иадо. Иди, пупи, иечего тебе тут больше делать!

Медведь иехотя повериулся — луииый свет полосой скользиул по его спиие — и поплелся иазад, в урмаи, исчезая в полумраке, сливаясь с иим, словио испаряясь.

Мальчик беззвучио засмеялся, глубоко и облегчеиио вздохиул и, резко развериувшись, вскииул карабии, выстрелил почти ие целясь в еле различимый иа другом берегу речки свежеошкуреииый шест, которым измерял глубиину. Шест переломился; оглушающий раскат выстрела, пометавшись по поляие, скатился виз по реке. И как только затихло вдали слабое эхо, с иизовьев Куип-лор ягуна доиеслось из тайги еле слышимое: «Ермейка-а-а...»

Еремей, приоткрыв рот, вытяиув шею, иедоверчиво прислушался.

Крик повторился, ио уже громче, ближе. Еще раз — еще ближе...

Взлохмачеииый, растрепаииый Аитошка Сардаков

вылетел на поляну, проскочил с разгону несколько шагов, но, увидев Еремея, сразу обмяк, обессилел. Хватая ртом воздух, опустился, словно подламываясь, около костерка.

— Беда, Ермейка... Большая беда... Там,— судорожно махнул рукой за спину,— там твоего отца убили... Дедушку, Большого Ефрема-ики, бьют...

Еремей дернулся, сшиб рогульку — котелок опрокинулся на угли. Белый толстый столб пара с шипеньем рванулся вверх, ударил в лицо мальчика. Он отшатнулся, зажал глаза ладонями.

— Кто убил?! За что?

— Русики... С ружьями,— зло ответил Антошка.— Отец говорит, при колочаках с Астахом-сыном ходили, бога Сусе Криста люди были. А сейчас не знаю кто: сесеры какие-то...

— Рассказывай!

Антошка, глядя в костер, начал рассказывать срывающимся голосом о том, как подплыли ранним утром к их стойбищу пятеро русских: начальник Арчев, трое мужиков и Кирюшка, который служил раньше у купца Астаха. Русики держались по-доброму, большие листы бумажных денег дали, новые деньги — двухголовая птица на них без царской шапки, голая; еще соли немного дали, топор новый дали, две свечки — не жадные русики, богато одарили. Отца просили, чтобы показал, где Большой Ефрем-ики живет. Отец не соглашался. Нельзя, говорил, Ефрем-ики запретил, рассердится. А когда поели, когда русики его водкой напоили, добрый стал, веселый — согласился. Его, Антошку, послал, чтобы в протоках дорогу к Сатарам показал. Четверо русики поехали, пятый, Иван, остался...

— Чего им от дедушки надо? — резко перебил Еремей.

— На имынг тахи велели отвести. На эвыт Нум Торыма. А Большой Ефрем-ики... Не живой он уже, наверное,— и, не совладав с собой, Антошка всхлипнул.

Еремей запрокинул голову, зажмурился, задержал дыхание. Потом снял с себя пояс отца, протянул Антошке.

— Возьми. Ты теперь братом мне стал.— И приказал: — Поешь!

— Не, не хочу,— Антошка, застегивая пряжку ремня, вскинул на Еремея преданные глаза.— Некогда есть.

— Ешь! — прикрикнул Еремей.— Много ешь, чтобы долго не захотеть...— и начал собирать поклажу.

Антошка выдернул из деревянного чехла-сотыпа нож, отпластал от живота осетра лоскут нежной, жирной мякоти, вцепился в него зубами. Давясь, не прожевывая, глотал пищу — торопился насытиться. А Еремей подхватил с земли тынзян, смотал его кольцами, накинул через голову на плечо. Принес в котелке воды, залил, окутываясь паром, костер.

Антошка вскочил и, дожевывая, вытирая ладонями рот, принялся затаптывать угли.

— Хватит! — Еремей поднял карабин, поправляя ремень. Протянул Антошке топор.— Пошли...

Всю ночь, не останавливаясь, отдыхая на ходу, когда переходили на размеренный шаг, бежали они к стойбищу: то трусцой, то рысцой, а где и изо всех сил — в сосновом бору, чистом, без валежин и бурелома, кромкой болота по тропе, пробитой лосями среди осин и ольхи.

К ельнику, прикрывающему Сатарват, вышли под утро, когда истаял, поблек обласок луны и стала набухать заря.

Антошка спотыкался, брел уже из последних сил, дышал часто, загнанно. На опушке ельника Еремей, бесшумно хватая ртом воздух, умоляюще посмотрел на Антошку. Обхватил его за плечи, прижал лицом к груди. Зашептал просительно, поглаживая по голове, по худенькой спине:

— Потерпи, потерпи... Нельзя нам отдыхать, нельзя садиться. Не встанем.

И вдруг с удивлением почувствовал, что тело названного брата отяжелело, стало сползать вниз. Еремей крепко обнял его, удержал, слегка приподнял голову Антошки за подбородок. Антошка спал.

Уже рассосался наползший из низины туманчик, уже брызнули из-за деревьев светлыми четкими полосами первые лучи солнца, а Еремей все еще удерживал в немеющих руках друга-брата и боялся, что вот-вот выпустит его. Но тот внезапно судорожно дернулся, открыл глаза, заморгал непонимающе.

— Долго я спал? — сообразив, где он, спросил виновато.

— Ты не спал, ты только закрыл глаза и тут же открыл,— ответил Еремей и разжал пальцы. Потряс за-

текшими кистями.— Держи,— снял тынзян.— Теперь — тихо! — И, сдернув с плеча карабин, щелкнул затвором, шмыгнул в ельник.

Антошка, пригнувшись, юркнул следом.

Гибко проскальзывая меж плотно растущими деревцами, крадучись — ветка не шевельнется, сухая шишка под ногами не хрустнет,— проскочили они лесок. Когда впереди посветлело, Еремей встревоженно задрал голову, шевельнув ноздрями,— слабо пахло гарью. Мальчики медленно выпрямились. И остолбенели.

Стойбища не было: дымясь синеватыми струйками, выставив в небо обгорелые бревна, словно растопырив толстые черные пальцы, догорала избушка с завалившейся внутрь кровлей; неподалеку валялись изодранные, скомканные нюки, поломанные шесты — все, что осталось от чума; вытянув лапы, оскалившись, лежали недвижимо собаки около лабаза, дверца которого была распахнута.

Антошка всхлипнул, Еремей, стиснувший зубы так, что буграми выступили желваки скул, обхватил его голову, зажал рот.

— Кто из них главный? — выдохнул еле слышно и указал взглядом на двух мужиков, которые развалились на траве, опершись спинами на тюки.

— Нету их. Ни Арчева, ни Кирюшки,— шепнул Еремею в ухо Антошка. Привстал на цыпочки, оглядел берег.— И лодки русики нет. Тяжелая такая, из досок...

А лодка в это время, взбурлив кормой воду, скользнула по тихой заводи и сильно качнулась, когда Арчев, вставив весла в уключины, стал неумело выворачивать на середину Куип-лор ягуна.

Вчера они только к вечеру добрались сюда. Плыли долго. Кирюшка вначале, пока был пьяный, греб лихо, но когда хмель стал выходить, когда бывший приказчик утомился махать веслами, лодка поползла еле-еле. Один раз Кирюшка даже попытался взбунтоваться. Бросил весла, принялся хватать через борт воду пригоршнями, глотать ее запаленно. «Давайте вернемся, Евгений Дмитрич,— предложил дерзко, глаз, правда, на Арчева не поднимая.— Малец сам в стойбище придет. Куда он, поганец, денется?!» Нахохлившийся на корме Арчев на такую глупость даже не ответил, еще плотней закутался в шинель, спрятал подбородок за поднятым ворот-

ником. «Господи, да может, он вовсе и не к Еремейке сбег,— простонал Кирюшка.— Может, в тайге схоронился, а тут пластайся из-за него, как проклятый!» — «Много рассуждать стали, Серафимов,— подал все же голос Арчев.— Проморгали остячонка, потому не нойте. Гребите!» — «Эх, дурак я, дурак,— тоскливо вздохнул Кирюшка.— И зачем только признался, что знаю, где этот, пропади он пропадом, Куип-лор...» — «Гребите!» — рявкнул Арчев. Кирюшка испуганно зачастил веслами. Покорно, тупо греб, пока не показались в дымке сумерек тонкие штрихи протянувшегося от берега к берегу запора.

Лодка ткнулась в берег у частокола. Арчев пружинисто выпрыгнул на песок. Поднялся по уклончику, увидел мешки, затухший костер, осетра под корявой засохшей сосной. Крикнул: «Идите сюда, Серафимов. Кажется, мы опоздали». Кирюшка подошел к Арчеву, оседая на обмякших ногах. Присел у костра, пощупал золу. «Недавно ушел остячонок... Недалеко, знать, отлучился: морды не вынул, барахло свое оставил.— Упершись ладонями в колени, поднялся с усилием.— Оленей, небось, искать отправился. Спугнул кто-то олешек...» Развернулся, побрел через поляну.

Арчев подошел к сосне. Провел пальцем по вырезанному на дереве знаку «сорни най», задумчиво посмотрел на Кирюшку.

Тот, медленно переступая, вглядывался в ягельник. Поднял голову, заявил уверенно: «Надо подождать Еремейку. Тута,— ткнул пальцем под ноги,— следы медвежьи. Олени и впрямь напугались, вот малец их и ищет...— Подошел, огладил бородку.— А проводничонка вроде не было. Следов чегой-то не видать...» — «Да вы прямо Следопыт, Соколиный глаз,— усмехнулся Арчев, запахиваясь в шинель.— Фенимором Купером увлекаетесь?» — «Грешен, обожаю-с,— признался Кирюшка.— Особливо те места, где жестокости краснокожих описаны-с. До чего кровожадны дикари, до чего бесчеловечны, аж жуть... Ну, так что делать станем? Надо бы подождать. Не Еремейку, так проводничонка. Чтоб перехватить, значит. Не дать дружка предупредить...» — «Подождем,— неохотно согласился Арчев.— Если шаманенок ушел в стойбище, его там встретят».— «Само собой встретят,— Кирюшка обрадовался.— А нам все равно отдохнуть надо».

Развели костер, молча, сосредоточенно поели и легли спать. Арчев поворочался, пристраивая поудобней котомку под головой, поджал ноги к животу, упрятав их под шинель, и, поглаживая под френчем серебряную статуэтку, закрыл глаза. Сквозь дремотное марево увидел себя Арчев мальчиком с русыми мягкими локонами, в лиловой бархатной курточке с кружевным отложным воротничком — залез с ногами в мягкое, удобное кожаное папино кресло и, старательно водя пальцем по желтой пористой бумаге памятных записок прадеда, переплетенных в уже потершуюся юфть, читал по складам выцветшие строчки со смешными загогулистыми буковками: «...и бысть в бытность мою володетельным князем земель Кондинских, кои в ближней Югре расположены есть, зело почитаемый предками нашими наипервейший истукан, именуемый вогуличами Сурэнь нэ, а людишками остяцкого племени зовомый Сорни най...»

Проснулся Арчев от острого, враз захлестнувшего ощущения страшной опасности — такое бывало с ним, и предчувствие никогда не подводило,— но не шелохнулся — резко открыл глаза.

Прямо в лоб ему был направлен револьвер. В утреннем сумраке лицо Серафимова, с черным пятном бородки, с черными, лихо закрученными усиками, казалось неестественно белым, как маска.

— Что это значит, болван? — спросил сквозь стиснутые зубы Арчев. Хотел приподняться.

— Тихо, тихо, не дрыгайся,— Кирюшка прижал к его лбу дуло.— В вашем ли положении гонор показывать? Нехорошо-с, я ведь могу и осерчать...— Потянул из-под головы Арчева вещмешок.— Простите великодушно за беспокойство. Мне, миль пардон, статуэточка та серебряная спонадобилась...

Арчев уронил руку вдоль тела, двинул ладонь к поясу.

— Оружье ищете? А пугач-то ваш вот он, у меня. Аль не признали с перепугу? — Серафимов мелко засмеялся, откачнулся назад, дернув мешок к себе.— Шлепнуть бы тебя, гада, для верности,— сказал зло,— да грех на душу брать неохота... Ничего, тайга сама упокоит.— Отполз, не сводя с Арчева револьвера.— Прощевайте, князь. Я, когда сорни най заполучу да в Париж доберусь, панихидку в вашу память закажу. Где желаете?

— Хорошо бы в Сан-Шапель или в Сакре-Кер,— с трудом разжав челюсти, сведенные ненавистью, проговорил Арчев.— Да ведь я православный. Поэтому сходи, не поленись, в русскую церковь на улице Дарю... Вот тебе на расходы.

Ленивo сунул руку под шинель, под френч. Достал статуэтку, качнул на ладони.

Кирюшка пораженно заморгал, опустил невольно револьвер, глянул растерянно на котомку. И тут же Арчев с силой метнул ему в лицо статуэтку. Серафимов вскрикнул, выронил оружие, но не успел он еще прижать взметнувшиеся ладони к рассеченному лбу, как опрокинулся от удара.

— Мразь... лавочник!..— Арчев, в прыжке сумевший схватить револьвер, уже стоял над бывшим подручным.— Сорни най тебе захотелось? Один все хапнуть надумал?

Он, зверея, с яростью пинал извивающееся у ног тело.

— Пощадите, ваше благородие! — визжал Кирюшка. Обхватил сапог, принялся целовать его, ловя обезумевшими глазами взгляд Арчева.— Пощадите, заместо дворняжки вам стану. Портяночки, носочки стирать буду... Пожалейте, ваше снятельство, пригожусь!

— Зачем ты мне нужен, ничтожество? — Арчев брезгливо передернул плечами.— Шаманенок понимает и по-русски.— И нажал курок.

Кирюшка выгнулся, захрипел, дернувшись, вытянулся.

Арчев сунул револьвер в кобуру, подобрал с земли статуэтку. Упрятал ее поглубже в котомку, спустился к реке. Отвязал лодку, оттолкнул, вскочил через борт...

Размеренно взмахивая веслами, думал с беспокойством о внуке Ефрема Сатарова. «Как бы эти костоломы не убили его сгоряча. Могут ведь, несмотря на запрет. Особенно Степан — безмозглая дубина. Да и Парамонов не лучше — садист елейный...»

Парамонов, жмурясь от выползшего из-за леса солнца, истомно потянулся, перевалился с левого бока на спину.

— Слышь, Степа,— окликнул, позевывая, напарника.— А что, ежели их благородие с Кирюшкой нас ом-

манули? Оставили, как Ваньку на тоем стойбище, воздух стеречь, а сами уже клад делят.

— Не, им без нас такую прорву золота не утащить,— сонно отозвался Степан. Прикрыв глаза фуражкой, он лежал рядом.— Вернутся. Сыщут шаманенка и вернутся... Ох, тошно! У тебя голова не трешшыт?

— Трешшыт, Степа,— вздохнул Парамонов.— Должно, подмешал чегой-то колдун. Оне, говорят, мухоморы настаивают, язви их, иродов.— Полюбопытствовал без надежды: — Ты, когда шустрил в избушке перед тем, как подпалить, ничо, окромя мухоморовки, не нашел?

— Откуль? Найдешь чего опосля тебя,— хмыкнул Степан. Сдвинул на лоб фуражку, приподнял голову. И замер.

В него целился из карабина, стоя на взгорке, черноволосый парнишка в зеленой малице. Рядом с незнакомым остячонком застыл сгинувший вчера проводничонок, сжимая в левой руке аркан, а в правой — топор.

— Ты чего? — почуял неладное Парамонов.

Перекинулся на правый бок — и увидел... Не задумываясь, выбросил руку к винтовке, лежавшей рядом.

Еремей, вильнув стволом карабина, нажал на курок — прыснули щепки раздробленного винтовочного приклада; мгновенно передернув затвор, сразу же выстрелил Еремей во второй раз — пуля, цокнув, ударила в барабан нагана, оказавшегося в руке вскочившего на колени Степана. Тот вскрикнул, затряс пальцами.

— Ты, милок, опусти винтарь-то. И не серчай на нас,— поглядывая масляно на Еремея, встревоженно — на изуродованную винтовку, Парамонов с кряхтением встал на карачки.— Избушку вашу Арчев да Кирюшка спалили.— Поднялся на ноги, истово перекрестился.— Вот те хрест!..

— Где Арчев и Кирюшка? — свирепо спросил Еремей.

— В Сатарово утекли,— угрюмо сказал Степан. И тоже поднялся на ноги — медленно, угрожающе.

— Сбегли оне. Бросили, значит-ца, нас,— Парамонов сокрушенно развел руками.— Сели тайком в лодку. И сродственников твоих увезли...

— Ты! — Еремей направил на него карабин.— Свяжи руки этому! — Показал стволом на Степана.— Ремнем своим вяжи. Быстрей!

И прицелился в голову Парамонова. Тот торопливо

откинул полу шинели, вытянул подпояску, бесцеремонно завел за спину руки приятеля, принялся оплетать их. Степан воспротивился было, но тут же и смирился — остячонок навел дуло на него.

— А теперь подними руки! — приказал Еремей, когда Парамонов закончил работу.— Выше! — И кивнул Антошке.

Тот выпустил топор — тынзян метнулся из левой руки в правую, свистнул в воздухе. Как только петля захлестнула запястья врага, Антошка, оскалясь, дернул, а Еремей выстрелил — пуля сбила папаху с головы Парамонова. Тот от неожиданности присел — аркан затянулся туго, надежно.

Еремей, сунув карабин Антошке, подскочил к Парамонову — набросил на его запястья еще несколько витков тынзяна, стянул узлом. Быстро связал меж собой руки обоих мужиков.

— Да как же тебе не совестно, милок! — опомнившись, взвыл плаксиво Парамонов.

— Заткнись, христосик! — рявкнул Степан и тяжело уставился на Еремея, который перекладывал содержимое его подсумка в расшитую меховую сумку у пояса.— Ну, гнида, берегись! Ежели встренемся, сам тебя, сопляк, придушу.

Еремей, отведя брезгливо лицо в сторону, ощупал Степана, выгреб из карманов шинели еще горсть патронов.

Обыскал и Парамонова, но патронов не нашел. Нагнувшись, подхватил с земли ремень с подсумками, бросил к ногам Антошки, который держал врагов под прицелом. Поднял винтовку с раздробленным прикладом, ударил о землю, доламывая. Отшвырнул. Крутнув на ходу подошвой, вдавил в песок изуродованный наган Степана; подобрал вторую винтовку, забросил за плечо. Остановился над тюками, наткнулся взглядом на сплющенный беличий капюшон своего кумыша, зажатого между золотисто-коричневой малицей деда и черно-серебристой опушкой сака матери, раздул ноздри. Вцепился в веревки, пятясь, оставляя два широких следа, поволок меховые наряды дедушки и бабушки, отца и матери, братишки и сестер, да и свои тоже, вчера еще висевшие до морозов в лабазе, а сейчас торопливо и в беспорядке связанные в два узла воровскими руками.

Около догорающей, чадящей избушки облапил один

тюк и перебросил размашисто через обуглившуюся стену. Затем — другой. Этот зацепился за головешку поперечной жерди. Меха слабо затрещали, белый пух лебяжьего сака Аринэ шевельнулся, вздыбился, скрутился спекшимися черными жгутиками; шкуры охватились голубым летучим пламенем, задымились; запахло паленой кожей. Еремей, крепко зажмурившись, застыл — попрощался с семьей. А может, кто-то еще жив, может, правда, увезли в Сатарово, как сказал бородатый русики?.. Нет, не верилось в это... Круто развернувшись, хрустя обломками деревянной посуды, прошел к трупам собак. Простился и с ними.

Ворота загона распахнул резко, широко. Олени, сбившиеся в дальнем углу плотной серой кучей, задирали блестящие черные носы, встревоженно принюхиваясь к запаху дыма. Еремей, подкравшись вдоль изгороди к стаду, взмахнул руками, завизжал, заулюлюкал. Олени заметались, ринулись плотной колыхающейся массой к выходу, протиснулись на волю, промчались с топотом и храпом сквозь ельник — затрещали ветки, качнулись деревца, и все стихло.

Глядя прямо перед собой, вернулся Еремей к берегу. Подобрал на ходу топор, кивнул Антошке.

Вдвоем они прикладами, топором разбили в щепки один из обласов. Второй перевернули днищем вниз, столкнули-сволокли к воде. Сели, отплыли.

— Ну, гаденыш, мы ишшо встренемся! — заорал Степан.

Хотел погрозить кулаком, рванул ремень тынзяна. Парамонов завалился, сбил напарника с ног, и оба заворочались, заизвивались, постанывая, ругаясь, охая.

Антошка вздрогнул от вопля Степана, съежился на дне обласа.

— Распрямись! — зашипел Еремей.— Пусть видят тебя смелым, пусть знают, что мы их не боимся!

— Я не за себя боюсь,— Антошка расправил плечи.— О стойбище нашем думаю. У нас ведь тоже один из этих остался... Иван.

Еремей нахмурился, промолчал, стал грести быстрее, злей. А Степан и Парамонов кое-как поднялись на колени. Проводили глазами облас, пока тот не скрылся за стеной кедрача на мыске.

— Ну, развязывай! — прохрипел Степан.— Никто ведь, окромя нас самих, не ослобонит.

— Эт верно, Степушка,— елозя по песку, Парамонов вплотную приткнулся к напарнику.— Как поют комиссары, нихто не даст нам избавленья...

— Позубоскаль ишшо! — прикрикнул Степан.

Хитросплетения тынзяна Парамонов, дергая зубами, ослабил, а затем и развязал, но вот с опояской, затянутой собственными руками, пришлось повозиться. Обслюнявив бороду, Парамонов, вцепившись в тугие узлы, тянул их, рвал, пытался даже пережевать.

— У-у, июда, затянул, постарался! — Степан свирепел, сжимал кулаки.— Выслуживался, каин. Шкуру свою спасал!

— Не гневись, Степа,— переводя дыхание, просил Парамонов.— Остячонок ведь в лоб мне целил. Жизнято одна...

— Придушу вот за усердие,— угрожающе пообещал Степан.

— Потерпи, Степушка, потерпи...— Парамонов пыхтел, клацал зубами, когда узел выскальзывал. И наконец вздохнул облегченно.— Ну, кажись, все. С избавлением тебя от уз, Степа!

Степан вяло пошевелил пальцами, стряхнул ремешок. Осторожно свел перед лицом затекшие руки, поразглядывал их. Потом достал из-за голенища нож, просунул лезвие между связанными запястьями Парамонова, распластал путы.

— Зачем ты ему про сродственников-то наплел? — спросил насмешливо.— Быдто увезли их.

— Дак как же, Степушка,— удивился Парамонов.— Узнал бы, что мы порешили евонную семью, и сгоряча ухлопал бы...

Они, опять захмелевшие, сидели у костра, голодно поглядывали на казан, в котором доваривалась уха из рыбных запасов Сатаров, когда вверху по течению показалась медленно ползущая лодка.

— Глянь, никак их благородие возвертаются? — Парамонов испуганно вскочил, прищурился подслеповато.

— Он самый...— Степан тоже поднялся, замедленно, нехотя.— Один чегой-то. Выходит, прими, господи, душу раба твово Кирюшки?

Мужики понимающе переглянулись.

— С возвращеньицем, вашбродь! — крикнул Парамонов, когда лодка приблизилась.

Степан, взбурлив воду, вошел по пояс в реку, схватил лодку за нос, дернул на себя и, перехватывая борта, толкнул ее к берегу. Арчев обессиленно свесил руки меж колен.

— Где... остячонок? Живой? — заглатывая слова, спросил, глядя исподлобья.— Не покалечили?..

— Дык чего ему иделается?.. Живой, стервец,— отводя глаза в сторону, смущенно ответил Парамонов.

— Сбег шаманенок! — решительно оборвал его Степан.— Упустили...

— Что-о-о? — Арчев изумленно посмотрел на него.— Упустили?.. Шуточки! — однако по хмурому лицу мужика понял, что тот не шутит, и взорвался: — Остолопы! — Ощерился, вскочил, но, охнув, схватился за поясницу и снова рухнул на скамью.— А, дьявольщина! Пропади оно пропадом: и весла эти, и вы, дурачье безмозглое! — Ударил в отчаянии кулаком по уключине.— Живо за весла! — И, не в силах разогнуться, скрюченный, перебрался на корму.

Степан, колыхнув лодку, медведем полез через борт.

— Дык, эт самое, вашбродь... Ушица тама преет,— Парамонов повел рукой в сторону костерка.— Можа, похлебаем сперва?..

— Я тебе похлебаю, морда! — взъярился Арчев.— Не нажрались еще?! Только и занимались, что брюхо набивали, а мальчишку проморгали!.. Марш на весла!

— Слушаюсь! — Парамонов схватил котомки, кинул их в лодку, проворно перебрался через борт. Пристроился рядом со Степаном, вцепился в весло.

— И это бывшие каратели?.. Бывшие боевики, гроза коммунии? — желчно, сквозь зубы брюзжал Арчев, развязывая вещмешок.— Олухи царя небесного! Проворонить какого-то сопливого мальчишку! — достал фляжку, отвинтил крышечку, плеснул на ладони. Морщась, зажал фляжку коленями, потер руки.

— Поймаем, вашбродь, не сумлевайтесь,— частя веслом, чтобы лодка развернулась, пообещал Парамонов.— За мной должок остался, надоть вернуть,— взметнул руку к папахе, нащупал дырочку, всунул в нее палец.— Вота задаток. Следоват расчет произвесть...

— Не, не,— откидываясь и сильно загребая, проговорил Степан.— Я тому змеенышу сам башку сверну.

Арчев, поднесший фляжку к губам, поперхнулся.

— Ни в коем случае! — откашлявшись, выкрикнул

он.— Ни в коем случае, запомните это! Мальчишка нам нужен только живой... Как вы не поймете этого, тупицы?! — Сделал из фляжки глоток. Аккуратно завинтил крышечку.— Если кто ослушается, пристрелю, как Серафимова.

— Я так понимаю: он, шайтаненок то ись, в тое стойбище заглянет,— подчеркнуто вздохнул Парамонов.— А тама Иван...

— Иван ухлопает мальца,— уверенно закончил Степан.— Вы же, вашбродь, сами приказали не оставлять свидетелей. Откуль Ивану знать, что остячонок вам нужон. Как пить дать изничтожит!

— Ах ты, черт...— Арчев заерзал, вспомнив, как, отделившись от отряда, распорядился уничтожать всех встречных, чтобы те не выдали возможным преследователям его, арчевский, маршрут. Покусал губу. Уже не приказал — попросил: — Гребите, гребите, братцы... Быстрее!

4

Только-только лодчонка скользнула на травянистый берег, как Антошка с трехлинейкой, а следом и Еремей с карабином метнулись через борт. Привычно, на ходу, не оглянувшись, вдернули обласок подальше на сушу и, пригнувшись, кинулись к стойбищу, огибая, чтобы не шуршать, заросли малины.

На пригорке, где кустарник поредел, осторожно выпрямились и чуть приободрились — стойбище оказалось нетронутым: двери лабаза, избушки тулых хот и сарая кул хот, в котором зимой хранят рыбу, прикрыты. Только непривычно пусто и тихо — ни людей, ни собак, ни оленей.

Антошка неуверенно вышел из кустов, окликнул:

— Ачи! Котты вусын? [1] — и замер, прислушиваясь, озираясь.

Дверь избушки тихонько приоткрылась и почти сразу же широко распахнулась. Через порог вышагнул коротко остриженный, с жирным бабьим лицом парень в неподпоясанной гимнастерке. В правой руке он держал нож, в левой — недообглоданную кость.

---

[1] Отец! Где ты? (*хант.*)

— Глянь-кось, живой! — удивился. Сыто икнул, вытер толстые губы кулаком.— Ты ведь здешнего хозяина сын, ага?

— Где люди?.. Сардаковы где? — отрывисто спросил Еремей.

— Хозяева-то? — Парень рыгнул.— Тама вон улеглись,— показал костью на сарайчик кул хот.— Померли.

Антошка взвизгнул, вскинул винтовку и не задумываясь выстрелил в мордастого. Тот метнулся было к мальчишке, но бабахнули почти разом, один за другим, два выстрела Еремея — вылетел нож из руки парня, брызнула осколками кость в другой руке. Мордастый оцепенел. Антошка торопливо выпустил в него оставшиеся четыре пули. Не попал. Спешил, бил, судорожно передергивая затвор,— тяжелую трехлинейку водило из стороны в сторону, да и не видел Антошка сквозь слезы мордастого.

Парень резко развернулся, прытко шмыгнул в избушку. И почти сразу же оттуда раздался выстрел. Мальчики упали.

— Почему ты не убил его?! — колотя кулаком о землю, закричал Антошка.— Почему Иван остался жить?!

— Я хотел убить,— Еремей виновато глянул на его заплаканное лицо.— Не смог. Не могу стрелять в человека.

Дверь стала медленно приотворяться. Еремей тщательно прицелился, нажал на курок — пуля вошла в плаху створки, выворотив щепу. Дверь захлопнулась.

— Заряди большое ружье! — приказал Еремей.— Потом поплачешь... Как скажу, беги изо всех сил в кул хот.

Иван пинком распахнул дверь, вынырнул в проеме, вскидывая винтовку. Но поднести к плечу не успел. Еремей, выстрелив, опередил. Пуля ударилась в винтовку, парня толкнуло, опрокинуло. Дверь, спружинив на петлях, захлопнулась так же стремительно, как и открылась. Еремей вскочил на ноги.

— Беги! — прошипел властно.

Антошка, волоча за ремень винтовку, кинулся зигзагами через поляну, юркнул в кул хот. Еремей, изготовившись к стрельбе, не отрывая взгляда от избушки, тоже двинулся крадучись к сарайчику.

— Во лупит, гад!..— Иван, упираясь ладонями в пол, сел, потер, кашлянув, ушибленную грудь. И напружи-

нился — заметил сквозь большую щербину, оставшуюся от пули в двери, как старший остячонок скользнул через поляну к сарайчику.

— Ну, щас заголосят...— Иван тяжело поднялся, пнул винтовку с раздробленным цевьем, проковылял к нарам, где лежал ремень с кобурой. Вынул из нее кольт...

Еремей, пятясь, вшагнул в сарайчик, выдохнул с облегчением. Опустил карабин, оглянулся и обомлел.

Из-под накиданных кучей старых камышовых ковриков-яканов, тряпья, ветхих драных шкур, на которых валялись одеревеневшие уже трупы собак — Ночки и Быстрого,— торчали голые, желтые, мосластые ноги с потрескавшимися, мозолистыми ступнями — у взрослых, с округлыми пятками, светлыми кружочками пальцев — у детей. Неживые ноги.

Антошка окаменело сидел на корточках в углу. Еремей выскочил из сарая. Качнулся на широко расставленных ногах, пронзительно закричал:

— Эй, ляль, выходи! Выходи, жирный, я убью тебя!

Иван облизнул губы, задержал дыхание, поднял кольт на уровень глаз и толкнул створку.

Выстрелили одновременно. Иван охнул, схватился за левое плечо.

— Ах ты, морда налимья, зацепил-таки!

Дернулся назад, подтягивая перебитую руку, и чуть не задохнулся от боли. Увидев краем глаза, что остячонок, пристально всматриваясь, сделал два шажка вперед, заорал:

— Иди, иди сюда, хорек! Иди, харя паскудная! Иди, угощу!

— Сам подохнешь. Подожду,— Еремей медленно отступил в кул хот, исчез в полутемном проеме.

Чувствуя, как немеет плечо, прошитое дергающей болью, Иван положил кольт на порог, задрал гимнастерку, рванул исподнюю рубаху. Морщась, прижал скомканный лоскут к ране... Все, видать, конец, отпрыгался: кровь не останавливалась, сочилась, пропитывая тряпку, сползала тепло и липко по ребрам, унося жизнь. «Господи, владыка небесный, из-за кого умирать приходится?! Из-за зверька таежного, у которого никакого интереса нету, окромя как сырой рыбы нажраться да оленьей крови наглотаться. Разве ж он понимает, как это сладко — жить?!»

— А, собака, кровопивец! — взвыл Иван и пальнул в щель.

Из сарайчика сразу же ответили выстрелом.

— Жив еще,— лежа у порога, мрачно заметил Еремей и передернул затвор винтовки.— Ладно. Ждать больше нельзя...— Повернул голову к Антошке, который все так же окаменело сидел в углу, глядя на ступни убитых.— Иди копай! Побыстрей. Нам еще Арча догнать надо.

Антошка, как во сне, поднялся, вышел. И, не пригибаясь, не ускоряя шаг, побрел под уклон к реке. Около одинокой сосны остановился, поглядел пусто на Еремея.

Тот, со страхом ждавший выстрела Ивана, кивнул: можно здесь, приступай! Крикнул:

— Эй ты, в тулых хот, не сдох еще?! Слышишь?!

Иван, закрывший глаза, чтобы помолиться, вздрогнул, услышав этот голос. Приоткрыл глаза, повернулся, чтобы сесть поудобней, и увидел на стене самострел с мощной, широкой дугой лука, а рядом, в кожаном чехле, толстые темные стрелы с зазубренными наконечниками. Постанывая, Иван поднялся с пола, утвердился на ногах. И, не отрывая глаз от самострела, побрел к нему.

Антошка под сосной вяло нарезал пласты дерна, вяло откидывал их в сторону.

— Паста, Антошка, паста![1] — прикрикнул Еремей.

Конечно, могилу рыть необязательно. Убитых Сардаковых можно было перенести в облас, который лежал на берегу, и пустить по реке — дедушка говорил, что предки когда-то отправляли так в последний путь умерших,— но Еремей хотел, чтобы названый, а теперь и единственный брат, самый близкий теперь человек, хоть немного отвлекся в работе от горя.

Антошка начал проворней рыхлить ножом песок, проворней выгребать его.

— Паста, паста! — безжалостно подгонял Еремей. Дотянулся до берестяного ведра, швырнул его к яме.— Китлэ!..[2]

— Во разбазланился... Стращает небось,— Иван, ерзая на коленях около нар, падая лбом на согнутую правую руку, когда все начинало плыть перед глазами,

---

[1] Быстро, быстрей (*хант.*).

[2] Держи, возьми (*хант.*).

пристраивал напротив двери самострел.— Нищета безлошадная,— презрительно хмыкал, протягивая сквозь щели между досками ремень, которым оплетал ложе самострела.— Ни единого гвоздя в избе нет!

Покряхтывая, с трудом согнул лук, зацепил крученую из сухожилий тетиву за сучок — спусковой крючок, наложил стрелу. И спустил тетиву. Стрела, прожужжав, с такой силой вонзилась в дверь, что та даже слегка приоткрылась. Иван чуть-чуть сдвинул самострел, чтобы смотрел правее.

Снова взвел лук. Протянул к двери длинную нитку из жил, конец которой привязал к спусковому крючку, натянув, обмотал ее вокруг наконечника стрелы.

Снаружи опять раздался выстрел. Иван с трудом нагнулся, поднял кольт, выстрелил в пол: жив, жив, мол, еще.

Зажал кольт в коленях, зарядил; обмирая от боли, взобрался на нары, осторожненько положил в направляющий желобок стрелу и тихохонько, чтобы не сшелохнуть самострел, забрался в угол. Улегся поудобней, уткнулся затылком в кучу остяцких мехов, которые так и не успел уложить в мешки. Затуманенно посматривая то на дверь, то на не прикрытое еще к зиме летнее окно в потолке, положил поудобней руку с револьвером на бедро.

— Отче наш, иже еси на небеси,— привычно забормотал Иван.— Да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя... И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим...

Солнце, проплыв короткий свой путь, уже сползло к верхней кромке леса; опять налился белым светом полупрозрачный ломтик месяца; от реки потянуло легким вечерним холодком, сыростью.

Еремей не целясь выстрелил в воздух. Подождал — ответного выстрела не было. Выстрелил еще раз — тишина.

Антошка, углубившийся по плечи в яму, остервенело нагребавший в берестяное ведро песок и с маху вываливавший его на бортик, замер. Посмотрел на Еремея, на избушку. Упершись в край ямы, выметнулся наружу. Влетел в сарайчик.

— Пойду посмотрю, а? — спросил быстрым шепотом.— Через верхнее окно. Может, умер Иван?

— Посмотри,— неохотно согласился Еремей.— Толь-

ко тихо. Вдруг притворяется? Вдруг хитрость какую задумал.

Антошка схватил карабин. Еремей дернулся было, чтобы остановить его, но передумал: как запретишь мстить? Пусть стреляет. У него всего один патрон...

Антошка пристроил карабин за спину и метнулся к избушке. Упал на четвереньки, прополз под крохотным оконцем, снова вскочил, скрылся за углом. Еремей, прижавшись щекой к прикладу, прицелился.

В родном доме — что внутри, что снаружи — знал Антошка каждый сучок, каждую трещинку. Поэтому кинулся к дальнему углу задней стены — сотни раз взлетал здесь белкой на крышу — и уже ухватился за неровно торчащие торцы бревен, как вдруг чья-то твердая, бугристая ладонь крепко зажала ему рот, чья-то рука обхватила, оторвала от земли. Антошка задрыгал ногами, затрепыхался; вывернув голову назад, увидел носастого мужика с лохматой бородой — того самого, которого связывал Еремей.

Парамонов, приотставший от Арчева со Степаном — лодку привязывал,— сильней стиснул проводничонка и принялся взглядом по зарослям шарить, командира выискивать: прогневается, упаси Христос, что отбился. Увидел Арчева за кустарником на взгорке — тот передал Степану револьвер, рукой в сторону избушки показал и скрылся. «Надоть выждать,— решил Парамонов.— Дело тухлое».

Они приплыли только что. Хотели причалить к той же отмели, что и в прошлый раз, а тут — два выстрела: один и немного погодя другой. Арчев аж взвился: «Жив Еремейка!» — «Можа, ка́к раз щас-то и прихлопнул его Ванька»,— мрачно предположил Степан. «Чтоб ты языком своим подавился! — рыкнул Арчев.— Гребите! — Но тут же схватил их за руки.— Смотрите! — показал на берег.— Сюда давайте!» Мужики оглянулись, увидели на траве облас, круто развернулись...

Еремей, все встревоженней посматривая на крышу избушки, где должен был появиться Антошка, насторожился: за стеной что-то хрустнуло, прошуршало. Или показалось? Осторожно подтянул винтовку, хотел встать... и застыл, согнувшись, упершись левой рукой в землю,— увидел, как к избушке подскочил тот самый здоровенный мужик, которого оставили связанным в стойбище.

Степан переложил револьвер в левую руку, размашисто перекрестился, рванул дверь. И повалился лицом вперед — стрела пробила грудь, вздыбив бугорком шинель на спине,— но, падая, успел Степан выстрелить в того, кто шевельнулся на куче рыжих, белых, золотистых мехов.

От выстрела, раздавшегося в избушке, Парамонов, слегка вздрогнув, расслабил на миг руки. Антошка впился зубами в палец — мужик охнул, отдернул ладонь.

— Ермей, конта! — пронзительно закричал Антошка.— Коллэ, конта! Ляль юхит![1] — Дернулся, рванулся в сторону, шмыгнул в заросли.

Истошный вопль Антошки подбросил Еремея. Он выскочил из сарайчика и тут же выронил винтовку — кто-то облапил сзади, сдавил, опрокинул. Еремей рычал, извивался, размашисто бил головой назад, стараясь попасть в лицо врагу.

— Тише, тише, юноша... поспокойней,— сипел Арчев, заламывая Еремею руки за спину.— Смирись, гордый человек,— он фыркнул, но насмешливость сразу исчезла, когда невдалеке бухнул выстрел.— Кто это лупит?.. Твой дружок?

Стрелял Парамонов. Перехватив половчей Антошкин карабин, он, подминая кусты, кинулся за беглецом и, когда мелькнула в просвете зарослей серая рубашка, стрельнул навскидку. Малец вильнул в сторону и, перебегая от дерева к дереву, стал удаляться. Парамонов поднял не торопясь карабин, прицелился, нажал на курок. Боек сухо щелкнул. Парамонов передернул затвор — пусто, кончились патроны. И кинулся назад, к избушке.

Арчев, навалившийся на Еремея, поднял голову.

— Где шлялся, мерзавец? — спросил раздраженно, когда запыхавшийся Парамонов вытянулся перед ним.

— Так что, вашбродь, с проводничонком задержамшись,— выпятив грудь, доложил тот и стрельнул глазами в сторону зарослей.— Дозвольте мне? — показал взглядом на пленника, и когда Арчев благосклонно кивнул, положил, как на строевом смотре, карабин, сделав шаг вперед.

Деловито вынул из кармана шинели обрывки тынзяна.

---

[1] Еремей, беги!.. Слышишь, беги!.. Беда пришла! (*хант.*)

— Вот и сгодилось. Вишь, милок, утром ты меня, а вечером — хе-хе — я тебя.— Он проворно и умело стянул ремешками руки Еремея.— Так-то вот: вчерась полковник, нынче — покойник...— Усадил мальчика спиной к стене.— Ну что, голубь? Утречком — герой, а вечером — с дырой?..

— Хватит болтать! — рявкнул Арчев. Губами изобразил Еремею улыбку: — Шутит он, не верь. Никто тебя убивать не собирается. И вообще, ничего плохого тебе не грозит. Если будешь послушным.— Изучающе поразглядывал пленника.— Ты должен всего лишь отвести нас на главное святое место, как это... Эвыт? Имынг тахи? Покажешь Сорни Най — и свободен... Советую согласиться. В противном случае этот вот,— кивнул на Парамонова,— разделает тебя, как бог черепаху. Верно, Парамонов?

— Так точно, вашбродь! Исполню в лучшем виде.

— Слышал? — Арчев поднял многозначительно палец.— Верь мне, этот человек ба-а-альшой специалист в своем деле. Так что соглашайся поскорей, иначе...— И добавил с усмешечкой: — Только не делай вид, будто не понимаешь. Твой дед прекрасно понимал меня, Евгения Арчева...

— Ты Арчев? — взвизгнул Еремей и, резко вскинув ноги, ударил ими в грудь врага.

Тот опрокинулся назад, тут же вскочил, замашисто вскинул кулак, но Парамонов опередил — сшиб мальчика, рухнул на него, придавил.

— Ах ты, сморчок! — Арчев, не удержавшись, ударил-таки Еремея. Потом, рывком расстегнув, сорвал с него пояс: сухо стукнулись медвежьи клыки, тоненько звякнули медные висюльки.— Все равно покажешь, паршивец, Сорни Най! — Постучал пальцем по орнаменту на сумке-качине.— Покажешь, дрянь!.. Займись им, Парамонов!

— Прикажете шомполами али как позаковыристей? — деловито поинтересовался тот.

Арчев, надевая на себя пояс Еремея, равнодушно дернул плечом.

— Для зачина шомполами,— решил Парамонов.— Привычней.

Огляделся. Схватил Еремея за шиворот, подтащил к сосне. Поставил мальчика лицом к дереву и привязал за шею, за поясницу к стволу. Все делал без суеты,

но быстро. Еремей не сопротивлялся. Прижавшись щекой к коре, смотрел на выкопанную Антошкой могилу.

Арчев подошел к сарайчику, заглянул внутрь, поморщился.

— Парамонов! — окликнул.— Надо бы с этими что-то сделать,— кивнул на мертвых Сардаковых.— Дурно пахнуть начали... Кремируй, что ли.

— Слушаюсь, вашбродь! Спытаю вот шаманенка на крепость карахтера и все сполню... Дозвольте начать? — выдернул из карабина шомпол, взмахнул им, проверяя гибкость.

— Валяй,— вяло махнул ладонью Арчев. Понаблюдал, как подручный стальным прутом вытянул с оттяжкой по спине мальчика: раз, второй, третий. После первого удара Еремей вздрогнул, но не вскрикнул, не застонал.

— Снял бы с него малицу,— посоветовал Арчев.— Что ты из нее пыль выколачиваешь.

— Ништо,— отозвался Парамонов.— Сукно не сдюжит. Измохратится.

— Ну, тебе видней.— Арчев, стараясь шагать в такт посвисту шомпола, прошел к избушке.

Остановился на пороге, широко, циркулем расставив ноги над трупом Степана. Уперся раскинутыми руками в косяки, подался внутрь. Поджал губы, поразглядывал недолго объедки, черные от грязи портянки, шкуры, тело на них. Качнулся наружу, перенес ногу через Степана.

— Парамонов! — позвал снова и, когда тот подбежал, попросил брезгливо: — Наведи, пожалуйста, порядок в этом хлеву. Нам, возможно, придется здесь жить. Пока шаманенок не образумится.— Устало надавил пальцами на глаза.— Он ведь молчит?

— Заговорит...— не очень уверенно пообещал Парамонов и высморкался.— Степку с Ванькой с остяками аль как?

— Как хочешь. Тебе с ними возиться, не мне.

И, сунув руки в карманы шинели, ежась от вечерней прохлады, Арчев направился к Еремею. Остановился за его спиной, склонил голову, разглядывая мокрые полосы, темневшие на малице. Еремей тяжело открыл глаза, посмотрел пусто и равнодушно.

— Ну как, надумал? — Арчев за подбородок развернул его голову к себе.— Покажешь Сорни Най?

— Где дед? Мать, Микулька, Дашка где? — зло спросил Еремей.

— Далеко,— Арчев махнул за спину.— Отведешь на эвыт, скажу.

Еремей глубоко вдохнул и с силой плюнул ему в лицо.

Арчев, передернувшись, скривившись от омерзения, шоркнул рукавом по щеке. И наотмашь ударил мальчика.

— Дикарь, ублюдок! — торопливо откинул полу шинели, выдернул за уголок платок из кармана, вытер, гримасничая от отвращения, лицо, ладони, мокрое пятно на рукаве. Скомкал платок, швырнул его в яму.— Если не согласишься, вот здесь собственноручно закопаю тебя. Живьем!

Дрожащими от бешенства руками достал серебряный портсигар, вынул папиросу. Прикурил, ломая спички, жадно затянулся, наблюдая сузившимися глазами за Парамоновым.

Тот, уже обыскав Степана, сунув за ремень подобранный револьвер, рассовав по карманам добычу — кисет, нож, пачку мятых керенок и советских денег, золоченый нательный крестик,— волок мертвого напарника в сарайчик.

Там втащил тело на самый верх кучи.

— Прощай, Степа, царствие тебе небесное. В раю встренемся.

Уложив рядом и Ивана, Парамонов вынул из кармана мешочек с трутом, кресалом и кремешком.

— Ишь смолит, тонка кость — белы рученьки,— ворчал, высекая красноватые искры и поглядывая в дверной проем на светлую точку папиросы Арчева.— Сколь серников-то, поди, извел. Нет чтоб поделиться.. Мучайся тута с энтим огнивом растреклятым...

Наконец размохначенный кончик трута задымился. Парамонов раздул его, подпалил завиток бересты, сунул в шкуры. Огонь затрещал, зарезвился.

Парамонов вышел, закрыл дверь.

Арчев, глубоко всунув руки в карманы, остро, углами, подняв плечи, жевал папиросу, наблюдая, как выползает из щелей сарайчика белый дым.

— Вот и отвоевались Степан с Иваном... Все суета! — Выплюнул папиросу.— Хорошие были воины, верные... А ты, я думаю, доволен? — Покосился насмешли-

во на подручного, выдернул у него из-за пояса свой револьвер, сунул в кобуру.— Остяцкое золото нам достанется.

— Дык, тое золото еще найтить надо,— вздохнул Парамонов, берясь за шомпол.— Иде оно, золото тое?

— Об этом знает только Еремейка. Спроси у него.

В сарайчике ухнуло; над крышей взметнулись длинные гибкие языки пламени, отшвырнув вечерний полумрак. Огонь плеснулся по сухим смолистым стенам, и вмиг сарай превратился в полыхающий куб...

«Советогор», часто шлепая плицами, оставляя за собой черный хвост дыма, бодро плыл серединой реки. Близилась ночь: холодно серебрился в синей выси полумесяц, перебросив от берега к берегу раздробленную волнами белую полоску, которую пароход никак не мог пересечь — та все время оставалась впереди. Сгущались на берегу тени, превращая лес в сплошную черную полосу.

— Что за притча?! Никак пожар? — капитан показал рукой вперед и влево, где за темной стеной деревьев вспыхнуло яркое пятно, выкинувшее в небо световой столб.— Клянусь честью, это в устье Назыма! — Наклонился к карте.— Вот здесь.

Фролов тоже нагнулся над картой.

— Сардакова Юрта? — Поднял лицо, посмотрел на далекий огонь. И приказал: — Давайте к берегу, Виталий Викентьевич!..

Еремей вскрикнул, обмяк. Задышал часто и мелко, завсхлипывал.

— Эт-те-те, сомлел парнишка! — крякнул сокрушенно Парамонов. Захватил полой шинели шомпол, вытер его.— От ить какой крепкий попался... Прям комиссар большевицкий, а не робенок, право слово...

— Может, огнем попробуем? — Арчев поглядел на исходящую жаром гигантскую кучу углей, оставшихся от сарая.

— Мальчонку сперва надоть в себя, в чувство то исть, привесть. Водой, к примеру, окатить.

— Так что ж ты стоишь! — взорвался Арчев.— Иди за водой!

— Иду,— смиренно вздохнул Парамонов,— кто ж, окромя меня?

Нагнулся, покряхтывая, потирая поясницу, поднял берестяное ведро.

Арчев пытливо заглянул Еремею в лицо, раздвинул пальцами веки мальчика — блеснули белки закатившихся глаз. Еремей задышал еще чаще и вдруг забормотал: «Не бей, не бей, руснки!.. Покажу сорни най, только дедушку с матерью отпусти... Арнэ с Микулькой, бабушку, Дашку не трогай... Покажу...» Арчев сначала растерялся, но сразу же и обрадовался — улыбнулся удовлетворенно. Повернул голову, высматривая в приречной полутьме Парамонова, и удивленно заморгал — тот исчез.

— Что за мистика? — Арчев отступил на шаг, вынул револьвер.

Резко обернулся на звук.

Быстрыми, длинными скачками мчался к нему, вскинув нож, проводничонок, свирепый, взлохмаченный, с зареванным лицом, с бешеными глазами. Налетел, замахнулся, но Арчев играючи перехватил его руку, и Антошка, заорав, кувыркнулся. Не рассчитавший усилия Арчев тоже упал, подмяв под себя мальчика. Тот бился, пытаясь вцепиться зубами в горло врага...

Долго и терпеливо выжидал Антошка. Затаился в кустах, умоляя Нум Торыма, чтобы тот хоть ненадолго оставил Арчева одного. С двумя не справиться... Глотая слезы, кусая кулак, сжимающий нож, смотрел Антошка, как привязывали Ермейку к сосне, как хлестал его бородатый шомполом, и не кинулся на мучителя — сдержал себя... Когда запылал кул хот, Антошке подумалось горестно, что вот как, оказывается, суждено уйти в нижний мир его родным — через огонь, но мысль эта смялась другой — светло стало! Теперь трудней будет незаметно подкрасться. Антошка задыхался от слез, изгрыз в кровь кулак, наблюдая, как истязают Ермейку, но не шелохнулся — ждал, ждал... И вот наконец-то Арчев остался один — бородатый пошел с ведром к реке. Антошка выскочил из кустов, бросился, едва касаясь земли ступнями, к главному убийце...

— Смотри-ка, какой отчаянный. А злой-то, злой...— Арчев, посмеиваясь, легонько надавил на горло Антошке.— Отдохни немного, успокойся...

Что-то сильно дернуло за воротник, отшвырнуло. Арчев крутнулся на спину, рванулся, чтобы вскочить. И застыл — кольцом вокруг ноги, в обмотках, в разби-

тых армейских ботинках, в стоптанных сапогах, винтовки, направленные прямо в глаза.

— Бросьте оружие! — потребовал властный голос.— И встаньте.

Арчев медленно повернул голову к приказавшему — кожаная потертая тужурка, кожаная фуражка со звездочкой, низко надвинутая на лоб, жесткое худое лицо — Фролов! Из губчека. Начальник отдела по борьбе с терроризмом и политическим бандитизмом.

— Лихо сработано,— Арчев отбросил револьвер.

Тяжело встал, тяжело поднял руки, когда парень в провонявшем мазутом бушлате мастерового, сорвав с него пояс Еремея и передав Фролову, принялся ощупывать. Арчев зыркнул по сторонам, понял: не убежать — по всему стойбищу рыскали в бликах догорающего сарая безмолвные, а оттого казавшиеся особенно зловещими чоновцы. Двое скрылись в избушке, один нес из зарослей вещмешки, еще двое поднимали ошеломленного проводничонка, трое осторожно отвязывали от дерева Еремея, четверо вели от реки Парамонова. Поставили его перед Фроловым. Тот, с любопытством рассматривавший орнамент на сумке-качине, поднял голову.

— Твоя работа? — спросил хмуро и показал на Еремея.

— Дык...— Парамонов вильнул взглядом в сторону Арчева.— Их вот благородие приказали,— и, сделав скорбное лицо, вздохнул подчеркнуто громко.

— Расстрелять,— не повышая голоса, приказал Фролов.

Парамонов то ли не расслышал, то ли не понял, гулко сглотнул слюну, коротко, словно одобряя, кивнул. Но когда его подвели к яме, когда повернули к ней спиной, а конвоиры встали напротив, всполошился.

— За что?!. Погодь, погодь, братцы!..— Парамонов протянул к чоновцам руки.— А ежели наши вас споймают да к яме... рази это по совести будет, а?! Ведь вы тоже приказ сполняете. И я сполнял! За приказ пущай командиры отвечают...

— За участие в контрреволюционном мятеже, за изуверство...— начал негромко Фролов.

— Не стреляйте, окститесь! — взвыл Парамонов и рухнул на колени.— Ведь не помер же парнишка... Оне, дикие-то, живучи. Гляньте — жив шаманенок, жив!..

Мотнул головой в сторону Еремея и за это короткое мгновение успел увидеть такие страшные, такие беспощадные глаза только что очнувшегося мальчика, что, вздрогнув, сжался.

— ...именем народа, именем рабоче-крестьянской республики!..

— Господи-и-и! — Парамонов задрал к небу бороду, вскинул руки.— К тебе иду, прими раба твово верного!

Громыхнул залп. Парамонов дернулся вперед, скрючился, заваливаясь набок, и тело его скользнуло в яму.

Еремей торжествующе вскрикнул и начал опять оседать — потерял сознание. Бойцы подхватили его на руки и, предупреждающе посматривая друг на друга: не оступись, мол,— понесли к реке, где сразу же после залпа выплыл с низовьев пароход. Антошка, заглядывая Еремею в лицо, семенил рядом, но около шлюпок, которые уже перегнали к отмели, развернулся, кинулся назад. Чуть не налетел на Арчева.

— Что же вы со мной медлите? — насмешливо спросил Арчев, глядя вслед проводничонку, юркнувшему в избушку. Перевел взгляд на чоновцев, засыпавших яму.— Или меня хоронить не будете? Медведям на лакомство?

— Вас тоже расстреляем,— пообещал Фролов.— Только позднее, вместе с другими главарями. После показательного процесса... Где еще ваши?

— Там,— Арчев кивнул на догорающий сарай и увидел краем глаза, что за спиной только один чоновец. Мелькнуло: прыжок назад, удар, рывок в кусты, а там... выручай ночь, тайга да быстрые ноги! Но тут же трезво спросил себя: а дальше? Ободранный, голодный, околевает где-то под деревом — убежал!..

— Чего башкой вертишь?! — боец ткнул дулом винтовки в спину.— Не удерешь, не мечтай.

— Дум спиро, сперо [1],— огрызнулся Арчев.

— Чего? Я тебе покажу Спирю! — Боец щелкнул затвором.— Никакой Спиря тебе не поможет... А ну шагай к реке!

Услыхав про «Спирю», Арчев вспомнил и про Спирькину карту, и про... Кто знает, может, еще не все потеряно — ведь Еремейка, пусть и в бессознании, сломался, бормотал: «Покажу сорни най, покажу!..» Значит.

[1] Пока дышу, надеюсь (*лат.*).

не такой уж и кремень, значит, есть надежда выведать тайну, значит... Нет, не все потеряно!

Арчев усаживался в шлюпку, когда примчался запыхавшийся Антошка и принялся совать чоновцам два туеска.

— Вот, вочирем, меми пупи нигк!..[1] Ермейку мазать надо! — Забросил руки за спину, показывая, что надо натирать, даже зажмурился, изображая блаженство.— Ермейка хорошо будет!

Фролов подхватил его под мышки, поднял, усадил рядом.

— Поехали с нами? — Наклонился к мальчику.— Станешь за другом — или кто он тебе, брат? — ухаживать? Не оставлять же тебя тут одного!..

Антошка закивал, соглашаясь.

— Ну вот и хорошо... Кстати, как тебя звать-то?

— Антошка Сардаков,— скороговоркой отозвался мальчик; показал на названого брата.— А он — Ермей Сатар! Его дед — Большой Ефрем-ики.

— Внук Ефрема Сатарова? — Фролов удивленно посмотрел на Еремея, потом, раздумчиво, на Арчева. И приказал бойцам в лодке: — Гребите! У мальчика может начаться антонов огонь.

Услыхав упоминание своего имени, да еще со словом «огонь», Антошка оглянулся — берег удалялся: маленькими выглядели уже и вторая русская лодка, и куча углей на месте сарая, и даже избушка тулых хот, похожая на сгорбленную старуху с открытым ртом-дверью; почудилось даже, будто с берега донесся слабый крик — зов вернуться. У Антошки защекотало в носу, защипало глаза. Он поспешно отвернулся — и вздрогнул: черной стеной вырос совсем рядом пароход.

Шлюпка скользнула вдоль его низкого борта. С палубы встретили прибывших веселым гомоном. Но в шлюпке не откликнулись. Молча подняли Еремея на руки, молча протянули вверх. И сразу гвалт смолк. Еремея приняли, сомкнулись над ним, отхлынули от борта.

Антошка взобрался по короткому трапу, бросился за уносившими Еремея. Те уже спустились неглубоко вниз, внутрь парохода. Протопали по неширокому ко-

[1] Желчь, сало медведя (*хант.*).

ридору, тускло освещенному керосиновым фонарем под потолком. Девушка в красной косынке, шагавшая впереди, распахнула дверь.

Антошка, расталкивая бойцов, шмыгнул в эту дверь, притаился за изголовьем узкой кровати, на которую положили лицом вниз Еремея. Огляделся: еще одна кровать, у другой стены, кожаная лежанка, русский рукомойник, рядом шкаф; второй, белый, шкафчик — над столом у окна, под этим шкафчиком портрет самого главного Совет-начальника, такой же, какой показывал Сардаковым Ефрем-ики.

— Идите, идите, товарищи. Мальчику и так дышать нечем! — Девушка в красной косынке стала выталкивать бойцов.

— Может, чего надо для мальчонки, а? — спрашивали чоновцы, отступая под ее напором, смотрели просительно.— Ты, Люся, только скажи...

— Надо лишь одно — чтобы вы не мешали! — раздраженно прикрикнула она.— Хотя нет, принесите горячей воды.

— Воды... Кипятку для остячонка! Живо!..— послышалось в коридоре.

— Ну, чего стоишь? — удивилась Люся, повернувшись к Антошке.— Раздень его,— показала взглядом на Еремея. Открыла белый шкафчик, принялась вынимать склянки, банки с мазями, бинты, корпию. Оглянулась.— Ярнасал илы вые! Паста вые! Тунгымтэ? [1]

— Тунгымтэ...— Антошка опустил голову. С трудом подбирая слова, сказал по-русски, уверенный, что так лучше поймут: — Я боюсь снять Ермейка рубаху. Ермейка больно будет.

— Ах да... Какая же я стала! — Люся подошла к койке, распрямила руки Еремея.— Держи вот так. Крепко держи!

Антошка торопливо поставил туески на стол. Вцепился в запястья друга-брата, запыхтел от усердия. Люся выдернула из чехла на ремне Антошки нож, начала осторожно взрезать спекшуюся от крови малицу Еремея.

Мальчик застонал, скрипнул зубами, дернулся, не открывая глаз; Антошка напрягся, пытаясь удержать

[1] Сними с него одежду! Побыстрей! Понял? (*хант.*)

руки, и не смог — Еремей отшвырнул его, переметнулся на бок, взвыл от боли, изогнулся.

— Нет, так не годится. Надо отмачивать,— Люся сдернула с головы косынку, отерла ею вмиг покрывшееся потом лицо.— Это издевательство над раненым...

В дверь постучали. Антошка подскочил к двери, распахнул. Увидел бойца с ведром, чоновцев, а в просвете между ними — Арчева, который шел под конвоем в глубине коридора. Но на враге Антошка взгляд задерживать не стал — некогда! Схватил двумя руками дужку ведра и, приседая от тяжести, отворачивая от пара лицо, засеменил к койке Еремея.

Арчев тоже заметил мелькнувшего остячонка и хотел было остановиться, чтобы послушать, что говорят о здоровье внука Ефрема Сатарова чоновцы, но один конвоир уже открыл дверь в каюту капитана, другой несильно подтолкнул в спину.

Фролов на миг поднял глаза от бумаг, разложенных на столе, кивком показал на стул у стены.

Арчев сел, покосился на конвоиров, вставших слева и справа, забросил ногу на ногу. Обхватил сцепленными пальцами колено и скучающе посмотрел на чекиста, потом — насмешливо — на капитана, который, выпрямившись, поджав губы, сидел рядом с Фроловым.

— Арчев Евгений Дмитриевич,— потирая лоб, начал Фролов.— Родовой дворянин, князь, тридцати двух лет от роду... Если не ошибаюсь, предок ваш был вогульским князьком? — Поднял на пленного глаза.

— Что из того? — Арчев оскорбленно дернул верхней губой.— Моего пращура вывезли в первопрестольную еще при Алексее Михайловиче! Русский я, русский, и тем горжусь!

— Русский так русский, какая разница?.. О вогульских предках я спросил потому, что, возможно, у вас есть какой-то особый интерес к этой земле, а?.. Ладно, продолжим. Учились вы в первом Московском императрицы Екатерины Второй кадетском корпусе, затем окончили Александровское военное училище, служили в корпусе жандармов... Кстати, как это вы — князь! — и в охранку! Зачем?

— Затем, чтобы хамло в узде держать, в наморднике! — неожиданно вспылил Арчев.— Удовлетворены ответом?

— Что это вы взъярились? — Фролов откинулся на

стуле, качнулся, поизучал пленника.— Понимаю. Наверно, не я один, а и люди вашего круга таким выбором были удивлены?..— Опять нагнулся к столу, навалился на него грудью.— Не верю я вам. Думаю, что в жандармы подались, чтобы на фронт не попасть.

— Как вы смеете?! — Арчев стрельнул глазами на капитана, хотел вскочить, но конвоиры удержали за плечи.— Я награжден шашкой — почетным оружием «За храбрость»!

— Храбрость мясника,— презрительно бросил Фролов.— Шашку вы получили за рьяное участие в карательной экспедиции Астахова-младшего. За расстрелы безоружных.— Поднял голову, поглядел жестко, не мигая.— Теперь, в сущности, то же самое. Только шайка называется иначе.

— Но-но, па-а-апрошу без инсинуаций! — Арчев оскорбленно выпрямился.— И я, и мои соратники были и есть борцы за интересы крестьянства. Стоящие на политической платформе социалистов-революционеров!

— Та-а-ак! — Фролов сузил глаза.— Будучи жандармом, в четырнадцатом вы исповедывали октябризм. При Керенском стали кадетом и остались им при Колчаке, будучи главарем банды Иисуса-воителя. Теперь же, во время мятежа, возглавив свору палачей-боевиков, перекрасились в эсера? Где же ваша идейная убежденность? В чем она? — Тяжело засопел, ожидая ответа, но Арчев лишь презрительно поджал губы и уставился в угол.— И в роли октябриста, и в роли кадета, и в роли эсера вы пролили реки крови трудящихся. И еще смеете после этого называть себя защитником интересов крестьянства! — Громыхнул кулаком по столу, так что Арчев вздрогнул.— Вы и ваша свора омерзительны мне,— Фролов, успокаиваясь, собрал разлетевшиеся от удара листки бумаги.— Но я должен соблюсти формальности. Вы знаете, что губернский съезд Советов объявил двухнедельник добровольной явки мятежников. Поэтому, когда настигнем остатки вашей банды, а это произойдет не сегодня-завтра, вы в ультимативной форме напомните об амнистии своим головорезам. Дабы избежать напрасного кровопролития.

— Я?! — Арчев изобразил величайшее изумление. Выдержал паузу.— Никогда! Пусть льется кровь. Ваша! — ткнул пальцем в сторону стола.— Чем больше, тем лучше!

— Ясно. Боитесь идти к своим живодерам,— Фролов, сдвинув вместе ладони, потер лицо.— Знаете, что подручные не простят, что вы сбежали от них... К слову, а почему вы сбежали? — Слегка развел пальцы, глянул пытливо.— Зачем это вам понадобилось стойбище Сатаров?

Арчев перестал выстукивать каблуком дробь.

— Я устал и больше разговаривать с вами не желаю. Прикажите меня увести! — потребовал утомленно.

— Я тоже не желаю с вами разговаривать, да приходится,— Фролов нагнулся, достал из-под стола серебряную статуэтку, поставил с легким стуком перед собой.— Скажите, откуда это у вас?

— Семейная реликвия,— Арчев искоса взглянул на фигурку. Зевнул, прикрывая рот ладонью.— Извините, очень спать хочется...— Улыбнулся виновато, но, наткнувшись на требовательный взгляд Фролова, пояснил как можно равнодушней: — Своего рода талисман. Вещица изящная, выполнена со вкусом... Да вам этого не понять.

— Отчего же,— Фролов взял статуэтку, покрутил так и этак, отчего тусклое серебро матово блеснуло в слабом свете керосиновой лампы. Всмотрелся в тонкие черты спокойно-строгого лица воинственной девы.— Античная работа. Вероятней всего, из греческих колоний Причерноморья. Уникальный экземпляр. Кто знает, возможно, даже уменьшенная копия утраченной Афины Фидия...— Бережно поставил статуэтку, склонил голову, любуясь.— А вот как понять, что вы, эстет, любитель изящного, и так истязали мальчика?

— Эстеты, любители изящного, всегда наказывали строптивое быдло,— Арчев, не отрывая взгляда от серебряной фигурки, криво усмехнулся.— Кнутом, батогами, шпицрутенами, розгами... Вспомните хотя бы «Записки охотника» или «После бала».

— Значит, мальчик был строптив? — Фролов наклонился к статуэтке, внимательно разглядывая копье Афины, даже пальцем легонько погладил его.— Чего же вы от него добивались? — Взглянул на Арчева. Подождал ответа, не дождался — и опять опустил глаза.— Объясните, что означают эти зарубки на копье?.. Количество убитых медведей? — поднял вопросительный взгляд.— Не знаете?.. Надо будет у Еремея спросить, уж он-то наверняка знает. Второй вопрос...— вытянул из нагруд-

ного кармана батистовый лоскут с вышитой картой. Положил на стол, разгладил ладонью.

— Я солгал,— Арчев вцепился в колени.— А лгать перед кем-нибудь, а особенно перед вами, считаю унизительным...— Кашлянул в кулак.— Статуэтку я действительно взял в стойбище Сатаров. Видимо, попала сюда, в Югру, еще в древности...

Фролов покивал: так, так, мол, продолжайте. Положил на стол пояс Ефрема-ики и, посматривая то на орнамент сумки-качина, то на карту Спирьки, спросил тусклым голосом:

— Объясните: для чего на вашей схеме нарисован родовой знак Сатаров? Может, между этим знаком, статуэткой и пыткой мальчика есть связь? А? — И опять внимательно взглянул на Арчева.— Ведь серебряная фигурка по-остяцки называется скорей всего «им вал най». А тамга Сатаров — «сорни най»... Что же вы хотели узнать у Еремея, а?

— Если так интересно, спросите у него,— Арчев уперся ладонями в колени, резко встал.— Больше отвечать не намерен.

Конвоиры вцепились ему в плечи, чтобы снова усадить, но Фролов слабо махнул рукой: отпустите, мол, оставьте в покое.

— Я и не собираюсь вас больше ни о чем спрашивать,— сказал брезгливо.— Теперь с вами будет разговаривать следователь... Уведите!

— Глаз с него не спускайте! — громко и неожиданно хрипло, от долгого молчания, судя по всему, попросил капитан. Добродушное лицо его было бледным и словно бы усохшим.— Этот тип, как я понял, тот еще шельма. Убежит, чего доброго!

Арчев, уже у двери, обернулся.

— Напрасно тревожитесь,— глядя в глаза капитана, сказал, кривя рот.— Пароход я не покину, даже если будете гнать. Доберусь с вами до города, а вот уж там-то...

— В тюрьму,— желчно уточнил капитан.— А оттуда...— поднял глаза к потолку, развел ладони.

— Что ж, на миру и смерть красна,— Арчев усмехнулся.— Если дело дойдет до такого финала, я ведь не один к стенке встану. Всех, кого знаю и не знаю, прихвачу с собой.

— Топай-топай,— конвоир подтолкнул его.

— Что это за «сорви лай» или как там? — Капитан облегченно выдохнул, расслабился, когда за пленником закрылась дверь.— Очень уж господин атаман встревожился, когда вы об этой самой «сорвн лай» упомянули.

Фролов, поставив на колени мешок Арчева, выкладывал из него на стол содержимое: исподнее белье, толстую книгу «Историческое обозрение Сибири», собольи шкурки, чистые портянки, икону Георгня Победоносца, плоскую шкатулку из слоновой кости. Встряхнув мешок, высыпал десятка два патронов.

— «Сорни най?» — переспросил, думая о своем.— «Сорни» значит золотой, золотая. «Най» имеет два значения: огонь и молодая красивая женщина. Золотой огонь...— Поднял крышку шкатулки, из которой встопорщились фотографические снимки.— В местном пантеоне Сорни Най — добрая, веселая, юная богиня.— Взял двумя пальцами, словно боясь обжечься, верхнюю фотокарточку, принялся хмуро разглядывать ее.

— Красивая, молодая... Золотая,— задумчиво повторил капитан.— Золотая богиня... Золотая Баба? — Изумленно воззрнлся на Фролова.

Тот, отложивший в сторону фотографию н потянувшийся за следующей, не донес до шкатулкн замершую над столом руку. Поднял взгляд на капитана, прищурил в раздумье левый глаз.

5

Два больших, широких дощаника, тяжело осевших в воду, еле ползли по теченню рядом с берегом — обвисли в безветрии серые паруса, медленно н понуро шагали по отмели лошади, тащившие на веревках громоздкие лодки. Изредка дневальные лениво, нехотя отпихивались шестами, чтобы удержать дощаники по курсу.

Белобрысый, худой, с тонкой, почти мальчишеской, кадыкастой шеей, Сергей Ростовцев, оставшийся старшим после того, как Арчев неожиданно исчез, полулежал на куче мешков, поглядывая со смешанным чувством гадливости и страха на «братьев по оружию». Те валялись расхристанные, полуодетые на грудах награбленного добра, дремали, переругивались, жевали, пили, поплевывалн под ноги, вяло играли в карты на керен-

ки — пуды этой бросовой бумаги нашли в подвалах бывшего отделения страхового общества «Саламандра», когда громили обосновавшийся там губженотдел, и прихватили, чтобы дурачить инородцев.

Ростовцев стиснул зубы. Отряд, еще пару месяцев назад — слаженная, крепкая дружина боевиков, неудержимо превращался в бандитский сброд. При Арчеве, скором и крутом на расправу, поддерживалась хоть какая-то дисциплина, а теперь... стыдоба, позорище, срам! И приходится плыть с этой полупьяной ватагой, другого пути нет. Сбежать, как Арчев? Но у того есть проводник, Серафимов, и трое преданных до гроба мужичков, бывалых, битых, которые и в огне не сгорят, и в воде не потонут. Одному бежать — верная гибель в тайге или, если удастся выйти к людям, в подвалах чека.

Ростовцев удержал вздох, посмотрел на берег, где верхом на лошадях, которые тянули лодки, сгорбились апатично Урядник и Студент, задержал взгляд на Козыре, гарцевавшем на вороном жеребце Арчева. «С Козырем можно бы уйти,— шевельнулась мысль,— этот проходимец помог бы вывернуться. Рискованно, правда, открываться ему...»

Ростовцев закрыл глаза. Скорей бы доплыть до поворота — там течение посильней, можно будет отцепить лошадок. Глядишь, через недельку и Березово... А что ждет в Березове, глухой дыре, где гнили в ссылке Меншиков, Долгоруковы, Остерман и даже некоторые из нынешних правителей Совдепии? Скорей всего, большевики и там установили свою диктатуру... Крах, катастрофа — разгром от Барабинска до Обдорска, разгром сокрушительный и окончательный! А ведь как хорошо все начиналось — Тюменская губерния полностью, часть уездов Омской, Челябинской, Екатеринбургской губерний охватились восстанием, как сухая солома пламенем, как порох: полное впечатление стихийного праведного народного гнева. Немногие знают, как в поте лица трудились руководители эсеровского «Союза трудового крестьянства», подготавливая мятеж, какую последовательную, целенаправленную, ежедневную, а точнее — еженощную работу проводили их агенты и уполномоченные в дервнях и селах. А какие завлекательные, безотказные вроде бы лозунги были выдвинуты: «Долой продразверстку!», «Свободу торговле!», «Кре-

стьянская Сибирь — крестьянам!», «Вся власть — пахарям!» Прав, пожалуй, этот большевистский главарь Ленин, утверждая, будто массами движут лозунги. Или идеи? Кажется, он говорил — идеи, овладевшие массами, становятся... какой-то там силой? Так почему же их мятежная сила продержалась всего каких-то полтора месяца? Почему крепкий сибирский мужик не захотел умирать в боях с Красной Армией за новую, без пролетарской диктатуры, власть?..

— Кончай клопа давить, братва! — стегнул по ушам вопль Козыря.— Кругом арш! Равнение на добычу!

Ростовцев распахнул глаза, увидел, что все, развернувшись, смотрят вверх по течению. Там вдалеке, выталкивая из трубы частые, плотные клубки дыма, взблескивая слившимися в сверкающий круг плицами, резво шлепал по воде низенький, широкий в палубе пароходишко. Он приближался.

— К бою! — радостно скомандовал Ростовцев. Еще бы: такая удача! Захватив пароход, можно будет прорваться сквозь любые совдеповские засады. Обернувшись к берегу, заорал: — Руби веревки! — И снова к тем, что в дощаниках: — Выгребай на середину! Да побыстрей, побыстрей! Упустим!

Но все уже поняли, что значит для них пароход: торопливо вывернули дощаники от берега, навалились на весла, чтобы перерезать путь «Советогору».

Пароход вдруг сбросил скорость, да так резко, что взбурлилась вода под гребным колесом, вильнул к палубе, тормозясь, дым, окутал надстройки. А когда рассеялся, открыл стоящего в полный рост высокого человека в кожаной куртке — тень от него, ломаясь на взбаламученной воде, упала между лодками нападавших.

— Эй вы, сдавайтесь! — властно крикнул человек в медный поблескивающий рупор.— Тот, кто бросит оружие и поднимет руки, попадает под амнистию. Гарантирую жизнь и свободу.

— А-а, собака! — взвизгнул Ростовцев.— Это же Фролов!

Нырнул к пулемету, упал за щиток, полоснул длинной очередью — пули пробарабанили по борту парохода. Фролов исчез.

И сразу же с «Советогора» сухой равнодушной скороговоркой отозвался пулемет чекистов. За ним дру-

гой — тоном повыше, голосом позлей, понервней. Заметались, то пересекаясь, то расходясь, частые фонтанчики между дощаниками и берегом. С лодок ответили беспорядочной винтовочной пальбой.

— Назад, назад, мужики! Отходим! — прорывались сквозь треск выстрелов и таканье пулеметов растерянные крики.— Шевелись, гребите!.. Не видите, что ль,— сам Фролов!..

Лодки развернулись к берегу, но, словно наткнувшись на невидимую стену, круто вильнули вдоль частокола фонтанчиков, отсекающих от суши...

— Прощай, братва! — заорал Козырь.— Бог не фраер — выручит! — Вытянулся на стременах, вскинул лошадь, но над головой цвенькнули пули, и он упал грудью на холку жеребца. Глянул из-под локтя на верховых.— Рвем отсюда!

Отпустил поводья, дал шенкеля. Конь, вытянув морду, поджав уши, сорвался с места наметом, скрылся в чаще.

Привыкшие тянуть лодки флегматичные лошадки, знающие лишь размеренный спокойный шаг, тоже проявили неожиданную прыть. Подгоняемые ездовыми, они, вспомнив, видимо, молодость, устремились неумелым коровьим галопом вслед за жеребцом.

Козырь поджидал сотоварищей в низкорослом сосняке. Раздувая ноздри тонкого горбатого носа, прислушался к далекому треску выстрелов, аханью гранатных взрывов, размеренной перебранке пулеметов.

— Ну, сявки-сявочки, вывернулись, гадом быть! — Он почесал острый подбородок.— Из какой мясорубки вырвались, а!.. Ты чего закис, Студент? — ткнул в плечо всадника в потасканной тужурке с золочеными пуговицами.— Живы ведь, короли-валеты! Живы, Студент, чуешь?

Тот, откинув голову, посмотрел на Козыря через покривившееся пенсне.

— Нехорошо получилось... Своих в беде бросили.

— Вот так ляпнул! — поразился Козырь.— Ты недавно дурак или сроду так?.. Смерти захотелось? Могу помочь,— потянул из-за спины винтовку.— Выручим его, Урядник? — Подмигнул краснолицему кряжистому мужику с густой рыжей бородой.— Выделим ему девять грамм из общей пайки?

— Щенячишься? — Урядник, вздыбив квадратную

грудь, глянул исподлобья на Студента.— Наши — ваши, глупость одна. О себе думать надо... Чего делать-то теперь, господа хорошие?

— Надо валить туда, откуда пришла эта лайба с чекистней,— выпалил Козырь.— В Сатарово надо — самый козырный ход! Там нас никто не ждет. Да и есть чем поживиться. Комиссары харчей, небось, для узкоглазых оставили — прорву!

— Что ж, в твоих словах есть резон,— Студент кивнул.

— Одобряю,— заявил и Урядник.— Я думаю, пароход далее, в Березово, направится. А нам с краснюками не по пути.

— Н-ну, а я о чем толкую! — хмыкнул Козырь. И вдруг вытянулся на стременах, поднял указательный палец, призывая к тишине.— Во, перестали хлестаться! — Помолчал, прислушиваясь, опустился в седло.— Все, спеклись братишки... Сейчас чекисты на берегу шмон начнут и за нами припустят!

Пригнулся, пустил коня с места в карьер. Урядник и Студент поскакали вслед за ним, кулаками, пятками мутузя непроворных лошадок.

Но чоновцы и не думали преследовать троицу — шут с ними, пускай уходят, не искать же иголку в стоге сена.

Ростовцев первым из пленных поднялся на палубу «Советогора». Мельком взглянул на чекистов, на девушку в алой косынке и выцветшей гимнастерке, на черноволосого большеголового остячонка в серой рубахе, перехваченной ремнем с ножом, на крепыша в кителе и фуражке — капитана, судя по всему,— и задержал взгляд на Фролове. Но тот на него, Ростовцева, и не глядел. Прищурившись от солнечных бликов, игравших на воде, наблюдал он за бойцами, которые перегружали из дощаника в шлюпку винтовки, зеленые патронные ящики.

— Я так полагаю, что вы — Ростовцев Сергей Львович,— не повернув головы, сказал Фролов скучным голосом.— Бывший инспектор губземотдела, а во время мятежа заместитель Арчева. Верно?

— Абсолютно справедливо, — Ростовцев, ерничая, прищелкнул каблуками.

Фролов покосился на него, смерил взглядом. Оглядел других пленных, которые сбились в кучу около трапа.

— Этого,— мотнул головой в сторону Ростовцева,— в каюту стюардов. Тех — в общую.

Пленные, топоча по палубе, потянулись под конвоем на корму, где в пустующем кубрике машинной команды были еще в городе сколочены двухъярусные нары. А Ростовцева повели к двери под мостиком.

Плечистый парень в бушлате мастерового схватил Ростовцева за рукав, втолкнул в каюту и с силой захлопнул дверь.

Арчев, стоявший у зарешеченного окна, обернулся.

— Евгений Дмитриевич! — обрадовался Ростовцев. Шагнул было к нему, но вдруг остановился, качнулся, точно запнувшись.— Простите, мы не знакомы.— Вскинул голову.— С предателями не желаю знаться.

— Дать бы вам по физиономии, чтобы выбирали выражения, да лень,— Арчев почесал небритую щеку.— Погубит вас язык, Серж. Язык, апломб и глупость... Я вижу, вас хорошо искупали, подпоручик.— Подошел к койке, поднял с нее шинель.— Снимите мокрое тряпье и наденьте хотя бы вот это... А то простудитесь.

— Пошли вы к черту с вашей заботой! — Ростовцев оттолкнул его руку.— Вы изменили отряду, изменили нашим идеалам, святому делу освобождения России!

— Немедленно переодеваться! — рявкнул по-командирски Арчев.— На вас сухой нитки нет.

— Ладно, подчиняюсь, поскольку вы старший по званию, возрасту и...— Ростовцев ехидно улыбнулся,— и по стажу заточения.— Нехотя принялся расстегивать китель.— Подчиняюсь, хотя и перестал вас уважать!

— Полноте, Серж,— Арчев досадливо скривился.— Вы или близорукий фанатик, или дремучий дурак... Не перебивайте! — Вскинул требовательно ладонь.— На что вы надеялись?! Забыли разве о Корнилове, Колчаке, Деникине?..

— Это не то, не то! — Ростовцев, разуваясь, взмахнул сапогом; плеснув из него мутной струйкой чуть ли не в лицо командиру.— Те хотели восстановить ушедшее непопулярное прошлое, а мы... Мы предлагаем качественно иное: крестьянскую республику! Пусть будут Советы, но без боль-ше-ви-ков!

— Слова, слова, слова...— Арчев отошел к своей койке, опустился на нее, откинулся к стене.— Нет, шер ами, качественно новое предложили большевики. Поэтому они взяли власть, к сожалению, прочно и надолго.

— Их успехи временны! — Ростовцев, запахнувшись в шинель, заметался по каюте, оставляя босыми ступнями мокрые следы.— Неужели вы не видите, что коммунисты отступают? Новая экономическая политика, введение натурального налога, разрешение продавать излишки хлеба. Все говорит о том, что...

— Все говорит о том, что нам,— то есть вам! — нечем больше пугать крестьянина, нечего ему обещать... Сядьте! — Арчев показал на вторую койку.— Почему я должен смотреть на вас снизу вверх?..— И когда Ростовцев, хмыкнув, опустился на тюфяк, продолжил брюзгливым тоном: — Большевики отобрали у нас, миль пардон, у вас, даже самого распоследнего темного и лопоухого лапотника. Вы кричали: «Долой продразверстку!», а ее уже нет, отменили. Вы кричали: «Свобода торговли!» — пожалуйста, торгуйте. Что теперь кричать будете? Чем поманите мужика?

— Почему вы все время выделяете «вам», «у вас»? — спросил Ростовцев.

— Потому, подпоручик, что я выбываю из игры. Надоел мне этот балаган до изжоги,— Арчев сцепил пальцы, хрустнул ими. Забросил ладони за затылок.— Скоро, милый Серж, я буду далеко отсюда. Уйду туда, где нет ни чекистов, ни Совдепов. Доберусь на этой лоханке до города, а там...— присвистнул, взмахнув рукой.

— Неужто вы верите, что это реально? — с надеждой спросил Ростовцев и, когда Арчев не ответил, а лишь усмехнулся, поинтересовался: — И куда же вы? На восток? К Семенову? К Унгерну?

— Я пока из ума не выжил.— Арчев презрительно фыркнул.— Если Семенова и барона еще не шлепнули, то скоро шлепнут. Как и вас, кстати.

— Как меня? — Ростовцев судорожно проглотил слюну, отчего острый кадык на тонкой шее дернулся.— А вас что же...

— Я, мон анфан тэррибль, собираюсь жить долго. Долго, вкусно и красиво... Уеду в Париж, сниму скромную, из трех-четырех комнат, квартирку. Где-нибудь на рю де ля Пэ. Буду по вечерам гулять в Монсури, потягивать шабли в Мулен Руж или в Фоли Бержер, обнимая субреточку-гризеточку. И буду посмеиваться над вашими дурацкими идеалами, над этой нелепой, дикой и грязной страной, где я имел несчастье родиться...

— Хотите пополнить ряды клошаров и умереть с голоду под мостом Александра Третьего? В Париже полно нищих и без вас.

— Вот именно — без меня! Без меня, шер ами,— Арчев хрипло засмеялся.— Каждому парижскому нищему я буду подавать в светлое воскресенье по сантиму.— Нагнулся к собеседнику, выдохнул, сминая в торопливом шепоте слова: — Потому что у меня будет Сорни Най!

— Что, что у вас будет? — не понял Ростовцев, пораженный горячечным бормотанием бывшего командира, его остановившимися, остекленевшими глазами.

Арчев вздрогнул. Улыбка исчезла, будто ее сдернули с лица.

— Ничего, кроме денег,— сказал глухо.

И встревоженно поглядел на вход — скрежетнул замок, дверь открылась. Мрачный Матюхин, парень в бушлате мастерового, швырнул к ногам Ростовцева солдатские шаровары и гимнастерку.

— Переодеваться! — приказал раздраженно.— А это,— шевельнул носком ботинка мокрую одежду,— на палубу. Сушить... Вы,— указал пальцем на Арчева,— приготовьтесь к прогулке.

Ростовцев суетливо переоделся, смущенно поглядывая на Матюхина, который, прислонившись к косяку, смотрел куда-то поверх голов пленных.

— Я готов,— Ростовцев подхватил в охапку мокрое белье.

Матюхин выпрямился, пропустил вперед Ростовцева и Арчева, прикрыл за ними дверь.

В коридоре пленных чуть не сбил с ног остячонок, вприпрыжку бежавший навстречу. Увидев Арчева, он отскочил к стене, схватился за нож у пояса. Оглянулся растерянно на Фролова, шагавшего следом.

— А этого куда? — Фролов кивнул на Арчева.

— Вместо прогулки. Заодно уж чтоб...— объяснил Матюхин.

— Впредь — только по распорядку! — жестко потребовал Фролов.— Отныне — на прогулку вместе со всеми. Пусть бандиты видят своего главаря, пусть призадумаются, поразмышляют.

— Так я хотел...— начал Матюхин, но Арчев перебил его:

— Э-э... гражданин Фролов, скажите, пожалуйста,

как здоровье Еремея? Сами поимаете, если ребенок умрет, это усугубит мою виву. А так... хотелось бы рассчитывать на снисхождение.

— На снисхождение?! — поразился Фролов.— Вы чудовище, Арчев. И наглец! — Побуравил его взглядом, сказал сквозь зубы:— Впрочем, не вижу причин скрывать. Еремей поправляется.

Еремей глубоко, со всхлипом вздохнул и открыл глаза.

— Нуиг варыхлыи?![1] — закричал восторженно Антошка. Принялся тормошить, дергать Люсю за рукав.— Ермейка варыхлыи, видишь?

Еремей сонно посмотрел на него, затем на девушку.

— Ты кто? — спросил с усилием.

— Я твой друг. Люся Медведева,— она стянула с головы косынку, тряхнула головой, оправляя волосы.

— Мед-ве-де-ва, — тихо повторил Еремей. — Медведь — это пупи? — И когда Люся кивнула, повеселел.— Я из рода пупи, ты из рода пупи... Ты сестра мне?

— Выходит, так,— девушка улыбнулась. Попросила Антошку: — Ницы, командир нок кыицылыи?[2] Он велел сказать, когда Еремей очнется.

— Ма мынлым![3] — Антошка кинулся к двери.

Еремей посмотрел ему вслед и посерьезнел. Уткнулся подбородком в подушку, обхватил ее.

— Кожаный начальник — хороший русики,— сказал твердо.— Арча убил. Хорошо. Арчев заболел, в нем злой шайтан жил. Как в пупи, который на зиму не лег спать.

— Арчева не расстреляли,— уточнила Люся.— Он под арестом.

Еремей широко раскрыл глаза, посмотрел с подозрением.

— Зачем жить оставили? — спросил, еле сдерживаясь.— Арчев злой! Арчев лялы! Убивать любит...— и оборвал себя, уставившись настороженно на дверь.

Она распахнулась. Ворвался сияющий Антошка, кинулся к Еремею, но, наткнувшись на его взгляд, затор-

---

[1] Ты проснулся (очнулся)? (*хант.*)
[2] Может, поищешь командира? (*хант.*)
[3] Я мигом (*хант.*).

мозил. Оглянулся растерянно на Фролова, который с ремнем Ефрема-ики в руках шел следом.

— Зачем Арча пожалел, кожаный начальник? — крикнул Еремей. Дернулся, чтобы подняться, но Люся властно прижала его за плечи.— Арч всех Сардаковых убил, всех Сатаров убил. Зачем жалел его?

— Ну, здравствуй, сынок. На поправку пошел? — Фролов опустился на стул в изголовье койки.— Ласыккицых их? [1] Молодцом...

— Зачем Арча живым оставил? — упрямо повторил Еремей, глядя волчонком.— Нельзя ему жить. Много смерти принесет.

— Успокойся...— Фролов осторожно стиснул ему плечо, улыбнулся дружески.— Теперь Арчев никому зла не причинит. Да и за прошлое ответит сполна... Судить его будем. Вы с Антошкой — свидетелями.

— Пока суд ждать будем, где жить надо? В тюрьме?

— Почему в тюрьме? — поразился Фролов и недоуменно поглядел на Люсю: может, что-нибудь не то сказала мальчикам? Но она тоже непонимающе подняла плечи.— Вы же свидетели...

— Дедушка при царе был в тюрьме. Шибко там плохо, совсем плохо, говорил,— Еремей посмотрел на Фролова.— Дедушка тоже этим... как его... видетелем был. А потом долго из тюрьмы не выпускали.

— Да как ты можешь такое говорить?! — ахнула Люся.— Это же при царизме было!

— Послушай, сынок,— Фролов смущенно откашлялся.— Ты говоришь, твой дедушка в тюрьме сидел... А когда его выпустили?

— Весной, когда Микуль царем перестал быть,— не задумываясь, ответил Еремей.— Больше года деда не было.

— Весной семнадцатого. Так! — Фролов с силой потер лоб.— Ну удружил я твоему деду, ну и удружил! — Вцепился в колени, качнулся вперед-назад.— Не думал, что так получится.

Еремей, наморщив лоб, смотрел непонимающе.

— Я знал твоего деда,— пояснил Фролов.— Спас он меня в пургу, когда я из ссылки бежал.— Увидел, что мальчик недоверчиво смотрит на него, поднял пояс Ефрема-ики.— Это ведь ремень твоего деда?

---

[1] Полегчало? (*хант.*)

— Его ремень,— тихо подтвердил Еремей.

— Эту сумку я хорошо запомнил,— Фролов погладил жесткий ворс на качине, провел пальцем по орнаменту.— Вот по этому знаку и запомнил. Это ведь только ваша тамга? Или она есть и у людей другого рода?

— Нет,— решительно и даже возмущенно отрубил Еремей.— Наша метка, только наша. Сорни най — Сатар пусив...— Насупился, задышал быстро, прерывисто.— Качин мать привезла, когда деда в тюрьму взяли.

— Так это мать твоя была! — удивленно воскликнул Фролов.— Она рассказывала, как подобрали русского и отвезли в город?

Еремей кивнул. На ресницах его набухли слезы. Он крепко зажмурился, отвернулся, уткнулся в подушку.

— Успокойся, сынок, успокойся...— Фролов положил ладонь на затылок мальчика.— Скажи, чего добивался Арчев от дедушки? За что бил тебя?

Еремей, крепясь, скрипнул зубами.

— Велел показать Сорни Най,— буркнул сквозь слезы.

— Ермейка плюнул в Арча,—объявил с гордостью Антошка.

Фролов покосился на него, сунул руку в оттопыренный карман.

— А что такое сорни най? — осторожно спросил он и медленно вытащил серебряную фигурку Афины.

Еремей настороженно повернул голову. Увидел статуэтку, выхватил ее из рук Фролова, прижал к груди, прикрыл плечом. Глаза его стали недоверчивыми.

— Сорни най — это большой огонь. Когда у ханты шибко много радости, большой костер делают,— нехотя объяснил он.— На праздник медведя тоже делают костер — сорни най.

— И все? — подождав немного, спросил Фролов.

— Больше ничего не скажу! — твердо ответил Еремей.

Фролов в задумчивости почесал лоб, хотел, видно, еще о чем-то спросить, но тут Антошка, поглядывая на него, потянулся к уху Люси, зашептал о чем-то умоляющим голосом.

— Просит, чтобы разрешили ходить в машинное отделение,— смущенно сказала Люся.— Он уже бывал там, с Екимычем познакомился. Но пришел капитан, заругался, выгнал Антошку. Вот он и просит, чтобы вы по-

говорили с капитаном: пусть позволит ходить к Екимычу.

— Вообще-то на пароходе слово капитана — закон, но попробую...— Фролов встал.— Можно я в городе покажу эту фигурку ученым людям, а?

Еремей вздрогнул, испуганно сунул статуэтку под подушку и даже в лице переменился.

— Что ж, нельзя так нельзя,— Фролов понимающе кивнул.— Выздоравливай,— и слегка подтолкнул Антошку к двери.— Идем!

В пустом коридоре он заглянул в распахнутую дверь каюты стюардов: никого. Задержал взгляд на шинели Арчева, которая комом валялась на койке.

Поднялся на палубу, прошел на корму, где около одежды, развешанной на паровой лебедке, топтался Ростовцев, рядом, заложив руки за спину, прохаживался от борта к борту Арчев. Выводной, прислонившись к фальшборту, наблюдал за ним; другой боец, охраняющий кормовой кубрик, объяснял что-то Матюхину, который, слушая его, посматривал то на пленных, то на капитана.

— Росиньель, росиньель, птит'уазо,— негромко напевал капитан на мотив песенки «Соловей, соловей, пташечка...», наблюдая за бойцами на дощаниках,— ле канарие шант си трист, си трист! Эн, де, эн, де иль нья па де маль! Ле канарие шант си трист, си трист... [1]

— Я вижу, у вас отличное настроение,— заметил, подойдя, Фролов.— Никогда не слышал, чтобы вы пели.

Капитан вздрогнул от неожиданности, повернулся, но тут же дружелюбно заулыбался.

— А почему настроение должно быть плохим? Банда разгромлена, возвращаемся домой.— И, поглядывая за борт, опять замурлыкал: — Росиньель, росиньель, птит'уазо... Подхватывайте! — предложил, лукаво глянув на Фролова.

— Рад бы, да французского не знаю. Разве что по-русски? Да и то не сумею: ни слуха, ни голоса.

— Жаль,— огорчился капитан.— Сейчас бы сюда нашу Люсю. Она-то бы уж поддержала.

— Хотите послушать «Соловей-пташечку» еще и по-

---

[1] Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет! Раз, два, раз, два, горе не беда! Канареечка жалобно поет! (*франц.*)

остяцки? — усмехнулся Фролов.— Люся, по-моему, тоже не знает французский.

— Можно и по-остяцки. Получился бы интернациональный дуэт. Чем плохо? — Капитан рассмеялся. И, сразу оборвав себя, грозно рявкнул, свесившись через борт: — Трави, трави конец!.. Хочешь, чтоб при «стоп» эти посудины разбились?! — Выпрямился, опять запел: — Росиньель, росиньель, шерш дан капот, ле канарие шант си трист, си трист... Росиньель, росиньель, шерш дан ля пош...[1]

— У меня, Виталий Викентьевич, небольшая просьба под ваше хорошее настроение,— Фролов оглянулся, подтолкнул вперед Антошку, спрятавшегося за его спиной.— Вы запретили этому мальчику бывать в машинном отделении...

— Я? — Капитан удивленно округлил глаза.— Ах да... Было дело, турнул я его. Там, понимаете ли...— пошевелил пальцами в воздухе, прищелкнул.— Всякие вращающиеся части. Опасно! Долго ли до беды?

— И все-таки разрешите ему бывать в машинном отделении,— попросил Фролов.— Мальчик будет осторожен,— нагнулся к Антошке.— Ты ведь будешь слушаться Екимыча-ики?

Антошка, испуганно глядя на капитана, кивнул.

— Хорошо, дозволяю, — махнул рукой капитан. И уточнил: — Только под вашу ответственность!

— Дуй к своему Екимычу! — Фролов небольно шлепнул Антошку пониже спины и, когда мальчик убежал, проговорил задумчиво: — Глядишь, со временем, может, и станет первым остяцким механиком. А нет, что ж... все на время забудет о своем горе.

— Еще из-за остячат у вас голова не болела,— усмехнулся капитан, но, увидев, как неприязненно поджались губы Фролова, перешел на деловой тон: — Разрешите полный вперед? Задержались мы что-то.

— Если пора — командуйте,— Фролов достал из нагрудного кармана массивные серебряные часы. Рассеянно глянул по привычке на надпись: «Верному бойцу революции т. Фролову Н. Г. за храбрость. Начдив 51 Блюхер, октябрь 1919 г.» Щелкнул крышкой, посмотрел на циферблат.— Долго они у вас прогуливаются! — поднял недовольный взгляд на выводного.

[1] Соловей, соловей, ищи в шинели, канареечка жалобно поет... Соловей, соловей, ищи в кармане... (*франц.*)

Боец начал оправдываться, что ждал-де, покуда одежда вот этого — кивнул на Ростовцева — высохнет, но Фролов не дослушал. Позвал:

— Матюхин! — И, когда тот подскочил, потребовал: — Впредь распорядок не нарушать.

Матюхин украдкой показал кулак выводному. Боец засуетился.

— А ну топайте в камеру, гидры!..

— Все на борт! — гаркнул капитан за корму. И направился не спеша к мостику.

Поднявшись в рубку, он постучал по переговорной трубе. Склонился к ней, буркнул вовсе уж не по-командирски:

— С богом, Екимыч...— И дернул ручку машинного телеграфа.

Екимыч, сухой, жилистый, сидел с Антошкой у верстака, попивая чай не чай, а так, настоянный на мяте кипяток, без сахара, без заварки. Когда из переговорной трубы раздался стук, старик сорвался с табурета, прижался ухом к раструбу.

— Ага, понял,— доложил капитану. Подмигнул мальчику поверх круглых, в железной оправе очков, так нравившихся Антошке, прямо-таки завораживающих его.— Ну, хлопчик, отчаливаем. Сиди и ни с места!

Погрозил темным пальцем с большим, выпуклым, как створка раковины, ногтем. И, приволакивая ноги, кинулся к машине.

Антошка зачарованно понаблюдал, как Екимыч перебрасывает какие-то тяжелые блестящие рычаги, крутит посверкивающие штурвальчики. Когда Екимыч нырнул в маленькую дверцу, что вела в кочегарку, Антошка развернулся к верстаку. Протянул руку, погладил любовно масленку, гаечные ключи, отвертки, пилки по металлу, разбросанные на обитой жестью столешнице, и опять рывком повернулся к машине — в ней что-то сыто и сильно чавкнуло, охнуло с шипением; в больших грязно-желтых трубах заворчало, заклекотало.

— Вот и кончилась наша эпопея,— проговорил Ростовцев, услышав над головой приглушенный толщей верхних помещений гудок.— Теперь каждый прожитый час будет приближать нас к расстрелу.

Он, горбясь, принялся как-то боком, рывками, вышагивать от запертой двери к окну и обратно.

— Как знать...— вяло отозвался развалившийся на

койке Арчев. Сунул руку в карман шинели.— Пути господни, да и нас, грешных, неисповедимы.

— Какое там «неисповедимы»! — выкрикнул Ростовцев.— С нами все ясно.— Схватился за решетку окна, прижался к ней лбом.— Ждет нас с вами, любезнейший Евгений Дмитриевич, так называемая революционная кара.

Арчев, снисходительно глядевший ему в спину, выдернул из кармана руку, быстро посмотрел на зажатую в кулаке плоскую пачечку пилок по металлу...

6

У подножия поросшей могучими соснами горы лошади остановились и, как ни колотили их ездоки, взбираться по крутому склону не насмеливались, чувствуя, видимо, что не хватит сил,— пятились, вздрагивали.

— У, паскуда бесконвойная! — Козырь ткнул кулаком в холку жеребца. Нехотя спешился. Обернулся к спутникам: — Придется, братва, ножками,— и начал взбираться в гору.

Урядник и Студент, скакавшие без седел, охлупкой, и от того измучившие и себя, и лошаденок, тяжело сползли на траву. Постанывая, потирая отшибленные зады, потащились за Козырем.

На вершине они, прячась за деревьями, перебежками приблизились к краю откоса. Залегли, глянули на Сатарово.

— Рыбу коптят гады,— Козырь шевельнул ноздрями, принюхиваясь. Поморщился.— Хавать охота, моченьки нету!

— Придется потерпеть до ночи,— рассудительно заметил Урядник. Степенно огладил бороду.— Сколь же здесь краснюков?.. И остячишек чтой-то больно густо.

Ханты, как только ушел пароход, как только Никишка-ики рассчитался по старым долгам, а молоденький новый начальник в красных штанах пообещал, что будет хорошо платить за мясо и рыбу, развили бурную, ошеломившую чоновцев деятельность. Часть мужиков, не мешкая, ушла берегом, чтобы через два-три часа появиться в обласах, полных рыбы. Женщины споро и без слов принялись эту рыбу разделывать, солить, вялить, коптить в избушке-коптильне. Мужики развернулись и опять уплыли ставить сети. Старики и подро-

стки исчезли в тайге, но вскоре вернулись, гоня перед собой, к восторгу Латышева, оленье стадо. Еще одна группа хантов, самая малочисленная, скрывшаяся из Сатарово первой, вернулась только утром и привезла на нартах три туши сохатых. И лосей, и оленей, которых пригнали и забили старики, женщины тоже стали привычно и будничио солить, коптить, вялить. Впрочем, не все женщины. Несколько молодок тоже ушли из поселка и вернулись лишь на следующий день. И тоже с оленями, запряженными в нарты, на которых лежали туго набитые мешки кедровых орехов, стояли короба с крупной брусникой, с отборной клюквой. И этих оленей отдали Латышеву на убой. «Погодьте, сердешные,— взмолился дед Никифор.— Вдруг да не хватит товара расплатиться!» — «Ничо, Никишка-ики. Бери опять в долг. Потом расплатишься...»

— Однако, многовато чекистов,— задумчиво протянул Урядник и снова огладил бороду.— Шесть голов уже насчитал. А сколь их по избам или в том вон амбаре? Неведомо.

— Что это они тащат? — Студент сдернул пенсне, подышал на стеклышки, протер их полой куртки. Снова нацепил на нос, хмыкнул.

— Рыба это, слепень ты четырехглазый! — раздраженно буркнул Козырь.— Видишь, из коптильни концы бают. Копченую тащат. А я бы сейчас и сырую слопал. Как остячишка. Не побрезговал бы, век воли не видать!

— Пируют господа чекисты,— ненавидяще процедил Урядник.— Вон как нажрались, даже покачивает от сытости...

А бойцы, и правда, пошатывались — слишком уж опьянял одуряющий, вызывающий спазмы в желудке, нежный, аппетитный запах копченых муксунов, которых несли в амбар, продев сквозь жабры рыбин тонкий шест и положив концы его на плечи. Шест прогибался, гирлянда муксунов неравномерно раскачивалась, чоновцы сбивались с шага.

— В лад шагай, Семен,— оглянувшись, попросил передний, совсем еще мальчишка.— Иль выдохся уже?

— Такой-то груз я с утра до вечера таскать согласный,— худой и хлипкий Семен оскорбленно запыхтел.

Пружинящими мелкими шажками вбежали они в амбар с распахнутыми настежь створками дверей, где вдоль стены громоздились штабеля потемневшей уже

клепки. Остановились около высоких козел, меж которыми висели на сушилах густые ряды копченой рыбы. Присели, хакнули, выпрямились, уложили и свой шест концами на козлы.

Старик Никифор и Латышев, вгонявшие крышку в бочку, на округлом боку которой было написано углем: «Лось. Солонина», даже не взглянули на вошедших. Только Егорушка, стоявший важно рядом с дедом и державший деревянный молоток, посмотрел на чоновцев-рыбоносов с нескрываемым превосходством.

— Вот эдак надо, мил человек, ровнехонько, плавненько, без перекосу,— ворковал Никифор. Выхватил молоток из рук Егорушки, принялся мелко поколачивать по окружности крышки.— Полностью с тобой согласен, дорогой товарищ, что остяк — человек мирный и добрый. Не вояка! — продолжая, видимо, разговор, весело выкрикивал он.— А уж жалостливый, сострадательный к чужой беде — прямо диво... Обруч давай! — приказал вдруг подчеркнуто властно.— Беседа — беседой, дело — делом!

Латышев торопливо поднял с земли гибкое деревянное кольцо, протянул старику. Тот накинул его на горловину бочки и опять запостукивал молотком то по обручу, осаживая, то — решительней, размашистей — по крышке.

— У остяка первая заповедь: помоги! — Голос деда Никифора вновь стал ласковым, журчащим.— Помочь ближнему — это для него закон незыблемый. Последние портки, последнюю рыбешку, последнюю пылинку мучицы страждущему отдаст, даже ежели сам опосля того одной корой питаться будет. Оченно душевный народ. И доверчивый — до невозможности.

Латышев качнул бочку, поставил в наклон. Подскочили бойцы-рыбоносы, бережно положили ее, откатили в угол к полудюжине других.

— Доброта — дело хорошее,— охлопывая ладони, отрывисто и с явным неодобрением заметил Латышев.— Но не всегда...— Подошел к следующей бочке с торчащей из нее крышкой.— Как, к примеру, остяки будут классовую борьбу вести, если у них такие...— сдвинул к переносице белые брови, задумался, подбирая слово,— такие... непротивленские взгляды? — Выдернул крышку, протер внутреннюю сторону солью, пригоршней захватив ее с холстинки на земле.— Ладно... До классового

самосознания они не доросли, допускаю.— Начал пристраивать крышку.— Но как же остяки при таком... мировоззрении с Ермаком воевали?

— Оне-то? — Старик лукаво усмехнулся, поперебирал пальцами бороденку.— А оне и не воевали. Татары сибирские да вогулы, те, может, и бедовые были, а остяки — не-е-е...— Принялся помогать Латышеву вгонять крышку.— Когда Ермак-то Тимофеич Кашлык, или подругому Искер, столицу Кучумову то исть, брал, остяки после первых же выстрелов утекли... Егорка, киянку!

— Как же так? — удивился Семен.— Ведь Ермак к ним пришел навроде поработителя. Неужто остяки ему не сопротивлялись?

— Ну ты и ляпнул! — возмутился напарник.— Чего ж им за Кучума, за угнетателя-то, воевать?!

Они сидели рядышком на бочке и, бережно вытянув из общего кисета по щепотке табачной пыли, вожделенно свертывали самокрутки, но от вскрика молодого чоновца табачные крохи с его бумажки сдуло, и он чуть не взвыл от огорчения.

— Верно, внучек, верно, милый,— старик принял от внука деревянный молоток, начал остукивать крышку бочки, потом обруч.— Бьет Ермак експлуататора Кучума, вот и ладно, вот и довольны остяки... Однако тута вот, в Сатарове, дали оне казакам бой. Энтот вот пупырь — самое святое место ихнее было,— показал рукой в дверь на гору с белой стеной обрыва, в промоинах-оврагах которого залегли уже вечерние тени.— По-остяцки такое место называется «эвыт». Самые главные ихние боги тута жили. Оттого и защищали остяки горушку. Кто ж свою святыню — хучь русский, хучь татарин, хучь остяк — просто так, без бою, отдаст?

— Видел я те остяцкие святыни,— пренебрежительно фыркнул Семен.— У них кругом боги: озеро — бог, большой камень — бог, дерево, повыше да поздоровше,— бог...

— Святыни, боги! — раздраженно перебил молоденький напарник.— Какая разница: камень ли, разрисованная ли доска, которую чтут христиане? Все едино — религия.— Говорил он желчно, с завистью поглядывая на Семена, который с удовольствием курил.— А религия — это опиум для народа. И дураку ясно!

— Опиум? Это верно,— согласился Никифор.— И насчет идолов остяцких согласен.— Он отошел, полюбовал-

ся на бочку.— Однако водил меня как-то, давно еще, дружок мой Ефрем Сатаров на малый имынг тахи, на малое святое место, значит, не на главное... Так вот там я видел божков человекоподобных: деревянных, железных, медных...— снова приблизился к бочке, постучал легонько молотком по обручу.— А одна фигурка была даже серебряная. Навроде богини-воительницы... Оттаскивай, ребятушки!

И просеменил к следующей, последней, незакупоренной бочке.

— Серебряная — это хорошо,— заулыбался Семен.— Серебро можно в фонд голодающих сдать... На, дерни пару раз,— протянул окурок приятелю.— Все не так в животе сосать будет.

Молодой боец схватил то, что осталось от самокрутки, жадно затянулся — раз, другой,— огонек цигарки обжег пальцы.

— Лучше, если б та фигурка золотая была,— растирая подошвой упавшие искры, довольный, что удалось курнуть, заметил он.— Больше еды купить можно.

— А у остяков и золотые есть,— встрял вдруг Егорушка.— Деда, расскажи им про золотую,— попросил он старика.— Про золотую матушку остяцкую расскажи. Про Сорни Най Ангки.

— Да ты уж сто раз слышал эти байки про Золотую Бабу,— притворно сердито отмахнулся Никифор, но исподтишка с надеждой взглянул на чоновцев: может, попросят рассказать?

— Золотая Баба? — переспросил Латышев. Покрутил в руках обруч, сжал, проверяя упругость.— Что-то я слышал о ней. Читал что-то вроде.

— Ну-ка, ну-ка,— оживился Никифор,— что читал? Может, чего нового скажешь?..

— Да я еще этаким вот читал,— Латышев распрямил ладонь на уровне пояса.— Не помню толком,— но, увидев лицо старика с любопытствующими глазами, почесал затылок, сказал неуверенно, с усмешечкой: — Было, значит, написано, в «Ниве», кажется, что есть в здешних краях, в Югре, одним словом, золотая скульптура какой-то женщины. Один знаменитый историк, забыл вот только его фамилию, считал, что скульптуру эту вывезли из Киева, когда Русь крестить начали.

— Писал о том Карамзин Николай Михайлович,— внушительно пояснил дед Никифор и осуждающе под-

жал губы: как-де можно забыть фамилию такого человека?

— Ага, он, кажется,— согласился равнодушно Латышев, насаживая обруч на бочку.— Ну вот. Написано было еще, что впервые о той золотой богине упоминается в летописи, когда какой-то архиерей помер. Что жил, мол, тот архиерей среди нехристей, которые молились Золотой Бабе.

— Новгородская Софийская летопись о кончине в одна тыща триста девяносто восьмом годе Стефания Пермского,— уточнил Никифор.

— Во! — удивился Латышев.— Вы лучше меня все это знаете.

— Может, и не все,— польщенный дед заулыбался.— Чего еще читал?

— Еще? — Латышев, припоминая, наморщил лоб.— Поп какой-то о ней говорил. То ли во времена Ивана Грозного, то ли до него.

— Митрополит Симон в тыща пятьсот десятом годе,— с удовольствием объяснил Никифор.— Попрекал пермяков, что те поклоняются Золотой Бабе.— И уже почти насмешливо спросил: — Чего еще помнишь?

— Ничего больше не помню! Кроме того, что иностранцы какие-то о ней писали.

— Иноземцы? — довольный Никифор аж просиял.— Иноземцы писали, а как же! О Золотой Бабе упоминали,— он раскрыл ладонь, принялся перечислять, сгибая пальцы,— поляк Меховский, германец Герберштейн, литовец Вид, англичанин Адамс, француз Тевэ... Итальянцы Барберини да Гваньини,— старик принялся загибать пальцы на другой руке.— Окромя них Мюнцер, Дженкинсон,— вскинул кулачки,— Бельфорэ, Меркатор и прочие. И это в одном лишь шестнадцатом веке.

Резко опустил руки, поглядел победно на чоновцев, которые подошли вплотную, на Латышева и даже на Егорушку.

— Серьезное дело,— удивился молодой боец. — Это ты все в своих книгах вычитал?

— Я, парень, сызмальства книгочей. Наперед всего уважаю сочинения исторические. А к Золотой Бабе у меня особливый интерес.

— Иностранцы-то, выходит, больше наших об ней вызнали?

— Не больно-то,— с сожалением возразил Ники-

фор.— Шибко уж непохоже описывали ее чужеземцы. Да и на картах своих рисовали по-разному. Кто — нагишом, кто — в одежке, кто — быдто сидит она, кто — быдто стоит, кто — с дитем на руках, кто — с двумя. Ежели интересуетесь, я вам покажу книжку, где все это расписано и нарисовано.— Помолчал, глядя сквозь распахнутую дверь на улицу, где уже густели сумерки.— Герберштейн, так тот и вовсе пишет, что она старуха, у которой в утробе виден парнишка, а в нем — еще один. Сын, значит, и внук.

— Ха! — поразился Семен.— Как это он в статуе ребят разглядел?

— А он энту Золотую Бабу и не видел никогда,— нехотя признался Никифор.— По рассказам ее описал... Да и протчие не видели.

— Значит, все это брехня! — твердо решил Семен.— Брехня, обман и надувательство. Бабушкины сказки!

— Ну почему бабушкины сказки? — неуверенно возразил его напарник.— Скорей уж сказанья, легенды.— Посмотрел многозначительно на старика, уверенный, что поразил его образованностью.— А в каждом сказанье есть доля правды...

— Брехня! — еще решительней заявил Семен.

— Может, и так,— вяло согласился старик, посматривая на Латышева, который, не обращая внимания на спор, старательно постукивал молотком по крышке бочки.— Только знайте: были у остяков золотые кумиры. Были! — Никифор притопнул в сердцах.— Одного идола — Ас-ики, рыбьего бога то исть, видел шибко ученый человек Григорий Новицкий. Он в позапрошлом веке помогал Тобольскому и всея Сибири митрополиту Филофею крестить местных людишек...— Старик оживился, голос его стал звонким.— Энтот самый Новицкий так описывал Ас-ики: бысть же сей бог рыб доска некая...— Никифор полузакрыл глаза, загундосил нараспев, по-церковному.— Нос — труба жестяна, очесы стеклянны, а грудь — золотая!

Егорушка при этих словах так радостно взвизгнул, что Латышев, покосившись на мальчика, покрутил, улыбнувшись, головой.

— Вот видишь: грудь золотая! — серьезно заметил Семену напарник.

— Ну и что?! — упрямился, не сдавался Семен.— Врал ваш Новицкий. А если и не врал, то за два столе-

тия от этого рыбьего бога ие только золотой-груди, носа жестяного не осталось.

— Цел Ас-ики,— внушительио заверил Никифор.— Мой дружок Ефрем Сатаров сказывал, что часто с ним видится.

— Врет твой Ефрем,— буркиул Семен.

— Ефрем Сатар врет? — ахнул Никифор и даже отшатиулся, замахал возмущеиио ладошкой.— Окстись, милый, опомиись. Ефрем за всю жизиь даже вот на столько ие слукавил, ие схитрил,— сжал пальцы в щепотку, точно поддел что-то иичтожно малое.

Егорушка рассмеялся, показал иа бойца пальцем.

— Ефрем-ики врет?! Ну и сказаиули вы, дядеиька...

— Ах, чтоб тебя, вариачоика! — Никифор затопал сапогами, замахнулся иа виука, тот отскочил к двери.— Рази ж можно иад старшим смеяться, да еще перстом в иего тыкать?! — И, повериувшись к Семеиу, смущеино, ио и чуть снисходительно улыбнулся: — Однако ты, милаша, и впрямь несусветиое брякнул.

— Зиачит, говоришь, цел идол с золотой грудью? — вдруг громко спросил Латышев.— Интере-есио! — Бросил молоток иа крышку бочки.— Баста иа сегодия, шабаш! Перекур.

— А может, у иего грудь вовсе и не золотая? — с вызовом засомневался Семеи.— Может, медная или броизовая?

— Э, нет, разлюбезный Фома иеверующий,— с ласковой ехидцей пропел старик.— Остяки золото от меди завсегда отличат.— Он обошел бочку по кругу, подергивая обруч, постукивая по крышке.— Тот же Новицкий писал, что рядом с Ас-ики был у остяков другой бог — Гусь Медный, всякой по зоде плавающей птицы покровитель. Очелно различают оие медь от золота... Хорошо сработал, комендант, славио,— сухо похвалил Никифор Латышева и, сиова сменив иитонацию, продолжил: — Золото для остяка особое зиаченье имеет. Оие при договорах аль когда клятву дают, завсегда с золота воду пьют в знак иерушимости слова.

— Ну ладио, допускаю, какие-нибудь золоченые тарелки, из которых оии воду пили, может, и были, — сиисходительио согласился Семен, слюнявя цигарку.— Может, и рыбий бог с золотой грудью был, но чтоб фигура из золота?.. Не-е, ие верю.

— Ах ты, господи! — Никифор хлопнул себя по бед-

рам.— Хошь, я тебе расскажу быль истинную про золотого остяцкого кумира? Не про Ас-ики, про другого. Хошь?

— Отчего не послушать,— насмешливо согласился Семен.— Рассказывай, пока курим. Можно побалагурить минут пяток, товарищ командир?

Латышев, сгорбившись над зажигалкой, пощелкивая ее колесиком, пожал неопределенно плечами.

— Расскажи, деда, расскажи,— обрадовался Егорушка. Он, заложив руки за спину, прислонился к косяку двери, глядя туда, где в белом лунном свете темнели конусы чумов на берегу, переливались блики на почерневшей и, казалось, ставшей намного шире реке, скользили тенями ханты, сбивающиеся в кучки вокруг бледно-желтых, подмигивающих костерков.

— Ну ин ладно, так уж и быть,— произнес Никифор с видом человека, который согласился рассказывать только после настойчивых уговоров. И начал, не отрывая глаз от зажигалки, колесиком которой все чиркал и чиркал Латышев: — Дело было еще при Ермаке Тимофеиче. Очённо оголодали казаки после зимовки в столице Кучумовой. Надо было припас пополнять, иначе — смертушка неминучая. Вот и отправилась ранней весной ватага вниз по Иртышу под водительством лихого есаула Брязги. С великими боями одолев татарские улусы на Аремзянке, дошли оне до владений князька Нимняна, Демьяна по-русски. Батюшки, что за диво?! — Голос старика, журчавший плавно, ровненько, взвился в изумленном вскрике.— Вот те раз! Обычно мирные, остяки тут вдруг воспротивились, бой дали. Не подпущают к крепости, что вот на этакой же горушке, как наша.— Никифор глянул в дверь, и бойцы тоже невольно посмотрели туда.— Трое ден стояли казаки у Демьянового городка и не могли взять его...

Егорушка тоже рассматривал обрывистую гору. Глаза его расширились — показалось ему, что вместо высвеченных луной стволов сосен увидел он частокол остяцкой крепости.

— Кажный штурм отбивали инородцы,— продолжал дед Никифор.— Да с такой удалью, будто заранее знали, что нипочем их не одолеть...— Достал из кармана лоскут, высморкался в него.— Стали казаки совет держать: как быть дальше? И отступать нельзя: конфузно, вся Кучумова орда голову поднимет, непокорствовать

начиет. И взять Демьяново городище ие могут. Вот незадача...— Он помолчал, глядя на то вспыхивающие, то затухающие огоньки самокруток, и поиизил голос почти до шепота: — А надо сказать вам, что был в обозе казаков чуваш один. Его Кучум когда-то из Казаии привез. Этот чуваш мало-мальски по-русски лопотал, ну и служил у наших навроде толмача. Ране-то, до прихода Ермака, чуваш энтот часто бывал у остяков, язык ихний выучил. Ну, те и доверяли ему.

Егорушка, зиая, что будет дальше, прикрыл глаза, оставив лишь узенькую щель, сквозь которую звездчато переливались костры хаитов.

— Энтот чуваш и поведал казакам, что в Демьянском городке есть золотой идол. Идол тот сидит в золотой же чаше. В нее остяки воду наливают, а потом пьют. Оттого и страху не ведают. Верят оне тому идолу, сказывал чуваш, страсть как. Пока он-де с ними, остякам черт не брат, царь не сват... Напросился чуваш в городок.— Дед Никифор вздохнул и повел рассказ бойкой скороговоркой: — Доложусь, сказал, тамошним защитникам, что переметнулся, дескать, к ним. Разузнаю, говорит, что и как. Долго ли, мол, обороняться будут? Может, сказал, и идола того стащу, ежели не шибко чижолый. Остяки-то без свово кумира, что дети малые. Переполошатся, сдадутся...

Егорушка улыбнулся, представив, как приободрились казаки.

— Ну, стал быть, сделал чуваш, как обещался: проник в крепость,— доложил Никифор.— И золотого ихиего истукаиа видел. Остяки как раз советовались с ним. Поставили кумира свово на стол, серу с салом вокруг него возожгли. И вопрошают через шамана: обороняться или сдаваться? И через шамана же тот им ответствовал: будя драться, мужики! Побьют вас русские, право слово — побьют! Чуваш-то поддакивает, а сам все на ус мотает. К золотому истукану ему, понятно, даже приблизиться ие дали — куды там! Пуще глаза берегли святыиию иноплеменцы. Но и то, что выведал хитрован,— шибко добрая весть. Под утро вернулся он тайком к казакам, рассказал про все, что видел-слышал...

Латышев иеодобрительио хмыкнул, Семен с напарником переглянулись.

— Как только пошли наши иа приступ, разбежались остяки,— заканчивая, забубиил без выражения Ники-

фор.— Растеклись по своим стойбищам, в тайгу запрятались. Ну и золотого бога свово, знамо дело, утащили... Вот такая история.

— Да-а, занятная байка,— усмехнулся Семен.— И что же, казаки не искали больше того золотого истукана?

— Как не искали? — возмутился дед.— Повсюду искали. Ведь ежели б оне тем идолом завладели, как бы их остяки почитали, сам подумай! Провианту, ясаку натащили бы — страх! Однако не нашли, пропал идол,— Никифор меленько засмеялся.— Забыли даже, что провизию заготовлять надо, принялись рыскать по тем местам, где наипервейшие инородческие капища. И в Рачево городище ходили, и в Цингалинские юрты, и в Нарымский городок, и здеся побывали. Сказывал ведь я про тутошний бой. Не забыл?

Семен, глубоко затянувшись, кивнул.

— Ну ладно, побалакали, и хватит,— Латышев бросил под ноги окурок, растер красную точечку.— Савостин, сменишь часового!

Молоденький чоновец тоже торопливо затушил окурок. Вытянулся, одернул гимнастерку.

— Я — к остякам.— Латышев поднялся.— Вы, Никифор Савельевич, и ты, Семен, завтра, как рассветет, будете упаковывать это,— повел рукой в сторону еле видимых в полумраке жердей с гирляндами рыбы.

И вразвалку вышел из темного амбара.

— Надо бы людям Ермака поласковей,— задумчиво сказал Савостин.— По-мирному надо было. Зачем на людей страх нагонять?

— Это ты про остяков, что ль? — повернулся к нему Никифор.— Не, оне Ермака не боялись. Оне за золотого идола свово боялись. Его, стал быть, защищали. А так не враждовали с нашими, не-е... Да вот, к примеру,— тихо засмеялся, покрутил не то с осуждением, не то с восхищением головой.— Пелымские шаманы шибко не хотели, чтоб Ермак Тимофеич на Русь уходил. Ну и наволховали ему, быдто нет евонной дружине пути назад, быдто погибнут все, ежели за Урал пойдут. Хитрили, чтоб остался, значит, Ермак, чтоб от Кучума оборонял их.

— Ну уж! — возмутился Семен.— Станет Ермак шаманам верить!

— Поверил — не поверил, не знаю,— Никифор с ус-

мешечкой взглянул на него,— однако не пошел ведь назад к Строгановым, под Кашлык возвернулся. Шаманы, оне ведь тоже не дураки. Хошь чего внушить могут, особенно ежели в глаза, не моргнув, уставятся...

— Во, дяденьки, смена идет! — Егорушка показал пальцем на бойца в буденовке и с винтовкой.

Чоновцы, выйдя из полутьмы амбара наружу, в белизну лунного света, стали поджидать приближающегося товарища. Никифор увидел скептическую ухмылку Семена.

— И про шаманов не веришь? — сдернув с гвоздя массивный замок, огорчился старик.— Экой ты, право, скушный, без удивления в душе!

Закрыл тяжелые, скрипучие двери.

— Принимай пост, Савостин,— пожилой караульный стянул с плеча винтовку, протянул ее молоденькому чоновцу.

— Пост принял! — Савостин, взяв винтовку, выпятил грудь.

— Посматривай за коптильней,— напомнил пожилой.— Не заперта. Захаживай туда, гляди, чтоб чего не загорелось...— и приобнял Семена за плечи.— Айда, сосед, спать...

— Угомонятся они, твари, когда-нибудь или нет! — Козырь, зло посматривая на чоновцев, на старика с мальчишкой, которые топтались около амбара, сморщился от отвращения, выплюнул труху порченого, еще, чего доброго, и червивого кедрового орешка.

Опавшие шишки собрал где-то хозяйственный, обстоятельный Урядник. Подполз к Козырю, высыпал из фуражки шишки, буркнул: «Щелкай — и ни с места! Считай, запоминай, кто в какой избе спит... А мы со Студентом лошадок на водопой сводим. Жалко лошадок. Ежели что, то стреножим их тама, попастись пустим».— «Э-э,— переполошился Козырь.— Не вляпайтесь, не засыпьтесь».— «Не боись. Мы далече отведем...»

И Козырь остался один. Пощелкивая орешки, прислушиваясь, не отрывал глаз от поселка.

За избами, за амбаром стали густеть тени, но на открытом месте все было видно, как днем, в безжизненном ярком свете круглой луны.

Из амбара вышел кто-то тоненький, в гимнастерке, в красных галифе и направился не спеша к берегу. Хан-

ты сбилнсь кучками вокруг костров; чекнсты, помогавшне разделывать, солнть мясо н рыбу, потянулнсь к просторной избе наискосок от дома с красным флагом, тоже сгруднлнсь — у котла, вмазанного в глнняную летнюю печку. Лишь часовой, за которым Козырь следнл особенно вннмательно, двннулся к амбару. В дверях показалнсь дед с внуком и те двое, что тащилн нз коптнльни рыбу. Однн нз них прннял от подошедшего вннтовку. «Так, охранннк один,— отметил Козырь.— А тот, красноштанный, выходит, командир,— и презрительно выпятил губы.— Желторотнк какой-то...» Перевел взгляд на чоновцев у котла.

— Ну, сукн, разожралнсь... Спать, что лн, не хотят?

— Чего бубнншь? — прошипело сзадн.

Козырь нспуганно оглянулся и облегченно перевел дух — свои!

Студент, посверкнвая стеклышкамн пенсне, рухнул справа. Слева не торопясь лег Урядник.

— Да вон, фраера на нары не торопятся,— Козырь мотнул головой в сторону поселка.— Подохнешь, пока они закемарят.

— Подождем,— степенно решил Уряднnк.— Поспешишь — получишь шнш. Небось, долго нас маять не будут.

Ждалн действнтельно недолго. Чекнсты вскоре потянулнсь в нзбу. Высветнлнсь нзнутрн окна, проплыли по стеклам тени, н свет погас. Лншь в крайнем слева оконце — там была, наверно, дежурка — осталнсь отблескн слабого огонька. Ушлн в чумы и ханты. Часовой, лениво вышагнвавший от амбара к коптнльне и обратно, подошел к котлу, заглянул внутрь.

— Ну, с богом, православные! — Уряднnк встал на коленн, нстово, шнроко перекрестился н отполз от обрыва.

За первой же сосной проворно вскочил на ноги.

— Ты,— ткнул в грудь Студента,— к деду за ключамн. Получншь ключн, трахнешь, чтобы не шумел,— голос был властный, резкнй. — Я — на караульщика. Ты,— развернулся к Козырю,— на крыльцо к краснюкам. В случае чего лупи в гущу. На,— отцепнл от ремня гранату, сунул ему в руку.

Бегом бросилнсь вниз, оскальзываясь на хвое, хватаясь за стволы деревьев, падая, поднnмаясь н снова падая.

В поселочке разделились: Урядник нырнул в тень от амбара, Козырь и Студент метнулись за коптильню, приткнувшуюся к самому скосу горы, выглянули. Часовой удалялся к невысокому ельнику рядом с чумами, где изредка, не враз, позванивали оленьи колокольчики и ботала.

Студент длинными скачками бросился к крыльцу дома, что с красным флагом. Козырь, прижимая к бедру винтовку, кинулся было к избе чекистов, но, заметив, что Урядник не смотрит на него, а наблюдает из-за угла амбара за часовым, вдруг резко развернулся, юркнул в коптильню. Забросил винтовку за спину, вынул нож и торопливо сорвал с жерди ближнюю рыбину. Вцепился в нее зубами, заурчал от удовольствия...

А Студент взметнулся на крыльцо, влетел в сенцы. На цыпочках прокрался к двери, ведущей внутрь дома, распахнул ее. Прыгнул через порог, присел, поводя из стороны в сторону револьвером.

— Кто здеся? — старик Никифор приподнял голову от подушки. Всмотрелся в худого, угловатого чужака с длинными, растрепанными волосами, с поблескивающими стекляшками на глазах и охнул.— Господи, спасе пресветлый, опять вы!

— Тихо, дед, тихо,— Студент выпрямился.— А внук твой где?

— У красных армейцев,— старик сел на постели.— Чего надоть-то?

— Харчи надо, дед,— Студент, не сводя с него револьвера, медленно двинулся к печке.— Орда меха не натащила?

— Нету пушнинки, сердешный, нету,— дед со страхом смотрел, как бандит приближается к печке.— Я тебе другого добра дам. Много дам! Тута советские были, так чего-чего тока не привезли.

Снаружи хлопнул выстрел. Студент присел, прижался к простенку, выглянул осторожно на улицу. Увидел: разметав ноги, откинув кулачище, в котором белела в лунном свете полоска ножа, лежит Урядник, а к нему, держа винтовку наизготове, приближается часовой.

За спиной что-то пискнуло, прошуршало. Студент через плечо заметил, как колыхнулась занавеска на печи, как сиганул с лежанки мальчонка, и, не целясь, выстрелил в пятно рубашки, мелькнувшей уже в двери. Промахнулся. И тут же увидел через окно, что чоновцы,

уже высыпавшие из избы-казармы, круто повернулись на выстрел, на детский вопль: «Есеры! Есеры!», взвившийся с крыльца.

Студент ощерился, в два прыжка очутился около старика. Дернул его за грудки, развернул, схватил за шиворот, вытолкал в сени. Ткнул ему в висок дуло револьвера, пинком открыл дверь и, прячась за дедом, закричал:

— Не подходите! Застрелю старикашку! — пошарил взглядом по колыхнувшимся к крыльцу и замершим чоновцам.— Старшой! Брось оружие и покажись!

Латышев, поглаживавший, успокаивая, Егорушку, отодвинул его за спину, сделал шаг вперед. Отстегнул кобуру с маузером, положил на землю. Сказал негромко, но четко:

— Слушаю тебя, бандитская морда.

— Но-но, выбирай выражения, — взвизгнул Студент.— Прикажи приготовить мне мешок с харчами! И пусть твои пролетарии отойдут к остякам! — мотнул головой в сторону хантов, которые неподвижной цепочкой застыли около чумов.— Мешок отдашь деду. Мы с ним дойдем до леса, и там я его отпущу. А ты со своей сворой не сделаешь и шага за мной, понял?! А то старикашке каюк!

Козырь, подскочивший после первого выстрела к двери и глядевший сквозь щель на улицу, чуть не подавился рыбиной. «Ах ты, гнида, паскуда чахоточная! — Сдернул с плеча винтовку, отер торопливо рукавом губы.— Один удрать вздумал, дешевка? Ну дела: шестерка в тузы полезла!»

Он слегка приоткрыл дверь, просунул ствол винтовки, прицелился. «Нет картей — ходи с бубей!..»

— Сыночки, родненькие, пожалейте! — запричитал дед Никифор, оседая на обмякших ногах.— Ради внука молю, пожалейте! Убьет ведь меня ирод, ни за что убьет. Отдайте вы ему чего просит. Пущай подавится. Не ради себя, ради Егорушки прошу...

Козырь, стервенея, ловил на мушку Студента, но того почти не было видно: маячила, моталась в прорези прицела белая, в исподнем, фигура старика.

— Эх, дед, не в масть ты влип! — Козырь, задержав дыхание, нажал курок.

Никифор дернулся вперед, переломился в поясе. И тут же раздался второй выстрел. Студент, державший

за шиворот старика и невольно склонившийся вместе с ним, взмахнул руками, упал рядом с дедом.

Чоновцы стремглав развернулись на выстрелы.

Дверь коптильни распахнулась, из нее вылетела винтовка. А следом вышел в лунный свет Козырь с поднятыми руками.

7

Маленькое веселое солнце начало уже сползать к острым вершинам елей, когда «Советогор», бодро дымя, вышел на рейд Сатарова.

— Лево руль! Круче лево! — приказал капитан штурвальному.

Потянулся к проволочной петле гудка и отдернул руку: вспомнил, что в прошлый раз было запрещено подавать сигналы. Посмотрел на Фролова, который, прижав к глазам окуляры бинокля, не отрывал глаз от берега, встревожился — такое жесткое, напряженное лицо было у командира. И тоже перевел торопливо взгляд на берег.

До поселка было еще далековато, но капитан разглядел и чумы на берегу, и красный флаг над домом, и синеватый дымок коптильни. А чуть повыше, на взгорке,— плотную шеренгу людей, которая отсюда, с парохода, казалась темной полоской. Разглядел и Латышева, узнал его по малиновым галифе. Латышев поднял руку — выросли над шеренгой тоненькие штрихи винтовочных стволов; опустил резко руку — до рубки докатился слабый раскат залпа.

— Дайте гудок! — приказал Фролов. Повел биноклем в сторону берега.— Кажется, на этот раз Никифор...

Капитан сделал опечаленное лицо. Потянул за проволочную петлю — плеснулся густой стонущий рев.

Еремей, услыхав далекий залп, а потом долгий страшный вой, от которого заложило уши, поднял голову от подушки, поглядел встревоженно в окно. Сел, постанывая, на постели. Удивился, увидев, что на нем белые тонкие штаны с веревочками у щиколоток, но задумываться над этим не стал. Выпрямился, качнулся и, вытянув руки, подбежал, шлепая босыми ступнями, к окну. Увидел на берегу чумы, а возле них — свои, родные, в малицах,— машут руками, бегут к реке.

Торопливо осмотрелся, подковылял к шкафу около умывальиика, распахиул створки, увидел гимиастерку и чериое пальто — ернас, сак Люси! — сдериул гимиастерку с крючка, принялся иадевать. Измучился, покрываясь то холодиым, то жарким потом, пока натяиул эту военную рубаху.

То, что его малицу и ернас пришлось разрезать, а потом сжечь, он знал. Но штаиы-то и обувь должиы были остаться... Озираясь, Еремей подошел к столу, гляиул мимоходом в окио — хаиты вместе с русскими вытягивали иа берег две большущие лодки; около шлюпки стоял одетый по-теплому Егорка, виук Никифора-ики. Рядом с ним — Люся, Фролов; от дома шел, руки иазад, худой русики, за иим — двое с винтовками.

Еремей бросился к кровати, приподиял матрас — может, сюда положили вурп[1], пока ничего ие помнил? Откинул подушку. Весело, солиечно блесиула Им Вал Эви. Мальчик любовио подиял ее, подержал на сдвииутых ладоиях, всматриваясь в суровое, требовательиое лицо дочери Нум Торыма: «Обиделась, наверно, что под голову положил». Отвел взгляд от статуэтки, увидел на стенке приветливые глаза Лениив-ики, обрадовался — решил поставить Им Вал Эви иа стол, прямо под портретом,— пусть будет почти как дома!

И снова зыркиул в окио, ио ничего, кроме суматохи иа берегу, не увидел — хаиты таскали из больших лодок тюки в амбар. Прижался щекой к стеклу, скосил насколько мог глаза, разглядел парня с винтовкой и красиой тряпочкой на рукаве, какого-то иачальника в фуражке, который смотрит в чериые трубки; рядом с этим важиым кругленьким русики топчется Антошка, иа чериые трубки завистливо поглядывает. Над бортом парохода показался тот, который шел, заложив руки за спину, под присмотром двух бойцов. Подиялся иа палубу. Следом — хмурый Егорка. За Егоркой — Люся...

— Шагай иа корму, контра! Отвоевался, бандюга! — Матюхин ткнул дулом винтовки в плечо Козыря.

— Нет, иет, этого к Арчеву,— приказала Люся.— А то, чего доброго, начнет плеииых баламутить... А офицерика — в общую.

— Но позвольте! — Капитаи отвел широким жестом биiокль от глаз и всем своим видом изобразил вели-

[1] Штаны (*хант.*).

чайшее изумление.— Ведь этот мерзавец,— указал подбородком на Козыря,— менее опасен, чем бывший офицер. Почему же Ростовцева, командира бандитов, воссоединяют с шайкой, а рядового члена изолируют?

— Приказ Фролова,— сухо ответила Люся.

Она согласна была с Фроловым, что хладнокровный убийца, рецидивист-уголовник с дореволюционным тюремным опытом, окажись он среди деморализованных пленных, будет намного опасней в общей камере, чем интеллигент с его идейными благоглупостями, опровергнутыми самой жизнью, и могла бы объяснить это капитану, но ведь не при этом бандите.

— Выполняйте,— распорядилась Люся и, когда Козырь двинулся к двери, на которую указал Матюхин, поманила к себе Антошку.— Познакомься,— и положила руку на плечо Егорушке.

Но Антошка лишь коротко взглянул на русского мальчишку и жалобно заныл, осмелев в присутствии Люси:

— Капитан товарищ, дай глядеть в трубки,— лицо его сделалось просительным, хотя черные глаза оставались бойкими и немного хитрыми.— Дай, капитан товарищ, а? Шибко охота.

Капитан раздраженно скривился, но, перехватив взгляд девушки, улыбнулся, протянул Антошке бинокль.

Козырь же, привычно закинув руки за спину, бодренько, бочком, сбежал по ступеням трапа в коридор. Прижался к стене, пропуская какого-то странного, пошатывающегося босоногого остячонка в длинном черном женском пальто, подпоясанном ремнем с ножом и меховой сумкой. Поглядел с недоумением на конвоира, но тот, судя по всему, был поражен не меньше, глядя в спину парнишке, который, с трудом переставляя ноги, стал подниматься по трапу.

Люся, увидев в дверях Еремея, ахнула, бросилась к нему, схватила за плечи.

— Ты зачем встал? — Она несильно тряхнула его.— Разве ж можно так? С ума сошел?

— Лежать плохо. Долго болеть буду,— Еремей нахмурился.— Ходить надо.

— Ермейка! — Антошка радостно подскочил к нему, стал совать в руки бинокль.— На, глянь! Так — маленький-маленький,— показал на берег.— А так, в трубке, большо-о-ой! — Развел руками, привстал на цыпочки.

Оттого, наверно, что у него оказалась русская чудо-игрушка, он и объяснить пытался по-русски.

Но Еремей отодвинул ладонью бинокль.

— Егорка, здорово.— Сдержанно улыбнулся. Подождал ответа.— Слышь, Егорка, здорово, говорю. Не узнал, что ль?

— Чего не узнал, узнал...— буркнул наконец Егорка, не поднимая головы.

— О, да вы знакомы,— обрадовалась Люся.— Вот и замечательно. Быстрей сдружитесь. Или вы уже друзья?..

— Что это за чучело? — спросил Козырь, когда Еремей, поднявшись по ступеням, скрылся.

— Сам ты чучело! — обозлился часовой, отпиравший замок.

Матюхин распахнул дверь, приказал:

— Ростовцев, на выход!

— Что, уже? — тот вскочил с постели, засуетился.— Прощайте, Арчев... Молитесь за меня!

— Будет вам комедию ломать! — Арчев поднялся с кровати.— Никто вас до суда не расстреляет... Ну, здравствуй, Козырь, — потянулся, раскинув кулаки. — И ты влип! Как же тебя угораздило?

— Не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз! — ерничая, пропел Козырь. Оглядел без интереса каюту.— Я — что... Мне не привыкать... Ты-то, командир, спалился — вот потеха. Я, как услышал на палубе, что ты здесь, чуть не откинулся от радости. Неужто, думаю, и наш ротмистр гнилой припух? — Хмыкнул безбоязненно в лицо потемневшему от гнева Арчеву, повернулся к Ростовцеву, который, вытянув длинную кадыкастую шею, застегивал верхнюю пуговицу кителя.— Как живешь-можешь, соловушка голосистый, кенарь желторотенький? — Игриво схватил подпоручика за бока.

— Не прикасайся ко мне, мразь! — завопил тот. Взмахнул ладонью, чтобы влепить пощечину, но Козырь перехватил руку.

— А ну прекратить! — рявкнул от двери Матюхин.— Сцепились! Пауки в банке.

Козырь нехотя отпустил руку своего недавнего командира, вытер пальцы об его китель. Подошел к окну, подергал решетку.

— Ничтожество, скотина, плебей! — задыхаясь, массируя запястье, выкрикивал Ростовцев.— Негодяй!

— Закрой хлебало,— скучающе посоветовал Козырь,— а то кишки простудишь... Заблеял, барашек идейный,— и, когда Ростовцев, клокоча от негодования, выскочил из каюты, когда захлопнулась за ним дверь, повернулся к Арчеву: — Ну что, передернул картишки, да неудачно? Теперь все ставки у Фролова, а ты — без взяток. Тебя именем Рэсэфэсээра,— выкинул указательный палец, прижмурился, будто целясь. Щелкнул языком, закатил глаза.— И вся любовь!

Арчев, опять развалившись на постели, не мигая глядел на него.

— Хватит валять ваньку,— сказал раздраженно.— Смотри!

Засунул ладонь под тонкое солдатское одеяло, поперебирал там пальцами и вытянул руку с зажатыми в кулаке пилками. Показал взглядом на окно.

— Вхожу в долю! — не задумываясь выкрикнул Козырь. Стрельнул вороватым взглядом на дверь и, сморщившись, неожиданно засмеялся, словно захрюкал.— Ну и пентюхи, вертухаи липовые. Даже волчок не прорезали!..— Оборвал смех.— А этому... чистоплюю сопливому, вы ничего не сказали? Гадом буду, заложит!

— Неужто я похож на идиота? — подчеркнуто оскорбился Арчев.— В таком деле нужен опытный, бывалый человек. Такой, как ты. Я рад, что тебя поместили ко мне,— изобразил губами улыбку.— Ростовцев же...— и пренебрежительно отмахнулся ладонью.— Откройся ему, через минуту по лицу Сержа обо всем догадался бы самый тупой надзиратель...

А Ростовцев в это время переминался около кубрика, уныло поглядывая по сторонам. Ему очень не хотелось уходить с палубы: яркий солнечный день, легкий прохладный ветерок, трепавший полотнище алого флага и доносивший с берега слабые запахи хвои, смолы, дымка, копченой рыбы; высокое, светлое, без единого облачка небо, серо-голубая река с рябью мелких волн; суета чекистов, которые, не обращая на пленного внимания, играючи подхватывали и укладывали в штабеля подаваемые из дощаника рогожные кули; пыхтение, покряхтывание, поскрипывание паровой лебедки, поднимавшей над бортом оплетенные веревками бочки и, развернувшись, плавно опускавшей их в квадратный зев трюмного люка, откуда попахивало сыростью, железом, пылью, мышами; громкие окрики, смех, беззлобная пе-

ребраика, лязг, стук, всплески воды, визгливый гвалт чаек-халеев — жизнь!

Часовой с забинтоваииой шеей, в кургузой шинельке, в иеумело накрученных обмотках долго возился с замком. Наконец дверь открылась, Матюхин бесцеремоино втолкнул Ростовцева в кубрик.

— Если еще будешь так копаться, получишь виеочередиой наряд в кочегарку! — Матюхии погрозил кулаком часовому.— Замок должеи открываться — р-раз, и готово! Смотри у меня!

И, громко бухая сапогами, побежал к трапу — туда подплывала и уже разворачивалась бортом шлюпка. Вскинул руку к козырьку, вытянулся, чтобы доложить командиру, который поднимался иа палубу, что никаких, мол, происшествий ие было, ио Фролов опередил:

— Вольно, вольно... Идите занимайтесь делом.— Увидел Еремея, обрадовался.— О, сынок, уже встал иа ноги? Молодцом, молодцом... Только не рано ли?

— Я то же самое твержу. Не слушается,— Люся мотнула головой.— Упрямства — иа десятерых!

На палубу по трапу поднялся Латышев. Доложил Фролову:

— Погрузка закончеиа.

— Вам, товарищ Латышев, придется задержаться в Сатарове,— подчеркнуто официальио сказал Фролов.— Сейчас главиое заготовка, заготовка и еще раз заготовка. А у вас это отлично получается.

— Да при чем тут я? Это Никифора Савельевича заслуга.— Латышев виновато взгляиул на Егорушку, который стоял в стороне и с тоской смотрел на поселок.— Никифор Савельич и торговать умел, и с остяками договориться мог. Все тут зиали его...

— Никифора Савельевича иет! — жестко иапомнил Фролов.— А вы есть!

Латышев опустил голову.

— Не уберегли... Ни одного бойца ие потеряли, а старика срезало...— Латышев помолчал.— И сколько я здесь пробуду? — поинтересовался уиыло.

— Постараемся сразу же прислать опытного хозяйствениика. Если же ие удастся...— Фролов покашлял, прочищая горло.— Словом, остаетесь в Сатарове, пока не прибудет смеиа.

— Боидаря пришлите,— пробурчал Латышев.— Ну и клепки можио. Лишняя ие будет. А лучше — бочек...

Как же я со здешними жителями объясняться стану? Может, разрешите товарищу Люсе Медведевой остаться со мной? Переводчиком.

— Нельзя! — не задумываясь сказал Фролов.— У товарища Медведевой в городе работы по горло. До свидания.

Натужно взревел гудок. Зашипел паровой брашпиль, запостукивали зубья шестерен, взбурлилась вода вокруг якорной цепи, и цепь медленно — звено за звеном — поползла в клюз.

Латышев скользнул в дощаник; тяжелая лодка, отделившись от парохода, стала неуклюже выруливать носом к берегу. Латышев прочно стоял на корме, размахивал прощально руками. Замахали и ханты на берегу, и чоновцы на пароходе, и Фролов с Люсей, и Антошка. Даже Еремей неуверенно вскинул ладонь. Только Егорушка не шевельнулся — насупился еще больше.

Гребные колеса «Советогора» шевельнулись, погрузили, как бы нехотя, плицы в воду, потом поднатужились, прибавили прыти — поплыли плавно и берег с хантами, и дощаник с гребцами и Латышевым, и поселок с красным флагом над домом деда Никифора; развернулось, осталось за спиной солнце, готовое уже скрыться за деревьями.

— Пойдем, пойдем, чего покажу,— дергая Егорушку, засуетился Антошка. Повернулся к Еремею, выкатил восторженно глаза.— Мынси, Ермейка! Алы нецынгка чиминт тахи энта вулы![1] Ма-ши-на.

И топоча голыми пятками, бросился к двери в машинное отделение. С трудом открыл ее, исчез в проеме.

— Пошли посмотрим,— Еремей потянул вниз Егорушку.

Екимыч показывал ребятам свое хозяйство, когда на верхней площадке трапа появилась Люся. Всплеснула руками.

— Я думала, они отсюда смотрят,— топнула по решетке,— а они... Ну-ка быстро подниматься! Ужинать пора. И — спать!

Еремей и Егорушка переглянулись, направились нехотя к трапу — Егорушка медлил потому, что ему было

---

[1] Пойдем, Ермейка! Такое ие часто увидишь! (*хант.*)

все равно, где быть, куда идти, а Еремей не спешил, чтобы не делать резких движений, не тревожить занывшие опять раны.

— А тебе что, особое приглашение? — крикнула Люся Антошке.— Смотрите, какой вахтенный механик нашелся. А ну — марш в каюту!

Когда шли коридором, ребят остановил Матюхин. Сунув в руки Еремея и Егорушки кружки с кипятком, прикрытые тоненькими ломтиками хлеба, стал отмыкать дверь. Распахнул ее, гаркнул:

— Вечерний кофий, ваши благородия!

Арчев, как всегда в наброшенной на плечи шинели с поднятым воротником, поджидал чай, привалившись плечом к косяку. Оказавшись внезапно глаза в глаза с внуком Ефрема Сатарова, непроизвольно, рывком, выпрямился. Кружка в руке Еремея дрогнула. Подошедший Антошка с любопытством заглянул из-за его плеча в каюту.

Матюхин подхватил соскользнувший кусок хлеба, принял от ребят чай, сунул кружки в руки Арчева. Тот резко обернулся к развалившемуся на постели Козырю, приказал взглядом, слегка мотнув головой назад: смотри!

— Видел остячонка? — быстрым шепотом спросил Арчев, когда дверь захлопнулась.

— Остячат,— поправил Козырь.— Двое же их.

— Запомни того, что постарше. Он нам может понадобиться.

— Запомню,— Козырь кивнул.— Я эту рожу видел уже. Около трапа.— Взял протянутую ему кружку и хлеб. Покрутил ломтик.— Ну и пайка! Самое то, чтобы копыта отбросить... А зачем остячонок-то?

— Там увидим...— Арчев сел на кровать, сгорбился.— Как думаешь, не слышно будет, когда начнем?..— повел глазами на оконную решетку.

— Не боись, здесь глухо, как в одиночке,— Козырь, отхлебнув кипяток, сморщился.— Да и ширкать-то будем в лад этой тарахтелке. Во, старается, дура! — Каюту заполнял громкий, толчками наплывающий снизу и сбоку шум машины.— Под такую музыку не только пилками, динамитом работать можно...— Он, чавкая, в два укуса расправился с хлебом, допил чай. Отер ладонью губы, опрокинулся на постель и, поигрывая пустой кружкой, уставился на свечной огарок в фонаре над

дверью.— Уйти-то, может, и уйдем,— протянул задумчиво.— А дальше какой расклад?

— Я же сказал, выдам тебе вознаграждение и... живи — не хочу! — отозвался Арчев.— Хороший куш отхватишь, верь слову офицера и дворяннна!

Козырь сложил трубочкой губы, поразмышлял.

— Чует мое сердце, бортанете вы меия. А потом — за кордон.

— Я? За границу? — Арчев всем видом своим изобразил возмущение.— Что я там, иа чужбине, не вндел? Что там оставил? Я русский! Русский патрнот! Мне без России жизнн иет! — И гулко постучал кулаком по груди.— Россия для меня все!

Козырь, озадаченый таким иеожидаиным взрывом чувств, всмотрелся в лнцо комаиднра: не дурачит лн?

— Нет, иикуда я из России ие поеду! — твердо завернл Арчев. И мечтательно пообещал: — Переберемся мы с тобой в центральиые губериин, где нас ннкто не зиает. Откроем свое дело. Торговый дом, иапример. «Арчев и Козырь»! Звучнт?

— «Арчев и Шмякин»,— поправил Козырь. И тут же улыбка его превратилась в желчную ухмылку.— Как же... откроем! Так и позволят иам Совдепы торговать.

— Эх, Козырь, Козырь, не следишь ты за жизнью,— сннсходительно посожалел Арчев, скобля ногтями щетину под подбородком.— Наступает свобода предпринимательства, свобода личиой иницнативы. Большевики сдались, ясио? — Запахнулся в шииель, откиулся к стеие. Светлые глаза его смотрели зло.— Оставили себе заводы, шахты, железиые дороги — что потяжелей. А все остальное, что полегче,— деловым людям иа откуп: пользуйтесь! Производите, торгуйте — живите!

— Да слыхал я про этот иэп,— Козырь пренебрежительно поморщился.— На тупарей доверчивых рассчнтано. Только раскроют фраера свои капиталы, как комиссары их — р-раз! — и прихлопиут!

— Ну иет, коммуиистам верить можно,— возразил Арчев.— Если уж оии сказали...

Но договорить ие успел. Скрежетнул замок, дверь открылась:

— Посуду! — потребовал, появившись на пороге, Матюхнн и иетерпелнво помаинл к себе пальцем Козыря. А когда тот, сорвавшись с постели, отдал и свою, н арчевскую кружки, пожелал с нескрываемым удо-

вольствием: — Беспокойной вам ночи, господа! Пусть приснится трибунал! — Вытянулся на цыпочках, снял с крючка над дверью фонарь.— Отбой!

— Э, э, ты, ухарь,— Козырь попытался ухватить чоновца за рукав.— Ты чего делаешь, жлоб? Порядков тюремных не знаешь? Свет — положено...

— Не лапай! — Матюхин стукнул кружками по его руке.— Свечку еще на вас, контриков, изводить?.. Вот вам свет,— показал на белое от лунного сияния окно с четкими квадратами решетки.— Спать! Отбой!

И, выйдя, громко бухнул дверью. Опять скрежетнул замок.

— Ну, гад, потолкуем на воле,— зашипел Козырь, помахивая ушибленной рукой.— Встретимся еще, тварина пролетарская!

Прошел сквозь прозрачный, косо упавший на пол лунный свет, рухнул на койку.

— Когда рванем-то? — спросил глухо.

— Надо подойти поближе к городу... Я скажу когда,— Арчев не спеша разделся, развесил аккуратно одежду на спинке кровати. Забрался под одеяло, лег на спину, уставился в потолок.

Козырь раздеваться не стал. Не поднимаясь с постели, поочередно упираясь носками в пятки, скинул со стуком сапоги, стряхнул портянки. Густой запашище разлился по каюте. Арчев заворочался, натянул до глаз одеяло.

— Не, торговый дом мне не в жилу,— решил вдруг Козырь.— Приказчики воровать начнут, надо будет морды кулаком полировать — хлопотно, морока. Вот портерную я бы купил. Самую шикарную. Портерная — фартовое, козырное дело. Пиво рекой, раки, соленый горошек, сухарики, вобла, бильярдная. Накурено невпроворот. Мамзели крашеные, расфуфыренные хихикают, повизгивают, к клиентам липнут: «Красавчик, поднеси лафитику». А в задней, потаенной от сыскарей, комнатуле...— Козырь аж застонал от удовольствия.— А в задней каморочке — для души: буби-черви, пики-трефы. Хочешь — в шестьдесят шесть или в двадцать одно, хочешь — в вист или покер. Ах ты, мать моя старушка, жизнь — малина, я садовник... Красота!

— Будет, будет, тебе портерная,— негромко пробубнил Арчев.

Козырь закрыл глаза, протянул нараспев:

— А назову я свое заведение «Пиковая дама»!

— Назови лучше «Сорни Най»,— сонно, еле слышно посоветовал Арчев.

— Чего, чего? — удивился Козырь. Приподнял голову от подушки.— Сор ни... чего? Какой сор?

— Это я так, к слову,— дернувшись, словно очнувшись, недовольно отозвался Арчев. Помолчал, но понял, что напарник ждет разъяснений: — Помнишь, в девятнадцатом был у нас в отряде остячишка Спирька? Проводник. Так вот он даму пик называл «сорни най».

— Спирька... Спирька... — Козырь задумался. — А, вспомнил! Этот охламон завел нас еще в какую-то глухомань, где старые шаманские амбары стояли.— Он опять опустил голову на подушку.— Сорни най... сорни най... Точно, частенько Спирька так бормотал. Только, что это значит, а? — Повернул лицо к Арчеву.— Может, сорни най — ругательство остяцкое, может, похабщина их? А я — вот так фуит! — матюгн нерусские на вывеске и напишу! Не вляпаться бы с этим названием, Евгений Дмитрич, а?

Но Арчев не отозвался. Он тихохонько и мирно посапывал, наблюдая сквозь прищур за Козырем.

8

Еремей сразу, словно и не спал вовсе, открыл глаза. Увидел неумело заправленные койку и русскую лежанку-диван — значит, Антошка давно встал, убежал к Екимычу и Егорку с собой увел. Посмотрел на окно: солнце поднялось уже высоко. Оно белым квадратом лежало на стене, лучисто играло на копье, на ободке щита, на гребне шапки Им Вал Эви.

Еремей опустил ноги на пол, злясь на себя, что так долго спал,— Егорка и Антошка смеяться, наверно, над ним начнут. На табуретке увидел Еремей свои штаны, выстиранные, непривычно гладенькие, без складок. Сверху аккуратно лежала такая же, как у капитана, куртка, только серая от старости и стирок; на ней — белая, еще пахнущая мылом рубаха.

Еремей не удивился — ведь малицу и ернас пришлось выбросить, вот русские и отдали свое, что ж тут особенного. Он почти без боли оделся — все оказалось немного великоватым; обулся — нашел под табуреткой свои нярки. Достал из-под подушки дедушкин ремень.

туго застегнул его на животе, привычно поправил качин и сотып с ножом. И вышел.

Молоденький часовой, расхаживающий по коридору, поднял голову, заулыбался приветливо. На отрывистое: «Где Антошка с Егоркой? Не видел?» — пожал плечами, махнул рукой в сторону выхода на палубу: «Туда вроде ушли», а на вопрос: «Где Люся?» — показал глазами на дверь, за которой слышались голоса. Здесь Еремей уже был вчера — чай пил вечером. Дернул ручку, прочитав сначала на табличке: «Кают-компания». Заглянул.

Плотно сдвинутые столы, за ними бойцы, сосредоточенные, серьезные; Люся стоит у стены, на которой черная доска с полустертыми белыми буквами. Объясняет что-то, взмахивая ладонью. Оглянулась на дверь, покачала неодобрительно головой. Погрозила Еремею пальцем и кивком показала, чтобы входил, сел и не мешал.

— Новая экономическая политика — вовсе не поражение, а перегруппировка сил,— напористо продолжала она.— Да, разрешена частная торговля; да, разрешено сдавать в концессии некоторые предприятия и создавать новые со смешанным и даже чисто частным капиталом. Но рабоче-крестьянское правительство оставило за собой ключевые высоты экономики: тяжелую промышленность, транспорт, внешнюю торговлю...

Она говорила еще о чем-то мудреном, чего Еремей не понимал, но от этого только еще больше зауважал Люсю — как внимательно слушают ее, а ведь многие бойцы почти пожилые. Вот какая умная у него старшая сестра, вот какие люди в роду пупи!

— Встать, смирно! — выкрикнула вдруг Люся и, когда все вскочили, повернулась к двери, в которой стояли Фролов, капитан и Матюхин.

— Вольно, садитесь,— Фролов снял фуражку, нацепил ее на крюк вешалки.— Сколько в расходе? — спросил Матюхина.

— Двадцать один арестованный, двое часовых, трое в лазарете, трое в кухонном наряде, двое в кочегарке, а также штурвальный и машинист с масленщиком,— увидев удивленные глаза командира, Матюхин пояснил: — Масленщик — остяцкий мальчик Антон Сардаков. Зачислен на вахту по просьбе Екимыча.

— Понятно. После обеда все, кроме группы ликбе-

за,— иа хозработы. В распоряженне Виталия Внкеитьевнча,— Фролов кивиул на капнтаиа н иаправился к Еремею.

— Добрый день, сыиок. Совсем, гляжу, окреп,— проговорнл, усажнваясь рядом с мальчнком.— Значит, самое страшное — позади...

Но Еремей ие слушал его. Ои пораженио наблюдал за Егоркой, который в белой, сбнвшейся на ухо шапочке, в белой куртке выкладывал перед бойцами из таза деревянные потертые, обкусаниые ложкн.

Прнблизнвшись к Еремею н положив к его руке ложку, Егорушка буркиул:

— Чего пялишься?.. Мы непрнвыкшн задарма есть.

— Ах ты... лукавый твой язык! — Люся, которая шла вслед за инм, подавая бойцам по небольшому кусочку черного хлеба, прннуждеиио засмеялась, взгляиув иа Еремея: не принял бы тот слова Егорушки иа свой счет.— Неужто ты нас объел бы?

— Такую созиательиость можио только приветствовать,— Фролов ободряюще подмигиул слегка покрасневшему Егорушке. Уточинл внушнтельно: — У иас ие работают только раиеиые.

Положил свою горбушку вплотиую к кусочку Еремея. Тот хотел отодвниуть дар, ио Фролов удержал руку мальчика.

— Нет, иет, оставь хлеб себе. Я здоровый, а ты раиеиый. Тебе иадо скорей сил набираться. А для этого нужио есть...

— Опять этот суп-кондей,— вздохнул Матюхин. Он черпал из бачка мутную, белесоватую жижицу, разлнвал ее по мискам, которые тут же уползали, нз рук в рукн, к дальиему коицу стола.— Полиый пароход еды, а себя морнм! Неужто иельзя хоть одиу рыбину взять?

Пальцы командира, поглаживающне руку Еремея, сжались.

— Отдайте поварешку соседу, Матюхнн,— негромко потребовал Фролов.— Делнте суп, Варнаков! — приказал парнишке с суровыми глазамн, прниявшему черпак.— А вы, Матюхии, смотрнте сюда,— показал на плакат с иадписью: «Помоги!», где нз непроглядного мрака бежал страшный жилистый старик, умоляюще вскниувшнй руки.— Смотрнте н рассказывайте о текущем моменте.

— Да я так, товарищ командир...— Матюхин опустил глаза.— Ляпнул не подумавши.

— Подними глаза! — рявкнул Фролов.— И рассказывай!

Стало тихо: не звякнет ложка, не скрипнет скамья — только побулькивает разливаемый в миски суп, да капитан заерзал, крякнул негромко.

— На текущий момент положение в республике очень тяжелое,— начал Матюхин, с натугой выдавливая слова. Лицо его, широкое, скуластое, обычно дерзкое, стало виновато-хмурым, покрылось, как росой, потом.— Заводы и фабрики не работают. Паровозы и вагоны поломаны, рельсы раскурочены, все путя заросли лебедой. В городах нет ни угля, ни дров. На улицах тьматьмущая беспризорников. Холод, болезни, обуть-одеть нечего. Одно слово — разруха!.. Ну понял я, товарищ командир! — Он умоляюще посмотрел на Фролова, но, увидев его лицо, торопливо отвел взгляд.— А самая большая беда — голод...— Уткнул подбородок в грудь, спрятал глаза под насупленными бровями.— В Поволжье вымирают целыми семьями, целыми деревнями. ВЦИК издал декрет об эвакуации тамошнего населения... Простите меня, товарищ командир.

— Рассказывай! — жестко потребовал Фролов.

— Голодно везде, не только на Волге,— переборов вздох, уныло продолжал Матюхин.— В Москве, в Петрограде оплату служащим производят натуральным продуктом: овсом, жмыхом, воблой — по горсточке, по две-три рыбки в день. На рабочего выдают полфунта хлеба...

— Полфунта! Два таких кусочка! — Фролов схватил горбушку, взметнул ее над головой.— В день! В сутки!

Еремей, не мигая глядевший в подставленную здоровяком-соседом миску, где слабо колыхалась, успокаиваясь, белая водица с редкими крупинками разваренных зерен, посмотрел на Матюхина. До этого глядеть на него не мог — было жалко парня и почему-то неловко за него: догадался Еремей, что сказал тот что-то неприятно поразившее его товарищей, и, лишь выслушав рассказ, понял, что именно сделало осуждающими лица бойцов, понял — где-то, далеко отсюда, у людей беда. Что такое голод, Еремей знал, знал, как вымирают целыми семьями. И представил большие русские

стойбища, такие, как Сатарово, и даже, может, больше, где лежат дети со вздувшимися животами, где тенями бродят, пошатываясь, худые, изможденные мужчины и женщины, и Еремею стало жалко их, неведомых и незнаемых.

— Полфунта на двадцать четыре часа! — кривя губы, продолжал зло Фролов.— Работающему. Устающему. Которому надо еще и детей, и мать, и жену кормить...— Он опустил руку, бережно положил краюшку рядом с кусочком Еремея.— Снимите повязку, Матюхин, и отдайте Варнакову,— сказал устало.— Заступите в кухонный наряд.

Матюхин стянул с рукава красную ленту. Сунул ее через стол чуть ли не в лицо Варнакову и, громыхнув стулом, затопал к двери в камбуз.

— Отставить! — приказал Фролов.— Сначала пообедайте. Нам не нужны истощенные бойцы. Это касается и тебя! — Искоса посмотрел на Еремея, отодвинувшего горбушку.— Поэтому — ешь. И без фокусов.

Молча, в тишине выхлебали бойцы жиденький супец; молча и сосредоточенно съели по черпаку каши — разваренных ячменных зерен, слабенько поблескивающих желтым от еле ощутимого намека на конопляное масло; молча выпили кипяток, густо отдающий смородиновым листом.

В «каюте стюардов» тоже кончили обедать.

— Вот, суки, что творят! — Козырь, вылизав чашку, отшвырнул ее в изножье кровати.— Сами, небось, осетрину трескают, икру горстями жрут, а нас баландой, зерном, как курочек, кормят.

— Чего ж ты хочешь! — Арчев снисходительно дернул плечом.— Мы — классовые враги, к тому же — арестанты.

— Так оно,— согласился Козырь.— И фофану ясно, что тюремная пайка — не тещино угощенье. Но ведь такое-то потчево... Враз доходягой станешь! — Он выгнул грудь, постучал по ней кулаком.— Эх, если б знали вы, Евгений Дмитрич, сколько жратвы эта чекистская кодла наготовила! Видели мы с горы-то... Вот пируют сейчас пролетарии, дорвались до бесплатного! — Шумно прихлебывая, завистливо жмурясь, выпил чай. Кинул кружку в чашку, упал на спину, забросил на одеяло ноги и вдруг дурашливо запел-заорал: — Теперь я в допре отдыхаю и на потолок плеваю, жрать, курить и

пить у меня есть. Сидеть мне в допре не обидно, ну а если вам завидно, можете прийти и тоже сесть...

Дверь резко открылась. На пороге вырос белый от ненависти Варнаков, из-за плеча которого посматривал напуганно-настороженный часовой.

— Если еще раз увижу, что лежите в сапогах, отберу постель,— прошипел Варнаков.— Совсем, что ли, оскотинились?

— Ладно, начальник, не сердись,— Козырь поднялся с кровати. Собрал посуду, подошел к двери.— Пусти свежего воздуху глотнуть! — И хотел выглянуть в коридор, но маленький, щуплый Варнаков с такой злобой уставился ему в глаза, что Козырь попятился, натянуто заулыбался: — Парашу-то хоть разрешите вынести...

— Все по распорядку: и свежий воздух, и параша! — рыкнул Варнаков.

Захлопнул дверь, передал посуду Егорушке, который, деловито топая, унес ее в камбуз. А Варнаков подождал, пока часовой закроет замок, и бегом поднялся на палубу, откуда рвался хохот, визг, вопли.

Молодые чоновцы гонялись друг за другом, дурачась, уворачиваясь, семеня босыми ногами на мокрых досках. Взвивались в воздухе мокрые тряпки, с которых мелкой радужной пылью срывалась вода; мелькали белые и загорелые, мускулистые и худые руки; притворно хмурились, стараясь скрыть улыбки, чоновцы постарше, широкими швабрами разгонявшие по палубе воду; изумленно-весело пялился Еремей на совсем еще недавно таких строгих и серьезных бойцов.

— Прекратить безобразие! — крикнул Варнаков, но пробегавший мимо боец окатил его из ведра, и он задохнулся, вытаращив глаза, а когда, хватанув воздух, очухался, то, неожиданно для себя, рассмеялся.

И вдруг — резкий вскрик: кто-то на бегу толкнул Еремея в спину, и тот, изогнувшись, оскалившись от боли, упал на колени, потом на бок. Бойцы, еще сохраняя на лицах беззаботное ухарство, резко остановились, оглянулись; ближние от Еремея уже метнулись к нему, подхватили под руки. Мальчик мотал головой, сдавленно мычал, чтобы не застонать. Согнувшегося в пояснице, его осторожно подвели к двери кают-компании. Люся, с мелом в руке, вышла недовольная, но, увидев Еремея, ойкнула, крикнула в дверь: «Занятия окончены!» — и бросилась в каюту мальчиков...

Когда закончила перевязку и Еремей закрыл глаза, задышал ровно и сонно, Люся тихонько вышла в коридор.

Поднялась на палубу. Доски были уже насухо протерты, блестели чисто, свежо. Чоновцы ушли, остались только два матроса, которые протирали лебедку, не обращая внимания ни на пленных, с заложенными за спину руками, уныло вышагивавших кругами по корме, ни на караульных. Работали матросы рьяно — старались перед капитаном. Тот, тоже заложив руки за спину, негромко напевал, одобрительно щурился, наблюдая за подчиненными и, видимо, довольный их рвением.

От реки тянуло сыростью, прохладой, но солнце, хоть и спустившееся к лесу, было еще доброе, по-летнему теплое. Подставляя лицо его лучам, Люся подошла к борту и, чтобы не видеть настороженных, колючих глаз Арчева, наглой рожи Козыря, сомкнула неплотно веки.

— Росиньель, росиньель, ожурдюви,— негромко, но отчетливо мурлыкал капитан,— ле канарие шант си трист, си трист. Апре лесиньяль де ротрет ле канарие шант си трист, си трист...[1]

— Что это за импровизация? — фыркнула Люся, наблюдая сквозь ресницы, как переливается, лучится золотистое марево.— Почему у вас сегодня канарейка жалобно поет после отбоя?

Она нехотя открыла левый глаз, посмотрела на капитана. Тот вздрогнул, обернулся. Полное лицо его на миг испуганно затвердело, но тут же стало привычным — безмятежно-добродушным.

— Про канарейку спрашивали? — Лукаво склонил голову набок, мелко рассмеялся.— Не обращайте внимания, голубушка. Я, как инородец, собираю все, что в голову лезет. Одно французское слово цепляет другое... вот и выложил весь свой запас.— Раскинул руки, вздохнул восхищенно.— Благодать-то какая! Редкостное бабье лето!

— Да, погода стоит удивительная,— согласилась Люся, опять всматриваясь в золотистое марево, откуда выплывало, приближаясь, худое, растерянно-восхищен-

---

[1] Соловей, соловей, сегодня... канарейка очень жалобно поет. После отбоя канарейка очень жалобно поет (*фр.*).

ное и оттого казавшееся почти детским лицо Андрея Латышева...

— Заканчивайте прогулку! Все по камерам — марш, марш!

Люся открыла глаза. Варнаков, появившись в двери машинного отделения, отмахивал рукой влево и вправо: одним — сюда, другим — туда!

— Ну, пора и мне,— капитан с явным сожалением посмотрел на солнце.— Надо выспаться перед вахтой... До свидания, до встречи утром, дорогая Люция Ивановна!

Вскинул два пальца к козырьку фуражки и вальяжно, неторопливо двинулся вслед за Арчевым и Козырем.

Те уже спустились в коридор. Вошли в свою каюту. Как только закрылась дверь и слабо скрежетнул ключ в замке, Арчев, прислушавшись, метнулся к своей кровати. Отогнул тюфяк, разодрал надпоротый шов. Достал обмотанные лоскутом пилки, сунул их Козырю и, прижав палец к губам, показал взглядом на решетку.

Козырь коротко кивнул, лизнул посеревшие губы. Прошипел:

— На шухер встань!

Подскочил к окну, сорвал с пилок тряпицу, суетливо разостлал ее на полу. Быстренько перекрестился. Жуткими и веселыми глазами поглядел на Арчева. Тот, прижавшись ухом к двери, махнул рукой.

Козырь провел без нажима пилкой по пруту решетки — визжаще запело железо. Арчев страдальчески сморщился, зажал себе пятерней рот, да так сильно, что пальцы вдавились в щеку, и плотней прижался ухом к двери. Козырь оглянулся, подмигнул дерзко и заширкал посмелей, поуверенней — терзающий ухо стон металла перешел в ровное, однообразное поскрипывание, которое все учащалось и учащалось. И вдруг смолкло. Козырь, не оборачиваясь, взметнул один палец. Сунул руку в карман, цапнул комок хлебного мякиша. Потискал его, отщипнул крохотку, замазал распил, пригладил, заровнял. И снова взвизгнула пилка, и снова Арчев скривился, оцепенев. И снова визг перешел в размеренное, все учащающееся низкое посвистывание металла, еле слышное за привычным, а оттого не замечаемым, но сейчас казавшимся очень громким пыхтеньем машины. И снова взметнулась рука Козыря, на сей раз с двумя растопыренными пальцами; и снова — хлебный

мякиш. А потом опять — шнрк-шнрк, шнрк-шнрк, все быстрей, быстрей... Козырь покраснел, дышал часто и шумно, сдувал, выпятив нижнюю губу, капельки пота с кончика вислого носа, но пилить не прекращал, темп не снижал...

Когда Варнаков принес вечерний чай, пленники сонно полулежали на постелях. Вскочили, торопливо и жадно выпили кипяток, вернули без лишних разговоров кружки.

Через час Варнаков сменил часового у каюты. Открыли дверь, заглянули, сдавая-принимая пост.

Арестованные разбирали на ночь постели. Бывший офицерик выпрямился, растянул за углы одеяло, подергал его, расправляя. На вошедших посмотрел равнодушно. Второй пленный — мазурик с ухватками конокрада — согнувшись, разравнивал тычками ладони бугры на тюфяке. Скосил глаза на караул, заулыбался.

— Ну и перину вы подсунули, братва! Сплю, как на поленнице. Все бока — точно лягаши попинали...

— В тюрьме на нарах отоспишься,— пробубнил сквозь сдерживаемую зевоту новый часовой.— А потом — вечный покой...

Он скучающе вытянул руку, снял с наддверья фонарь, протянул Варнакову.

— Отбой! — приказал тот и первым вышел из каюты.

На палубе Варнаков чуть не налетел на капитана. Тот, опустив голову, стоял глубоко задумавшись. Оказавшись носом к носу с разводящим, качнулся назад и даже руки слабо вскинул, словно защищая лицо.

— О, черт, напугали как...— Капитан облегченно усмехнулся.— Я, понимаете ли, размечтался, в эмпиреях витаю, а тут — вы. Аки тати в нощи,— глянул пытливо на Варнакова, на бойца за его спиной.— Смена караула? Похвально: все по уставу, все по распорядку.— И, перехватывая поручень, бодро взбежал по трапу — только каблуки гулко запостукивали по железным ступеням.

Но на мостике капитан опять задумался и даже остановился перед дверью в рубку. Потом раздраженно мотнул головой, вошел.

Штурвальный, на миг повернув голову, доложил:

— Все в порядке. И курс, и ход.

— Ну и слава богу... Не отвлекайся,— капитан мно-

гозначительно поджал губы.— Скоро Кучумов мыс. Гляди в оба.

— Знаю,— штурвальный тоже поджал губы.— Мель на мели.

— То-то...— капитан искоса глянул на него, потом на компас. Посмотрел, слегка пригнувшись, на низкий берег слева, темной полосой разделявший белую от лунных переливов реку и светлое еще небо. Поднял глаза на круглые часы над штурманским столом.

— Однако уже отбой. Наверно, и смену караулов произвели...— Он переступил с ноги на ногу.— Пойду посмотрю, все ли в порядке.

На мостике капитан промокнул платком шею. Шагнул к перилам, посмотрел на корму. Отшатнулся. Прижимаясь спиной к стенке, бочком, на носочках, бесшумно сбежал по трапу, затаился в проеме двери. Опять осторожно выглянул, отыскивая взглядом часового. Тот, отвернувшись, собирался закурить.

Капитан присел, разинув, точно в страшном, но беззвучном вопле, рот, и выметнулся из-за укрытия. Подскочил к часовому и, пока тот разворачивался на шум, ударил его, хакнув, сдвоенными кулаками под затылок.

Боец, не вскрикнув, повалился — капитан подхватил его, опустил на палубу. Приседая на согнутых ногах, кинулся к темному окну. Стукнул согнутым пальцем в стекло, прижался к нему лицом.

Козырь, не отрывавший взгляда от окна, вскочил с койки. Вцепившись в решетку, яростно дернул за прутья. Хрустнули чуть-чуть не допиленные стержни. Пока Арчев укладывал решетку на постель, Козырь крутанул медный барашек защелки, потянул застекленную створку, медленно, осторожно. Открыл — не скрипнуло, не скрежетнуло.

Наружу выскочили мгновенно — словно каюта выплюнула арестованных.

Около лежащего неподвижно часового Козырь остановился. Наклонился, сдернул с плеча чоновца винтовку — рука бойца безжизненно упала.

— А эти?..— Козырь ухватил Арчева за шинель, мотнул головой в сторону кубрика.

— Ну их к черту! — Арчев дернулся, зашипел, выкатив бешеные глаза.— Пусти! Время теряем!

В два прыжка он оказался под шлюпбалкой. Козырь опередил его. Почти одновременно спрыгнули

в шлюпку, где, вцепившись в линь, пританцовывал с паническим лицом капитан. И сразу линь обвис — капитан плюхнулся на скамью.

«Советогор» темной и казавшейся снизу безобразно огромной тушей быстро удалялся, бодренько лопоча плицами, простреливая искрами густой дым, слабо подсвеченный снизу, из трубы.

— Ну, Евгений Дмитрич, все в ажуре,— Козырь весело оскалился.— Тип-топ, два вальта в побеге.

Они с капитаном навалились на весла.

— Спасибо, Виталий Викентьевич, за пилки, за охранника...— проговорил Арчев и, когда капитан кивнул, принимая благодарность, поинтересовался с легкой издевкой: — А признайтесь, очень вы испугались, услышав мои слова, что один я к стенке не встану? Или была надеждочка, что не выдам?

— Я в любом случае... помог бы вам, Евгений Дмитрич... бежать,— заверил капитан.— Потому что... знаю про... Сорни Най.

Козырь не в такт ударил веслом, взглянул в раздумье на Арчева, прищуренные глаза которого стали нехорошими — оценивающими. Капитан не выдержал взгляда, оглянулся назад, заерзал.

— А испугался я... по-настоящему испугался... когда узнал, что девчонка, слышавшая мой «росиньель»... знает французский. И еще испугался, когда надо было... нейтрализовать часового. Думал... не сумею.

— Сумел,— Козырь сплюнул за борт.— Ухайдакал ты его, боцман...

Но часовой остался жив. Он застонал, с трудом разлепил веки, увидел перед носом белые от лунного света доски палубы. Хотел повернуть лицо и охнул: от затылка в лоб широко ударила боль, словно колыхнулась огромная болевая капля, заполнившая весь череп. Часовой медленно поднял голову и ахнул — квадратной дырой зияло, не поблескивая стеклом, окно каюты. Бойцу стало жутко. Он с трудом встал, проковылял к окну. Не веря глазам, протянул руку — она наткнулась на пеньки железных прутьев. Часовой вцепился в раму, увидел на кровати решетку и застонал — горько, злобно, отчаянно: удрали гидры!

— Тревогааа-а! — заорал он что было мочи, хотя болевая капля сразу же взбухла в готовый лопнуть пузырь.— Тревога! Побег!

Забухали ноги — дверь распахнулась. Кто-то обхватил часового, выдернул из окна. Уже затуманенно увидел он лица, лица, мелькающие, приближающиеся, исчезающие...

— В карцер! — Фролов ткнул маузером в окно.— Вот сюда.

— Сначала в лазарет! — Люся склонилась над часовым, приподняла его веки.— Несите, товарищи, несите! Быстрей!

— Хорошо, но потом — в карцер! — Фролов быстро взглянул в сторону кубрика, около открытой двери которого сгрудились чоновцы, развернулся, взлетел по трапу на мостик.

— Стоп машину! — крикнул с порога рубки штурвальному.

— Без капитана не имею права,— удивленно и испуганно оглянулся тот.— Что там за шум?

— Нет, нет твоего капитана. Сбежал каналья,— Фролов, ткнув дулом маузера снизу в козырек своей фуражки, сбил ее на затылок.— Ну, чего ждешь?

— Сбежа-а-ал?! — поразился парень и чуть было не выпустил рогульки штурвала, но спохватился, вцепился в них еще крепче.— Командуйте тогда...— кивнул на переговорную трубу.— Только...— Он покосился на Фролова.— Предупреждаю сразу: судно назад не поведу.

— Эт-то еще почему? — грозно выпрямился склонившийся уже к раструбу Фролов.— Саботаж? В сговоре с капитаном?

— Не развернуться мне.— Штурвальный виновато заморгал.— Фарватер хитрый, петляет. Мели опять же. Одно слово: Кучумов мыс...

— Кучумов мыс? — Фролов вгляделся в длинную косу, которая, встопорщившись соснами, вдавалась далеко в реку.— Но ведь этот негодяй сказал мне, что пройдем Кучумов мыс только утром.

Штурвальный лишь хмыкнул.

Фролов покусал губу.

— Черт, не хватало еще на мель сесть,— и виновато взглянул на штурвального.— Извини, накричал на тебя. Сорвался. Ведь этот прохвост не один ушел. Помог сбежать Арчеву и Шмякину. Особо опасным.

— Ну, тогда их нечего и искать в лесу,— присвистнув, заявил штурвальный.— Пустое дело!

— Когда вы в последний раз видели капитана? —

хмуро поинтересовался Фролов, всовывая маузер в кобуру.

— Вот здесь,— штурвальный, поглядывая на картулоцию, лежащую на столике, ткнул в нее пальцем. Пояснил: — Он ловко задумал. Через этот вот перешеек — и в город. К утру там будет. А мы — только к полудню, да и то, если...

— Ты уж постарайся,— попросил Фролов.— Быстрей надо!

Дернул за козырек, нахлобучивая на лоб фуражку. Глубоко всунул руки в карманы тужурки и, стиснув зубы, задумался, припоминая все, что знал о капитане: закоренелый холостяк, либерал, кадет, сторонник Учредительного собрания, однако во времена колчаковщины вышел из партии, в знак протеста, как объяснил потом, против политики кадетов. В белой армии не служил — говорит, по убеждению, но... пес его знает, как увильнул, но не служил — это установлено. Впрочем, не служил и в Красной Армии, после освобождения Западной Сибири был направлен на восстановление речтранспорта. В эсеровско-кулацком мятеже не участвовал, хотя... Да нет, мало ли у кого какие знакомые — город небольшой, люди одного круга приятельствуют, на чай, на балычок, в картишки перекинуться друг к другу ходят, трудно избежать компрометирующих знакомств,— во всяком случае в «Союзе трудового крестьянства» он не состоял, а тем более в бандах боевиков не был. Есть, правда, пунктик — доводится капитан то ли племянником, то ли еще каким-то дальним родственником бывшему купцу-миллионщику Астахову, но мало ли кто чей родственник, а тут — седьмая вода на киселе...

— Товарищ командир, прошу наказать меня,— тихо, но решительно потребовал голос за спиной.

Фролов обернулся. В дверях рубки стояла Люся — вытянулась по стойке смирно.

— Как Пахомов? Что с ним? — сухо спросил Фролов.

— Я его вывела из шока. Сделала укол. Видимо, сотрясение мозга,— Люся помолчала и повторила настойчиво: — Прошу меня наказать... Я слышала, как капитан сообщил Арчеву о времени побега, и не доложила вам.— Добавила с горечью, но без малейшей попытки оправдаться: — Правда, догадалась об этом только несколько минут назад.

Фролов молчал, пытал взглядом. Штурвальный по-

смотрел через плечо на девушку, покачал еле заметно головой не то с сочувствием, не то с осуждением.

Люся задержала воздух в груди, выдохнула и, твердо глядя в глаза командиру, ровно, бесстрастно рассказала о том, как капитан во время прогулки арестованных напевал на французском языке о соловье-пташечке, вставляя слова «сегодня... после отбоя».

— За утрату бдительности объявляю вам, товарищ Медведева, выговор,— выслушав, сказал Фролов.— Кроме того, об этом случае доложите своей ячейке...— И не сдержался. С силой ударил кулаком в ладонь.— Как примитивно и нахально провел нас этот подлец! — Покачал головой, криво усмехнулся.— Ну, ладно, что было — то было... Не исправишь.— Попросил: — Идите, Люся, к ребятишкам. Как бы Еремей с Антоном не испугались, узнав, что Арчев на свободе.

Мальчики были взбудоражены. Антошка с Егоркой, успевшие уже побывать и в каюте, откуда сбежали пленные, и на палубе, захлебываясь от возбуждения, рассказывали Еремею обо всем, что узнали, что увидели. Еремей, торопливо одеваясь, угрюмо слушал.

— Я сам поймаю Арча,— сказал негромко, когда ребята выдохнулись и умолкли.— Ему надо Сорни Най... Будет, однако, искать меня...— Выпрямился, властно посмотрел на друзей.— Только Люсе об этом не говорите. Фролову не говорите. Охранять станут, помешают... Сейчас у Фролова шибко беда. Я помогу,— и упрямо, как клятву, повторил: — Я поймаю Арча. Сам.

9

В предрассветных сумерках Арчев, Козырь и капитан вышли из леса, сквозь который пробирались всю ночь. На опушке, когда открылся глазам город изломами охряных, коричневых, зеленых крыш, тусклыми золотистыми и синими куполами церквей, капитан и Козырь обессиленно опустились на землю. Арчев, часто и тяжело дышавший, выдернул из рук Козыря винтовку, разрядил ее. Размахнулся, забросил ее далеко в багульник, а затвор с силой метнул в другую сторону.

— Подъем, подъем! Хотите дождаться Фролова? — Ткнул в бок капитана.— Соберитесь с силами, Виталий Викентьевич. Где ваша... конспиративная квартира?

— Иду, иду...— капитан заворочался, тяжело встал.

Попетляв по сонным переулкам с черными от времени крепкими домами, которые слепо смотрели черными же, без огонька, окнами, троица, возглавляемая капитаном, прошмыгнула через широкую бывшую Соборную, а теперь улицу Освобожденного Труда, нырнула в проходной двор и закоулками выбралась в тупичок, который упирался в дощатый забор. Капитан, посматривая тревожно по сторонам, качнул в сторону плаху, висевшую на одном гвозде, придержал ее, пропуская Арчева и Козыря. Протиснувшись в дыру, очутились в густых зарослях сирени и черемушника. Капитан облегченно выдохнул, побежал усталой рысцой по тропке к низенькому, в облупившейся желтой штукатурке дому, видневшемуся сквозь ветви.

Арчев огляделся: широкий утоптанный двор с редкими островками пожухлой травы, распахнутые покосившиеся ворота, кованые копья и завитушки которых красно-буры от ржавчины; по ту сторону двора — двухэтажный, тоже желтой штукатурки дом с пузатыми колоннами у гранитного крыльца.

Пригнувшись, Арчев метнулся к капитану, который тянул руку к окну, закрытому ставнями.

— Позвольте, Виталий Викентьевич, это ведь бывший «Мадрид»,— возмущенно зашипел Арчев, показав на дом с колоннами.— Бывшие меблированные комнаты и номера Астахова. А теперь — Дом водников!

— Точно! — подтвердил подскочивший Козырь.— Там же пролетариев, как нерезаных собак! Ну и хату же ты нашел, шкипер! Засыпемся мы из-за тебя, гадом буду!

— Я вам не шкипер и не боцман! — вспылил капитан.— И забудьте наконец свой отвратительный жаргон — все эти «гадом буду»! Иначе кузина откажет нам в гостеприимстве...— Он повернулся к Арчеву.— Не беспокойтесь, Евгений Дмитрич, лучшего места в смысле безопасности нельзя и придумать.— И осторожно постучал в ставню...

В просторной сумрачной кухне, освещаемой лишь бледным огоньком лампады перед простенькой, без оклада иконой богородицы, склонились над столом двое: красивая женщина в черном платье с широкой, низко обвисшей пелериной и лысый, гладко, как актер, выбритый мужчина. Они, любовно перебирая, сортировали кучку драгоценностей: спутанные в клубок жем-

чужные бусы, золотые браслеты, кольца, колье, посверкивающие зелеными, алыми брызгами камней.

— Все равно мало,— проговорил лысый.— Вот если б еще столько же, тогда можно бы, пожалуй, распрощаться с Совдепией. Увы, жизнь на Лазурном берегу...

И тут раздался стук. Он и она замерли. Переглянулись.

Стук повторился — требовательный, нетерпеливый.

Лысый, посматривая на полупрозрачные оконные шторы, за которыми полосками светились узкие щели ставен, распахнул докторский саквояж, смахнул в него драгоценности.

— В случае чего закашляйся. Я выручу.— Он бесшумно, вьюном скользнул из-за стола. Достал из-под полы пиджака револьвер и боком проскочил в комнату — слегка колыхнулись тяжелые малиновые портьеры с бомбошками и успокоились.

Женщина набросила на голову черный платок, надвинула его до самых глаз, сколола под подбородком — лицо, будто в черной раме, стало скорбным и отрешенным. Оглядела внимательно кухню, вышла в сени и, не спрашивая, кто за дверью, откинула огромный железный крюк. Опустив глаза и не глядя на шмыгнувшую в сени троицу, тенью вплыла в кухню. Повернулась к гостям, сцепив пальцы у груди.

— Разреши, дорогая, представить моих друзей...— льстиво заулыбавшись, начал было капитан, но Арчев перебил его:

— Ба, мадемуазель Ирэн! — обрадованно и удивленно вскрикнул он, но, заметив, как неприязненно дрогнули губы женщины, поправился: — Пардон, пардон, понимаю: не Ирэн, а Ирина Аристарховна?

— И не Ирина Аристарховна,— она строго взглянула на него,— а сестра Аглая.

— Что это вы, из хозяек кафешантана да в монашки? Грехи отмаливать?

Ирина-Аглая не шевельнулась. Пропела постным голосом:

— Милости прошу в скромную обитель, отрешенную от юдоли земной. Отдохните душой от суетного мира, оставшегося за порогом.

— Отдохнем. С удовольствием. Благодарны вам, сестра Аглая,— посмеиваясь, Арчев галантно поклонился.— Однако осторожность — прежде всего.

Он подошел к двери в комнату, откинул портьеру. Перешагнул через порог. Огляделся.

Пыль, запустение. Зашторенные окна, гнутые, вычурные стулья, софа, обитые потертым уже малиновым бархатом.

Быстро пересек комнату, заглянул в другую дверь — спальня: широкая кровать со сбитыми, скомканными простынями, с мятым покрывалом голубого шелка; слева у стены — трюмо в завитушках по красному дереву рамы. Арчев хотел уже развернуться и уйти, но краем глаза заметил свое отражение — длинная потрепанная шинель, затасканная фуражечка со сбитой назад тульей, заляпанные грязью сапоги. Приблизился к трюмо — и отражение приблизилось: лицо изможденное, покрасневшие глаза ввалились, щетина, так и не превратившаяся в бородку, облепила светлым неопрятным мохом щеки, подбородок.

— Вы похожи на красногвардейца, Евгений Дмитриевич. Или на дворника,— незаметно вошедшая Ирина-Аглая взяла его под руку, потянула от зеркала.— Идемте, покажу, где умоетесь.

Когда Арчев, наплескавшись, нафыркавшись над тазом и даже побрившись — на полочке оказались чистые чашечки, кисточка, бритва «Жиллеттъ»,— взбодрившийся, появился в кухне, Ирина-Аглая скромненько сидела в углу под киотом, а капитан и Козырь, уже слегка захмелевшие, жадно чревоугодничали за богатым по нынешним временам столом.

— Падай, командир,— Козырь шлепнул ладонью на стул рядом с собой.— Налетай — подешевело, жри от пуза — не хочу!

— Но-но, без фамильярностей,— Арчев высокомерно вскинул левую бровь.— Демократия кончилась, осталась в камере на пароходе.— Сел, расправил, небрежно взмахнув, салфетку, положил ее на колени. Поднял уже наполненную рюмку.— За ваше здоровье, Ирина... извините, сестра Аглая!

Женщина потупилась, оправила платье.

Арчев выпил, сложил трубочкой губы, шевельнул ноздрями.

— Померанцевая,— заметил удовлетворенно. Ткнул вилкой в тарелку с маринованными грибами, подцепил крохотный, покрытый слизью боровичок.— Как это удалось вам, сестра Аглая?

— Неприкосновенный запас,— улыбнулась женщина.

— Я не о том. Как удалось вам заполучить это гнездышко в «Мадриде»?

— Господь надоумил... Меблирашка заселялась погорельцами, и мне... посчастливилось оказаться в их числе.

— Но каким образом?

— Долго рассказывать. В жилотделе служит бывший конторщик отца... Разумеется, не обошлось без даров. Но зато теперь этот человек — мой надежный ангел-хранитель. Ведь если все раскроется, ему тоже не поздоровится.

— Весьма предусмотрительно поступили,— одобряя, кивнул Арчев.— Итак, господа, к делу. Я думаю, сестра Аглая умеет хранить тайны,— вежливо, одними губами, улыбнулся ей и снова стал серьезным.— Первая наша задача — выкрасть Еремея Сатарова. Того остячонка, которого я показал тебе на пароходе,— посмотрел на Козыря,— и велел запомнить. Помнишь?

Козырь, обгрызая куриную ножку, кивнул.

— Вот и пойдешь за мальчишкой,— будничным голосом объявил Арчев.— Вместе с Виталием Викентьевичем.

— Со мной?! — Капитан подавился, закашлялся, заперхал, беспорядочно размахивая руками. Щекастое лицо его покраснело.— Не пойду! Ни за какие коврижки! Увольте, Евгений Дмитрич! Не смогу, не справлюсь, все провалю. Меня каждый чекист в лицо знает, меня Фролов за версту, за милю почует...

— Ну ты и отмочил, боцман! — Козырь пораженно замер.— Тебя знают, а Козыря нет? Да они уже всю округу рогом перерыли — меня ищут. Нет,— он помахал перед носом Арчева обглоданной костью,— я тоже на живца не клюю. Мне еще гулять на воле не надоело. Понял? Договор какой был? Сорвемся гладко — кладешь деньги на бочку. Вот и гони монету,— решительно постучал пальцем по скатерти. Откинулся, качнулся на стуле.— Мне этот остячонок не нужен. Тебе надо — сам и топай.

— Пойдете, куда денетесь,— Арчев желчно усмехнулся.— И ты пойдешь, и вы, Виталий Викентьевич.

— Нет, нет! — Капитан отчаянно замотал головой.— Я боюсь. Понимаете? Боюсь! Если вопрос стоит так, то не надо мне никакого остяцкого золота, никакой Сорни

Най — ничего не надо! Забирайте себе эту Золотую Бабу, только оставьте меня в покое!

Ирина-Аглая быстро и внимательно взглянула на Арчева и тотчас снова потупилась, но Арчев не заметил этого, он разглядывал капитана и размышлял: посылать его за Еремейкой или нет? Не храброго десятка Виталий Викентьевич — это ясно: во времена Верховного правителя отсиделся в деревне, во время подготовки восстания был ни жив ни мертв, когда у него собирались главари заговора, во время самого переворота притворился больным и все полтора месяца новой власти провалялся в постели... Но ведь решился же организовать побег с парохода и сам сбежал, поставив крест на карьере. Да что там карьера — на жизни своей в Совдепии крест поставил. Почему? Жадность? Сорни Най ум помутила? Или действительно боялся, что поставят к стенке вместе с лидерами движения? Трус, безусловно трус... На пароходе это сослужило пользу, но сейчас...

— Вы правы, Виталий Викентьевич,— нехотя согласился Арчев.— Коль вы в таком настроении, посылать вас нельзя.— Медленно повернулся к хозяйке, прищурился, размышляя.— Вы позволите, милая Ирина... миль пардон, Аглая, попросить вас о небольшой услуге?..

Женщина, не дослушав, плавно встала и, не поднимая глаз, сцепив пальцы перед грудью, прошелестела платьем — согбенная, смиренная — к двери в комнату. Широко отвела в сторону портьеру.

— Я помогу вам, господа! — произнес, появившись на пороге, лысый.

Арчев пораженно распрямился, узнав бывшего своего взводного сотни Иисуса-воителя, а потом писаря в военкомате, откомандированного руководителями восстания для агитработы в Екатеринбург и там, по слухам, схваченного.

— Тиунов?! Живой-здоровый?

Козырь дернул головой, сонно клонившейся к груди. Раскинул руки, пытаясь выбраться из-за стола:

— Гриша! Апостол!.. Вали сюда, бес, я тебя расцелую.

— Сиди, сиди,— Тиунов ладонью надавил ему на плечо. Обошел стол, сел против Арчева. Взял бутылку, по-хозяйски налил из нее в бокал.— Итак, вам нужен остячонок, который приплывает на пароходе? На вашем

пароходе...— Взглянул на капитана, тот, измотанный ночной пробежкой, изнервничавшийся и уже немного успокоившийся, дремотно таращил глаза.— Когда приходит «Святогор»?

— Без меня,— капитан приосанился,— часам к четырнадцати, не раньше.

— Хорошо, время еще есть,— Тиунов выпил, пожевал губами.— Этот мальчишка знает, где Золотая Баба. Правильно я понял? — Понюхал кусочек хлеба, не отрывая глаз от Арчева.

Тот напряженным, цепким взглядом изучал лицо Тиунова. Передернул плечами неопределенно. Поинтересовался:

— Объясни: откуда ты появился? Где прятался, когда мы пришли?

— А под кроватью сидел, пока вы, ваше сиятельство, гостиную и спальню обнюхивали,— Тиунов рассмеялся, обнажив крупные белые зубы. И тут же оборвал смех.— Я приведу вам мальчишку,— заверил деловито. Потер лысую макушку, улыбнулся фатовски.— А то мы с сестрой Аглаей обнищали... Цена обычная. Как закончим дело, на всех — поровну. Законно, Козырь?

— Законно-то, может, и законно, да дело больно дохлое,— с сомнением покачал головой Козырь.— Ну, выкрадем остячонка, коли подфартит,— и куда с ним?.. Городишко тесный, как чулан... Накроют, как пить дать накроют.

— Все продумано,— Арчев рубанул рукой воздух.— Скрываемся из города. В сорока верстах — таежная заимка. За хозяина ручаюсь, как за самого себя. Отсидимся... А потом Еремейка поведет нас к Золотой Бабе.

— Так прямо и поведет?..— продолжал сомневаться Козырь.— А коли не уломаем? Знаю я этих остяков, если что в башку втемяшит,— хоть жги его...

«Хоть жги»... Арчеву разом вспомнилось, как усердствовал Парамонов там, в стойбище Сардаковых, и что из этого вышло...

— А мы с ним поласковей,— проговорил, словно отвечая собственным мыслям.— Время на заимке будет... Подумал: «Неужели не заговорю, не заморочу голову? Внушить, что мать, брат и сестренки живы, упрятаны в надежном месте, что привезем ему их, когда отведет на эвыт...»

— Ладно, я пошел,— Тиунов встал.— Дела, дела...

А потом загляну на пристань. Надо подождать «Свято-
гор», понаблюдать, что и как...

А «Советогор» уже подходил к городу.

Мальчики наблюдали, как разворачивается берег с вросшими в песок ржавыми баржами, с полузавалившимися на бок пароходами, с протянувшимися вдоль воды черными, обуглившимися остовами зданий, за которыми поднимались большие, как в Сатарово, дома, а многие даже выше — в два, три ряда окон, одни над другими.

Исподлобья, со страхом смотрел Еремей на это огромное стойбище русских, где сидел в тюрьме дедушка, где только встречающих пароход было больше, чем всех Назым-ях; Антошка же глядел на город откровенно радостно, а Егорушка — равнодушно: он жил здесь три года назад, да и потом приезжал сюда с дедом.

Фролов легонько сжал локоть Люси, отзывая ее в сторонку.

— В помощь тебе, думаю, Алексея. Не возражаешь?

— Может, не надо? Чего доброго, бросится в глаза — посторонний человек. А так — все естественно: я была с Еремеем на пароходе, мальчик привык ко мне...

— Подстрахуемся! — обрубил Фролов.— Еремея не прячь, держи на виду — может, Арчев откроется. Но помни: головой отвечаешь за парнишку.

«Советогор» сильно стукнулся скулой в дебаркадер — людей на палубе качнуло, Фролов еле успел удержать Люсю, но кранцы смягчили удар. Шатнулись ветхие сваи пристани, колыхнув встречающих, которые кинулись ловить брошенные с палубы чалки.

— Что ж, будем прощаться. Вам пора...— Фролов, вернувшись к мальчикам, серьезно, по-мужски пожал руку Антошке, потом Егорушке. А ладонь Еремея задержал: — Значит, договорились, сынок. Жду в любое время. Сам бы тоже заглянул к тебе, но... работы много. Придешь?

Еремей кивнул. Сосредоточенно сопя, полез за пазуху кителя. Вытащил статуэтку и, не раздумывая, протянул Фролову.

— На. Пускай у тебя пока живет. Когда назад, на Назым, пойду, отдашь.— Он пристально поглядел на строгое лицо серебряной богини.— Где жить буду, не

знаю. Может, там над Им Вал Эви смеяться станут.— Поднял глаза.— Никому ее не отдавай. Дочь Нум Торыма дедушку помнит, род наш помнит. Приходить буду, смотреть на нее буду, дедушку, Сатар-хот вспоминать буду. Береги Им Вал Эви.

Фролов обнял мальчика, но тот вырвался, отступил на шаг. Деловито снял пояс, подал Фролову — качнулся сотып с ножом, стукнулись медвежьи клыки, звякнули висюльки.

— Тебе отдаю. Ты дедушку знал. Бери. Память.— И хмуро добавил: — Все равно, поди, в городе с ножом ходить нельзя.

— Что верно, то верно,— согласился Фролов.— Хорошо, возьму. Большое спасибо,— задержал взгляд на расшитой сумке Ефрема-ики.— Этот качин мне очень дорог.

Когда сошли по сходням на берег, Люся опять принялась уговаривать Егорушку: может, тот все-таки согласится жить с Еремеем и Антошкой, но Егорушка упрямо твердил, что нет, нет, у него в городе есть свои — тетка Варвара с сестренками, что жить надо у сродственников, а не мыкаться по чужим углам.

Они миновали пыльную широкую площадь, окруженную кирпичными домами с железными дверьми, над некоторыми пестрели свежей краской вывески — Еремей прочитал только одну: «Чай и пельмени Идрисова»,— свернули в тихую, затененную тополями улочку, прошли мимо спрятавшегося за кустарником дома с высокой башней, остроконечная зеленая крыша которого была украшена блестящим полумесяцем.

Улочка заканчивалась садом. В глубине его притаился веселый, в деревянной резьбе терем с надстроечками-пристроечками — такую избу Еремей видел только на картинках в книжке с русскими сказками у Никифора-ики, деда Егорки.

Люся взбежала на крыльцо, распахнула дверь с дощечкой: «Первый дом-коммуна детей Красного Севера».

В прихожей сидела полная старушка и вязала чулок.

Старушка подняла голову, привстала с табуретки.

— Люция Ивановна!.. Вот радость-то. Вернулись?

— Здравствуйте, Анна Никитична,— Люся улыбнулась. Пошла было в коридор, но, вспомнив что-то, остановилась.— Вы ведь, кажется, на Береговой жили?

— Тама, тама,— старушка припечалилась.— Покеда

не спалили ее нонешней весной смутьяны... А чего такое? Неуж квартеру для меня сыскали?

— Да нет...— Люся положила ладони на плечи Егорушки, повернула его лицом к старушке.— Родственники этого мальчика жили тоже на Береговой. Может, знаете их? Может, скажете, куда переехали?

— Мы не ра-бы! Ра-бы не мы! — заглушая Люсин разговор со старушкой, громко и не в лад гаркнуло за ближней дверью множество мальчишеских голосов.— Мир хи-жи-нам вой-на двор-цам!

Еремей даже чуть присел от неожиданности. Оглянулся вопросительно на Люсю.

Та ободряюще тронула его за локоть — все, мол, в порядке, не удивляйся,— и скрылась за соседней дверью.

— Ах ты, господи, воистину мир тесен,— слезно дрожал в наступившей тишине голос старушки, жалостливо смотревшей на Егорушку.— Знаю, знаю тетку твою Варвару-то, как не знать. Суседками были, кума я ей... Щас-то редко видаемся, далече друг от дружки живем. Ее в Дом водников поселили, а я тута вот, за сиротками доглядываю. Не до гостеваний — с вашим братом, ое-ей, как глаз да глаз нужон. Детдом-то мальчишечий...

Открылась дверь, за которой исчезла Люся. Вышла пожилая, с туго зачесанными назад, скрученными на затылке в узел волосами женщина, одетая в черную юбку, белую кружевную блузку.

— Прошу сначала сюда,— женщина открыла дверь с красным крестом— Ну, мальчики, смелей! Этой процедуры вам не избежать.

Еремей, сумрачно посматривая на нее, вошел в комнату, куда уже шмыгнул Антошка.

Склонившийся за столом старичок в белом халате, с сивой остренькой бородкой отложил ручку, отодвинул красную тетрадь.

— А-а, новенькие...— Он встал.— Раздевайтесь.— И, словно отталкивая что-то, взмахнул тонкими желтыми пальцами.— Только не трясите, пожалуйста, одеждой.

Антошка проворно стянул через голову ернас, принялся развязывать тесемки штанов. Еремей, посматривая то на него, то на два широких, покрытых белым дивана, снял китель, опустил его к ногам. Стараясь не морщиться, снял не спеша и рубаху.

— Ох ты, батюшкн, страсть-то какая! — ахнуло сзади.

Старушка, прижав пухлую ладонь к щеке, со страхом уставнлась на бннты. Старичок тоже посмотрел на Еремея по-нному: уднвленно, уважнтельно.

— Это тоже долой.— Он мнзннцем показал на подштанннки Антошкн.

— Я вурп сннмать не буду! — решительно заявнл Еремей.

Старнчок насмешлнво взглянул на него нз-под лохматых бровей н потребовал высокнм голосом:

— Попрошу покнннуть кабннет, товарнщн дамы! Вндите, молодые людн стесняются. И распоряднтесь, пожалуйста, относнтельно банн н чнстого белья.

— Белье у ннх чнстое,— несмело пояснnла Люся.— Мы его прожарнлн на пароходе...

— Извольте не возражать! — выкрнкнул старнчок.— Вошь — враг страшней Колчака! Ваши слова?..

Люся пожала плечамн, прнкрыла дверь. Повернулась к Анне Ннкнтнчне.

— Вот спаснбочки. Я мнгом обернусь,— кланялась та начальннце.— Сдам мальчонку Варваре н, не сумлевайтесь,— бегом назад...

— Зачем же бегом? — уднвилась заведующая.— Только, прежде чем пойдете, отведнте Егора на кухню и покормите.

— Не, не, я не хочу! — Егорушка замотал головой.— Я сытый!

— Вот лгунишка! — Люся засмеялась.— С чего бы это ты сытый? С пароходного чая? Идем, ндем. Надо подкрепнться. Не повреднт...

— Люцня Ивановна, вернн тесь! — выглянул нз своей комнаты старнчок-меднк.— Ваш протеже требует, чтобы перевязку ему делалн вы. Подайте, настанвает, мою старшую сестру Люсю, н все тут!

Люся виновато улыбнулась Егорушке, развела рукамн: что поделаешь, прндется без меня.

— Я сама послежу, чтобы мальчнка покормнлн,— сказала заведующая н, строгая, прямая, направнлась в конец корндора. Старушка н Егорушка двннулнсь за ней.

В кухне повар с отечным, ннчего не выражающнм лнцом поставнл перед гостем чашку дымящнхся щей.

Егорушка поднес ко лбу щепоть, чтобы перекреститься-

ся, и не решился — увидел, что двое мальчишек в белых куртках, чистивших картошку, переглянулись и фыркнули. Поскреб, словно в раздумье, лоб — мальчишки опять заусмехались. Под их любопытствующими взглядами Егорушка не торопясь выхлебал щи, съел овсяную кашу. Выпил шиповниковый чай, икнул, изображая отрыжку, чтобы показать, как сыт. С достоинством поднялся, взял картуз, поясно поклонился повару.

— Благодарствуем за угощение.

И степенно вышел вслед за Анной Никитичной на черный двор.

Всю дорогу Анна Никитична без умолку, то причитая, то вздыхая, рассказывала о бедах, постигших и ее, и суседку Варвару во время смуты, о пожаре Береговой, о грабежах и убийствах в безвластии — пропади оно пропадом.

В воротах с распахнутыми покосившимися створками из железных узоров Анна Никитична оборвала свои горестные воспоминания. Показала на большой дом с колоннами.

— Ну вот и пришли. Тута твои сродственники и живут.

В просторной кухне с провисшими, протянутыми из угла в угол веревками, на которых сушились пеленки, тряпки, топтались у длинной плиты женщины: варили, кипятили. На Егорушку почти и не взглянули. Только одна, худая, с черным от загара лицом, сидевшая на корточках перед духовкой, выжидательно повернувшая голову к двери, стала медленно выпрямляться, уставилась на Егорушку круглыми выцветшими глазами.

— Никак племяш? — Женщина обеими руками пригладила свои жидкие волосы. Лицо ее, некрасивое, длинное, стало растерянным.— Ну точно, Егорка... А где ж дедушка? Ты чего один-то?.. Аль случилось что?

Егорушка низко опустил голову, шоркнул кулаком по глазам. Сдавленным голосом рассказал о том, как убили деда, как похоронили его, поставив вместо креста пирамидку с красноармейской звездочкой, как чоновцы стрельнули из винтовок, как плыл потом на пароходе.

Женщины перестали греметь кастрюльными крышками — слушали серьезно, сосредоточенно.

— Ой да, сиротинушка ты несчастная,— заголосила вдруг тетка Егорушки.— Да сколь же эта война прокля-

тая аукаться будет, да сколь же еще кровушке литься?.. Ой да, горький ты, бездольный, горемычненьки-и-ий, да за что же на тебя, такого маленького, столь несчастийто? — Из ее глаз светлыми дорожками потекли по щекам слезы.

Егорушка забулькал горлом и, не сдерживаясь больше, облегченно заплакал, уткнувшись лицом в теплый передник тетки. Она принялась торопливо оглаживать его плечи, спину.

— Пойдем, воробушек, пойдем, касатик, в квартеру. Не убивайся, родненький, не рви себе сердце-то.— Повела его из кухни.— Ну успокойся, успокойся, будя плакать-то. Не то Танька с Манькой засмеют. Помнишь еще Таньку с Манькой-то? Не забыл?

Своих двоюродных сестер-близняшек Егорушка помнил, но, если б встретил их на улице, не узнал бы: недавно еще маленькие, щупленькие, с жидкими косичками-хвостиками, они теперь вымахали выше Егорушки на целую голову и стали похожи на галок.

Встретили Танька с Манькой гостя не больно ласково. Едва мать вышла из комнаты, как сестры, оставив на время своих замызганных тряпичных кукол, принялись насмешничать.

— Егор, Егор, проглотил багор,— запела негромко не то Танька, не то Манька.— Егор, Егор, полез на забор...

— ...С забора упал, ногу сломал,— подхватила вторая.

Егорушка показал им кулак, отвернулся к окну, принялся разглядывать желтый домишко в глубине двора. Сестры, осмелев, запели громче:

— Егор, Егор, не смотри во двор. Там монашка живет, тебя к черту унесет.

Егорушка, стараясь не прислушиваться к дразнилке, наблюдал без интереса за высоким военным, который уверенным шагом пересек двор, остановился у дверей желтого домика. Дверь открылась, военный вошел...

— Дело осложняется, господа,— с порога кухни заявил Тиунов.— Прибытие «Святогора» мы проморгали.

Он хмуро посмотрел на Арчева, который стоял в двери гостиной, на Козыря, дремотно моргавшего из-за спины своего командира, на капитана, поднявшего от

стола заспанное, в красных складках и помятостях лицо.

— Остячонка я не видел,— Тиунов подошел к столу, сел, закинул ногу на ногу.— И где он сейчас — не знаю.

— Скорей всего в детском доме,— буркнул капитан.— Фролов с Медведевой как-то говорили о таком варианте.

— В детдоме...— Тиунов задумчиво побарабанил пальцами по столу.— Скверно, если это так... Там подобных огольцов — табун! Попробуй узнай нашего. Придется кому-то из вас пойти со мной, чтобы показать.

— Только не я! — испуганно вскинул ладони капитан.

Тиунов и Ирина-Аглая, которая тихонько уселась под киотом, вопросительно посмотрели на Арчева. Тот повернул голову к Козырю. Объявил как само собой разумеющееся:

— Пойдешь ты. Больше некому.

— А вот этого не хочешь? — Козырь сунул ему под нос кукиш.— Нашел шныря на подхвате! Сам топай, если...

И не договорил. Арчев, оскалившись, дернул верхней губой, вытолкнул Козыря на середину кухни, а Тиунов, выдернув из кармана пистолет, щелкнул предохранителем.

— Мразь, дрянь помоечная! — Арчев брезгливо вытер ладонь о грудь.— Бунтовать еще вздумал, поганец!

— Не волнуйся, Козырь, никто тебя не узнает. Даже родная мама, если она у тебя есть,— Тиунов заулыбался.— Мы обрядимся в мужичков-зимогоров, которые бродят по дворам.— И жалобно, просительно-заискивающе загундосил: — Кому дрова пилить-колоть? Дешево берем, посочувствуйте обнищавшим...

И Арчев, и капитан, и даже Козырь с изумлением уставились на него, услышав вместо сочного, уверенного баритона дрожащий, надтреснутый голос.

Тиунов, самодовольно откинувшись на стуле, кивнул Ирине-Аглае. Та скользнула мимо Арчева, прошла в спальню. Вернулась с мешком и круглой шляпной коробкой.

Тиунов открыл коробку, вынул несколько париков, накладных бород, усов. Поперебирал их, поразглядывал, встряхивая иногда, точно аукционщик пушнину.

Выбрал раздерганную пегую бородenку, поторопил Козыря:

— Переодевайся! Чего тянешь?

Козырь нехотя развязал мешок, нехотя вытряхнул содержимое на пол: порыжелые армяки, мятые шляпы-гречневики, заплатанные портки из сарпинки, опорки, стоптанные сапоги.

— Сапоги оставь мне! — приказал Тиунов, натягивая на лысый череп бурый, с проседью парик. И пошутил: — В них удирать легче.

Козырь шепотом выругался. Разделся, зло и ядовито посматривая на невозмутимую Ирину-Аглаю, натянул полосатые портки, ветхую косоворотку; обмотав ноги онучами, обулся в опорки; влез в армяк и, запахнув его, демонстративно задрав подбородок, вытянулся перед женщиной. Она наклеила ему бороду, усы, надела парик с сальными волосами. Из жестяной баночки, которую вынула из шляпной коробки, достала гримерные краски, помаду. Нанесла Козырю под глазами тени, вытемнила ему щеки — все делала спокойно, привычно.

— Густо наложила. Заметно, если в упор...— Арчев растер мизинцем грим около глаз Козыря.— Ну-ка, покривляйся,— попросил деловито.— Борода не стягивает кожу? Не мешает? — И миролюбиво хлопнул Козыря по плечу.— Ты вот что пойми: другого выхода у нас нет. Либо по одному выловят, либо... Пан или пропал! А с Еремейкой мы, считай, что с золотом — сам черт не брат...

— Замечательно обклеили! — Капитан поцокал языком.— Действительно, ни одна собака не узнает!

— Заткнись, шкипер! — скривился Козырь. И, подпоясываясь веревкой, тоскливо вздохнул: — Фролов, в гробину его кости, наверно, уже пасет нас. А мы прем в нахалку, как с копейкой на буфет!

10

Фролов сидел в кабинете своего начальника и бесстрастным голосом докладывал о побеге с парохода.

— О твоем ротозействе доложу в Москву, товарищу Дзержинскому,— сухо сказал начальник, когда Фролов умолк.— Пусть коллегия вэчека решает вопрос о наказании.— Смахнул ладонью невидимые пылинки с зеленого сукна столешницы.— Ты же, пока не отстранен от

работы, обязан как можно скорей поймать этого палача.— Поднял требовательные, немигающие глаза.— Обязан, слышишь! Нельзя откладывать процесс. Надо показать людям, что агонизирующие эсеры выродились в вульгарных уголовников и ничем не отличаются от бандитов Тиунова.

— Тиунов? — удивился Фролов.— Не бывший ли писарь военкомата?

— Он самый. Мы навели о нем справки. До революции был антрепренером. Ярый монархист. Бредил спасением Романовых. Потом примкнул к эсерам. Накануне мятежа был откомандирован контрреволюционным подпольем в Екатеринбург, где сумел ускользнуть от наших коллег. Недавно объявился здесь. Амплуа: грабежи, убийства, налеты... Кстати, при Колчаке он служил в сотне Иисуса-воителя у Арчева.

— Вот как? — Фролов насторожился.— Может, Арчев у него?

— Может быть,— согласился начальник,— но тут есть один нюанс...— Поерзал на стуле, отчего орден Красного Знамени на гимнастерке ало блеснул в лучах солнца.— К сожалению, пока ни мы, ни милиция на людей Тиунова не вышли. Законспирировался, мерзавец, наглухо.— Он сильно потер виски.— Извини, голова раскалывается. Две ночи не спал, материалы для процесса готовлю,— и, продолжая растирать виски, заметил: — Думаю все же, что беглецов приютил капитан. Есть у него в городе родственники, близкие?

— Я уже проверил. Из родственников — только двоюродная сестра. Дочь небезызвестного Аристарха Астахова. Но она, по нашим сведениям, послушница в женском монастыре, в Екатеринбурге. Поэтому...

— В Екатеринбурге? — начальник сложил губы так, словно хотел присвистнуть.— Проверьте, там ли она.

— Хорошо. Разрешите идти?

— Действуй! — И когда Фролов, резко отодвинув стул, встал, начальник напомнил: — Все силы — на Арчева.

Фролов кивнул и торопливо сбежал по узкой деревянной лестнице на первый этаж, заглянул в дежурку — Алексей был уже там, калякал с дежурным. Вскочил со стула, вытянулся по стойке смирно. Фролов бегло оглядел его с головы до ног — клетчатое кепи, русый чуб, веснушчатое лицо, серое потертое пальто с

бархатным воротником, брюки-гольф, краги: немного экстравагантно, но ничего, сойдет — и, мотнув головой, пригласил Алексея за собой.

— Немедленно в Первый детский дом,— отрывисто начал объяснять на ходу задание.— Легенда: воспитатель, преподаватель гимнастики. Заведующая предупреждена. Цель: охранять мальчика, Еремея Сатарова. Его покажет Люся... товарищ Медведева,— уточнил, остановившись возле одной из дверей. Постучал в филенку.— От Еремея ни на шаг. Спать рядом.

Дверь, щелкнув изнутри задвижкой, приоткрылась. Высунулся взлохмаченный, с замороченными глазами единственный в губчека специалист по технической, баллистической, почерковедческой и прочим экспертизам.

— Простите, Яков Ароныч. Вынесите, пожалуйста, на минутку карточки, которые я вам дал,— попросил Фролов.

И, приняв из рук эксперта стопку фотоснимков, развернул их веером.

— Может появиться вот этот,— ткнул в изображение Арчева.— Или вот этот,— показал на Козыря.— Запомни их.

— Ясно...

— Спасибо, товарищ Апельбаум,— Фролов вернул снимки.— Достали гипосульфит?

— Ищем. По всему городу. Энергичней, чем Врангель кредиторов, но...— Эксперт драматически развел пухлые руки.— Чего нет, того и нет. Ничто не породит нечто, извините меня...

— Надо найти! — жестко перебил Фролов.— А пока подключите художника. Пусть нарисует как можно больше портретиков Арчева и Шмякина. Идем! — кивнул Алексею и быстро направился к выходу.— Может появиться еще один,— продолжил инструктаж.— Бывший капитан «Советогора». Ты его знаешь. Мальчика, возможно, попытаются выкрасть. Он им нужен только живой. Стрелять в него не станут. Поэтому держись в тени. Но рядом. Все! Отправляйся.

Торопливо пожал руку Алексея, вернулся к себе, чтобы отправить в Екатеринбург срочный запрос о послушнице женского монастыря, звавшейся в миру Астаховой Ириной Аристарховной.

Алексей не спеша, праздной походкой двинулся вниз

по улице. Мимо первого извозчика, который стоял около Расторгуевских бань, прошел, даже не поглядев на него; не окликнул и второго и, лишь поравнявшись с третьим, за два квартала от губчека, вскочил в пролетку.

— В первую детскую коммуну,— попросил важно.

— Энто в астаховский монплезир, что ль? — Дремавший на козлах рябой старичишко встрепенулся. Оглянулся, прицениваясь, на седока.— Доставим единым моментом, ваше степенство... то исть гражданин служащий... Аль не служите? Из новых коммерсантов будете?

— Служу, служу,— снисходительно пояснил Алексей.— В наробразе... Побыстрей, папаша!

— Н-но, милая, н-но, кормилица! — Извозчик принялся яростно крутить над головой вожжи.

Тощая буланая кобыла, застоявшаяся в безделье, встрепенулась и припустила вдруг с места неожиданно лихой рысью.

На углу Базарной площади, сворачивая мимо чайной Идрисова на Зеленую улицу, затененную могучими тополями, лошадка чуть не сбила двух мужиков-горемык, исхудалых, почерневших от несладкой жизни. В потрепанных армячишках, в помятых шляпенках, они устало плелись по дороге — один нес под мышкой завернутую в мешковину пилу, другой перебросил за спину торбу с торчащими из нее топорищами. Мужики проворно отпрыгнули в сторону; тот, что с топорами, тряся пегой бороденкой, даже рванулся было за пролеткой, но седоватый напарник удержал его.

— Не разевай рот, деревня! — выкрикнул фальцетом извозчик.— Затопчу, христарадники!..

И в небольшом тамбурке-прихожей детдома, и в широком длинном коридоре никого не было. Только у раскрытой двери, откуда тек стихающий уже гомон, топтались, заглядывая внутрь, несколько парнишек — среди них и дежурный с красной повязкой на рукаве. Алексей навалился на него, тоже заглянул в дверь — небольшой зал, забитый мальчишками, точно подсолнух семечками, небольшая сцена, над которой плакат: «Грамотность — путь к социализму!», а по сторонам нарисованные художником-любителем портреты: слева — Маркс, справа — Ленин; на сцене ораторствует, взмахивая кулаком, паренек с ежиком огненно-рыжих волос:

— ...вы думаете, мне больно охота эти дроби с остатками зубрить?! Нисколько не охота! А зубрю! Потому как социализм могут построить только обученные, знающие всякую науку люди...

Мальчишка-дежурный недовольно оглянулся на Алексея. Нахмурил белесые, выгоревшие брови, дернулся, сбрасывая с плеча руку.

— Чего это вы тут, а?.. Кого надо?

— Мне бы заведующую. А лучше товарища Медведеву,— шепотом объяснил Алексей, заулыбавшись как можно дружелюбней.— Только потише. Не мешай собранию, ради бога...

— Бога нет! — отрезал мальчишка. Показал пальцем.— Вон Люция Ивановна, рядом с новенькими остячатами. Позвать?

— Она сейчас подойдет,— Алексей поднял руку, помахал.

Люся сидела на крайнем в ряду стуле у открытого окна, место выбрала специально, побаиваясь, что Еремею и Антошке, привыкшим к вольному воздуху, станет плохо в душном, набитом ребятней зале. Особенно беспокоилась за Еремея, но, кажется, тот чувствовал себя сносно.

На легкий шум в дверях Люся обернулась. Увидела Алексея. Шепнула Еремею: «Я сейчас!» — и стала пробираться к выходу.

— Здравствуй,— Люся, пробившись к Алексею, протянула ладонь.

— Ревпривет,— Алексей пожал ей руку.— Ну, где наш парнишечка?

— Вон пересел, на моем месте сидит...— Люся показала взглядом.

— ...Конечно, постичь ученость нелегко,— голос рыжеволосого оратора дрожал от напряжения,— потому как в науке нет столбовой дороги. Только тот достигнет ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, будет карабкаться по каменистым тропам. Так говорил товарищ Карл Маркс,— паренек широким жестом показал на портрет,— вождь мирового пролетариата, у которого учился сам товарищ Ленин!

Еремей, который нет-нет да и поглядывал на Ленина, как на единственно знакомого в этом новом и странном городском мире, удивленно посмотрел на изображение бородатого человека — у него учился сам

Ленин-ики! — а боковым зрением таежника успел заметить, как за окном тенями скользнули в легких сумерках двое.

— Учебный год только начинается, сентябрь еще, а у нас уже неуды,— взвился со сцены негодующий голос.— И не только у младших коммунаров, но и у комсомольцев. Это верх несознательности...

Еремей подобрался, скосил глаза на улицу — там всплыло бледное пятно лица с раздерганной бородкой. Замерло и нырнуло вниз — лицо было незнакомое.

— Предлагаю! — выкрикнул паренек на сцене.— Всех, у кого неуды, завтра на субботник не брать!

Зал враз смолк. И тут же взорвался воплями: «Правильно!», «Шиш тебе, зубрила!», «Долой Пашку!». «Тебя самого не брать!..».

Антошка, сидевший рядом с Еремеем, тоже закричал что-то — непонятное, бессмысленное, тоже вскочил, замахал руками.

Что было дальше, Алексей не слышал. Сжимая в кармане пальто револьвер, выскочил на крыльцо, глянул по сторонам — никого, пусто! Люся с разбегу чуть не ткнулась ему в спину.

— Ты чего? — выдохнула шепотом.— Что случилось?

— Кто-то заглянул в окно,— тоже шепотом ответил Алексей.— Сначала я думал, показалось. Потом — еще раз...

— Померещилось,— неуверенно предположила девушка. Спустилась на две ступеньки, прислушалась.— Никого нет.

— Может, и померещилось,— неохотно согласился Алексей. Еще раз обвел взглядом двор, деревья подле дома, сад, уже затушеванный сумерками.— Пошли. Вроде все тихо...

Открыл дверь, пропустил Люсю, вошел следом за ней.

Тиунов, вжавшийся в землю за толстой липой и наблюдавший за крыльцом в просвет между деревьями, опустил револьвер. Повернув голову, встретился взглядом с вопрошающими глазами Козыря. Мотнул головой назад, осторожно, плавно поднялся. Привстал и Козырь. Подхватив пилу и мешок с топорами, они, согнувшись, оглядываясь, побежали в глубь сада. Выпрямились, перешли на шаг, лишь когда деревья полностью заслонили детдом.

— Успел разглядеть хмыренка? — Козырь сунул под армяк револьвер, подбросил на плече торбу с колунами.

— Шустрый такой: шило с глазами? — на всякий случай уточнил Тиунов. И, когда Козырь кивнул, успокоил: — Разглядел, разглядел вашего Еремейку. Завтра на субботнике и возьмем.

— Второй тоже, кстати, с парохода. Видел я там эту рожу.

— Черт с ним,— Тиунов зевнул.— Заказа на него не было.

— Подфартило нам,— Козырь сплюнул сквозь зубы.— Шкет мог забиться в угол...

— Тогда я подпалил бы этот муравейник,— проговорил Тиунов.— Пожар, детишки в панике, хватай кого хочешь.

— Обалдел? — Козырь испуганно оглянулся.— Светло ведь!

— А я бы под утро. Когда все сладенько спят... Граждане зеваки понабежали бы: шум, гам, тарарам!..

Больше они ни о чем не говорили. Молча, лишь изредка похмыкивая, дошли до Дома водников. Пересекли двор, опасливо поглядывая на слабо освещенные изнутри окна бывшего «Мадрида», постучали — два быстрых удара и два с задержкой — в дверь флигеля...

— Во, к нашей монашке бродяги какие-то заявились,— Варвара, тетка Егорушки, задергивая занавеску, пригнулась к окну, всмотрелась.— Из деревни, кажись. Наверняка мазурики!

— Интересно, что делает сейчас Еремейка? — Арчев, сидевший на диване рядом с капитаном, забросил ногу на ногу, сцепил пальцы на колене, полюбовался начищенным сапогом.— Спит, наверно, сладкие сны видит и не подозревает, что завтра возвращаться ему в свой каменный век.

Ирина-Аглая вытянула из-под пелерины часики, посмотрела на циферблат:

— Еремей не спит. Он ужинает. Лопает, наверно, кашу, с отвращением ковыряет «лакомство победившего пролетариата...».

— Или «подарок Коминтерна»,— подхватил Тиунов и рассмеялся, толкнув локтем Козыря, с которым они только что сытно поужинали.— Но почему с отвращением? — подчеркнуто удивился он.— Уверен, что этот

зверенок лопает с удовольствием. Для него любая жратва в радость. Лишь бы брюхо набить...

Но Еремей пока не ел. Он сидел рядом с Антошкой за длинным столом. Крутил в руках оловянную ложку, изредка посматривая то на рыжего Пашку, который оказался напротив, то на Люсю, хлопотавшую у второго, такого же длинного стола с ребятней. Только на пристроившегося справа, на краю скамьи, незнакомца, с которым шепталась во время собрания Люся, не решался даже исподтишка посмотреть.

В столовой, освещенной керосиновыми лампами, которые висели в простенках, стоял слитный гул мальчишеских голосов. Гул этот всплеснулся с новой силой, когда дверь в торцевой стене открылась, выдохнув теплую струю слабых кухонных запахов, в которых Еремей не уловил ни одного знакомого, но от которых все равно рот заполнился слюной. Выплыли из кухни двое важных парнишек с подносами, на которых горками были уложены кусочки хлеба. Вслед за хлебоносами появились еще четверо, быстренько поставили бачки — по два на стол,— быстренько уселись на свои места, распихивая соседей. Прокатился по столовой легкий перестук чашек, побрякиванье ложек. «Давай дели!.. Не мурыжь, не тяни кота за хвост!»

— Подставляйте посуду, новенькие! — рыжий оратор Пашка, деливший еду на этом конце стола, щедро, с верхом, загреб черпаком варево, шмякнул его в миску Антошки.— Ешь капусту, малец! Набирайся сил.

Антошка пораженно заморгал, разглядывая коричнево-бурую, мелко нарубленную, разварившуюся траву, уткнулся в нее чуть ли не носом, принюхиваясь, но Еремей толкнул его коленом: разве можно так, когда дают то же самое, что и себе?

Свою миску Еремей принял невозмутимо. Покосился на незнакомца справа — тот взял ложку, и Еремей взял ложку; тот чего-то ждал, и Еремей решил выждать, раз так надо.

А к ним уже подошел мальчишка с подносом. Выложил перед Антошкой и Еремеем по большому куску хлеба, совсем непохожего на пароходный. Тот был темный, почти черный, напоминающий глину, а этот — серый, ноздреватый, с вкусными даже на вид корочками: Антошка резво цапнул ближний ломоть, но Еремей

ударил его по руке и опять покосился на соседа справа — тот, получив хлеб, сразу же принялся за еду.

Еремей понял: значит, и ему можно, значит, соблюдены порядки, принятые за столом,— не показал себя голодным, не начал есть раньше старшего. Он быстро разломил ломоть, пододвинул большую часть Антошке, меньшую оставил себе. А второй кусок положил на середину стола.

— Ты чего? — удивился рыжий Пашка.

Еремей не ответил. Сосредоточенно зацепил ложкой капусту, решительно отправил ее в рот. Пожевал с обреченным видом, глядя в одну точку. И заулыбался.

— Хороший еда. Вкусно, Пашка!

— Зачем хлеб отложил, спрашиваю. Не нравится? — спросил тот.— Другого нет, ешь, какой дают.

— Не, не, Пашка, нянь тоже вкусный,— поспешно заверил Еремей.— Только много его. Нам с Антошкой один кусок хватит. А мой кусок надо отдать другому, кто шибко есть хочет. У кого нету хлеба...

— Всем одинаково дают,— перебил Пашка.— Так что не мудри. Ешь!

— Всем? Такой нянь? — удивился Еремей.— На пароходе говорили: кто-то там, далеко,— махнул рукой за спину,— умирает. Ему есть нечего. Ему хлеб надо. Вот, даю,— и осторожно подтолкнул пальцем подальше от себя нетронутый кусок.— Нам с Антошкой пополам хватит. Хватит, Антошка?

Тот, посматривая округлившимися глазами то на Еремея, то на Пашку, неуверенно кивнул.

— Чего, чего? Твой ломоть — голодающим? — Пашка натянуто заулыбался.— Думаешь, эта краюшка спасет кого-нибудь?

— Один кусок одному человеку один день помереть не даст,— уверенно сказал Еремей, принявшись деловито есть.— Много кусков — много дней один человек жить будет... Высушу, отошлю. Люся знает, куда послать,— посмотрел на девушку, которая сидела во главе второго стола.

Пашка вдруг вскочил, ткнул пятерней Еремея в лоб.

— Ай да Сатаров, ай да голова! — Схватил черпак, забарабанил по опорожненной кастрюле. Закричал: — А ну, кончай жевать!.. Ребята, слушайте! Предлагаю выделять половину... ну, хотя бы треть нашего хлебного пайка в помощь голодающим детям Поволжья! Нач-

нем сегодня же. Ура Еремею Сатарову — это он придумал!

Однако вопль его расплеснулся по столовой хоть и громко, но одиноко. Мальчишки запереглядывались, но кричать «ура!» явно не собирались.

— Павел, прекрати! — Люся вскочила, подбежала к Пашке. Схватила его за плечи, тряхнула.— Сейчас же прекрати призывать к глупостям!

— Какие глупости, Люция Ивановна?! — ошеломленный напором, Пашка растерялся: — Мы обязаны помочь голодающим! Это наш долг, долг сытых.

— Это они сытые? — Люся мотнула головой, отчего волосы светлым облаком прикрыли лицо.— Да эти ребята не получают и половины того, что нужно в их возрасте...

— А там,— Пашка принялся яростно тыкать пальцем в сторону черных окон,— там вообще ничего не получают! Там помирают! С голоду! А мы тут жрем...— Поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, крикнул дрогнувшим голосом: — Объявляю «месячник сухаря»!

11

— Останови здесь! — Тиунов похлопал по широкой спине парня, который сидел на облучке.— Совсем не обязательно, чтобы на тебя пялились из «Мадрида».

Парень, откинувшись назад, натянул вожжи — караковый жеребец задрал голову, зло покосился, заперебирал на месте ногами.

Тиунов выпрыгнул из пролетки. Одернул шинель, натянул поглубже на глаза выгоревшую фуражку с красноармейской звездочкой.

— Кузов не забудь, подними,— приказал извозчику.

И, расхлестывая в широком шаге полы длинной кавалерийской шинели, направился во двор Дома водников. В воротах чуть не столкнулся с каким-то нищим семейством — худая женщина с корзиной, две похожие друг на друга чернявые девчонки с ведрами, крепенький белобрысый парнишка с мешком. Тиунов вильнул в сторону, чтобы не сбить мальчишку, и свернул к флигелю.

Егорушка поглядел вслед лихому, ладному военному с короткой темно-рыжей бородкой, вспомнил, что вроде видел его вчера из окна, когда только-только

пришел к тетке, поудивлялся немного: чего это красноармеец хаживает к монашке? И вперевалку, подергивая плечом, чтобы поудобней улегся мешок со старьем, побежал было за сестрами. Но опять остановился: уж такой ли красавец-раскрасавец конь, запряженный в легкую рессорную коляску, стоял у ворот. Караковый, с длинной выгнутой шеей, сторожко переступающий тонкими, на высоких копытах ногами.

— Чего вылупился? — Здоровенный парень, поднимавший над коляской кожаный верх, угрюмо посмотрел на Егорушку.— Вали отсюда, пока по шее не получил!

Замахнулся, зыркнул во двор. Егорушка испуганно отскочил и тоже машинально глянул во двор — военный входил во флигель...

— Поторапливайся,— с порога обратился Тиунов к Козырю. Тот, с накладными франтоватыми усами, сидел за столом и меланхолически жевал колбасу.

— Никуда я не поеду,— с упрямством человека, решившего стоять на своем, заявил Козырь.— Красоваться днем в городе — что я, псих? Думаете, поможет этот цирк? — Брезгливо ощупал усы.— Лучше уж: лапки вверх и самому притопать в чека. Здрасьте, мол, а вот и я. За высшей мерой явился, совесть замучила.

— Не тяни волынку, Козырь,— поморщившись, поторопил Тиунов.— Коля Бык не может долго маячить перед воротами.

— С тобой Бычара?..— обрадовался Козырь.— Ну, тогда другой компот...— Надел шляпу-котелок, встал.— Катим!

Ирина-Аглая протянула ему флакончик и сложенный подушечкой носовой платок. Такой же флакончик и платок подала и Тиунову.

В сенях Козырь, храбрясь, подмигнул капитану.

— Ну, шкипер, ругай нас крепче,— и шутливо ткнул под ребро пальцем.— Пожелай мне четыре туза в прикупе.

— Пошел ты к черту! — капитан прогнулся от щекотки. Поднял крюк, выпустил их и быстро закрыл дверь.

Коля Бык сидел на облучке, перебирал вожжи. На Козыря посмотрел равнодушно, угрюмо-сонное лицо осталось неподвижным. Козырь повеселел, подумалось, что старый кореш не узнал в гриме. Но Коля Бык подмигнул, и Козырь опять помрачнел. Нырнул в ку-

зов пролетки, спрятался в глубине, чтобы не видно было с улицы. Тиунов тоже забился поглубже.

Застоявшийся конь боком-боком начал выворачивать на дорогу и пошел хорошей, размеренной рысью.

— Около барахолки сойдете,— негромко объяснял Тиунов.— Когда буду возвращаться с остячонком, вскочите с двух сторон. И — тряпку на морду ему, чтобы не пищал. Кто быстрей. На!

Коля Бык, не оборачиваясь, принял сверток, сунул его в карман зипуна.

Тиунов, откидываясь назад, остро глянул по сторонам: нет ли чужих глаз, подозрительных зевак? Но по по улице тек в оба конца — на рынок и с рынка — обычный люд, заурядные обыватели.

Близ площади, когда уже стал явственно слышен шум толпы, Тиунов опять тронул за спину Колю Быка. Тот придержал коня, привстал. Тяжело ворочая головой на толстой шее, поглядел вправо, туда, где за низеньким забором виднелся берег. Грузно опустился на козлы.

— Не видать на пристани мелюзги,— полуповернулся к Тиунову.— Чего делать будем?

— А, черт, дрыхнут, что ли, коммунарчики? Или отменили свой субботник? — Тиунов задумался.— Ладно. Остановишься у чайной Идрисова, и — как договорились. А я — к монплезиру, к красному приюту. Посмотрю, в чем дело.

Коля Бык чмокнул. Слева, справа замелькали все гуще, все плотней лица, платки, картузы, кепки, наплыло многоголосье выкриков, ругани, гвалта.

— Разошлись в разные стороны! — приказал Тиунов, когда пролетка остановилась.— Да не увлекайтесь мелочовкой, карманщиной. А то проморгаете меня с остячонком. Смотрите, шкуру спущу!

Подхватил вожжи, подождал, пока оба скроются в толпе, и с ленцой выпрямился. Перебрался на козлы, широко зевнул, похлопал ладонью по рту. И слабо шевельнул вожжами.

Егорушка, ошеломленный размахом, сумятицей барахолки, прижался к стене кирпичного дома с вывеской: «Чай и пельмени Идрисова», вспомнил, что вчера проходил здесь с Люсей и остячатами, и с завистью подумал об Еремее и Антошке — тем не надо было тащиться на базар, не надо было все утро выслушивать теткины вздо-

хи, причитания: «Охо-хо! — будет ли нонче хоть маломальский прибыток? Как же дальше жить, ежели не на что жить?» И хоть тетка тут же принималась жалеть Егорушку, он все равно чувствовал себя чужим, дармоедом-подкидышем, одним словом. И от этого было так тоскливо и муторно, что в пору завыть.

Егорушка отвернулся, посмотрел туда, где было народу пожиже, где под уклончиком угадывался в просветах меж домами широкий простор, виднелась река, синеватый дальний берег, и увидел, как сквозь растекающуюся толпу приближается караковый конь, недавно привязанный к воротам Дома водников.

Угрюмый здоровенный извозчик, который грозился дать по шее, неуклюже спустился с облучка и направился в чайную; из глубины коляски, из-под кожаного ребристого короба, выскользнул ездок.

И у Егорушки обмякли ноги — знакомой показалась худая, гибкая фигура с покатыми плечами, с длинными обвисшими руками: так же выглядел со спины бандит, который застрелил дедушку. Худой на миг оглянулся — нет, это был другой человек — в черной, округлой по верху шляпе, с толстыми, скрученными в стрелки усами, а тот — бандит — был и без шляпы, и без усов. Егорушка облегченно выдохнул.

— Чего стоишь? — тетка ухватила его за плечо, сунула в руки ведерко, кружку.— Ступай, зарабатывай на хлеб!

Невдалеке уже кричали невидимые Танька с Манькой:

— Воды, воды!.. Кому воды? Родниковая, свежая, холодная! Даром даем — пять рублей кружка!..

Голоса сестренок то затихали, удаляясь, заглушаемые гамом толпы, то слышались явственней.

Егорушка, у которого от неловкости, от стыда стало жарко щекам, тоже выкрикнул:

— Кому воды надо? Воду продаю!

Растерялся от своего писклявого голоса, ставшего каким-то просительным, заискивающим, и смолк. Бочком проворно скользнул в круговерть толкучки, перевел дух.

— А вот сера, кедровая сера! — перекрывая все выкрики, долетал чей-то чуть ли не счастливый голос.— Пожуешь и есть неохота! Налетай, покупай, ребятишек угощай. Дешево, вкусно, сытно!

Ну разве с такнм рьяным торгашом сравняешься?..

— Пышечкн свежне, пышечкн вкусные,— выкрнкивала неподалеку тетка Варвара, но голос ее был какой-то неуверенный, ненапорнстый.— Пышечкн утрешнне, еще теплые. Одну съешь, вторую захочешь!

Егорушка молча толкался между продавцами-покупателямн, глазел на всякую всячину; драть горло, навялнвая воду, больше не решился. Лншь нзредка поднимал глаза на какого-ннбудь незлого на вид мужнка илн бабу с добрым лнцом, несмело предлагал купить кружечку, но от него отмахнвалнсь, даже не взглянув.

Шумит, бурлнт барахолка, внснт над ней галдеж и гомон.

И вдруг нздалека наплыл чнстый и перелнвчатый, как клнк журавля, звук-зов, накатнл еле слышнмый дробный рокот, плеснулась пока еще плохо разлнчнмая песня, которую слаженно вело множество мальчншеских голосов... Все снльней рассыпался нарастающнй рокот, все громче накатывалнсь на барахолку упругне волны песнн:

Мы на горе всем буржуям
Мнровой пожар раздуем!
Ать-два, ать-два, горе не беда,
Пусть трепещет враг
Нынче н всегда!

Егорушка, бодаясь, отпнхнваясь локтямн, вырвался из толкучки и замер.

На прнумолкшнх торгашей, на озадаченных покупателей надвигалась из глубнны тополевого корндора улнцы нешнрокая, но плотная — плечо к плечу — колонна мальчншек, н толкучка попятилась, уплотнилась, давая дорогу этой твердо вышагнвающей ребятне.

Перелнвался в голове колонны алый, текучий, как пламя, флаг, который несла тоненькая, в туго перетянутой гнмнастерке, в красной косынке, девушка. «Люся!» — обрадовался Егорушка. Сосредоточенно глядя вперед, бил в барабан крепкнй парннщка слева от нее; второй парннщка, рыжеголовый, справа от девушкн, прильнув губамн к сверкающей золотнстой трубе, вскндывал ее, н тогда взмывалн к небу торжествующие переливы.

Егорушка, спрятавшнсь за какой-то толстой теткой с мешком отрубей, чуть не закрнчал от радостн, чуть не бросился к колонне, когда увйдел в одном из рядов

Антошку. Тот был серьезен, сосредоточен, смотрел перед собой неулыбчиво, старательно разевая рот в лад песне. Егорушка поискал глазами Еремея, который, конечно же, должен быть рядом с Антошкой, вытянул шею, привстал на цыпочки, но Еремея так и не увидел — не взяли, что ли?

Прошли ребята, и зашевелились, оживились барахольщики. Прогалина, пробитая отрядом, начала заполняться людьми, затягиваться — так затягивается ряской полоса чистой воды, оставшейся в болоте от уверенно, без раздумий преодолевшего трясину сохатого.

Егорушка, прислушиваясь к звонко-радостному зову далекой уже трубы, выбрался на окраину Базарной площади, увидел светло-стальную ширь реки, черный утюжок «Советогора», приткнувшегося к дебаркадеру, и, не отрывая глаз от фигурок детдомовцев, шустрыми муравьями облепивших вросшую в песок рыжую баржу, направился к берегу.

Сзади послышалось лошадиное всфыркивание. Егорушка оглянулся.

Мимо не спеша прокатила коляска, на облучке которой сидел тот самый военный с темно-рыжей бородкой. Коляска скатилась по длинному пологому уклону, медленно проехала вдоль песчаной отмели, развернулась около баржи, на которой копошились детдомовцы, и остановилась.

Тиунов издалека заметил остячонка, которого показал вчера Козырь. Малец вместе с приютской мелюзгой суетился около ржавой баржи: вцепился в кривую трубу, поволок ее, оставляя волнистый след. Развернув жеребца к Базарной улице, чтобы можно было в случае чего тотчас удрать, Тиунов спрыгнул с подножки.

Остячонок бросил трубу около кучи таких же искореженных железяк и побежал было назад, к барже, но его окликнул спокойный голос:

— Эй ты!.. Поди-ка сюда!

Мальчишка обернулся. Около красивой, с кожаным верхом телеги стоял улыбающийся военный в фуражке с пятилепестковой меткой и манил к себе пальцем. Остячонок тоже заулыбался. Вытирая ладони о бедра, подошел несмело к военному.

Люся вместе с Пашкой подтащила трухлявый брус к борту баржи, увидела, что мальчик приближается к

незнакомцу в кавалерийской шинели, небрежно навалившемуся на облучок пролетки, и выпустила брус, чуть не отбив Пашке ноги. Не раздумывая, бросилась вниз с почти двухсаженной высоты. Упала на песок. Рядом плюхнулся Пашка, посыпались с баржи и другие мальчишки, но Люся даже не взглянула на них. Проворно вскочила и, спотыкаясь, кинулась к пролетке.

— В чем дело, товарищ? — крикнула сердито на бегу. Подскочила, оттеснила, прикрыла собой мальчика, передвигая на живот кобуру с наганом.— Кто вы, что вам нужно от ребенка?

— Товарищ Медведева? — Тиунов, приветствуя, непринужденно вскинул руку к козырьку.— Слышал о вас. Рад познакомиться,— и радостно, прямо-таки влюбленно заулыбался.

Но Люся на улыбку не отозвалась, смотрела строго.

— Кто вы? И что вам нужно? — повторила требовательно.

— Этот мальчик поедет на опознание,— Тиунов дружелюбно подмигнул остячонку, который выглядывал из-за спины девушки. И разом стал серьезным.— Дело в том, что час назад мы арестовали Арчева.

— Арчева?! — Люся обрадованно ахнула, но тут же опять нахмурилась.— Ваши документы? Что-то я вас не видела в чека...

— Я здесь недавно. Переведен из Екатеринбурга,— Тиунов расстегнул шинель, полез за пазуху.— Бдительность — это хорошо, это замечательно... Вот, пожалуйста,— достал сложенный вчетверо лист бумаги, тряхнул его, расправляя. Протянул девушке.— Кстати, товарищ Фролов просил привезти и вас, так что... Милости прошу в фаэтон,— и опять заулыбался.

Люся, изредка вскидывая на него глаза, придирчиво изучала печать.

Тиунов, жмурясь, обводил взглядом субботник.

— Что ж, документ в порядке,— Люся протянула мандат.

Тиунов взял бумагу, широко, плавно повел ею.

— Какой порыв, а! Вот уж действительно: свободный труд...

— Но кому понадобилось опознание? — глаза девушки оставались недоверчивыми.— Арчева знают в лицо все, кто был на «Советогоре».

— Лицо-то как раз в неважнецком состоянии...—

Тиунов нагнулся к ее уху.— Когда брали — выбросился с чердака. Сами увидите...

— Ладно, поехали,— кивнула Люся.

— Разрешите? — Тиунов поддержал девушку за локоток, помогая ей влезть в пролетку. Подхватил под мышки мальчика, вскинул его к Люсе.— Ну держись крепче, смена старой гвардии! Помчим с ветерком.— И единым махом взлетел на облучок.

— Павел, остаешься за старшего,— крикнула Люся.— Мы скоро...

Жеребец уже рванулся с места, пролетка выскочила с песчаной отмели на твердое и полетела, удаляясь.

Егорушка видел, как прыгнула с баржи Люся,— сразу узнал ее по красной косынке, хотя девушка была далеко. Видел, как подбежала она к военному, как окружили их детдомовцы, как Люся и какой-то мальчишка — Антошка? — сели в коляску, как рванулся с места жеребец, и стало Егорушке беспокойно, тревожно на душе. Едва коляска с мелькнувшим в ней лицом — Антошка, конечно, это Антошка! — миновала Егорушку, он в два прыжка догнал ее, прицепился сзади. Ведерко вырвалось из рук, покатилось, расплескивая воду.

Огибая толкучку, жеребец перешел на шаг, и Егорушка спрыгнул, опасаясь, что его увидят Танька, или Манька, или — упаси бог! — тетка; а может, кто-нибудь, кому до всего есть дело, начнет указывать на него, Егорушку, пальцем, кричать кучеру, что у него сзади жиганенок прицепился. Егорушка не отставал от коляски и, когда экипаж выехал уже на улицу, в конце которой стоял дом тетки, когда только редкие прохожие остались по сторонам, увидел он вдруг, как слева и справа вскочили в коляску извозчик, уходивший в чайную, и тот, усатый.

Тиунов, как только шатнулась и слегка осела под сообщниками пролетка, гикнул, ожег концами вожжей коня. Жеребец, оскорбленный ударом, бросился вперед так, что чуть гужи не порвал. Свистнул ветер, мелькнула смазанным пятном пролетка мимо не успевших ничего ни заметить, ни сообразить прохожих, и — только рассыпался, затухая, слитный перестук копыт, только заклубилась, удаляясь, пыль.

В ворота Дома водников жеребец влетел на полном скаку, чуть не зацепив оглоблей кирпичную тумбу. Тиунов, упав назад, натянул вожжи. Конь захрипел, но

прыть умерил, заприплясывал, виляя крупом и высоко поднимая передние ноги.

Около флигеля Тиунов развернул пролетку так, чтобы из «Мадрида» видна была только задняя часть кузова.

Их ждали. Не успел Тиунов соскочить на землю, как дверь распахнулась. Коля Бык выдернул из пролетки безжизненно обмякшую девушку. Тиунов схватил ее в охапку, передал капитану и Арчеву и тут же принял от Козыря мальчика. Коля Бык уже сидел на козлах, а Козырь уже шибанул в сторону Тиунова, прорываясь в сени. Дверь захлопнулась, звякнул крюк, зачастил снаружи мягкий топот копыт.

— Финита! — Тиунов снял фуражку, отер ладонью лысину.— Полдела провернули...— и осекся, увидев бешеное лицо Арчева.

Тот жуткими, остекленевшими глазами смотрел на Козыря.

— Ты кого привез, кретин?! — губы его задергались. Толкнул вялого, с закрытыми глазами Антошку в руки растерянно улыбающемуся капитану. Схватил Козыря за грудки: — Куда смотрел, идиот?! Ведь это не Еремейка!

Не Еремейка... Козырь-то понял это сразу, едва они с Быком запрыгнули в пролетку. Но говорить не стал: что толку, назад не повернешь... «А я при чем?! — хотел сейчас оправдаться.— Я точную наводочку дал. Гриша перепутал, с него и спрос...» Хотел — а промолчал. Лучше будет, если оба на него окрысятся? Все равно все провалилось, рвать когти надо...

— Куда смотрел?! — тряхнув Козыря, повторил Арчев.

— Сами же этого шкета показали на пароходе,— Козырь судорожно проглотил слюну.— Я это мурло намертво запомнил, гадом буду!

— Ты уже давно гад! — Арчев коротко ударил его в зубы.

— Господа, тише, пожалуйста,— ровным голосом попросила Ирина-Аглая.— Нас могут услышать...— Открыла дверь в кухню.— Прошу! Обсудим ситуацию спокойно, без истерики.

Капитан, поддернув за подмышки Антошку, мелко перебирая ногами, устремился за ней.

— М-да... промах,— Тиунов наморщил лоб, почесал

его мизинцем. Надел фуражку.— Помогите кто-нибудь втащить эту...— кивнул на Люсю, которая, уронив голову к плечу, сидела на полу.

Арчев выпустил Козыря, нагнулся к девушке, выдернул наган из ее кобуры, сунул в карман.

— Зачем вы привезли эту мерзавку?

— Затем, чтобы она не привезла меня к Фролову,— раздраженно ответил Тиунов, подхватывая девушку за плечи.— Хорошо, что у меня хватило ума не называть остячонка Еремейкой, а то бы...

Они внесли Люсю в кухню, усадили на стул.

— Что же теперь делать будем? — Капитан посмотрел панически на Арчева.

— Как что? — Тот достал из кармана портсигар, вынул папиросу.— Будем искать Еремейку, что ж еще?

— Засыплемся,— Козырь ощупывал вспухшую, кровоточащую губу.— Сработано чисто, но все равно наследили.

Арчев презрительно полоснул его взглядом. Прикурил, посмотрел вопросительно на Тиунова.

— Сложно теперь,— подтвердил тот. Кивнул на Люсю.— К концу субботника этой девки хватятся. И тогда...

Что «тогда» — никто уточнять не стал.

— Мне кажется, господа, еще не все потеряно,— после долгого молчания тихим голосом сказала Ирина-Аглая, появившись в двери гостиной с веревками в руках.— Заставьте этого мальчика сейчас же привести сюда Еремейку. Сделайте мальчику больно. Сделайте на его глазах больно тете. Скажите, что если он не согласится, тетя умрет.

«Идиотка,— насмешливо и зло подумал Арчев.— Не Еремейку он тебе приведет, а Фролова... Но это шанс, который нельзя упускать. Похоже, твой последний шанс, мсье Эжен. Пойти с мальчишкой — и испариться... Бежать, пока еще не поздно. Затаиться и через пару месяцев начать все сначала... А вся эта орава пусть как знает... Вот Козыря хорошо бы сохранить...»

— Я сам пойду с мальчишкой за Еремеем,— Арчев выдержал эффектную паузу и добавил: — Вдвоем с Козырем.

— Слава богу, есть еще настоящие мужчины,— Ирина-Аглая критически глянула на Тиунова.

Подошла к Люсе, которую поддерживал Козырь.

Завела ее руки за спинку стула, принялась деловито и умело связывать. Сорвала красную косынку с головы пленницы, завязала ею рот.

Арчев и капитан подхватили Антошку, посадили на другой стул лицом к Люсе, привязали к спинке.

— Вот теперь хорошо,— Ирина-Аглая вынула из-под пелерины стеклянный пузырек, отвинтила пробку.

Ткнула горлышко пузырька под нос девушке. Люся дернула головой, застонала, замычала, веки ее шевельнулись. И тут же широко распахнулись — она увидела связанного Антошку, а рядом с ним Арчева — гладко выбритого, причесанного. Дернулась, пытаясь освободиться.

— Спокойно, глупенькая,— посоветовала Ирина-Аглая.— Не будьте смешной.

Люся посмотрела на эту незнакомую, затянутую в черное женщину, увидела около себя усатого и обмякла — узнала в нем Козыря.

Ирина-Аглая сделала шажок к Антошке, поднесла к его носу пузырек. А когда мальчик, вскрикнув, вытаращив глаза, жадно стал хватать ртом воздух, отошла под киот. Опустилась на табуретку, застыла смиренная, скромная.

— Ну вот и встретились, проводничок,— Арчев наклонился к Антошке.— Слушай внимательно: сейчас мы пойдем с тобой за Еремейкой. Поможешь — и все будет хорошо. А иначе придется убить тетю Люсю. Понял? — И посмотрел через плечо на Козыря.

Тот левой рукой вцепился в горло девушки, наотмашь ударил ее по щеке.

Антошка заизвивался, задергался.

— Ну как, пожалеем тетю? — спросил Арчев.— Сейчас тебя развяжут, и мы отправимся. И помни, что тетя Люся просит тебя быть послушным: ей очень хочется еще пожить. Договорились?

И вдруг кто-то изо всех сил заколошматил кулаками в дверь.

— Эй, открой! — громко потребовал снаружи ломкий мальчишеский голос.— Это я, Еремей Сатар! Открывай скорей! Я пришел.

Еремей проснулся сразу — не успело еще отзвучать протяжное Люсино: «Подъе-е-ем!» Огляделся — спальня

ожила, загалдела: детдомовцы в одинаковых коротких штанах, которые называются «трусы», вскакивали как подброшенные с кроватей. Вскочил и Антошка. А Еремей поднялся не торопясь, негоже охотнику прыгать и орать, точно маленькому. Надо оставаться невозмутимым.

Когда Еремей стал проситься со всеми на субботник, Люся повела его к старичку-фельдшеру, который вчера осматривал их с Антошкой.

— Ни о каком субботнике не может быть и речи, товарищ Медведева,— решительно заявил фельдшер.— Разрешаю на кухне. Но чтобы никаких работ, связанных с физическим напряжением. Ясно?!

После завтрака — желтое варево под названием «горох», красный чай под названием «морковный», кусок хлеба потоньше, чем вчера,— детдомовцы высыпали на улицу. Быстро и привычно построились в тесные ряды. Тоненько и чисто запела труба Пашки, рассыпался громкий, уверенный рокот барабана — колонна качнулась и двинулась через сад к улице.

Оставшиеся на крыльце зашевелились и, посматривая в дальний конец аллеи, нехотя потянулись в дом.

Еще с порога кухни увидел Еремей на длинном столе штабелек серых буханок, а рядом — внушительную кучку коричневых, слегка изогнувшихся сухарей. Пошел было к этой горке хлеба, который начали собирать ребята для голодных детей России, но повар подвел его к ящику, в котором лежали какие-то округлые, похожие на серые камни клубни, показал на табурет. Когда Еремей сел, повар нагнулся к ящику, взял клубенек покрупней и, тяжело посапывая, быстро ободрал его ножом до ровной белизны.

— Понял, как надо? — спросил мальчика.

Еремей кивнул. Выбрал картофелину побольше и смело врезался в нее — отвалился толстый шматок. Мальчишки, искоса наблюдавшие за новеньким, хихикнули, а повар ахнул.

— Да ты нас разоришь с такой работой! Всех ребятишек голодными оставишь!.. Не-е-ет, так дело не пойдет!

— Не сердитесь,— вмешался оказавшийся тут же Алексей, сочувственно поглядывая на Еремея.— Для него это внове. Дайте ему что-нибудь полегче.

— А что полегче? — огрызнулся повар.— Белки для

суфле взбивать? Фаршировать пулярок? Изюм промывать? Так ведь нет ни яиц, ни кур, ни изюма... Хотя...— Показал Еремею на большой таз со свежей рыбой.— Вот, рабочие с крупорушки прислали на ушицу. Сможешь почистить?

Еремей с невозмутимым лицом схватил небольшого язя. Небрежно швырнул его на широкую дощечку, несколькими точными взмахами ножа соскоблил чешую, перебросил тушку на другой бок. Еще несколько взмахов и... очищенная, выпотрошенная рыба плюхнулась в кастрюлю. Повар восхищенно крякнул.

— Вижу мастера,— заметил уважительно.— Работай, не буду мешать,— и отошел к другому краю стола.

В тазу остались только два подлещика и щуренок, когда Егорушка, проскочив мимо окна, заметил Еремея — вернее, догадался, что это он. И обрадовался, что не надо разыскивать его по всему детдому. Развернулся, сунул взлохмаченную голову в дверь черного хода кухни.

— Еремейка! — окликнул быстрым шепотом.— Айдака, скажу чегой-то!

Еремей с рыбешкой в одной руке и с ножом в другой направился к двери. Алексей, искоса наблюдая за ним, нагнулся, схватился за ручку бака с водой — помочь повару поставить на плиту. Когда, хакнув, взметнули тяжеленный бак, сдвинули его на конфорку, Алексей оглянулся,— мальчишек не было. Через минуту-другую он, обеспокоенный, выглянул за порог — никого!..

Сначала Егорушка хотел бежать к начальнику Фролову, чтобы ему рассказать про Люсю и Антошку, которых увезли подозрительные дядьки, но... где его искать, Фролова-то? И решил: надо бежать к Еремею, уж он-то знает, где найти Фролова!.. А может, Еремей что-нито другое придумает: на пароходе сказал, что хочет сам словить Арча. Нет,— к Еремею, только к Еремею!.. И Егорушка помчался в детдом. Хорошо, еще повезло — прицепился сзади к пролетке...

И вот теперь они были уже у цели.

Егорушка выскочил из проходного двора, пересек рысцой улицу, остановился в воротах Дома водников.

— Вона тама, наверно, Люсю с Антошкой спрятали! — показал на флигель.— А я тута живу,— махнул

рукой в сторону бывшего «Мадрида».— Военный со звездочкой и вчерась, и нынче сюда приходил, я видел...

— Иди домой! — приказал Еремей.— Теперь я сам.

Быстрым, летящим шагом побежал к флигелю. Около двери задержался, дернул за ручку — заперто. Принялся колошматить кулаками.

— Эй, открой! — закричал срывающимся голосом, запаленно дыша.— Это я, Еремей Сатар! Открывай скорей! Я пришел!

За дверью было тихо. Потом послышался шумок в сенях. И опять стихло.

— Открывай, я один.

Дверь приотворилась, он скользнул внутрь. И споткнулся на пороге: связанные Люся и Антошка сидели друг против друга на стульях; у Люси рот затянут красным платком, волосы растрепались, залепили лицо, глаза смотрят сквозь них страшно, словно неживые.

— Ерме́й, ма чулкэм [1],— рванулся Антошка к другу, но Еремей вскинул ладонь, чтобы помолчал.

— Что с Люсей сделали? Убили?! — спросил, резко повернувшись к женщине в черном.

— Нет, мальчик,— та мягко подтолкнула Еремея вперед.— Тетя Люся жива. Это она от страха... За тебя боится. Проходи, мы рады, что ты пришел.

Еремей метнулся к Люсе, выхватил нож, сунул его под веревку.

— А вот этого делать не стоит! — Арчев, выскользнув из-за прикрывавшей вторую дверь завесы, сжал Еремею запястье, вывернул руку.— Не спеши, шаманенок. Мы еще не договорились с тобой о выкупе тети Люси.

— Я покажу тебе Сорни Най,— твердо сказал Еремей, глядя в глаза Арчеву.— Только сперва отпусти Люсю и Антошку.

— Согласился, значит?.. Допустим, я отпущу их. Но ведь они сразу помчатся к дорогому товарищу Фролову...

— Фролов скоро сам сюда придет,— перебил Еремей.— Ему скажут, что я убежал. Они станут меня искать. Быстро найдут.

---

[1] Я сплоховал (*хант.*).

— Вы меня простите, товарищ Фролов, но репродукция дрянь,— Апельбаум, полоскавший в ванночке снимок, вздохнул.— Потому что гипосульфит — дрянь невообразимейшая. Это не работа! За такую работу любой фотограф рассмеется мне в спину, если из деликатности не осмелится рассмеяться в лицо...

— Я понял, Яков Ароныч, что надеяться на чудо не приходится,— прервал Фролов этот журчащий ручеек стенаний.— Но все же давайте посмотрим, что получилось.

— Посмотрим так посмотрим,— согласился Апельбаум.— Только что мы увидим, спрашиваю я вас? А увидим мы, скорей всего, мой позор. Хорошо, что при таком свете не видно, как я краснею от стыда,— он плавно вытянул из ванночки карточку.

Хотел окунуть ее в соседнюю ванночку с водой, но Фролов выдернул из его пальцев снимок, поднес к глазам. Обрадованно заулыбался.

— Вы прямо чудодей, Яков Ароныч.— Протянул, возвращая, фотографическую карточку.— Спасибо! Теперь — побыстрей и побольше!

— Вам, правда, понрави...

Эксперт не договорил: в дверь забарабанили с такой яростью, что хлипкий крючок задребезжал, подпрыгивая.

— Товарищ Фролов, Еремей Сатаро́в сбежал!..— ворвался в лабораторию смятенный голос Алексея.

Фролов ударом ладони подбросил крючок, выскочил в коридор.

— С ума сошли? Вы же все засветите! — ахнул за спиной Яков Аронович.

— Как сбежал?! — Фролов, захлопывая дверь, увидел, что эксперт, опрокидывая склянки, упал на ванночку с проявителем.

— Я ни на шаг не отходил от него,— прижимая руки к груди, начал Алексей.— Охранял мальчишку, а он — сам...

— Десять суток ареста! — объявил Фролов, выслушав сбивчивый рассказ Алексея.— Отсидишь, когда поймаем...— Крикнул через дверь: — Яков Ароныч, портреты Арчева и Шмякина — в дежурку! Срочно!

Побежал к выходу. Около барьерчика, за которым сидел у стола пожилой чекист, приказал:

— Первый взвод чоновцев по тревоге — сюда!.. Направьте в город верховых патрульных. Задерживать

всех, кто будет сопровождать черноволосого четырнадцатилетнего остячонка.— Развернулся к Алексею: — Старуху из детдома, о которой упомянул, разыскать и немедленно сюда!

— Надо уходить! — метался по кухне капитан.— Сейчас же! По одному, по двое...

— Днем? С этим? — Арчев кивнул на Еремея, которого крепко держал за руку Козырь.— До ночи нечего и думать...

— До ночи чекисты весь город прочешут!

— Точно,— хмуро поддержал капитана Козырь.— Прочешут гребешком, а улов — через ситечко...

— Вылезем сейчас — крышка,— отрезал Арчев. Посмотрел на связанную Люсю, на Антошку, которому опять завязали рот. Перевел взгляд на стоящего у окна Тиунова: — Верно, взводный?

Лысый неопределенно пожал плечами, переглянулся с Ириной-Аглаей. Та подошла к нему, шепнула что-то.

— Сепаратные переговоры? — Арчев криво усмехнулся.— Попрошу без тайн, сударыня.

Женщина повернулась к нему. Чеканя слова, сказала сухо:

— Можем выйти незаметно. Прямо сейчас. К реке.

Капитан, петлявший из угла в угол, замер на месте. Козырь, вскинув голову, уставился на женщину. Еремей непонимающе глянул на нее исподлобья.

— Подземный ход,— пояснила Ирина-Аглая в ответ на недоверчиво-вопросительный взгляд Арчева.— Верные люди прокопали еще деду... Тут,— слегка поморщилась брезгливо, повела рукой в сторону комнат,— были подсадные курочки для загулявших на ярмарке купцов. Те засыпали здесь, а просыпались...

— Полагаю, что иные и вовсе не просыпались,— договорил Тиунов.

— Так что же мы стоим?! — выдохнул капитан. Схватил кузину за руку.— Где он, ход этот? Показывай!

— Почему молчали? — отрывисто спросил Арчев, уже все понимая и без ответа: ну ясно же — хотели незаметно исчезнуть вдвоем... Вспыхнуло в памяти вчерашнее: Ирина почти силой уводит его от зеркала; Тиунов, которого не было в спальне, появляется из-за портьеры. Так вот почему эта парочка так уверенно чувст-

вовала себя в доме, стоящем почти в центре города...

Лысый шагнул к Арчеву. Показывая глазами на Люсю с Антошкой, незаметно для Еремея чиркнул ладонью по горлу. Арчев кивнул. Сказал нарочито громко:

— Сначала выводим шаманенка, а уж потом... — Повернулся к окну на внезапный звук.

Испуг холодным кулаком ударил под ложечку, сдавил сердце: во двор галопом влетали, разворачиваясь веером, конники; на холке первого жеребца подпрыгивал мальчишка, которого прижимал к себе, придерживая, всадник. «Мать честная, щенок из Сатарова!..» — Арчев отпрыгнул от окна. Схватил Еремея за плечо, толкнул к двери с портьерами.

— Где твой лаз?! — выдохнул в лицо Ирине-Аглае.— Скорей!..

Козырь, выпустив руку Еремея, глянул в окно, ахнул, оттолкнул стол и кинулся вслед за капитаном, который уже шмыгнул в гостиную. Ирина-Аглая, слегка изогнувшись вбок, тоже стрельнула взглядом в окно, юркнула в дверь. Тиунов — за ней, нервно выдергивая зацепившийся в кармане револьвер; во двор даже и смотреть не стал. А там уже рассыпался вокруг флигеля частый постук копыт, уже слышалось, как спрыгивают на землю чекисты, уже различался среди конского всхрапа, фырканья возбужденный мальчишеский голос, взахлеб объясняющий что-то.

Еремей, не оглянувшись на Люсю с Антошкой, чтобы не привлечь к ним внимания, не напомнить о них, трусцой побежал за портьеры, чувствуя, как дрожат пальцы Арча, вцепившегося в плечо: значит, Арч забыл пока о связанных пленниках и надо поскорей увести его отсюда.

А снаружи донеслось властное:

— Эй, во флигеле! Сдавайтесь! Вы окружены!

Когда Еремей уже влезал в черную квадратную дыру, образовавшуюся на месте боком стоящего зеркала,— даже представить не мог, что есть такие большие зеркала; когда ему вдруг стало жутко: ведь из живых в подземный мир никто и никогда не спускался, а из уходивших туда по закону смерти никто не возвращался,— со двора опять крикнули:

— Сдавайтесь! — И добавили новое: — Если отпустите детей и девушку, обещаем сохранить жизнь!

Еремей благодарно выдохнул. «Значит, из-за нас спешили, значит, не дадут пропасть...» — и смело вошел в прохладный затхлый полумрак, где уже слабо мерцал фонарь в руках лысого. Сзади хлопнуло, щелкнуло — свет за спиной исчез.

— Прикрывайтесь, прячьтесь за остячонком...— обернувшись, пробормотал Тиунов, глотая слова.— Кричите этим... чтоб не палили, а то, мол, пришьют мальца... Я разведать...

Согнулся, побежал в узком и низком лазе, догоняя ушедших вперед. Заметался бледный отсвет фонаря, прикрытый широкой тенью Тиунова, стал удаляться.

Арчев отпустил плечо Еремея, толкнул его в спину. Мальчик выгнулся было от хлестнувшей по телу боли, но ударился головой в свод.

— Быстрей, быстрей,— прохрипел Арчев.— Без света останемся!

И снова толкнул, уже злее. И снова в спину. Еремей, скрючившись, прикусив губу, чтобы не застонать, плелся за уплывающим тускло-желтым пятном: бился плечами, затылком о выступы, шатался, спотыкался, лишь бы продвигаться помедленней, но за спиной поторапливал кулаками, скрипел зубами Арч: быстрей, быстрей!

Вдруг сзади — словно ветер прошумел; Еремей оглянулся — вдали посветлело. И сразу — яркая, на весь подземный мир вспышка, сразу — грохот, заложивший уши: Арчев выстрелил. Сбил Еремея, торопливо перелез через него, рывком поднял. Заорал:

— Эй вы, чекушники! Последним идет Еремейка. Первая ваша пуля — его! Поняли?!

Издалека докатился неожиданно громкий, но какой-то качающийся, будто обрубленный крик:

— ...о-оняли, ...олочь...

Арчев схватил Еремея за руку, стиснув так, что мальчик чуть не взвыл. Побежал, яростно дергая пленника, если тот замедлял шаги...

И вот впереди стало светлеть, и было понятно, что свет этот — свет дня, свет воли. Значит, вышел все-таки, вырвался из нижнего мира. Жив! Значит, надо делать то, за чем пришел... Еремей оглянулся — сзади неотступно плыло желтое пятно. А впереди, уже совсем близко, светлое-пресветлое после подземелья небо над зеленью зарослей... в которых ждут Арча его люди. Пора! Сза-

ди — свои. Надо только ненадолго, совсем ненадолго задержать Арча, этого йимпесиота — чудище, не подвластное ни богам, ни людям, убийцу дедушки, отца, Микульки, Аринэ, матери, Дашки, убийцу Сардаковых, убийцу многих-многих русики, врага Люси, Фролова,— врага всех!

Еремей прыгнул вперед, и еще в полете захлестнув правой рукой горло врага, резко согнул ее в локте, дернул на себя. Арчев, с хрипом падая назад, но все-таки успев развернуться вполоборота, нажал курок...

Во тьме узкого, тесного подземелья, душный, плотный мрак которого сдавил тело, йимпесиот-Арч, с белым длинным лицом, с белыми длинными клыками, тянул к Еремею синеватые острые когти, вытаращив немигающие красные, как у щуки, глаза. Все ближе кривые когти, все ближе злобная улыбка; кровавые глаза надвигаются, растут. И уже остались в подземелье только эти остановившиеся глаза, эти белые волчьи клыки, эти кривые когти. Еремей, онемев от страха, хотел попятиться и не сумел — ноги не слушались, не шевелились. Да и нельзя было отступать, нельзя убегать — Арч может скрыться, исчезнуть: где тогда его искать, как задержишь? И, чувствуя, что сердце вот-вот разорвется от ужаса на кусочки, Еремей поднял руки — ну почему, почему они так медленно поднимаются? — схватил скрюченные пальцы Арча и... поймал воздух. Арч злорадно захохотал, отплыл немного назад. Еремей потянулся за ним, опять попытался схватить и опять цапнул пустоту. А Арч все удалялся, уменьшаясь, хотя его злобный хохот, гулко перекатываясь по нижнему миру, становился, наоборот, все громче. И Еремей от обиды, что враг уходит, что теперь его не поймать, закричал так, что зазвенело в голове,— впервые в жизни позвал на помощь. И тогда в плотной, вязкой черноте родилось светлое, золотистое облачко, в котором увидел Еремей чье-то смутное лицо. Вгляделся — к нему наклонилась Люся, сестра из рода пупи. Она была серьезной, как тогда, когда ребята, дружно шагая, уходили с красным флагом на праздник, который зовется «субботник». Но вот Люсино лицо стало удаляться, растворяться в поднимающемся солнце. А солнце, разрастаясь, разливаясь перед глазами ярким сиянием, зо-

лотым огнем, вдруг стало обретать очертания женской фигуры в длинном складчатом одеянии. Женщина эта, вся из огненного золота, невесомо скользя над землей, приближалась, и Еремей узнал ее — Сорни Най Ангки! Та, которую так любил дедушка, которую показывал ему на имынг тахи Нум Торыма, когда открывал внуку самый большой, самый священный имынг л'опас. Великую тайну тебе, Ермейка, вручаю, говорил, береги, охраняй Сорни Най пуще жизни своей, говорил... Все ближе Сорни Най Ангки, все отчетливей видна она, но всегда суровое и властное лицо ее на этот раз было ласковым, приветливым, и Еремей, проваливаясь в темноту, понял, что она довольна им, сыном Демьяна Сатара, внуком Большого Ефрема-ики.

ФЕЛИКС СУЗИН

Опоздание

1

Марвнч отвернулся, сделал шаг к забору. Ннкак не мог он прнвыкнуть к внду и запаху кровн. А тут еще эти мухн, с деловнтой тороплнвостью сновавшне по темно-красной загустевшей луже...

— Ну, девочка, ну, детскнй сад,— пробурчал Фатеев. Рубашка на его мощном теле была расстегнута, волосатая грудь блестела от пота.— Понскать водичкн?

— Ннчего,— проговорнл Марвнч.— Обойдется.

— Ну, как хочешь... Слушай, Валера, давно хочу тебе сказать, броснл бы ты это дело, а? Не подходншь ты для нашей работы. Поймн меня правильно, парень ты смелый, ннчего не скажу, на задержаннн бандита в Вороновке работал классно, но, понимаешь, мы ассенизаторы, нмеем дело с подонками, а ты больно уж делнкатен... Так н кажется, что скажешь: «Извннnте, пожалуйста, вынужден вас задержать». В нашем деле надо быть жестче, хватка должна быть, азарт.

— Азарт погонн?

— А как же! Догнать, схватнть, обезвреднть...

— Древннй инстннкт,— Марвнч вздохнул.— Человек охотится за человеком... Но что поделаешь, мне их жалко.

— Кого? Преступннков?

— Людей, Володя. В первую очередь людей.

— Терпеть не могу философнн,— Фатеев поморщился.— Эта штука не про нас... А тебе, Валера, прямой путь в НТО. Илн в архнв. Там любят гуманнтариев.

— Спаснбо,— сказал Марвнч.— Превосходная ндея. А пока пошлн работать, начальннк.

Онн вернулнсь к невысокой насыпи, по которой когда-то, очевндно, был переезд через пути. Слева повторялнсь одна за другой однаковые слепые туши складов с зарешеченными оконцамн под самой крышей, с намертво задвинутымн дверями. Рядом с пакгаузами

бежали ржавые нити рельсов, по которым давно, видно, не прокатывалось колесо. Рядом с рельсами тянулся бесконечный забор, увенчанный грозными кудрями колючей проволоки. И, словно подчеркивая мрачное уныние этого заброшенного клочка земли, сквозь залитый мазутом гравий пробивалась чахлая травка.

— Веселенькое местечко, ничего не скажешь,— в раздумье произнес Марвич.— Поистине: полоса отчуждения.

— Ну, ну, тещенька, не отвлекайтесь,— сказал Фатеев.— Вернемся к баранам, то бишь к протоколу. Итак, что мы имеем на сегодняшний день?

— Портфель из свиной кожи, поношенный, лет пятнадцать ему, не меньше.

— Последнее утверждение относится к разряду домыслов. Я ж говорил, тебе надо переходить в НТО.

— Сие утверждение тоже относится к домыслам... В портфеле папка с какими-то бумагами, набор шариковых ручек, книги — «Полярографическое определение кислорода в биологических объектах» и «Очистка промышленных стоков», бумажник. В бумажнике квитанция на подписку, заводской пропуск и шесть рублей двумя трешками... Похоже, в портфель никто не лазил.

— Это было ясно с самого начала.

— Почему?

— Потому. Дай-ка пропуск.

С крошечной фотографии в пропуске глядело умное лицо немолодого человека... Лукашин Иван Семенович, начальник ЦЗЛ — центральной заводской лаборатории химфармзавода. Солидный человек, солидная должность. Что могло побудить его ранним утром оказаться в таком диком месте? Любовь? Страх? Корысть?

— Да-а,— сказал Фатеев, захлопывая пропуск.— Глухое дело.

Марвич с уважением посмотрел на него.

— И сразу ясно?

Фатеев помолчал, вытащил из нагрудного кармана рубашки пачку сигарет, щелкнул по донышку.

— Кури.

— Спасибо, не научился.

— Ты, Валерочка, который год в милиции?

— Второй.

— Так, так... Значит, для критики созрел, но ничего своего предложить не можешь. Стадия перехода. От

восторга к критике и отрицаиию основ. Следующий шаг — реальное поимаиие действительиости.

— То есть?

— Все мы преодолеваем какой-то барьер. После института вдруг оказывается, что в жизни все ие так, как учили,— грубее, жестче и... скучнее. И блеска в нашей работе нет, и удовлетворение от нее не часто получаешь, одно дело труднее другого, сверху иажимают, требуют соблюдать сроки — бежишь, бежишь, как марафонец, а конца ие видно. Вот пройдет еще иесколько лет, и поймёшь... В общем, бывают дела иеудобные, трудные, с ними приходится долго возиться, и не всегда добиваешься успеха. И это дело, как подсказывает мой горбом заработанный опыт, именио такое.

Марвич разозлился. Еще стояло перед глазами запрокииутое, застывшее в иеподвижности бледное лицо Лукашина, еще не выветрился запах его крови, а тут уже как бы программируется вероятность безнаказанности. Коиечио, такую возможность исключить нельзя, ио когда чуть ие погиб человек, разве можно рассуждать отвлечеиио?..

— Извиии, Володя, но это... Философия дешевого прагматика — вот что я могу сказать.

— У-тю-тю! — усмехиулся Фатеев, ие обижаясь. Он взял Марвича под руку, и они пошли к стоявшей иеподалеку машине.— Философом меня еще никто не обзывал, даже иитересно... Прагматик — это кто? Жулик или порядочиый человек?

— Отстань! — буркиул Марвич.

— Да ты не кипятись, тещеиька, не кипятись. Что ж, мы искать ие будем преступника, что ли? И стараиия все приложим, и иочами, может, спать ие будем... Только...— Он остановился и посмотрел Марвичу в глаза.— Зиаешь, бери это дело иа себя. Под моим контролем, с моей помощью. С начальником отдела договоримся. И, честное слово, я первый пожму тебе руку, если все пойдет гладко.

Вмешался шедший сзади следователь прокуратуры:

— Правильно, пусть хлебиет наших щей полной ложкой. Не мешало бы и помочь мне в следствии. Отпуска, людей не хватает.

2

Кабинет подполковника Пряхина был похож на многие такие кабинеты — сейф, стол для заседаний, десятка полтора дешевых стульев, на стене большой портрет Дзержинского. Ощущение официальности отчасти смягчалось яркими красными, в оранжевых разводах шторами.

— Проходи, Валерий Сергеевич, садись,— сказал Пряхин, проводя ладонью по гладко выбритому затылку. Несмотря на жару, рубашка застегнута на все пуговицы, узел галстука строго посередине.— Тут вот какое дело получается: приходил Фатеев, предлагает дело с покушением на убийство, на Омской которое, оставить за тобой. Что ж, я не возражаю, хотя, конечно, выглядишь ты молодо... Усы отпустил бы, что ли. А то ведь со стороны граждан, поди, никакого доверия и даже внутреннее недовольство. Врачей и следователей все почему-то предпочитают постарше... Ограбление магазина на Пролетарской ты, молодец, хорошо раскрутил, кражу автомашины тоже. Говорят, правда, что больно деликатничаешь, но... Так что, если уверен, что потянешь, берись, если нет — скажи честно.

Марвич поднялся.

— Я постараюсь, товарищ подполковник. Когда приступить?

— Немедленно,— сказал Пряхин.— На три часа вы уже опоздали. О ходе розыска докладывать мне ежедневно.

Когда Марвич вышел, Пряхин долго еще сидел, тихонько насвистывая.

Не ошибся ли он, поручив очень непростое дело этому молодому лейтенанту? Странный парень. В его годы Пряхин был резче и, пожалуй, ярче. Да он бы на дыбы взвился от восторга, если бы ему предложили такое дело! Зубами бы в него вцепился. А этот какой-то тихий, застегнутый, азарта не чувствуется...

Вернувшись к себе в кабинет, Марвич поставил на стол потертый портфель Лукашина, открыл его и задумался. Вещи незримо отражают характер и привычки своих владельцев, надо только понять их молчаливый язык.

Судя по содержимому портфеля и по тому, как все

уложено, Лукашин человек в высшей степени педантичный. Каждый предмет имел свое определенное место. В большом среднем отделении лежали книги, обернутые в прозрачную пленку, и там же в порыжелой от времени пластмассовой коробочке — два бутерброда, один с вареной колбасой, другой с сыром; в узком кармашке — заправленная черными чернилами авторучка с золотым пером; в боковом отделении — бумажник, начатый блокнот и перетянутая резинкой пухлая записная книжка, на первой странице которой каллиграфическим мелким почерком были выписаны фамилия, имя и отчество владельца, служебный и домашний телефоны, служебный телефон жены. Все предусмотрено на случай потери.

Надо было позвонить жене Лукашина, но Марвич медлил.

Тяжко быть вестником несчастья.

Он вздохнул с облегчением, когда звонкий девичий голос ответил, что Вера Александровна в больнице, у мужа.

Марвич позвонил в больницу и узнал, что Лукашин пока без сознания.

На сегодня как будто было сделано все. Поудобнее устроившись в кресле, Марвич прикрыл глаза, пытаясь разложить по полочкам известные факты. Полочек было много, а фактов очень мало. И никакой связи. Почти никакой...

В шесть вечера в дверь заглянул подполковник Пряхин.

— Что, лейтенант, есть что-нибудь новенькое?

— Нет, Николай Павлович,— вытянулся Марвич.— Ничего нового нет. Сижу... думаю.

— Полезное занятие, но на службе без необходимости задерживаться не следует. Дурная привычка, лейтенант, приучает к бесполезной трате времени.

3

Марвич не заметил, как троллейбус дотащился до Советской,— все пытался найти ускользающую зацепку. Как, зачем попал Лукашин в «полосу отчуждения»?

Не успел он вставить ключ в замок, как дверь напротив заскрипела и тоненький голосок пропел:

— Валерочка, а я тебе борщ сварила. Сейчас разогрею и принесу.

Марвич улыбнулся. Неплохо все же иметь младшую сестру.

Катерина не была его сестрой, но так уж получилось, что он заменил ей старшего брата. Родители ее всю жизнь выясняли отношения: то целовались, то били посуду, сегодня разъезжались и делили имущество, призывая соседей в свидетели, а назавтра покупали новый телевизор и три дня сидели перед ним в обнимку, как ангелочки, чтобы на четвертый, ругаясь, уже везти этот телевизор в комиссионный магазин. Заниматься дочерью им было некогда, времени еле хватало на себя, и серьезный соседский мальчик, на которого можно было положиться, пришелся как нельзя кстати. Валера водил маленькую Катерину в детский сад, забирал оттуда, в скандальные периоды Катюша неделями жила у Марвичей, и все школьные годы ее уроки были на Валериных плечах, он даже дважды под видом брата ходил на родительские собрания. Правда, последнее время на Катерину находили какие-то приступы раздражения, могла неожиданно вспылить, ответить грубостью, но он понимал, что десятый класс не шутка, забот хватает.

Узнав, что Марвичи-старшие уезжают на полгода на стройку, Катерина сама вызвалась «приглядеть за Валерочкой» и, надо сказать, выполняла свои обязанности хозяйки весьма пунктуально. Настолько, что Марвич, чтобы не вызывать ее справедливого гнева, даже перестал расшвыривать книги по всей квартире, чего мама не могла добиться за двадцать лет. И теперь, открыв дверь, он первым делом снял туфли и на цыпочках прошел в ванную... Только успел помыться, как появилась Катерина с кастрюлей.

Борщ пахнул восхитительно. Марвич сразу вспомнил, что весь день ничего не ел, Катерина уселась напротив, уставилась большущими зелеными глазами.

— Ну, как борщ?

— Уммм! — ответил Марвич, не в силах оторваться от тарелки.

Катерина встала, обошла стол и села рядом.

— Не жадничай. Будет еще жаркое и компот.

— Приветствую!

— А у нас начальника убили, — сказала она вдруг.

— То есть как? — кусок встал у Марвича поперек горла.— Директора школы?

— Да нет! Школа окончена, и вспоминать о ней не хочу, надоело! Фу, какой ты невнимательный: я вторую неделю лаборант на химфармзаводе, с чем ты, кстати, меня поздравлял.

— Ах, да, да. Извини... Все правильно. Ищем свое место в жизни.

— И нечего ехидничать. Да, ищем!.. Так вот, нашего начальника ЦЗЛ сегодня утром прикончили. Симпатичный был дядечка.

— Так уж сразу и прикончили,— сказал он, отодвинув пустую тарелку.— За последний месяц в городе убийств не было. Это я вам, Катрин, заявляю официально.

— А я говорю, убили! Ну, может, не совсем убили, но подстрелили точно. Нам директорская секретарша звонила.

— Ну, это другое дело,— согласился Марвич.— Такое происшествие зарегистрировано. Ничего, разберемся. Важно установить причину...

— Какая может быть причина! — затараторила возмущенно Катерина.— Такой приличный человек, обходительный, вежливый, никогда резкого слова не скажет.

— Иногда ящик имеет второе дно. За красивым фасадом могут скрываться развалины, за приличной внешностью — темное прошлое...

— Может, хотели ограбить,— предположила Катерина.

— Вроде бы нет. Вещи все при нем.

— А ты откуда знаешь? Тебе поручили это дело?

— Да нет, что ты! — не очень натурально отнекивался Марвич.— Просто ребята рассказали.

Очень хотелось похвастаться, просто невозможно было удержаться, и в то же время надо было поддержать марку Мэтра.

— Ну, дали мне это дело,— пробурчал он.— Ну и что? Хорошего мало. Сплошной туман.

— Урра! — Катерина вскочила, поцеловала его в лоб.— Наконец нам дали самостоятельное серьезное дело! — Она сделала грациозный реверанс, вспрыгнула на табуретку и поклонилась.

— Поздравляю вас, граждане! Дело ведет великий сыщик, следователь экстра-класса, гроза преступни-

ков — Валерий Марвич! Злодеи, трепещите.— И, спрыгнув на пол, она изобразила умирающего лебедя.

— Катерина, перестань паясничать! — возмутился Марвич.— И вообще, где жаркое?

Катерина уселась на табурет.

— Ладно, ладно, сейчас принесу... А где вы его нашли? Он очень тяжело ранен?

— Посторонним вмешиваться запрещено.

— А я не посторонняя. Все-таки как ты думаешь, за что его так?

— Нам фантазировать не положено, нам положено знать. Не исключено, что кто-то свел старые счеты. За что — неизвестно. Может быть, какой-нибудь пацан баловался с оружием и произошла нелепая случайность. Может, еще какая-нибудь причина, которая не пришла мне в голову. Все может быть... А сейчас рыцарь просит у прекрасной дамы прощения, рыцарь хочет завершить обед.

Катерина шлепнула его ладонью по плечу.

— Ладно, сэр Марвич, на сегодня я вас прощаю! Так и быть, принесу вам второе и компот.

Уже засыпая, Марвич вдруг ярко представил себе начало этого долгого дня: глухой тупик, уходящие в бесконечность обшарпанные стены пакгаузов, распростертая фигура на черном от мазута гравии.

4

С женой Лукашина договорились на девять, и ровно в девять ноль-ноль Марвич звонил в квартиру номер сорок четыре. Солидная, обитая толстым, под кожу, пластиком дверь не шелохнулась. Ничего не поделаешь, приходилось ждать, а Марвич, как взведенный курок, весь был нацелен на действие: собирался с утра побывать на заводе, потом в больнице, на Лукашину отводилось минут двадцать, от силы сорок — почему-то был уверен, что она вряд ли сможет чем-нибудь помочь розыску. По логике если бы были у нее какие-либо подозрения, давно бы прибежала в милицию, в крайнем случае позвонила.

Приходилось, однако, ждать, и Марвич решил пока что побеседовать с соседями: все равно без этого не обойтись. Соседи — народ не всегда добрый, но наблюдательный: почти в каждом доме есть скучающая у

окна бабуся, которая с точностью отмечает время прихода и ухода каждого жильца, а уж если молодой блондин из третьего подъезда с мусорным ведром в руках остановился перемолвиться словечком с брюнеткой из пятого подъезда, это событие будет обсуждаться на совете кумушек не меньше двух дней.

Марвич поднялся на этаж выше и нажал кнопку звонка у ближайшей двери. Никто не откликнулся. Понятное дело, все на работе. Он перешел площадку и позвонил в другую квартиру. Девица в обтягивающих джинсах, не переставая расчесывать длинные волосы, чуть разжала манерно изогнутые губы.

— Соседи? Слева — какие-то зачуханные инженеры, а справа — чуваки что надо. Маг — стерео, «Жигули», финская стенка, куртка на нем — французское шевро, высший класс, мужик-экстра. А жена — мымра в золоте, птичка-чечевичка и, надо же, отхватила мужика!.. Что? Лукашины из сорок четвертой? Первый раз слышу.

На следующем этаже взгляд невольно останавливают блещущие никелем пластины, оковывающие дверь. Сразу ясно: за такой дверью есть что хранить. После звонка стучат каблучки, в узкой щели показывается перечеркнутое цепочкой холеное женское лицо, волосы накручены на бигуди.

— Насчет соседей?

Дальше передней Марвича не пустили. Резко пахло кремом, пудрой, какими-то притираниями, и он невольно чихнул. Женщина привычно растянула губы в улыбке, но глаза остались холодными, оценивающими.

— Давно пора милиции заинтересоваться нашими соседями. В сорок девятой две взрослые девки, накрашенные, намазанные, мало того, что к себе водят, так еще на площадке чуть не до утра с парнями милуются, и все с разными.

— Наблюдательная вы женщина.

— Слава богу, глазами не обижена! Вижу, что творится!.. В пятидесятой тихони да капризули, все им не так, телевизор, еще одиннадцати нет, мешает, магнитофон — хоть вообще выкинь, а у самих как суббота-воскресенье, так полон дом гостей. Ручку ей целуют: «Здрасьте, Серафима Петровна». А потом запрутся и тишина-а-а... Это чем же, спрашивается, они там занимаются, а? Милиция, конечно, ничего не ведает, жуликов мелких ловит, а здесь, может, куда серьезнее...

— Учтем...— поддакивает Марвич.— Ну а ниже, под вами,— там кто?

— В сорок четвертой?.. Про тех ничего не скажу, не знаю...

Чай в чашке подернулся матовой пленкой, но Марвич, хотя ему и хотелось пить, не решился сделать глоток. Непонятно почему возникло и не исчезало ощущение скованности. Все в этой комнате говорило о раз и навсегда установленном порядке. Темная штора прикрывает окно. Стеллажи вдоль стен заполнены старинными фолиантами, отблескивающими тусклой золотой вязью. На зеленом сукне письменного стола ни пылинки, бронзовая арфа в приборе из серого мрамора сияет, как бляха моряка-первогодка. И дама, сидящая напротив,— именно дама, иначе ее не назовешь — неотделима от этой комнаты. Синь седых волос сливается с голубизной прикрывающих мебель чехлов, неброский шелк бежевой кофточки — с багетом стен.

— Я еще раз прошу извинить меня, лейтенант. Выскочила в магазин, думала, успею, а там очередь...

— Ну, что вы!.. Извините, если мои вопросы покажутся бесцеремонными. Может быть, у вашего мужа были враги?

— Нет, нет, никаких врагов.— Лукашина прижала пальцами виски.— Это исключено. Я бы знала... Да, да, не смотрите на меня так. У нас никогда не было секретов друг от друга. Даже, когда Иван Семенович в пятьдесят восьмом году, будучи на курорте... увлекся, он приехал и все мне рассказал. Да... Это несчастье, ужасное несчастье. Спрашивается, что и с кем мог не поделить начальник ЦЗЛ? Ну подумайте, что?! Реактивы? Пробирки? Пипетки? Абсурд какой-то!

— Скажите, Иван Семенович не увлекался картами?

Бледное лицо Лукашиной порозовело.

— Мы, кажется, даром тратим с вами время, юноша. Карты, вино и прочие низменные страсти исключаются полностью. Не было у него времени для подобной ерунды! Не было, потому что еще в молодости Иван Семенович отдал свое сердце двум музам — мне и химии. Так он всегда говорил и очень, представьте, гордился своей ортодоксальностью. Вам понятно?

Марвич невольно улыбнулся.

— Конечно, теперь вам это кажется странным,— отреагировала на его улыбку Лукашина.— Но, если бы вы видели меня лет двадцать назад, вы бы не улыбались, может быть, вы даже позавидовали бы Ивану Семеиовичу! Впрочем, и теперь миогие женщины могут мие позавидовать. Иваи Семенович неизменно вежлив, виимателен, никогда ие забудет к празднику преподнести цветы и подарок: я для него — жена и соратник, а этим не каждый может похвастать. У меня только одна соперница в его сердце — химия, и, знаете, какая? Химия сточных вод!

— Какой странный выбор! — не сдержал удивления Марвич.— А что в сточных водах может быть интересиого?

Оиа снисходительно улыбнулась, словно бы забыв на миг о своем горе.

— Без очистки сточиых вод человечество в короткий срок захлебнется в собственных отбросах. Да, в сущности, это уже происходит, особенно в странах Запада. А возьмите наш город... Известный вам завод «Каустик» превратил речку Голубинку в сточную канаву. Даже камыш в ней не растет. А стоки эти, между прочим, почти чистый раствор пиперазина — известного средства для лечения гельминтозов у животных; кроме того, он входит в состав иекоторых лекарств. Чуть-чуть инициативы, и была бы огромная польза и людям, и всему живому. Вам поиятно?

Марвич кивнул.

— И вот Иван Семенович... Дорогой мой Ванюша...— Лицо Лукашиной застыло в привычной маске холодной учтивости, и лишь скорбное выражение глаз выдавало боль.— Это когда еще было... Никто об этой окружающей среде и ие думал. Вроде ее и не существовало... А Иван Семеиович уже тогда... В молодости он очень резкий был. Непримиримый. Они с директором вместе институт окоичили, вместе работали в Омске, вместе сюда приехали. Принимать завод... Директора тоже можио поиять: завод пущеи, есть план, нужно давать продукцию. А Иван Семенович уперся и ни в какую — вплоть до обкома: пока не будет фильтров, нельзя выпускать антибиотики... Потом ои с огромным трудом раздобыл импортиые фильтры, наладил методику полярографии, но тут как раз стали выпускать другую продукцию, и оии с директором помирились. А то, смешно

сказать, даже не разрешал мне встречаться с Сашей, директорской женой, а мы подруги с институтских лет.

— Так что можно считать, что ваш муж, Вера Александровна, был целиком поглощен наукой?

— Вот именно! Он писал книгу, и все в нашем доме было подчинено его вечерним занятиям. Встаем, завтракаем, обедаем — всегда в одно и то же время. После обеда ровно сорок минут сна, и он садится за письменный стол. И так много лет.

— При такой исключительной пунктуальности, вероятно, и на работу он выходил всегда в одно и то же время? И ездил, наверное, по одному и тому же маршруту?

— Да, вы правы. Что бы ни случилось,— а у нас, в сущности, ничего не случалось,— так вот, что бы ни случилось, ровно в восемь часов и пять минут Иван Семенович стоял на пороге с портфелем в руках, целовал меня в лоб и уходил, обязательно проверив, на месте ли ключи. До Советской он доходил пешком, не спеша, за десять минут, потому что в восемь пятнадцать по графику должен подойти тридцать четвертый автобус. На Челюскина пересадка на семерку — и без десяти девять он уже натягивал халат. Он и сам был твердо убежден, и внушал своим сотрудникам, что хороший работник должен быть на рабочем месте за десять — пятнадцать минут до начала трудового дня.

— Что же могло привести его на Омскую, туда, где его нашли?

— Не знаю, друг мой, не знаю. Ничего не могу придумать.— Она прикрыла глаза и вздохнула.— Страшно разболелась голова... Да, кажется, в этот злосчастный день в девять пятнадцать у них в ЦЗЛ должна была состояться конференция. Иван Семенович специально к ней готовился.

5

На завод Марвич приехал за полчаса до перерыва. В приемной директора было полно народа. Конечно, лучше бы не возбуждать любопытство масс и скромненько войти в порядке очереди, но время прижимало.

— Пожарный надзор: насчет хранения взрывоопасных и легко воспламеняющихся веществ.— Марвич про-

тянул секретарше руку с раскрытым удостоверением, и та понимающе кивнула головой.

— Проходите.

Директором завода оказался простецкого вида толстяк в белой рубашке с закатанными рукавами. Он махнул рукой на стул и продолжал кричать в телефонную трубку:

— Мельников! Вы что там, с ума посходили? Талдычишь мне: «Температура! Температура!» Ты — начальник цеха, инженер, тебя в институте учили, как вести процесс при перепаде температуры, вот и тряхни мозгой, разберись. Водой охлаждай, водичкой! Да, да, просто, но надежно! А кондиционеров у меня для вас нет. Нет и не надейтесь!

Он бросил в сердцах трубку на рычаг и повернулся к Марвичу.

— Вот народ! Конец месяца, горим с планом, как шведы, а он надумал цех останавливать! Жарко, видишь ли, режим не по ГОСТу...— Директор вытер лысину мгновенно намокшим платком и переключился: — Слушаю вас, товарищ.

— Я из уголовного розыска,— сказал Марвич.— По поводу несчастья с Лукашиным. Хотелось бы знать ваше мнение о возможных причинах, Ксенофонт Васильевич.

Директор щелкнул переключателем селектора.

— Со мной никого не соединять...— Помолчал.— Ну, какие могут быть причины?! Несчастье, ужасное несчастье...

Он вздохнул, потер рукой замлевшую, видимо, шею.

— Иван Семенович — необычный человек. Многие его поступки трудно понять. Обычных, точнее, средних людей они могут не только удивлять, но и раздражать.

— То есть? — вздернул брови Марвич.

— Видите ли, лейтенант, в любом из нас прослеживается тропка, которой мы придерживаемся, так сказать, личное направление. И видна вязанка сена, за которой гонишься. Одними движет стремление занять лидирующее положение со всеми вытекающими отсюда благами... Цель других — маленькое личное благополучие по принципу: отдай мне мое и немного своего, эта категория прямолинейна, как лезвие ножа... Лукашин ни в одну из этих категорий не вписывается. Ему безразлично, какой пост он занимает, и сколько за это платят, и платят ли вообще. Как решил в институтские

годы, что его призвание — спасти от загрязнения окружающую среду — благородная цель, не правда ли? — так и тянет к этой цели прямо и напролом, не сообразуясь с реальными возможностями, иногда даже, скажу по-честному, во вред самому себе... Жаль, нет времени, через пять минут у меня совещание. Вы не могли бы подождать часа полтора?

— Придется,— сказал Марвич, вставая.— Хотелось бы узнать о Лукашине как можно больше. Пока что схожу в отдел кадров, просмотрю личное дело.

...В личном деле были одни благодарности. Это подтверждало, что Лукашин хороший работник, но ничего не могло дать для розыска.

Бесцельно уходило время, хоть вой от досады. На часы поглядывать бесполезно, только трепка нервов.

Марвич направился в заводскую столовую. Дело делом, а с молодых лет наживать язву желудка не стоит.

В столовой все сияло ослепительной чистотой, столы были протерты до блеска, в вазочках ершились салфетки — определенно профком на заводе был на высоте. Очередь, состоящая в основном из женщин, продвигалась медленно — каждая брала на всю бригаду. Марвич пристроился в конце и, стараясь не привлекать к себе внимания, принялся детально изучать висевшее на стене меню. Но мужчин здесь знали наперечет: то и дело он ловил брошенные украдкой лукавые и изучающие взгляды. Вдруг из очереди вылетела с сияющими глазами Катерина. Не спрашивая, схватила за руку, потащила за собой, и вся очередь — десятки глаз — повернулась в их сторону. Какая уж тут незаметность!

Два столика у стены были сдвинуты вместе, за ними сидели шесть девушек в одинаковых голубых халатиках, одна из них призывно махала Катерине рукой.

Катерина усадила его, обставила тарелками и лишь после этого обратилась к подругам:

— Знакомьтесь, девочки,— Валерий. Работает в милиции, сейчас занят важным делом.

Марвич поперхнулся и кинул на нее возмущенный взгляд.

— Вы ищете преступника? — спросила одна из подруг.

— Что вы! — сказал Марвич, принимаясь за скользкие кусочки теста, которые значились в меню как варе-

ники ленивые.— Катюша ошиблась. Я действительно работаю в отделе внутренних дел, но по пожарной части. Проверяю, нет ли опасности загораемости. Вот такие дела...

Катерина улыбнулась, словно невзначай высунула кончик языка.

— Вы его не слушайте, девочки,— затараторила она с невинным видом.— Это он только прикидывается скромным, а на самом деле — герой! Да, да! Неделю назад вынес из огня старушку, через пару дней близнецов — мальчика и девочку, а вчера ему не повезло: в дыму удалось разыскать только одну девочку, остальные жильцы, не дождавшись, выбрались из горящего дома самостоятельно.

— Самое ужасное,— поддержал игру Марвич,— что эту девочку не стоило спасать: насмешница, полная невежда в математике и вдобавок ужасная задавака.

После обеда, когда они всей группой спускались по лестнице, Катерина взяла его под руку.

— Заканчивай свои дела и пойдем вместе. Я буду ждать у проходной.

— Но я скоро освобожусь, а тебе еще работать.

— Сомневаюсь, что ты попадешь к директору раньше чем через два часа, а у меня укороченный рабочий день. По малолетству.

Она оказалась права: совещание затянулось, директор принял Марвича лишь в конце дня. Он устал, мыслями был еще там, на совещании, которое, видно, прошло не так, как хотелось, и потому сейчас говорил отрывисто и не очень связно.

— С Лукашиным мы вместе учились в институте и сюда приехали вместе. Принимать завод... Я — будущий директор, он — начальник ЦЗЛ. Сами понимаете, принять завод — одно дело, а запустить на проектную мощность, так до этого еще плыть и плыть. То недоделано, это не по проекту, а о третьем вообще забыли... А Ваня... то есть Лукашин, с самого начала уперся: вынь да положь ему полярографическую установку, чтобы определять концентрацию биологически активных веществ в сбрасываемых заводом сточных водах. Иначе-де мы речку загубим... А где я ему возьму валюту на эту установку? И ведь какой настырный! Будучи в командировке, попадаю я в аварию, почти год кувыркаюсь между жизнью и смертью, а мой заместитель, человек

мягкий, поддался на уговоры Лукашина; вместе они преодолели все трестовские рогатки, разжалобили министра и не только раздобыли полярографическую установку, но и заказали японские фильтры тонкой очистки. А ведь к ним надо целую станцию строить... Выхожу на работу — ужас: банк закрыл кредит, зарплату выдают со скрипом, сырья на одну неделю, а Ваня жмет: давай деньги на оборудование — и никаких гвоздей!.. Ну, помирили нас в горкоме, получили оба по выговору... Тут реорганизация, меняют нам профиль продукции, полярография вместе с японскими фильтрами становится ненужной, и мы... помирились, но прежняя дружба между нами уже не возродилась. Слишком много гадостей наговорили друг другу.

— А кто все-таки был прав? Вы или он?

Директор откупорил бутылку минеральной воды, налил стакан, серебристые пузырьки быстро побежали кверху, и Марвич представил, как они мягкими иголочками покалывают язык. Пить захотелось неимоверно, но директор угостить не догадался.

— Ох, как хочется вам разложить все по полочкам: здесь — белое, там — черное. И никаких компромиссов! Увы, молодой человек, так не бывает... Истина часто балансирует на лезвии ножа, и нож этот — время. Тогда, десять лет назад, был прав я, потому что полярографическая установка была розовой мечтой, несовместимой с реальной действительностью; не о пирожных приходилось думать, а о куске хлеба — в переносном смысле, разумеется. Но вот запустили, отладили производство, и сегодня для нас хлеб — именно эта установка, без нее нельзя наладить выпуск фермента стрептазы, потому что фермент не должен содержать и тысячной доли примесей... Видите, все условно, все относительно. Вы согласны?

— Нет,— сказал Марвич,— не согласен. Впрочем, мое мнение ничего не меняет... Напоследок хотелось бы выяснить: по вашему мнению, враги у Лукашина могли быть?

— Кроме меня — нет,— слабо улыбнулся директор.— Уверен, что не было. Уж я бы знал. У нас коллектив женский, больше суток секреты не держатся.

— И последний вопрос. Могло случиться, чтобы с завода, вернее — со склада, незаметно вывезли что-нибудь ценное?

— Исключено! Сигнализация, охрана, строгий контроль на проходной... Да и что у нас красть? Витамины? Анальгин? Ну, допустим, похитит какой-нибудь ловкач ящик анальгина, так какая с того корысть?

По залитому солнцем двору Марвич шел медленно, день близился к концу, похвастаться было нечем, и все же образ Лукашина прорисовывался более ясно, пожалуй, даже намечалась некая точка отсчета.

6

Жара начала спадать, но в неподвижном воздухе стойко держался запах горячей пыли и полыни. Тополя, прикрывавшие больничную ограду, отбрасывали на мостовую длинные косые тени; полупустые автобусы катились по ним, как по садовой решетке.

Катерина прихрамывала в туфлях на высочайшем каблуке, скорее всего, надетых украдкой от мамы для пущего форса, и Марвич старался умерить шаг, чтобы она не отставала.

— Все-таки не понимаю,— сказал он вслух, но для себя.— С чего вдруг его занесло на Омскую?

— А там когда-то была проходная,— синхронно его мыслям отозвалась Катерина.— Давным-давно. И сейчас, наверное, есть лаз в заборе.

— Очень может быть,— вздохнул Марвич.— Но Лукашину зачем было заходить с тыла?.. Ну ладно, ты подожди здесь, я скоро вернусь.

В холле больные стучали в домино. По телевизору показывали Эрмитаж. В ординаторской никого не было. Развешанные по стенам плакаты с детальным изображением человеческих внутренностей невольно вызывали неприятное ощущение под ложечкой. Он подошел к столу, на котором стоял поднос с чистыми тарелками, горкой аккуратно нарезанного хлеба и двумя кастрюльками. Движимый скорее любопытством, чем пробудившимся аппетитом, поднял крышки. Одна кастрюля была наполовину заполнена остывшей манной кашей, другая — жидким киселем. «Не больно-то главврач заботится о хирургах»,— подумал Марвич и в этот момент услышал сзади добродушный голос:

— Не стесняйтесь, товарищ. Берите тарелку, ложку и кладите побольше каши. И киселя тоже.

Глупейшее положение! Вероятно, так чувствует себя схваченный за руку карманник. Оставалось одно: подхватить мысль и развить ее до абсурда. Марвич повернулся и, глянув на вошедшего хирурга, здоровенного парня с рыжей шкиперской бородкой, сказал с грустью:

— Так ведь я не один. Со мною три брата, да дед с бабкой, да Жучка с мышкой.

— Серьезная компания,— подхватил хирург,— одной кашей не прокормишь... Ну хорошо, оставим кашу в покое. Зачем к нам пожаловала милиция?

— Я насчет больного Лукашина.

— А-а, Лукашин... Этот, можно сказать, родился в рубашке. Пулевое ранение легкого, но ни один крупный сосуд не поврежден. Пуля застряла в ребре. Он потерял много крови, открытый пневмоторакс тоже не пустяк.

— А он не говорил, как все это с ним произошло?

— Нет, не говорил. И, боюсь, не скоро скажет.

— До сих пор без сознания?

— Нет, он в сознании. Легкое ему зашили, кровопотерю компенсировали, анестезиологи сейчас чудеса делают, но... Лежать ему в больнице еще не меньше месяца, да и потом неизвестно, как будет.

— Что-то я не совсем понимаю,— сознался Марвич.— Он же, по вашему мнению, родился в рубашке.

— Я имел в виду ранение легкого. С легким будет все в порядке. Но, кроме того, у него серьезное сотрясение мозга,— возможно, ударился головой при падении. Налицо стойкая ретроградная амнезия, а это не шутка.

— Вы бы попроще,— сказал Марвич, морща лоб.

— Ретроградная амнезия — это потеря памяти на события, связанные с травмой и непосредственно предшествовавшие ей. Лукашин помнит, как вышел из дому, а дальше — сплошной провал, пришел в себя в больнице.

— Это надолго?

— Может быть, на три дня, а может, на три месяца. Не знаю.

— Значит, беседовать с ним сейчас бесполезно?

— Если в плане «Что с ним случилось?», то бесполезно.

— Что ж, тогда мне бы получить пулю для экспертизы и выписку из истории болезни.

— Выписку сейчас сделаем, а пулю еще утром забрал ваш товарищ.

— Кто?

— Фамилию не помню, а внешне — плотный такой мужчина в кремовой рубашке, сильно волосатый.

Фатеев, подумал Марвич, больше некому. Что ж это он со мною, как с дитем: одной рукой дает игрушку, другой отнимает. Мне ведь поручено...

— Рад был познакомиться,— протянул он руку врачу.— Еще, наверное, не раз увидимся.

Хирург в ответ с неожиданной силой сжал его ладонь.

— Что у вас, что у нас — знакомства большей частью невеселые. Может, выпьем чаю?

Марвичу хотелось пить, но на улице ждала Катерина, и, хотя она вмешалась в этот насыщенный день неожиданно и самовольно, заставлять ее ждать было нехорошо.

7

Одно из маленьких, но истинных удовольствий — длинный упоительный субботний сон, когда просыпаешься в урочное время и, осознав, что можно не вставать, проваливаешься опять в сладкую дрему, когда, слыша приглушенные гудки автомобилей и ощущая тепло солнечных лучей, все равно спишь, и сны обычно видятся легкие и занимательные. Однако Марвич проснулся в шесть часов и больше заснуть не мог. И не старался. Первое дело — тут уж не до сна. Вроде бы за пятницу сделано все, что было намечено, единственное — он не доложил Пряхину, так ведь из больницы ушел поздно, а ничего стоящего, такого, что могло потребовать срочного вмешательства начальства, узнать не удалось.

Он встал, сделал зарядку и поехал в отдел.

Дверь кабинета Пряхина была полуоткрыта, значит, начальник на месте. С чего бы это?

— Проходи,— сказал подполковник заглянувшему в дверь Марвичу.— Проходи и садись. Давно тебя жду.

— Это почему же? — удивился Марвич.

— А долгов за тобой много. Ты должен был прийти. Обязан. Не мог же я так в тебе ошибиться! Иначе — какой из меня начальник отдела? Тут из управления звонили насчет лукашинского дела, я так и доложил:

вот скоро Марвич придет, тогда и сообщу, как идет расследование.

Марвич осторожно опустился на край стула. Пряхин при довольно грубоватой внешности был далеко не прост, но любил иногда прикинуться этаким ревностным недалеким службистом, которого ничего не стоит обвести вокруг пальца. Не знающие его хитроумные рыцари нечестной наживы, считающие, что в жизненном плане они умнее большинства, не раз попадались на эту доверительную простоватость.

И Марвич сейчас не мог понять, велик ли процент истины в словах начальника.

— Ты не волнуйся,— успокоил Пряхин.— Насчет долгов — это я серьезно. Потом объясню. А пока выкладывай, что в твоей торбе.

Марвич не был готов к подробному докладу. В общем, хвастаться было нечем, фактов мало, одни предположения.

— Значит, пока,— подытожил Пряхин,— мы конкретно знаем, что Лукашин хотел пройти на завод с другой стороны, через лаз в заборе,— кстати, напомнишь потом, надо будет намылить шею начальнику охраны,— что нападение на него произошло в промежутке между девятью и девятью тридцатью, потому что уже в девять сорок его обнаружил гулявший с собакой пенсионер Федоров; что ограбление и, по-видимому, личная месть из мотивов преступления исключаются. Небогато, лейтенант, небогато. Третий день работаете, а весь пар уходит в свисток. И, судя по всему, собираетесь сидеть и ждать погоды до понедельника.

— Так ведь суббота и воскресенье, нигде никого не застанешь. Бесполезно суетиться.

— А не надо суетиться, надо работать. Не спеша, но непрерывно, и тогда получается быстро. Иначе теряете темп. Итак, лейтенант, разберем твою партию. В больницу ты поехал вечером, а надо было утром. Я полдня сидел и ждал, когда ты привезешь показания пострадавшего и пулю, ждал, ждал и послал Фатеева, потому что больше ждать не имел права... Сказал тебе хирург, что Лукашин ничего не помнит, ты и успокоился. А зря. Во-первых, память иногда восстанавливается внезапно, взрывом, во-вторых, Лукашин действительно до сих пор не помнит, что с ним случилось, но, может быть, он вспомнит, почему вдруг решил ехать на работу

необычным путем? Как он туда попал? Автобусы ходят редко. Такси? Похоже...

Марвич сорвался с места.

— Сиди, Валерий Сергеевич, сиди. Я уже позвонил дежурному врачу, скоро выяснят... Далее. Что необычное заметил ты в описании раны и в описании операции? Если читал, конечно, выписку из истории болезни. Если внимательно читал...

Марвич пожал плечами. Вроде бы в выписке ничего примечательного не было.

— Ну... Узкая пулевая рана, идущая спереди назад. Пуля застряла в ребре... Вроде все.

— Не совсем. В каком ребре застряла пуля?

— В восьмом.

— А входное отверстие на уровне третьего, причем спереди.

— Ну и что?

— Значит, в Лукашина стреляли сверху вниз, с довольно близкого расстояния, и он в момент выстрела находился лицом к стрелявшему.

— Все это очень интересно,— сказал Марвич со скептической ухмылочкой.— Но от того места, где лежал Лукашин, до ближайшего склада метров сорок. Даже если бы стрелок лежал на крыше... Нет, не получается. Деревьев поблизости нет. С вертолета в него стреляли, что ли?

— Очень может быть. Проверьте,— невозмутимо поддержал его Пряхин, снял трубку с зазвонившего телефона и, выслушав, продолжал: — Значит, ищите таксиста, Валерий Сергеевич. Они обычно работают через день, так что как раз сегодня должна быть его смена.

Марвич опять встал, но Пряхин остановил его движением руки.

— Погодите, главное еще впереди. Как же это вы о пуле не волновались, Валерий Сергеевич? Вспомните институт: «Пуля — визитная карточка преступника». А вы на визитную карточку ноль внимания.

— Не волновался потому, что нет подозреваемого, нет оружия, и все равно ответа экспертизы до понедельника не будет.

— Это как подойти к эксперту... У нас в НТО не чиновники сидят. Так вот, согласно заключению экспертизы, состав металла пули и вкрапления в него сгорев-

шей пороховой смеси соответствуют патронам LWS, содержащим взрывчатую смесь «Sinoxid», которые выпускает западногерманская фирма, производящая спортивное стрелковое оружие и патроны.

— Может быть, Лукашин занимается какой-то проблемой, представляющей интерес для иностранной разведки, ему предложили, допустим, продать нужные сведения, он отказался, и тогда...— выпалил вдруг Марвич и сам удивился: влезет же в голову такое, нет чтобы придержать язык.

Пряхин задержал на нем взгляд с видом учителя математики, заставляющего отсталого ученика решать простую задачу.

— Мысль оригинальная, но есть версия более реальная. Вот в этой папочке,— он поднял над столом обыкновенную папку из белого картона с бязевыми тесемками,— в этой папочке хранится любопытный документ, который гласит, что чуть больше года назад в поезде у мастера спорта Барановой был похищен чемодан, в котором находились спортивный малокалиберный пистолет и пачка патронов. Личность преступника не установлена, но описание внешности подозреваемого есть. Как вы считаете, Валерий Сергеевич, может помочь такой факт розыску и не лучше ли было бы получить эти сведения два дня назад?

Марвич прикусил губу, возразить было нечего. Пряхин немного перебрал — два дня назад, в четверг, в это время пулю еще только искали в теле Лукашина, но суть дела от этого не менялась.

— И последнее. Возможно, на фармзаводе действительно идеальный порядок и мимо вахтера мышь не проскочит — впрочем, какой директор скажет иное? — но проверить хранение ценностей надо.

8

Магнитофон испортился, и, пока Марвич пытался его наладить, вызванный шофер такси, хмурый, плохо выбритый мужчина с нагловатым взглядом, нетерпеливо вертелся на стуле.

— Нельзя ли побыстрее, товарищ лейтенант? — не выдержал наконец он.— За мной грехов не водится, а план, между прочим, горит.

— План вам сократят по нашей справке,— спокойно

возразил Марвич и достал из ящика стола фотографию Лукашина.— Узнаете этого человека?

Шофер ответил не задумываясь:

— Да, конечно. Память у меня профессиональная. В прошлую смену, то есть в четверг утром, приблизительно в восемь сорок пять на углу Советской и Кирова я высадил пассажира, а этот гражданин, не спрашивая, сел на переднее сиденье и сказал, что ему срочно надо к фармзаводу, на работу опаздывает. А сзади у меня уже сидели три девицы, которым надо было на Омскую. Ну, они раньше сели, их право, и этот гражданин очень огорчился. Тут я вмешался и говорю, что раньше, когда не было нового шоссе, на фармзавод ездили по старому сибирскому тракту, потом сворачивали по Омской, через железнодорожный переезд и — прямо к заводским складам. Там и грузы сгружали, и на работу многие там ходили, кто через ворота, а кто и через дыру в заборе — поближе. Этот товарищ очень обрадовался, доехав до Омской, благодарил, а заплатил строго по счетчику, копейка в копейку.

— Девушки вышли вместе с ним?

— Да, но сразу свернули в проулок, а он пошел прямо.

— Никто его не встречал или, может быть, присоединился, когда он уже отошел от машины?

— Чего не видел, того не видел. Я сразу развернулся и поехал обратно. В том районе на пассажиров надежды мало.

Марвич отпустил водителя и подумал, что еще три дня назад он определенно подождал бы с вызовом Барановой до понедельника. Но Пряхин прав, темп терять нельзя. Придется испортить человеку воскресный день вызовом в милицию, нехорошо...

Недаром говорят: ищущий находит. Перелистывая газету, которую по привычке начал просматривать с четвертой страницы, Марвич проскочил взглядом мимо набранного петитом объявления. Он начал было читать фельетон, но что-то подсознательное заставило его вновь обратить внимание на правый нижний угол страницы:

Завтра, в воскресенье, в тире «Динамо» состоится финал межобластных соревнований по стрельбе. Начало в 10 часов.

Безусловно, это был знак Удачи.

9

С утра пораньше примчалась Катерина и предложила пойти на пляж. Помахивая прозрачной пластиковой сумочкой с купальником, она сидела в кресле, положив ногу на ногу, тоненькая, радостная и беззаботная; огорчать ее очень не хотелось, но...

— Ты, Катенька, извини,— сказал он,— но сегодня не могу. Намечено совсем другое.

— Что, если не секрет?

— Да вот хочу съездить на соревнования по стрельбе. Мужское занятие, тебе будет неинтересно.

— Не скажи. Стрельба — это занятно.

— Но... мне там надо встретиться с одним человеком.

— С женщиной?

— К сожалению, да.

— Почему «к сожалению»?

— Потому что предстоит серьезный разговор и, думаю, не очень для нее приятный.

Катерина встала, посмотрела на себя в большое зеркало, повернулась боком и презрительно сморщила нос, очевидно, внешний вид не соответствовал ее замыслу.

— Тем более я необходима... Да, да. Не удивляйся. Женщина с женщиной гораздо быстрее найдут точки соприкосновения.

— Так мы уже «женщины»?! — сказал Марвич с деланным ужасом.— Бог мой, как летит время: стареешь, на глазах стареешь. Впрочем,— сдался он,— можешь наблюдать за стрельбой, кокетничать со стрелками помоложе — пожалуйста, но в наш разговор... не вмешиваться. Понятно?

Справа стреляли женщины. Они стояли в ряд у красной черты, как у барьера, и в их позах — развернутый вполоборота корпус, картинно выгнутая, твердо упершаяся в бедро левая рука, в вытянутой правой с холодной неотвратимостью всплывает длинный ствол пистолета — во всем этом было нечто, воскрешающее в памяти серое низкое небо, вороний крик, брошенные на снег шубы, спины, застывшие в непримиримой гордости, страшные пятнадцать шагов и привыкшего ко всему доктора, копающегося в ящике с инструментами.

Жестко сжаты губы. Прищурен глаз. Пять секунд —

выстрел. Шесть секуид — выстрел. Семь секуид — рука опускается, ие нажав курка, обвисают плечи, спортсменка прикрывает глаза, потом, глубоко вздохиув, наклоняется и долго смотрит в стоящую рядом иа столике подзориую трубу.

— Как ты думаешь, кто из иих Бараиова? — тихоиько спросил Марвич.— Мне кажется, вои та горделивая амазонка под иомером шесть.

Катерина предпочла четвертый иомер, сутуловатую жеищину в очках, н оказалась права. Когда диктор торжествеиио объявил, что выступавшая после двухлетиего перерыва мастер спорта Раиса Бараиова заияла первое место, четвертый иомер сняла очкн и приветствеиио подняла руки иад головой.

Марвнч подождал, пока отхлыиули поздравляющне, и подошел к ней вместе с Катериной.

— Вы молодец! — сказал ои.— Великолепио стреляли.

— Рука болит,— пожаловалась Бараиова, потирая левой ладонью правую.— Сам Кабнров вырезал мне индивидуальиую рукоятку, а все равно иаминает. Отвыкла. Вы знаете Кабирова?

— Нет,— сказал Марвич,— не знаю.

— Как же? Вы ведь из редакции?

— Да, да,— выступая вперед и ткиув Марвича локтем в живот, вмешалась Катериа.— Мы нз спортивиого отдела молодежиой газеты.

— Отличио! Давиенько миою ие интересовалнсь газеты. Вот что, ребята, я перед соревиованиями никогда ие ем, сейчас голодна, как десять лесорубов. Идемте в буфет, там я вам быстреиько наговорю все, что положеио: как училась, как влюбилась, почему без стрельбы жнзни ие вижу.

Помещеиие буфета иапомииало каземат, но иа аппетит спортсмеиов это не действовало. Марвич с восхищеиием иаблюдал, как Бараиова одиу за другой опорожияет тарелки.

— Уф! Теперь можно и поспать... Это из мультика. Шучу.— Она вынула из сумки ручку.— У вас, навериое, готовый вопросиик? Давайте его сюда, распншем в темпе н разбежимся.

Марвич откашлялся и придал своему лнцу офнциальиое выражеиие. Надо внутреине собраться. Надо преодолеть сожаленне. Этой женщиие придется сейчас вериуться не к самым приятиым мииутам своей жизии.

Ей, наверное, немало уже перепало за утрату оружия...

Неожиданно вмешалась Катерина — он не успел ее одернуть — и защебетала:

— Видите ли, мы хотим написать о вас не сухой репортаж, а очерк о том, как вы, женщина, добились таких высот в одном из самых суровых видов спорта. Какие трудности были на вашем пути? Как вы их преодолели?

— Трудностей хватало,— хрипло рассмеялась Баранова.— И не я их, а они меня преодолели. Я ведь была уже в первой десятке Союза, а два года тир видела только во сне. Так уж получилось, и, честное слово, не по моей вине...

— А что случилось?

— Оставим эту тему. Каждый болеет в одиночку.

— Ну зачем так?..— Глаза Катерины были полны сочувствия.— Мы ведь по-доброму. И потом... нам, журналистам, важно видеть человека не только с парадной стороны.

Что-то в словах Катерины вызвало у Барановой смутные подозрения.

— Ох, не похожи вы, девушка, на журналистку.

Марвич потянул Катерину за руку.

— Я ж просил тебя не вмешиваться!

Но ту уже понесло.

— А я практикантка,— заявила она самым искренним тоном.— Он — шеф,— она кивнула головой на Марвича.— Он отвечает за очерк.

Марвичу оставалось лишь промычать нечто утвердительно-неопределенное. Хорошо еще, что Баранова не догадалась спросить документы.

— Ну, если уж вам так хочется...— Она помолчала.— Почти два года назад на соревнованиях зоны Урала я впервые выполнила мастерский норматив. В тридцать один год, поздновато... Тринадцать лет ходила в кандидатах и — никак! И наконец — вытянула... Радости, конечно, полные карманы. Цветы, поздравления. Вечером закатились в ресторан, где пили в основном минералочку, но зато от души. Тосты за меня, за тренера, за наш утюг...

— За утюг? — блеснув удивленными глазами, спросила Катерина.

— Ах, вам непонятно... Чтобы пистолет застыл в нужной точке как каменный, мы, стрелки, два раза

в день, утром и вечером, держим на вытянутой руке утюг. Для крепости мышц. Держим до боли, отдыхаем и снова держим. Всю спортивную жизнь, без суббот и воскресений. Некоторые предпочитают гантели, но, по-моему, утюг удобнее...

Вечером мы сели в поезд. В купе кроме моих подруг по команде был болезненного вида, чем-то озлобленный парень лет двадцати. Ну, разговорились, то да се. Оказалось, он голодный, совсем без денег, даже на постель не было. А у нас с собой пироги, шоколад, постель мы ему взяли, вообще в тот день мне всех хотелось любить... Постепенно он отошел, помягчел. Рассказал: отца нет, матери нет, живет с глухой старой теткой в развалюхе. Нравится рисовать, пробовал резать по дереву, лепить. Ему казалось, получается, сунулся в художественный комбинат — не взяли, своих хватает. А слесарить, как он выразился, гайки крутить, надоело. На последние деньги поехал в Свердловск, пытался поступить на «Русские самоцветы», не взяли и там — нет специального образования. Ну, он и сник окончательно.

— А почему вы решили, что он больной? — вмешался Марвич.

— Не больной, а болезненный... И потом, помню, мне хотелось его утешить, и я сказала, что после армии он может поступить в любой техникум или художественное училище. А он горько так усмехнулся и сказал, что в армию его не взяли по болезни. Ну вот... Было уже совсем поздно, мы собрались спать, как вдруг заявились наши ребята и пригласили к себе в купе. Мы со Светой пошли, а у Ирины болела голова, она решила остаться, почитать. А когда мы вернулись, Ирина спала, парня этого в купе не было, и моего чемоданчика тоже, а в чемоданчике были спортивный пистолет и пачка импортных патронов, пятьдесят штук. Я их еле выклянчила на всесоюзных сборах... А какая рукоятка была у того пистолета! Лежит в руке — не чувствуешь... Помню, я выходила из купе и меня будто дернуло: возьму чемоданчик с собой, а потом поглядела на Иру и застыдилась. Было, значит, предчувствие — не поверила... Ну а последствий этой кратковременной встречи, как вы, наверное, поняли, мне хватило на два года...

Уже на улице, когда они молча прошли два квартала, Катерина остановила Марвича.

— Знаешь, Валера, ваша милиция что-то с этим парнем из поезда не доработала.

— Не наша, а дорожная,— проворчал Марвич.

— Если этот тип живет, допустим, в нашем городе, разыскать его, мне кажется, не так сложно.

— Раз плюнуть!

— А что? Есть четкие данные! Смотри: примерный возраст известен, не взят в армию по болезни — есть данные в военкомате, живет с теткой в частном секторе, работает слесарем, причем, очевидно, не на заводе, а в какой-нибудь шарашкиной конторе. Почему? Не могу объяснить, но... мне так кажется. Интуиция!

— Вот спасибо,— сказал Марвич, беря Катерину под руку.— Теперь все ясно. Не знаю, милая, что бы я без тебя делал. Придется ходатайствовать о зачислении тебя в наш отдел на полставки. Согласна?..

Со стороны всегда все просто и ясно, думал он. Причем самые решительные предложения делают именно те, кто в твоем деле ничего не смыслит... В городе, наверное, больше сотни заводов, и слесарь, может быть, давно не слесарь, а сварщик или продавец газводы, и живет он, возможно, в другом городе... Катерина права в одном: надо искать.

10

В узких проходах между заводскими складами дул горячий ветер, как в аэродинамической трубе. Марвич двигался боком, прикрыв лицо рукой, и чувствовал, как на потной шее налипает пыль. Свернув за угол, он нырнул в калиточку и попал в царство холода и мрака. Где-то вдали светил огонек, и он пошел к нему по узкому проходу между ящиками. В конторке за стеклянной перегородкой за столом сидел человек и старательно перекидывал костяшки счетов. Склоненное лицо его было в тени, и, когда на стук он вскинул голову, Марвич невольно задержал дыхание — перед глазами застыла безгубая, безбровая маска с крошечным носом.

Человек со старческим кряхтеньем поднялся навстречу и протянул сухую, в рубцах руку.

— Милиция? Ну-ну. Чего это у нас понадобилось? Место здесь тихое...— Голос был тонкий, безжизненный; прежде чем произнести слово, человек каждый раз

хватался за горло, словно прижимал кнопку.— Значит, Егорычев я. Так и называйте.

— Скажите, товарищ Егорычев,— осторожно начал Марвич,— могли бы... ну, допустим, грузчики... похитить с этого склада... или другого... например, ящик или два дефицитного лекарства?

К Марвичу повернулись красные, без ресниц глаза.

— Исключено, мил-человек. Может, с непривычки покажется, что здесь хаос, а я каждый ящик в лицо знаю. Потом... что ж грузчики? Они люди рабочие и честь свою имеют, зачем им красть? И наконец, что? На этом складе витамины-драже, салициловые препараты, сахар-пудра — даром никому не надо. Спирт?.. Есть немного, тонны полторы. Пойдемте посмотрим.

Они долго шли мимо больших и малых ящиков.

Егорычев, бормоча под нос, сосчитал запыленные двадцатилитровые бутыли в деревянной обрешетке, громоздящиеся у дальней стены, потом показал Марвичу накладную.

— Смотрите, семь рядов по десять бутылей, всего — тысяча четыреста килограммов. Сверяйтесь.

— Все точно. Но меня больше всего интересует тот склад, что у железной дороги.

— А, шестой...

Они вышли из склада. Егорычев, заперев дверку большим висячим замком, вдруг резко, словно почувствовав изучающий взгляд Марвича, повернулся:

— Что, товарищ, запугал я вас своей личностью?

— Да нет, что вы...— замялся Марвич.

— Знаю, знаю, не вы первый. Ничего. Смотрите, запоминайте, чтобы знали, какая она — война. Кто по званию будете?

— Лейтенант.

— Вот и я лейтенант. Бывший. Командир танка лейтенант Егорычев. Дважды раненный, трижды жаренный командир «тридцатьчетверки»... Три танка поменял, до Берлина дошел, а в последнюю неделю войны какой-то ополоумевший от страха пацан-фаустник так шарахнул наш танк, что пришлось потом три года по госпиталям кочевать. Лицо кое-как из заплаток составили, в горле дырка осталась, как говорить — затыкай пальцем. А все равно жив Егорычев! И еще троих Егорычевых рощу! Единственно, что — сижу вот подальше от людей, чтоб детишки не пугались да чтоб война им

проклятая не приснилась ненароком... А сейчас пойдем посмотрим шестой склад.

— Да, пожалуй, не надо,— сказал Марвич, смутившись.— Вижу, у вас — порядок идеальный.

— Ну нет уж! Дело надо доводить до конца. В шестом — ничего ценного нет, одни неликвиды да всякий хлам, надлежащий списанию. Я там неделю не был.

Массивная дверь отворилась медленно, с противным писком.

— Когда-то был главный склад,— проходя вперед, сказал Егорычев.— Это когда по железной дороге грузы подвозили, а сейчас машинам подъезд неудобен, вот и хранится здесь то, что никому не нужно, а выкинуть жалко. Ну ничего, скоро списание, половина пойдет на свалку.

Марвич огляделся. Рядом с лопнувшими мешками, грудами ржавых деталей, покореженными коробками высилась аккуратная пирамида нераспакованных приборов; судя по сохранившимся в памяти остаткам школьной физики, это были осциллографы.

— И их тоже на свалку? — удивился Марвич.

— А куда ж? — равнодушно произнес Егорычев.— Раз они на заводе без надобности... Давно хранятся, устарели небось.

— Но, может быть, где-то осциллографы нужны позарез! Передали бы. Или — в школу.

— Чудак вы, лейтенант, право слово! Да кто будет этим заниматься, когда проще списать?

Конечно, так проще, подумал Марвич. Разбить кувалдой, разрезать на куски, сжечь, и поставить в ведомости галочку, и лечь спать с чувством выполненного долга. Как-то вместе с другими членами комиссии по списанию ему пришлось кромсать ножницами чуть замасленные, но совершенно целые полушубки, которые списывали по истечению срока носки. Бессмысленное и унизительное было занятие. Ведь, кажется, можно было продать эти полушубки сотрудникам, даже раздарить в конце концов... Нет, не положено!

— Да что вы смущаетесь? — скупо усмехнулся Егорычев.— Разве только осциллографы? Вон бязь лежит подопревшая, поролон, куски телекабеля — много такого, что могло бы пригодиться в хозяйстве. Но — мелочи. А кто будет заниматься мелочами, когда завод дает продукции на миллионы?

Равнодушие — вот основа многих наших бед, ржа, которая может разъесть любое доброе начинание, думал Марвич. Кто-то равнодушный вначале закупил без меры, без истинной необходимости, лишь бы истратить фонды. Другой — такой же равнодушный — не использовал вовремя эти осциллографы, бязь, кабель, оставил лежать их мертвым грузом. Третий хранил их как попало, четвертый спишет — и все правы, все регулярно получают премии. А если отсюда что-то украли, тоже волноваться не будут — спишут...

Марвич внимательно осмотрел все шесть дверей одну за другой. Скорее это были не двери, а массивные ворота, которые открывались наружу. На одной створке посередине был закреплен пронизанный осью здоровенный брус, который в вертикальном положении не мешал открывать ворота, а повернутый горизонтально, входил концами в две кованые скобы и таким образом служил простым, но надежным запором. Снаружи повернуть его было невозможно.

Возле последней двери, выходящей как раз на железнодорожный переезд, Марвич насторожился: мусор на полу был прочерчен бороздами, словно что-то тяжелое тащили волоком.

— Эту дверь открывали,— сказал он неуверенно.

— Точно,— успокоил его кладовщик.— Я ее отворил на прошлой неделе, чтобы светлее было.— Он показал рукой в сторону противоположной стены.— Видите, вон там старые станки, столы поломанные, негодное оборудование — готовили к списанию, вот я двери и открыл, чтобы номера записать.

— И сами такие тяжести перетаскивали?

— Ну что вы! — рассмеялся Егорычев.— Целая бригада полдня работала.

— Ваши рабочие?

— А, конечно ж, наши.

— Может, вспомните, кто именно?

— Боюсь, всех не упомню. Но ежели надо, можно сверить у бригадира. Наряд-то он закрывал.

Над этой же дверью в узком, похожем на бойницу оконце было выбито стекло, осколки валялись на полу; Марвич нагнулся и присвистнул: излом стекла был чист. Какие-то пока неясные нити сходились именно к этой двери.

— Давно выбито стекло? — спросил он.

— А бог его знает,— скучая, ответил Егорычев.— Мальчишки, похоже, баловались. Через окно-то все равно и кошке не пролезть.

— Ну, кошка, положим, пролезет.

Марвич еще раз принялся осматривать дверь. Сшитые болтами смоленые плахи были несокрушимы, гайки намертво зажала ржавчина, к ним явно никто не прикасался. Он одной рукой потянул дверь на себя за скобу, а другой толкнул кверху брус, тот повернулся удивительно легко. Странно, в торец бруса почти полностью был вколочен новенький гвоздь, шейка его поблескивала, словно ее отполировали. Никакой пользы этот гвоздь принести не мог. И такие же как будто бесцельно вбитые гвозди он обнаружил в двери как раз на уровне оси запорного бруса — один вверху, другой внизу.

Егорычев долго чесал в затылке, хрипел и кашлял.

— Понятия не имею,— сказал он после длительного раздумья. Одно точно: никаких гвоздей я не вбивал.

Срочная ревизия, проведенная на складе, обнаружила недостачу шести тюков с фильтрами производства японской фирмы «Тошиба». Фильтры хранились десять лет, были подготовлены к списанию, а что они из себя представляли, никто сказать не мог. Главный технолог завода предполагал, что скорее всего это были полистироловые диски, наполненные гранулами химического дезактиватора. Звучало солидно, но Марвич ему не поверил хотя бы потому, что подобные диски никому не нужны, их не оденешь, не продашь.

11

— Что ж, можно считать, кое-что есть. Первый круг замкнулся,— сказал Пряхин и двинул к Марвичу стеклянную пепельницу.— Курите.

Это был знак высшего расположения, ибо сам Пряхин не курил и не любил, когда другие отравляют воздух в его кабинете. Марвич оценил начальственное одобрение и с благодарностью кивнул.

— Спасибо, Николай Павлович, не курю.

— Ну, тогда молодец!

Сидевший в стороне Фатеев подтянул к себе пепель-

ннцу, повертел в руках, посмотрел сквозь прозрачное дно на свет н с сожаленнем толкнул обратно по гладкой поверхностн стола.

— Он у нас вдвойне молодец, Николай Павловнч. Раскрутнл дело с покушеннем на Лукашнна в хорошем стнле. Культурно. Так что, думаю, пора лейтенанту бежать за шилом — протыкать в погонах дыркн под новые звездочки... Осталась, правда, одна досадная мелочь: надо разыскать преступника.

— Да, еще пахать н пахать,— кнвнул Пряхин.— Но теперь мы, по крайней мере, знаем, что на фармзаводе похнщены японскне фнльтры... Кстати, вы не сказалн, что онн собой представляют. В моем пониманнн фнльтр — это основная деталь протнвогаза: уголь, какая-то вата, ну, может быть, песок. А чем японскнй песок лучше русского?

— К сожаленню, толком ннкто не знает. Закуплены этн фнльтры десять лет назад, пока нх получилн, сменнлась продукцня; нз нннженеров, работавшнх тогда, остались только днректор да Лукашнн...

— Лукашнн? — прервал его Пряхнн н прошелся по кабннету, поглажнвая на ходу бритую голову.— Это уже теплее. Вот цепь н замыкается по первому кругу... Без большой натяжкн можно предположить, что японскне фнльтры былн вынесены нлн, скорее, вывезены с заводского склада в четверг прнмерно в девять — девять двадцать утра. Лукашнн, который как раз в это время подходнл к забору, пытался, вндимо, препятствовать ограбленню, н однн нз преступнннков — а было нх, наверное, не меньше двух, потому что, скорее всего, тюкн вывезены на машине — выстрелнл в него. Кто был этот стрелявшнй? С достаточной долей вероятности можно предположнть, что он н вор, укравший у Барановой чемодан с пистолетом,— одно лнцо, в этом Валерий Сергеевнч прав. Конечно, теоретнческн может быть, что однн украл пнстолет, передал другому... Но оружие у этой, прямо сказать, не лучшей категорнн людей создает нллюзню снлы, расстаются они с ним неохотно, так что подобная снтуация встречается редко. Будем счнтать, что вор — слесарь н жнвет в нашем городе. Теперь встает вопрос: как преступнкн проннклн в запертый склад н как закрыли его за собой? У Валерия Сергеевнча есть любопытная версня на этот счет.— Он повернулся к Марвнчу.— Покажите еще раз вашу схему.

Марвич вынул из папки лист бумаги и повернул его к присутствующим.

— Как раз напротив места, где находились украденные тюки с фильтрами, расположена четвертая дверь. Рядом — окно с выбитым стеклом. По данным научно-технической экспертизы, стекло было разбито не более двух недель назад. На рисунке представлена возможная примитивная система управления запором. Гвоздь, вбитый в торец бруса, служил точкой опоры, а гвозди в двери — своеобразными блоками. Если за гвоздь в торце зацепить петлей прочную бечевку, перекинуть ее через верхний и нижний гвозди, а концы вывести в окно, то, потянув за верхнюю тягу, мы повернем брус до вертикального положения, и дверь откроется. Потянув за нижнюю тягу, можно ее таким же образом закрыть, а затем и вытащить бечевку. Такой вариант вполне реален, если использовать, например, толстую полиамидную жилку толщиной один-полтора миллиметра. И скользит легко, и разорвать невозможно. Вот так мне видится процесс открывания-закрывания склада.

— Ох, лейтенант, лейтенант,— вздохнул Фатеев.— Какой эксперт в тебе пропадает!

Стемнело. Пряхин открыл окно, и кабинет сразу наполнился комариным писком.

— Ишь ты,— сказал подполковник, отмахиваясь.— Вот что значит теплое лето и болото рядом. Комары намекают, что пора закругляться... Значит, план действий таков: Фатеев ищет слесаря, работа большая, подключим к нему еще двух товарищей и ДНД. Марвич, если врачи позволят, побеседует с Лукашиным, акцент — машина, люди в ней и, главное, что это такое японские фильтры? И, конечно же, надо еще и еще раз хорошенько пройтись по заводу, наверное, кто-то из заводских, в отличие от администрации, разобрался в ценности фильтров.

С утра Лукашина возили на рентген, потом брали анализы, потом откачивали воздух из плевральной полости, было больно, но он терпел и лишь после обеда позволил себе расслабиться. Голова болела все сильнее, и он попросил у сестры таблетку снотворного.

— Вы бы, Иван Семенович, потерпели до вечера,— жалея его, сказала сестра.— А то опять приснится бог

весть что, всю палату криком переполошите и сами до утра не заснете.

Лукашин стремился ко сну не из-за отдыха; казалось, вот успокоится, прояснится голова и вспомнится все до конца — ведь возник уже из небытия нахальный рыжий таксист, неожиданный покой похожей на сельскую Омской улицы, вспомнилась даже боль в пояснице, когда он пролезал через дыру в заборе. Но что было дальше?

Он закрыл глаза в ожидании таблетки, а когда открыл, увидел сидевшего рядом на белом больничном табурете симпатичного серьезного молодого человека в серой форменной рубашке, прикрытой накинутым на плечи халатом.

— Лейтенант Марвич,— представился молодой человек.— Занимаюсь вашим делом. Очень надо с вами побеседовать, если вы можете, конечно...

Лукашин чувствовал, как тупые клещи опять сдавили затылок. Говорить не хотелось, но ведь надо, а раз надо, значит, можно и нужно себя заставить.

— К сожалению, я почти ничего не помню,— сказал он.— Торопился на работу, сел в такси, доехал до Омской — все, дальше провал. И лучше не пытаться вспомнить — раскалывается голова.

— Я вижу, вам трудно,— заторопился Марвич.— Я задам вам несколько наводящих вопросов, а вы постарайтесь на них ответить. Не получится — значит, в другой раз... Вначале я продолжу ваш рассказ. Вы торопились, хотели попасть на территорию завода не совсем обычным путем, через лаз в заборе, и тут вдруг увидели... что?

— Да, да... именно. Там я увидел...— Лукашин зажмурил глаза.— Нет, не помню!

— Машину?

Лукашин порывисто сел в кровати и от возбуждения задышал часто и нервно. Наконец-то сдвинулась проклятая шестеренка в мозгу!

— Совершенно точно! Там стояла машина, борт ее был откинут!

— Марка машины?

— Ну, в этом я не разбираюсь, но из старых... На номера не обратил внимания.

— Вы к ней подошли?

— Нет. Я шел мимо... шел мимо и вдруг на тюках,

что лежали в кузове, заметил японские иероглифы. Я сразу узнал фильтры, которые с таким трудом выбил десять лет назад. Правда, все эти десять лет они не понадобились. Но ведь им цены нет! Это было сплошное безобразие, я возмутился, подошел к машине и закричал, чтобы фильтры сгрузили немедленно обратно, пока я не переговорю с директором.

— А кому вы это кричали?

— Их было двое. Одного я не видел... то есть видел только ноги, он стоял по другую сторону машины и поднимал борт, а другой стоял в кузове спиной ко мне. Вдруг он повернулся — что-то острое ударило меня в грудь, а дальше — уже больница.

— Как он выглядел? Молодой? Средних лет?

— Н-не помню... Кажется, молодой... Да, да, на нем была оранжевая или красная рубашка... или у меня в этот момент в глазах полыхнуло красным, не знаю... Извините, устал.

— Да, да, конечно,— Марвич торопливо стал укладывать бумаги обратно в папку.— Извините, последний вопрос. Что такое японские фильтры?

— Они предназначены для фильтрации соединений, растворяющихся в органических растворителях, например в бензоле.

— Понятно. А как они выглядят в натуре?

— А-а... Представьте себе метровые круглые пластины тончайшей замши. Их монтируют в установке и под давлением прогоняют через них раствор.

— А другого применения для них нельзя найти?

— Не знаю... Бензин можно фильтровать...

12

У Фатеева и его группы дела не ладились. В промышленном городе с трехсоттысячным населением молодых слесарей хватало, и найти среди них одного, даже если у него имелась оранжевая рубашка, задача не из легких. Среди частных домовладельцев одинокая тетка с племянником не значились, а, может быть, их дом уже снесли — город строился быстро. Проверка через военкоматы тоже ничего не дала. ГАИ по путевым листам выясняла маршруты и время выхода в рейс всех бортовых машин, работавших в этот день.

Марвич не один час провел в отделе кадров, знако-

мясь с личными делами. Разные на заводе были люди; были и такие, которые не могли похвастаться безупречностью анкеты и ангельским поведением, но к краже фильтров и покушению на Лукашина они отношения не имели, а те, кто имел доступ к складам, вообще были вне подозрений. Оставалось поговорить с бригадиром грузчиков, но он был в отпуске.

— Теряем темп,— не уставал повторять Пряхин.— Пока что преступники, вероятно, выжидают, но стоит им сбыть с рук хотя бы часть замши, получить в руки «живые» деньги, и они сразу же, поверьте моему опыту, сорвутся с места, упорхнут на юг, в Ригу, в Москву — попробуй, разыщи их...

Дачный кооператив «Фармацевт» находился на окраине города; при западном ветре накрывал его дым труб ТЭЦ, летел мимо по Челябинскому тракту, воняя бензином, поток машин, но за сетчатыми воротами истомленного горожанина встречала податливая мягкость песчаных дорожек, тихий шелест листвы, запах разогретой малины; разноцветные, похожие на игрушечные, дачки казались прибежищем для ласковых гномов. Хорошо было в дачном поселке.

Домик бригадира грузчиков оказался крайним, лишь ровная шеренга молоденьких тополей защищала его от прохладного, дующего с озера ветерка.

На стук, протирая заспанные глаза, вышел хозяин дачки. Он был широк в плечах, могуч, на груди кучерявился густой волос — таким и должен быть бригадир грузчиков. И фамилия соответствовала — Быков. Узнав, зачем приехал Марвич, он оживился и, опасливо озираясь на двери дачки, зашептал почти на ухо:

— Слушай, друг, забери меня отсюда на денек, а? Скажи ей,— он кивнул в сторону двери,— что без меня вам никак не обойтись. А то спасу нет, только и знаешь, что в цветочках-ягодках копаться да спать после обеда. На рыбалку — нельзя, к друзьям — нельзя! Будь мужиком: уважь!

Мужская солидарность — не пустой звук. Через час Марвич с Быковым сидели в пивбаре и потягивали из запотевших кружек холодное пиво.

— Мои грузчики — ребята настоящие, золото будет — не возьмут,— твердо сказал Быков, выслушав лей-

тенанта.— А вот бичи — те могут, те за бутылку мать ограбят.

— Какие бичи?

— Которые осужденные на пятнадцать суток. Их к нам пригоняют двор убирать, на стройку — перенести-поднять... Правда, говорят, это дело собираются отменить.

— Так не со двора же вывезли фильтры, а со склада, куда они доступа не имеют.

— А поточнее: с какого склада?

— С шестого.

— С хламидника? Они там и вкалывали! Моим грузчикам резона нет старье с места на место перекладывать, на сигареты не заработаешь.

— И много пятнадцатисуточников там работало?

— Точно не скажу, меняются почти каждый день. И потом они все как-то на одно лицо — серые... Надо подумать.— Быков сдул пену и одним глотком отпил полкружки.— Вот что, познакомлю-ка я тебя с Философом.

Философ жил в старом, покосившемся домике; похож он был на земского врача или учителя чеховских времен, и это сходство явно сознательно подчеркивалось старомодным пенсне и соломенной шляпой с твердыми полями, однако блеск стекол не мог скрыть мутность глаз, нездоровую серость кожи.

— Чего уставился?! — Философ исподлобья глянул на Марвича.— Да, я алкоголик! Свободный алкоголик! Думаешь, ты лучше? Ты раб. Раб тачки, к которой прикован! Я же свободен в мыслях своих и поступках, ибо отрешен от собственности, которая висит на шее.

— Блестяще! — сказал Марвич.— Не хуже, чем в театре. Горький «На дне»... Но о собственности поговорим потом. Мы к вам за помощью. Скажите, когда вы, отбывая пятнадцать суток за хулиганство, работали на химфармзаводе, там не произошло что-нибудь... Необычное?

Философ возмутился до глубины души.

— Мои пятнадцать суток — позорный факт в деятельности нашей милиции. Беззаконие!.. Ну, ладно,— сменил он гнев на милость.— Я их прощаю! Что же касается завода, то там валяется без присмотра столько добра, что не красть может только безрукий.

— Вы не преувеличиваете?

— Ничуть! Огромные костры из ящиков! Мешки с цементом и алебастром под открытым небом, куча тюков с импортной замшей, наверно, английской,— своими руками ее сложил, подготовил к сожжению. Значит, опять сожгут наши с вами деньги! Огромные деньги! А тут недельку не выйдешь на работу, уже бежит участковый: «Тунеядец! Тунеядец!» Да я за одну эту замшу мог бы выпивать до конца жизни!

— И вы, конечно, не молчали?

— Разумеется. Я возмущался, я протестовал! Обратился даже к дежурному милиционеру, но ведь никому нет дела до общественного добра...

— Да,— произнес Марвич, вставая.— Насчет общественного — это вы хорошо сказали. Главное — вовремя. Мы вас, наверное, еще вызовем. Не волнуйтесь, в качестве свидетеля.

Придя в отдел, Марвич затребовал списки всех, кто последний месяц трудился под милицейским надзором на фармзаводе. Пестрый это был люд: завсегдатаи и случайные командировочные, сапожники и токари, врач и часовой мастер — попробуй зацепи в этом калейдоскопе того единственного, кто решился ради нескольких тюков замши выстрелить в человека.

13

Фатеев пришел сияющий: слесаря он «вычислил».

— Так вот,— рассказывал он Марвичу,— подключил я к этому делу облсовпроф, и мы прочесали весь город на предмет выявления самодеятельных художников. И выяснилось: на одном карликовом автотранспортном предприятии, громко именуемом АТП-1, скромно трудится слесарем по ремонту — слышишь: слесарем! — твой тезка Валерий Ситников, который не только регулярно оформляет стенгазету, но и играет в духовом оркестре.

— На чем?

— По-моему, это к делу не относится. Не перебивай... Живет в общежитии, раньше жил на частной квартире, есть ли тетка — пока неизвестно. Характеризуется гражданин Ситников весьма обтекаемо: работает средне, то есть не хуже, но и не лучше других, но уж больно любит подкалымить. Другие слесаря тоже не ангелы, однако, когда пропадают дефицитные детали,

все грешат на Ситникова. А внешне развязный, но обходительный, с дежурной улыбочкой.

— Все это лирика,— сказал Пряхин, когда Фатеев ему обо всем этом доложил,— Баранова его опознала?

— Да ну их, этих женщин! — огорченно махнул рукой Фатеев.— У нее, видите ли, плохая зрительная память. Мусолила фотографии целый час и ничего определенного не сказала. Подруги, те вообще с трудом вспоминают эпизод в вагоне... Ладно, думаю, Ситников — завсегдатай танцплощадки в горсаду, схожу-ка я туда вместе с Барановой, пусть они столкнутся, словно невзначай. Живой человек все-таки не фотокарточка, может, она и опознает, да и его реакцию интересно понаблюдать. С трудом уговорил Баранову... Ждали мы недолго. Появился Ситников с какой-то девицей, прошел мимо нас, окинул Баранову безразличным взглядом, и ни одна жилка на его лице не дрогнула. И она не может сказать ни да, ни нет.

— Не огорчайся, Володя,— сказал Пряхин.— Ее показаний все равно недостаточно, к ним нужен еще пистолет... Вы его пощупали?

— Конечно! Но джинсы — не та форма, чтобы таскать в них такую бандуру, и вообще она, разумеется, спрятана подальше. Дурак он, что ли...

— А что Лукашин?

— А Лукашин помнит только красную рубашку, для него Ситников — пустое место.

— А машину Ситников не брал?

— В тот печальный четверг был день техосмотра. До двенадцати ноль-ноль ни одна машина из гаража не выезжала.

— Но машина была...

Пряхин прошелся по кабинету, остановился за спиной сидящего у стола Фатеева и положил руку ему на плечо.

— Значит, так: будем ждать, пока на горизонте не появится замша. Придется дать ориентировку по всей стране, но, думаю, что долго выжидать не придется: вряд ли преступники удержатся, чтобы не превратить хотя бы часть украденной замши в деньги... Конечно, могут возникнуть трудности с идентификацией, но тут уж слово за экспертами.

— Экспертиза? — встрепенулся Марвич.— Так ведь есть Лукашин!

— Правильно! — подхватил Пряхин.— А кроме того, понаблюдайте потщательнее за Ситннковым.

Сегодня впервые Марвич застал Лукашнна уже сидящим на скамейке возле клумбы, рядом лежали раскрытый блокнот, ручка, а сам он со счастливым выражением мечтательно глядел в небо.

— Хорошая штука — жнзнь! — сказал Лукашин так, будто продолжал прерванный разговор.— И хорошо чувствовать себя здоровым, нормальным человеком, который еще может потрудиться! Великолепное ощущение...— Он на миг сощурнл глаза.— А у вас что-то случилось, и это сразу вндно: какой-то отсутствующий взгляд.

— Надо искать замшу,— сказал Марвич.— Ну а еслн найдем, как доказать, что она та самая?

— Ну да, главное — замша, человек потом... Впрочем, извиннте, неудачно сострил... А если бы был образец?

— Об этом можно только мечтать!

— Тогда скажите спасибо старому скопндому Лукашину, который ннкогда ннчего не выбрасывает. Когда велась перепнска с фнрмой, были присланы образцы, они у меня в сейфе.

14

На бескрайней зауральской равнине зрела пшенница. От горизонта до горизонта ветер гонял серо-зеленые волны, редкими парусами плылн по ним березовые колки. Дорога крутилась, убегала вдаль, и районный поселок Иванково вынырнул неожиданно.

Администратор гостнницы, красивая круглолицая татарка, встретила Марвича, как дорогого гостя, это было необычно и трогательно, и, когда она начала расспрашивать его о цели приезда, Марвнч долго чувствовал внутреннюю неловкость оттого, что прнходнтся говорить неправду хорошему человеку. Он даже отказался от предложенного ею чая, но выяснилось, что единственная столовая уже закрыта, и прнглашенне пришлось принять.

За чаем разговорились. Женщина долго распространялась о трудностях жизни в райцентре, о том, как сложно ей было устроиться в гостиницу, хотя вообще-

то она портниха, но вот пришлось идти работать сюда. Почему-то ей это казалось очень обидным.

— Постойте! — перебил ее Марвич, поворачивая разговор в нужном направлении.— Я сам видел буквально в двух шагах от гостиницы новый двухэтажный Дом быта и в нем швейное ателье. Что ж, там не нашлось работы?

— Директор слишком деловой,— с затаенной обидой произнесла женщина и принялась собирать со стола посуду.

— Это как понять «деловой»?

— Что ж тут понимать...

Марвич понял, что затронул больное место, и, чтобы сменить тему, с пылом горожанина стал восхищаться идиллическими прелестями сельской жизни: тишина, покой, все друг друга знают. И за модой в селе не так гоняются, наверное, легче раздобыть что-нибудь дефицитное, например, дубленку или пыжиковую шапку... Нет? Странно. А вот один товарищ привез из Иванково замшевый пиджак и такое же пальто для жены. В сущности, он, Марвич, только за этим сюда и приехал.

— Э-э, да вы, видно, тоже «деловой», — сказала администратор и протянула ему ключ.— Могу дать совет: найдете с директором Дома быта общий язык, будет вам и белка, будет и пиджак.

Стены директорского кабинета наполовину были обшиты полированным деревом, массивный стол занимал почти полкомнаты, а за столом с башенной невозмутимостью восседал упитанный мужчина, который даже глазом не повел в сторону вошедшего Марвича,— уж слишком был занят.

— Кто такой? Что надо? — спросил он наконец.

— Видите ли,— Марвич скромно опустил глаза.— Формально я здесь в командировке, но, кроме того, попутно, мне бы очень... очень хотелось пошить у вас замшевый пиджак... такой, знаете ли, с двумя разрезами.

— Замшевый? — перебил его директор.— Да вы что, с лу́ны свалились? Откуда у нас замша?

— Я понимаю, сложно,— вкрадчиво продолжал Марвич.— Но... иногда можно изыскать возможность. И, конечно, я в долгу не останусь...

— Нет, нет, что вы,— в каменном лице директора прорезалось что-то человеческое.

— Мне кажется, мы могли бы найти общий язык.

Обратиться к вам мне рекомендовал Лев Захарович Каменецкий, правда, он просил не называть его имени, но...

Говоря это, Марвич лишь немного отступил от истины. Гражданин Каменецкий ничего и никому не мог рекомендовать, ибо в настоящее время находился под следствием за чрезмерную любовь к приобретению ценностей способами, упомянутыми в уголовном кодексе. И попался он на спекуляции замшевыми пиджаками, сшитыми именно в этом Доме быта.

— От Каменецкого...— Директор постучал карандашом по столу и поднял кверху глаза, как бы высчитывая нечто чрезвычайно сложное.— Трудно... но постараемся вам помочь... Так вы говорите — один пиджак?

— Пока один. Надо посмотреть...

— Угу... Кажется, один найдется. Заказчик отказался...

Директор Дома быта раскис на первом же допросе. Он все время хватался за сердце и напирал на необходимость выполнения плана при отсутствии сырья и на свои переживания по этому поводу. Поэтому-де он и не сумел удержаться, когда неизвестный гражданин предложил ему замшу по бросовой цене. Неизвестный не хотел ждать, а за полдня директор сумел набрать по знакомым только полторы тысячи рублей, надеясь, разумеется, в короткий срок вернуть их с лихвой. Внешность неизвестного он описал весьма неопределенно: немолодой кореастый мужчина с короткой стрижкой, во рту слева золотой зуб.

— Вот и выплыл напарник Ситникова, если, конечно, именно Ситников похитил пистолет,— сказал Пряхин.— И, скорее всего, не напарник, а хозяин. Денег он хапанул мало и теперь будет срочно искать рынок сбыта, то есть швейные ателье, портных-частников. В этом направлении и следует ориентироваться...

15

Пришел сентябрь с прозрачными, пронизанными тихим светом днями. К элеватору день и ночь тянулись вереницы груженных пшеницей машин. На углах старухи торговали грибами, ранетками, черноплодной рябиной. Но уже желтели, готовясь к зиме, березы, по ночам подмораживало, и пару раз пробовал силы молодой снежок.

А золотозубый — так между собой прозвали сотрудники отдела неизвестного, продавшего директору иванковского Дома быта замшу,— словно исчез и испарился, никаких вестей о нем не было. И Ситников вел себя удивительно примерно, если не считать мелкой спекуляции запчастями, но этим он, как выяснилось, занимался и раньше, в подозрительные контакты ни с кем не вступал.

Марвич замкнулся в себе и ходил мрачнее тучи. Фатеев пытался по привычке подшучивать, но и он вскоре иссяк. Пряхин помалкивал.

И вот однажды пришла телеграмма из Сухуми. Скупой телеграфный текст гласил, что к одному из сухумских закройщиков обратился неизвестный, схожий с разыскиваемым по ориентировке. Предложил приобрести дефицитный товар: не то замшу, не то тонкую кожу.

— Это он! — загорячился Марвич.— Надо лететь завтра же! Разрешите командировку, товарищ подполковник.

— Может быть, он, а может, и другой. Возьмут и без нас... И потом...

Марвич с изумлением заметил, что его всегда невозмутимый начальник, не раз бравший один на один вооруженного бандита, в некотором замешательстве.

— Видишь ли, Валерий Сергеевич, по уму, по логике ехать надо, но — Сухуми, бархатный сезон!.. Да ни один ревизор не поверит, голову с меня снимут за эту командировку! Не знаю, что и делать...

Несколько минут они сидели молча. Потом Марвич пожал плечами, достал из лежавшей перед ним папки лист бумаги и, написав несколько строк, протянул его Пряхину.

— Прошу, Николай Павлович!

— Что это?

— Заявление об отпуске.

Самолет улетал под вечер, но с утра Марвич стал собираться. Он не любил торопиться, никогда не опаздывал и не мог понять, как это можно забыть что-нибудь в спешке.

В разгар сборов пришла Катерина, взяла со стола билет, повертела в руках, бросила обратно.

— Куда это мы?

— В отпуск, дорогая, в отпуск... А почему ты дома в рабочее время?

— С завода я ушла,— сказала Катерина, скорчив презрительную гримаску.— Не хочу быть палочкой.

Марвич оторвался от чемодана и потряс головой.

— Какой палочкой?

— А чего тут непонятного!.. Третий месяц мою пробирки под краном, и больше ничего. И то два-три часа в день... Ну, я обратилась к старшей лаборантке: что ж, говорю, я разве для того десять классов окончила, чтобы пробирки мыть, я могу что-нибудь и посерьезнее. А она смеется: так мы, говорит, могли б и без тебя прекрасно обойтись, но место лаборанта по штатному расписанию пустовало и к концу года его могли срезать, вот тебя и взяли, чтоб палочка в графе стояла, а не прочерк. Обидно, Валера, быть палочкой... Нет, такая работа не для меня.

Катерина ушла. Марвич опять занялся укладкой чемодана, но тут в комнату впорхнула Нина Аркадьевна, Катина мать. Она всегда так входила, словно появлялась из-за кулис, и в молодости это выглядело, возможно, довольно эффектно; к сожалению, Нина Аркадьевна не учитывала, что грациозность с годами убавляется.

— Валерочка,— запела она, снимая с него невидимые пылинки.— К тебе будет маленькая просьба... которая тебя совершенно не затруднит. Катенька сказала мне, что ты летишь в Сухуми, и это просто великолепно! Ты возьмешь ее с собой.

— Нина Аркадьевна,— пытался сопротивляться Марвич,— у меня... не совсем отпуск... то есть не только в отпуск. У меня в Сухуми серьезное дело.

— Господи! — Нина Аркадьевна источала мед.— Естественно, в твоем возрасте все дела серьезные! Как я это хорошо понимаю... Какие серьезнейшие дела были у меня в твои годы! В том же Сухуми... Ну, да что теперь говорить... Я тебя, как друга нашей семьи, прошу только об одном: доставь Катеньку к моей старой подруге, и пусть она отдыхает... Билет будет через час.

Уже в аэропорту Марвич понял, что соглашаться не следовало. Провожавший его Фатеев, покосившись на Катерину, ничего не сказал, но в его глазах запрыгали некие огоньки: было ясно, что эта сцена им зафиксирована и будет преподнесена всему отделу по высшему классу.

В Адлере их встретил сотрудник Сухумского гор-

отдела, горбоносый, прожаренный солнцем парень, с лица которого не сходила улыбка.

— Симон,— представился он.— Очень рад... Правильно сделал, лейтенант, что взял с собой жену. Такую красавицу оставлять опасно — украдут! Я бы обязательно украл!.. Только почему стеснялся? Почему не предупредил, чудак-человек? Номер на одного в гостинице подготовили. Но, ничего, уладим... Одну минуточку!

Он оставил их возле машины и через минуту прибежал с букетом цветов. Катерина млела от удовольствия, а Марвич хмурился: комедия продолжалась и остановить ее не было никакой возможности...

— Гостиница «Абхазия»,— сказал Симон, когда въезжали в Сухуми.— Здесь будем жить... Виноват, только спать. Завтракать-обедать будем у меня.

Марвич перебил его:

— Сначала заедем на Мингрельскую. Катерина будет жить там.

— Слушай, ничего не понимаю! — Симон в недоумении развел руками.— Может, сейчас так модно: муж и жена по разным адресам, а?

16

Закройщик Вано Тохидзе был точен и явился в горотдел ровно в девять. Курчавые волосы были еще мокрыми от морской воды, тонкая рубашка-сеточка плотно обтягивала мощную грудь, мускулистые руки пловца выглядели непомерно большими. Марвич по-хорошему позавидовал, что можно вот так с утра, до работы сбегать на море и всласть поплавать, потом полдня чувствуешь себя как на пружинах.

— Я все уже рассказал нашим товарищам,— сказал Тохидзе.— Не знаю, зачем вызвали.

— Хотя бы затем, чтобы я мог с вами познакомиться,— сказал Марвич.— Очень меня интересует ваш новый знакомый.

— Не знакомый он мне! Совсем чужой!

— Пока будем так его называть... Вы не задумывались, почему он обратился именно к вам?

— Не знаю.

— Может быть, вы шьете что-то особенное? Или, допустим, вас считают... ловким, деловым человеком?

— Э-э, дорогой, не надо меня обижать... Не надо!

Ты комсомолец и я тоже! И, кстати, член горкома комсомола. Понятно? А вот особенное... Я больше работаю на молодежь: джинсы там под фирму, пиджак кожаный, костюм вельветовый — ну, у нас юг, народ фасон любит, сам понимаешь...

— Да, теперь понятно. Когда и где вы с ним должны встретиться?

— Сегодня в девять вечера возле ресторана «Светлячок».

— Договоримся так, Вано: во-первых, вы должны показать ему свою заинтересованность, но не сразу, а постепенно, с оговорками, чтобы он видел, что имеет дело с осторожным человеком.

— Во-первых, я бы с удовольствием дал ему в морду, чтобы меня, мастера спорта Вано Тохидзе, какой-то подонок не считал таким же жуликом, как он сам!

— Увы, такого удовольствия мы вам разрешить не можем... Во-вторых, в конце разговора вы скажете, что, к сожалению, не располагаете требуемой суммой денег, но можете устроить встречу с более солидным покупателем. Этим покупателем буду я.

— Да извинит меня наш уважаемый гость,— заговорил сидевший рядом Симон,— надеяться только на то, что Тохидзе заинтересует Продавца неизвестным ему солидным покупателем недостаточно. Тохидзе — человек прямой, не артист. Скажет что-нибудь невпопад, и тот скроется, очень трудно искать будет. Продавец — хитрый человек, очень хитрый. Свидание назначил возле «Светлячка» на горе, там в это время уже темно и никого нет, туда пешком не ходят, на такси ездят... Он постороннего глаза боится... А все-таки увидеть его надо. Засечь... Ты мотоцикл водить умеешь?

— Умею,— сказал Марвич.

— Отлично! Берем две «Явы». Ты будешь с девушкой, я буду с девушкой — такая мотокомпания... Ни за что не заподозрит! Девушку тебе подыскать из наших... или как?

«Ну вот,— подумал Марвич,— начинается, и это ведь только цветочки. Ничего не поделаешь, крест надо нести до конца».

— Ладно,— сказал он,— возьму свою.

Ночь была чернильной густоты, и, хотя далеко внизу виднелась причудливая сетка городских огней, а чуть

выше мягко светились окна ретораиа, иссиня-черное иебо казалось непривычио близким, а звезды чересчур большими и иезнакомыми. Фигура прохаживающегося поодаль Тохидзе сливалась с очертаниями кустов, лишь изредка свет фар проносившихся машии четко обрисовывал ее. Поеживаясь от ночного ветерка, Катерина тоже прохаживалась взад-вперед. Марвич застыл как изваяние на сиденье мотоцикла, а Симон со своей подругой, кажется, всерьез выясияли отиошеиия.

Стрелки иа светящемся циферблате часов давио уже перевалили за девять, а рядом с Тохидзе никто ие появлялся.

«Неужели ие придет?» — со злостью подумал Марвич, и в этот момент рядом затормозила «Волга», открылась дверка, свет позади идущей машины иа миг вырвал фигуру высунувшегося иаружу мужчины, и сразу же темнота как бы сгустилась, а когда, секунду спустя, глаза опять стали различать предметы, Тохидзе на шоссе не было.

— Ты номер заметил?! — яростио крикиул Симон.

— Нет, слишком темно,— Марвич, соскочив с мотоцикла, подошел к Симоиу.— Это было такси?

— Да нет, частник проклятый!

— А я его знаю,— спокойно сказала Катерина, нюхая сорванный где-то цветочек.— Я его узиала.

— Кого?! — воскликиули одиовременно Симои и Марвич.

— Мужчину в машине. Это часовщик из иашего города. Он мне часы чииил в мастерской, что иа Кирова, семь рублей содрал...

17

Часовщик действительно был немолод и кореиаст, правда, золотого зуба в наличии не оказалось, ио, вероятио, в нужный момеит он появлялся, словио фальшивая огневая позиция. У него было мужествеииое лицо спортсмена, но в глазах мелькала настороженность. Он снял пиджак, повесил на спинку стула, и то ли от жары, то ли от волиения рубашка под мышками быстро потемнела от пота.

«Это хорошо, что он сиял пиджак,— подумал Марвич. В кармане брюк спортивный пистолет ие спрячешь. Так что, если он что и заподозрит, обойдется без стрельбы,

не успеет он выстрелить, за это уж я ручаюсь, и вообще, только стрельбы в ресторане мне не хватало...»

— Значит, договорились?—сказал он, отправляя в рот кусочек хачапури. Сыр был горяч, пропитан маслом, есть бы эту чудесную лепешку еще и еще, но надо показывать, что все привычно, все надоело, и он отодвинул тарелку. Остывали на металлических тарелках шашлыки, коркой взялась мамалыга. Хорош был ресторан «Нартаа», и хорошо было сидеть на ветерке, глядеть, как отваливает от причала черная громада «Ивана Франко», вот только компания была не та...

— Значит, договорились: товар против денег.

— Ты не болтай,—сказал часовщик, растягивая узкие губы в улыбке.— Ты скажи, откуда у тебя, молодого, такие деньги? Смотри, если думаешь устроить мне залипуху, плохо будет.

— Я не спрашиваю, откуда у тебя замша,— резонно возразил Марвич.— Допустим, за мною стоят люди... Так что не надо мне грозить. Не на-до!.. Вот это действительно может плохо кончиться.

— Ладно, ладно,— миролюбиво забормотал часовщик.— Только предупреждаю: всю сумму полностью, без уверток, без ваших восточных штучек.

Марвич поставил на стол поднятую было рюмку и брезгливо отодвинул ее.

— Слушай, давай разбежимся насовсем, а? Я тебя не видел, ты меня не знаешь... Нет, ты не деловой человек, ты — большой зануда. Пять раз тебе говорил: всё получишь, всё! Уж это я гарантирую.

...В тот же день Скаленко был задержан при передаче Марвичу злополучных тюков с замшей. Когда его садили в машину, он все еще никак не мог понять, что случилось, и с лица его не сходило выражение детской обиды. А еще через два дня громкий голос диспетчера попросил Валеру Ситникова зайти в профком для оформления стенгазеты, он с радостью бросил гаечный ключ, который держал в руках, и побежал на второй этаж, а в профкоме его вежливо приветствовали два симпатичных молодых человека. Они же отвели его в общежитие, где в присутствии двух удивленных уборщиц извлекли из его тумбочки красивый пистолет с причудливо изогнутой рукояткой.

18

Марвич смеиил леиту в магиитофоие, иабрал в ручку свежие чериила (подражая шефу, ои презирал шариковые ручки) и только хотел распорядиться, чтобы привели Скалеико, как, постучав, вошел Пряхии.

— Не возражаешь, Валерий Сергеевич, я посижу здесь, в уголочке? И Фатеев сейчас придет.

— Да что вы, Николай Павлович!— вскочил Марвич.— Садитесь иа мое место.

— Нет, иет, Валерий, сегодия твой день, ты — хозяин. А мы с Фатеевым — так, для публики...

Привели Скалеико, тут же, следом за иим, вошел Фатеев и уселся на подокониик — другого места ие было.

— Садитесь, Скалеико,— с мягкой вежливостью сказал Марвич, словно не замечая злобной настороженности часовщика.— Мы много о вас зиаем, ие все, но миого. Хотелось бы, чтобы вы сами рассказали о том, что произошло. Правду. Признаиие облегчит вашу вину и будет учтено судом... Кстати, жеиаты вы ие были?

— Не-ет. Глупости эта жеиитьба. И так прекрасно можно прожить. Зачем делить иа двоих, а потом и иа троих то, что гораздо приятией вкушать одному? Хотя, конечно, на эту тему я задумывался. Мие же, учтите, уже за сорок, кривая делает поворот киизу... Вот если бы выскочил тот единствеииый шанс, который иногда дарит судьба! Другое дело, умеем ли мы им воспользоваться... Однажды в таком задумчивом виде захожу я к одному типу по кличке Философ...

— Когда? — перебил его Марвич.— Поточнее.

— А разве это имеет зиачение? Ну, если хотите, в начале июня... Пришел я, зиачит, а ои как раз возмущался, что иа химфармзаводе, где пришлось ему трудиться пятнадцать суток, гибнет пропасть добра, и в частности подготовили к уничтожеиию шесть тюков первосортной замши. У меня аж сердце заколотилось, словно бес толкиул: вот он, единствеиный шанс!.. Но иадо было попасть на завод, сориентироваться. Пришлось пристать иа улице к одному типу. Получил пятнадцать суток за мелкое хулигаиство, а уж попасть в партию работающих на заводе было иесложио... Выясиил, что сигиализацию отключают в восемь утра, а двери склада заперты изиутри примитивиыми засовами, причем ежедиевио с девяти до девяти тридцати начальиик

АХЧ проводит пятиминутку, на которой присутствуют все кладовщики. Как открыть и закрыть засовы — дело для человека, который всю жизнь возится с тонкими часовыми механизмами, нехитрое... Четко все складывалось, одно к одному, но нужен был напарник и машина, а главное — надо было решиться, перешагнуть барьер. Поверьте, для человека, ни разу всерьез не нарушавшего закон, это было непросто. Но кому черт ворожит, тот и по трамвайному билету может выиграть десять тысяч...

Точка моя, если знаете, возле самого рынка. Забегал иногда деловой такой паренек — Валера, как фамилия — не знаю, вообще-то он запчасти частникам сбывает, а мне предлагал балансиры, оси, ушки — часовую фурнитуру. И как раз в тот день, когда я твердо решил перебороть наваждение и не встревать в эту глупость, черт его принес на мою голову! Жаловался он на плохую жизнь, под конец попросил одолжить триста рублей — магнитофон ему, видите ли, нужен, жить без музыки не может. Я смотрю на него, а в голове крутится: «Вот он, напарник»!.. «Триста рублей, говорю,— тьфу, растереть! Есть возможность закалымить кусок побольше...» Если бы он хоть на миг заколебался или удивился, я бы перевел все в шутку. Оно бы лучше было... Но он подхватил мою затею с таким пылом-жаром, что отступить было невозможно. Получался идеальный вариант с машиной: он, как автослесарь, в любой момент мог выехать за ворота автобазы якобы для обкатки, для чего путевку обычно не выписывали. Расписали мы с ним все до мельчайшей детали. Но должен же был я, старый идиот, предусмотреть, что раз этот Валера спекулянт — значит, халтурщик... Жду у заводского забора в восемь пятьдесят пять — его нет, в девять — нет, наконец в девять ноль пять появляется драндулет! Оказывается, им же отремонтированная машина никак не заводилась... За эти минуты я извелся окончательно, готов был уже отказаться от своей затеи. Но он аж взвился: «Надо ломать судьбу». Дверь открылась удивительно легко, и буквально через десять минут я уже подавал последний тюк, а Валера принимал... И вдруг я услышал крик: «Что вы делаете?! Немедленно сгружайте обратно!» Я даже не видел, кто кричал: как стоял за машиной, так и затаился. Все, думаю, погорели... В этот момент что-то негромко хлопнуло, Валера выпрыгнул из

кузова и заорал: «Скорей, гад! Поехали!». Я вскочил на подножку и, когда оглянулся, увидел, что на земле неподвижно лежит мужик, а из-под него течет кровь... Конечно, понимаю, надо было остановиться, оказать помощь, но я растерялся так, что выключился и пришел в себя только на шоссе.

— Здорово растерялись,— вставил Фатеев,— так выключились, что не забыли прибить доску, которую перед этим выломали, чтобы вытаскивать через лаз тюки. А в это время рядом умирал человек.

— Но, честное слово, в тот момент двигался я как во сне; и к тому же был твердо уверен, что тот человек мертв... то есть так мне казалось...

— Послушайте, Скаленко,— произнес Марвич в раздумье.— Допустим, кража замши выплыла бы не сразу и вас поймали бы через год или два. Как бы вы жили это время? По-прежнему чинили бы часы или серым волком метались по стране? Ведь скрыться практически невозможно.

Лицо Скаленко исказилось.

— Эх, гражданин следователь! Молоды вы еще, не дано вам понять, как жизнь песком проходит сквозь пальцы. Может, я. конечно, глупость говорю, а все же. не опоздай этот идиот на пять минут, было бы синее море, белый пароход, красивые женщины... Многое было бы... Другие, между прочим, имеют.

Пряхин усмехнулся, встал и пошел к выходу. Уже в дверях обернулся.

— Вы опоздали не на пять минут, Скаленко. Вы опоздали на всю жизнь.

СЕРГЕЙ ДРУГАЛЬ

Василиск

— Значит так, сказка будет вот о чем,— Нýри оглядел слушателей, поправил панамку на чьей-то голове, вытряхнул песок из чьей-то сандалии.

Не очень далеко, но и не совсем близко, не очень давно, но и не сказать, что вчера, жил-был пес Кузя, а по соседству через дырку в заборе тоже жил-был кролик Капусткин. Иногда они обменивались мнениями. И както пес Кузя сказал:

— Посмотри, Капусткин. Мне хозяин новый ошейник подарил. Правда ведь красиво, а?

Кролик осмотрел обновку через выпавший сучок.

— Да, ошейник тебе к лицу,—ответил он.— И цепь, которой ты привязан, тебе тоже идет. Но больше всего мне нравится, когда ты еще и в наморднике.

Капусткин так говорил потому, что он был зайцем, а притворялся домашним кроликом, чтобы в него не стреляли.

Тут и сказке конец.

Нури закинул руки за голову, шевельнул бицепсами. Самым трудным в деле воспитателя он считал необходимость сочинять сказки и сейчас гордился удачей. Акселерат и вундеркинд Алешка, случайно затесавшийся в группу малышей, одобрительно хмыкнул и сказал:

— Обрати внимание на реакцию слушателей, воспитатель Нури. Никто не усомнился в способности пса и кролика говорить. А почему? Ты не знаешь, а я знаю потому, что я ребенок и помню: во всех сказках звери говорят. Ведь сначала все были братья — и люди, и звери. И понимали друг друга. А потом люди стали плохо себя вести, звери обиделись, ушли в леса, пустыни и тундру. Белый медведь — тот вообще на льдину сбежал. А те, что остались по доброте, например, собаки, или из лени — кошки, или из слабохарактерности — коровы там и про-

чие жвачные, те замкнулись, постепенно поглупели и вообще говорить разучились. Но память о временах, когда все были в родстве, когда люди понимали зверей, в звериной душе осталась. И в человеческой тоже...

Слушатели разбежались. Нури и Алешка расставили шахматы и быстро разыграли дебют. Детская площадка, одна из многих, расположенных на окраине жилого массива океанского центра Института Реставрации Природы (ИРП), звенела голосами: детвора впитывала солнце и наливалась жизненными соками. Пахло скошенной травой и соснами, радостно лаял щенок.

— Чего я понять не могу, так это свойств памяти,— акселерат и вундеркинд Алешка сделал коварный ход конем и индифферентно отвернулся.

На стол спланировал говорящий институтский Ворон, перебрал в ящике сбитые пешки и осмотрел доску взглядом знатока. Алешка подергал его за хвост, и Ворон предостерегающе раскрыл клюв.

— Знаю, что взрослый начисто забывает о детстве. Но почему? И когда? Вот она,— Алешка поправил бант на косичке пробегавшей мимо девчушки.— Она может силой воображения и даже не напрягаясь одушевить свою куклу. Я тоже раньше мог, а теперь вот не могу. Не знаю, как ты, а я ощущаю это как потерю.

Нури сделал рокировку, привычно оглядел площадку и убедился, что все в порядке, все заняты важнейшим в жизни делом — игрой.

— Одушевляет,— согласился он.— Я тоже думал об этом. Но до какого предела, вот вопрос.

— Полагаю, пределов нет. Ведь нет пределов воображению и фантазии.

И тут из зарослей орешника, что на краю площадки, вышел человек. Не бородатый волхв, работник службы экопрогнозов, и не дровосек-дендролог, и вообще не похожий ни на кого из сотрудников ИРП. И потому его появление было сразу замечено: на площадке стало тихо. Нури смешал фигуры, отодвинул доску и подпер голову кулаком. Гость был в домотканых портках в синюю полоску, чистых онучах и новых лыковых лаптях. Домотканая же рубаха без ворота была подпоясана пеньковой веревкой, а светлые волосы, стриженные под горшок, топорщились. От всего этого Нури пришел в состояние тихого умиления, а малыши забыли про игры, разглядывая гостя.

Человек держал в руке лукошко.

— Вот как, значит! — он поставил лукошко на стол и слегка поклонился.— Вывелся, выходит... Я бы сказал, возник...

Он откинул тряпицу с лукошка, и оттуда выглянули две головы, светло-коричневые, с черными ноздрятыми носами и стоячими ушками, похожие на детенышей лани, но поменьше.

Ребятишки обступили стол, тянулись на цыпочках, пытаясь разглядеть звереныщей. Гость сделал козу, головы поймали пальцы, зачмокали.

— Сосет,— сладким голосом сказал гость.

— Сосут,— машинально поправил Нури.

— Вот... это самое, не можем мы. Убедились: недостойны. Потому — грехи! Я бы сказал — эгоизьм. И опасаемся, как бы чего... А он единственный. Ему безопасность нужна, ему настоящее молоко надоть. Мы не против, берите, а?

Вот так, вплотную, жителя Заколдованного Леса Нури видел впервые. Конечно, он был оттуда: никто из сотрудников ИРП не носил подобной спецодежды и не говорил столь косноязычно.

Гость сощурил васильковые глаза, обтер тряпицей пальцы.

— Так я пойду, значит. А ему б это, как его, детское питание. Я бы сказал, натуральное, а?.. До свиданьица.

— Вы еще придете?

— Придете вы, мастер Нури. Туда.— Гость показал большим пальцем через плечо.

— И не думал, с чего бы?

— Вам на роду написано... придти.

— Ну, если на роду, тогда конечно...

— Дядя,— перебил кто-то из малышей,— а как вас зовут?

— Иванушкой меня кличут.

— Э...— сказал Нури.

— А чего?

— Да нет, пожалуйста... Только вот детенышей из леса выносить не стоило, погибнут они без матери.

— Нет у него матери!

С этими словами Иванушка перевернул лукошко. И все ахнули. На столе желтенький, в темных пятнах, лежал теленок тянитолкая.

На следующий деиь вуидеркинд и акселерат Алешка воспользовался отсутствием Нури, чтобы виести свою, ие предусмотреииую программой лепту в дело экологического воспитаиия молодого поколеиия. Ему трепетно виимали пятилетиие подопечиые.

— Я вам скажу, товарищи, что, увидев тяиитолкая, дедушка Сатои сиачала было сомлел, ио быстро взял себя в руки и собрал весь цвет иашего ИРП. Пришли самые широкие специалисты — этологи, биологи и гееитики; очеиь широкие — ботаиики и фауиисты; просто широкие — позвоиочиики и беспозвоиочиики; широкие, но поуже — жвачиики, хищиисты, грызуиоведы и пресмыкатели; узкие — волковеды, коровяки, козловеды, медвежатиики, кииологи и котисты; самые узкие — овчарочники, болоиеры, беспородиики, кис-кисиики, бело- и, отдельио, серомышатиики и миогие другие, причастиые к реставрации природы. И ие зря собрались, ибо сломать всегда легче, чем построить. Пиф-паф — и вот уже иет красиого волка. Трах-бах — и коиец стеллеровой корове. Еще трах, еще бах, и ты! убил! последиего иа Земле камышового кота. Небольшой такой, изящиый и без хвоста... Ты скажешь: что мие камышовый кот, я и без иего могу. Говори за себя, а ие за всю плаиету. Земля без камышового кота ие может! Для Земли камышовый кот такое же иеповторимое дитя, как и ты, человек!.. Воссоздать утрачеииый вид так трудио, что удача становится праздииком для всего человечества. А тут — тяиитолкай...

Эмоциоиальиая речь, украшеииая добротиыми паузами, проиикала в сердца слушателей. Алешка ие так уж далеко отошел от истииы. В общем, почти так оио и было. На чрезвычайиом совещаиии в кабииете директора ИРП известиые специалисты столпились вокруг лукошка, разглядывая соииого детеиыша.

— Подумать только! — сказал директор.

— Н-да,— ведущий специалист по зоогеиетике откровеиио чесал затылок.— Как правильио заметил доктор Сатои: подумать только.

К столу протисиулся зиаток палеофольклора, в срочиом порядке доставлеиный иа совещаиие. Усилием воли ои заставил себя подтяиуть челюсть, в изумлеиии отвисшую иа кружевиой воротиик.

— Тяиитолкай! О ием мало что известио,— зиаток подиял указательиый палец, и все посмотрели иа пер-

стень с агатом.— Мало чего... Змей Горыныч, он же дракон,— это да, это получило отражение, равно как и пернатый змей у инков, именуемый Кетцалькоатль. Или серый, к примеру, волк. Хорошо разработан Конек-Горбунок, хотя источников по нему раз-два и обчелся. Жар-птица... она же у многих народов идет как птица Феникс, мне так кажется. Обратно единорог, он и в геральдику вошел... Саламандра тоже. Сивка-Бурка — вещий каурка, ну, о том многие слышали, он же конь ретивый, хотя эту точку зрения не все разделяют, дескать, конь ретивый крупнее и ест что ни попадя... Или Бедная Эльза, впрочем,— это не то. Н-да. Царевна-лягушка, образ, можно сказать, тривиальный, равно как и Лебедь-птица. Вообще, эти метаморфозы, когда зверь превращается в человека, конечно, имеют нутряной аллегорический смысл, но лично мне чужды. Мне ближе всего дракон...

— Давайте советоваться, товарищи! — Сатон прервал затянувшийся экскурс в царство древнего фольклора.— Как быть? Они вон уже проснулись и моргают. Может, у кого есть вопросы? Вопросов нет. А я вот хотел бы спросить, да не у кого: какая из голов передняя? И бегает ли он, а если бежит, то куда? То, что у него хвостик сбоку посередке,— это обнадеживает, не правда ли!

Специалисты переминались с ноги на ногу, шумно дышали и ничего не говорили. Это они правильно делали: чего говорить, если нечего сказать. При сем присутствовала и тоже молчала инструктор дошкольного воспитания, сухая и торжественная бабка Марья Ивановна. Но тут она вмешалась, уверенная, что так и надо.

— Дите, оно и есть дите, его поить-кормить надо. Дайте сюда!

Она забрала лукошко и, никого не спрашивая, унесла. Все облегченно вздохнули.

— И присмотрите, пожалуйста, чтоб не разорвался, когда подрастет,— сказал ей вслед Сатон и сел за свой директорский стол.— Человека и того иногда разрывает... От противоположности устремлений.— И непонятно добавил:— Ты смотри, что творят. Невзирая на перерывы в энергоснабжении.

— ...дракон,— от запятой продолжил знаток палеофольклора,— тот почти везде встречается. Расхожий образ и на Востоке, и на Западе. А что это значит? Зна-

чит, истоки в природе искать надо. Сейчас уже все согласны, что были драконы. Были! А может, и есть. В глубинке. А нет, так будут!

— При чем здесь драконы, не о них речь. С драконами все ясно. У нас на повестке тяни...— Сатон раздраженно постучал ладонью по столу,—...толкай. А не драконы. И давайте говорить по сути.

— Я и говорю: пусть из сказки. Но вы ж сами видели — сосет. Значит, реальный. А любое упоминание в фольклоре говорит о том, что корни явления надо искать где? Отвечаю: в природе. Пусть, пусть данное явление по сути сказочно, но ежели оно из природы, то снова может возродиться. В яви, спонтанно, или, проще, самопроизвольно. Есть мнение, что если в достаточно большом регионе возникает натуральная дремучесть, то она неизбежно порождает сказку, а с другой стороны — граница между сказкой и явью расплывается... У вас здесь, слышал, даже питекантропы возникли, чего уж дальше. А почему возникли? Отвечаю — от дремучести, и все тут! — Знаток раздумчиво растягивал слова, глазки его затуманились, и чувствовалось, что тема дремучести ему близка.— Кондовость, я вам скажу, страшная сила. Раньше, согласен, на заре НТР, она была силой косной. Но развитие идет как? Отвечаю: по спирали. Выходит, и кондовость обратно стала силой, но уже прогрессивной, на другом уровне. В природу нам надо, вот куда. Глубже. И самим проще быть. Нутром понимать, а не задаваться вопросами. Хотя, конечно, нутром понять не каждому дано...

Сатон распушил бороду:

— Грехи, что ли, мешают? Как говорит Иванушка,— эгоизм?.. Вы, случаем, не родственник Гигантюка?

Громовой хохот специалистов потряс стены. Испуганный ворон сделал круг окрест резонирующей люстры.

Знаток обиделся, не понимая причин веселья. Тонкими пальцами он поправил жабо:

— Что кому мешает, то каждый сам о себе знает.

А дело в том, что гимн во славу кондовости, пропетый знатоком, почти дословно повторял высказывания Павла Павловича Гигантюка.

В свое время Гигантюк как-то изловчился попасть на руководящую научную работу: его, отовсюду убирая, постепенно повышали. Пал Палыч развил бурную орга-

низационную, а также интеллектуальную деятельность. Организационная свелась к внедрению в подчиненном коллективе почасового планирования, а умственная — к разработке ключевых руководящих фраз: я не готов обсуждать этот вопрос; вы меня не убедили; так что вы предлагаете?; вот так и делайте; нам, товарищи, надо по-большому; так что будем показывать?; здесь мы с вами не додумали; что-то мы давно никого не наказывали. Но прославился Гигантюк фразой:

— Здесь у нас, товарищи, при подведении итогов работы произошла утечка информации.

Естественно, руководимый коллектив был заблокирован: все непрерывно писали и согласовывали планы. На работу времени уже не оставалось. Наверху испугались и перебросили Пал Палыча на кадры. Коллектив ожил, но стало плохо с кадрами. Пришлось послать Пал Палыча в длительную и престижную командировку — не обижать же человека, который уже привык к руководящей деятельности. Но прошло четыре года, и снова возник вопрос, куда деть Гигантюка? Место нашлось на птицефабрике при ИРП... А дальше жизнь его оказалась странным образом связана с Заколдованным Лесом, ибо Гигантюк был инициативен, спервоначалу даже производил неплохое впечатление и очень хотел руководить научной работой...

Обо всем этом Нури узнал еще год назад, когда однажды он, охотник Олле, вент Оум и пес Гром пешком пересекали лесной массив ИРП. Оум, питекантроп в первом поколении из племени вентов, приболел и нуждался в квалифицированной врачебной помощи. Вент — аббревиатура от «венец творения» — самое убедительное доказательство плодотворности многолетних усилий ИРП в деле реставрации природы. «Все,— говорили многие Сатону, а тот только посмеивался в бороду,— первобытность достигнута, если уж природа вновь обрела способность порождать перволюдей...» По пути из горной страны, где было пещерное становище вентов, они огибали зону Заколдованного Леса, лежащую почти в центре массива. Нури тогда был здесь впервые и часто останавливался, разглядывая Заветные дубы, слишком подлинные, чтобы быть настоящими. Вдали, за бревенчатым тыном, виднелись крытые корьем избушки жилого центра Заколдованного Леса. Кто-то в полосатых портках и лаптях не спеша прошел к тыну вслед за Коньком-Горбун-

ком, держа кнутовище на плече. Заскрипели деревянные ворота, открылись и закрылись за вошедшими. Опустился и снова поднялся колодезный журавель за тыном, было слышно, как захлопал крыльями и неурочно прокричал кочет.

— Дальше нельзя. У тех вон кустов проходит граница защитного поля.— Олле присел на пенек, потянулся.

— Добрая кобыла! — сказал Нури. Он прислонился лицом к защитному слою, ощущая его податливую упругость.

— Не кобыла это,— возразил охотник Олле.— Вид у него под кобылу. Сивка-Бурка это.

По ту сторону, совсем рядом, Сивка-Бурка пасся на поляне, заросшей Аленькими цветочками. Услышав разговор о себе, он взбрыкнул задними ногами и поднялся на дыбы, показав серебряные подковы и розовое, в веснушках пузо. Потом он заржал и, склонив голову набок, прислушался к затихающим вдали перекатам собственного голоса. На морде его выражалась удовлетворенность достигнутым результатом.

Вент Оум рухнул на траву, зажимая ладонями уши. Гром непроизвольно присел, как для прыжка, и ощетинился. На голову Нури свалилось что-то мягкое и очень горячее и скатилось к ногам. Как сквозь подушку, донесся до него голос Олле:

— И вот так всякий раз. Как увидит посторонних, так и орет неожиданно.

— С ума сойти! — Нури массировал уши.— Кто б поверил, что у такой маленькой скотинки, всего-то с осла, может быть столь богатый голос.

— Это закон: чем меньше скот, тем больше крику.— Олле сдвинул палкой Жар-птицу, сбитую с небес ревом Сивки-Бурки, столкнул в ближайшую лужу. Птица зашипела и обдалась паром.— Оклемается. А вообще, защиту надо ставить двойную, а то из Заколдованного Леса недавно тютельки просочились. Теперь вот Жар-птица...

— Скажешь тоже,— Нури с опаской косился на Сивку-Бурку, но тот спокойно хрумкал траву.— Кто это может через защиту пройти?

— Проходят. Мне уже волхвы жаловались, да и сам вижу, часто не разобрать, кто нормальный мутант, кто оттуда.

Жар-птица выбралась из лужи, залезла в кусты и

слабо светилась в темной зелени. Вент Оум с любопытством поглядывал туда, видимо, прикидывая, нельзя ли приспособить ее для освещения питекантропьей пещеры, все-таки со светляками много возни, а от костра копоть и дым.

Они встали и пошли дальше вдоль защиты. И, пока шли, Олле знакомил Нури с историей Заколдованного Леса.

Вольный охотник Олле поставлял Институту животных. Узнав, что где-то вне ИРП промышляет зверь, промышлять которому уже, по сути, негде, Олле являлся, догонял его, вязал и сажал в мешок. Потом дирижабль, карантин, прививки и — приволье ИРП. Живи в естестве своем, и одна от людей просьба — чтоб быстрей плодился и размножался. Олле был бесхитростен и могуч. Его пес Гром был свиреп с виду, но добр в душе. Олле дружил с воспитателями и очень помогал им, особенно во время заезда новых смен. Все дети Земли обучались общению с природой в центрах и филиалах ИРП...

Олле рассказывал Нури, что порядком времени назад, когда ИРП лишь разворачивал свою работу, лесной массив только набирал силы, а о вентах еще и слыхом не слыхивали, на птицефабрике ИРП было обнаружено яичко не простое, а золотое. Естественно, стали искать, кто его снес. День ищут, два ищут, неделю. Но пойди найди одну из десяти тысяч кур! Забой сразу прекратили, курятина в городке ИРП исчезла, но этого никто и не заметил, не до еды было. И тут пришел вундеркинд из местных, Алешки тогда еще не было. Вундеркинд вынул пальчик из носа и сказал:

— Удивляюсь я вам. Неужто неясно? Его снесла Курочка-ряба.

Дед плачет,— Олле имел в виду Сатона,— а курочка не кудахчет, ибо, святые дриады, за день до этого, несмотря на указание прекратить забой, в полупотрошеном виде попала на прилавок.

Пал Палыч Гигантюк, к тому времени уже директор птицефабрики, объяснил:

— Все куры у меня как одна, я зайду — замолкают. Догадывались: у меня это быстро, чуть что не так, завтра на прилавок, а кому охота? Потому и неслись хоть и по-мелкому, но часто. А эта все квохтала. Чем она там неслась, не знаю, может, и золотом. А только редко неслась. Показатель мне портила...

Сатои уволил Гигантюка за глупость. Формулировка была нетрадиционной, и Гигантюк явился к нему доказывать, что так нельзя, но в целом он готов обсудить этот вопрос по-большому, и если они в коллективе что-то не додумали, то только потому, что давно никого не наказывали, однако за этим дело не станет...

Сатои долго и внимательно разглядывал собственное отражение в зеркальных очках, без которых Пал Палыча ни разу никто не видел.

— Что есть сомнение, Гигантюк? — спросил он.— Ну да, оно вам неведомо. Вы уникальны, Гигантюк. О вас и рассказать-то нельзя, никто не поверит.

Потом директор добавил, что да, за глупость действительно еще никого не увольняли. Ну, тогда что ж, напишем так: уволить за показуху... С этим Пал Палыч спорить не стал. И вскорости, неугомонный, выдвинул лозунг: Курочку-рябу воссоздать, и будет каждому по яичку, а это хорошо!

Почему, собственно, хорошо и зачем каждому золотое яичко — об этом как-то не задумались, но кое-где Гигантюка поддержали и разрешили. Одни говорят, что ключевые фразы где-то произвели впечатление, другие утверждают, что Сатону был звонок. А скорее всего перегруженный делом директор не стал связываться с Гигантюком, но впредь в превентивном порядке вопросы подбора кадров целиком сосредоточил в своих руках.

Пал Палыч же быстро сколотил группу энтузиастов из тех, кого забраковал Сатои, и увел их в массив.

— Всякая там генетика-кибернетика, подумаешь! Если по-большому, то еще надо разобраться, не лже- ли это науки. Я вам скажу, ты мозги мне наукой не мути, ты продукт дай,— говорил Гигантюк.— Золотое яичко — это продукт. Он что, из генетики? Нет уж. Из «жили-были дед да баба», вот он откуда. А что для этого надо? Нет, что вы предлагаете? А я говорю, проще надо, чтоб всем понятно было. Усложнять не надо. Возьмем, к примеру, домкрат. Он что? А он, товарищи, тяжелый. Значит, что? Значит, облегчить надо, вот задача, прямо хоть конкурс объявляй, а? Я вот, помню, по этому поводу мозговую атаку возглавил раз. Собрал ведущих дубарей и возглавил. Правда, в тот раз атака была отбита, но метод хорош. Конечно, насчет Курочки-рябы — здесь мы с вами не додумали, но если, товарищи, по-большому, то нам было что показать. Она-то ведь при мне неслась!

Я сейчас не готов досконально обсуждать этот вопрос, но знаю: в природу нам надо. Кондовость, я вам скажу, это сила. Это нутром надо понять.

В очках Гигантюка отражалось ясное небо, а под очки — почему-то страшно было — никто не заглядывал. Энтузиасты молча сопели. Как-никак они уже были отравлены ядом генетики-кибернетики и плохо представляли связь между посконным бытием и золотыми яйцами. Но сама идея — опроститься и двинуть назад — им в общем нравилась. Сгоряча они сварганили в глубине массива поселок и, чтоб не было утечки информации, обнесли его тыном.

Когда необходимый жилфонд был создан, Пал Палыч перво-наперво выделил квартиры своему неженатому сыну и незамужней дочери, вырубил ближнюю рощу, на ее месте поставил обелиск с лозунгом: «Достижения — в жизнь!» Потом присмотрел себе пять заместителей из числа бессловесных. Пять — это очень престижно, поскольку сам Сатон имел всего трех. Пропитание энтузиасты добывали в лесу, Пал Палыч и заместители кормились возле них. Вся эта компания благоденствовала под сенью дерев и на лоне природы довольно долго. К приезду ревизоров Пал Палыч — итак, что будем показывать? — организовывал выставку достижений. Впрочем, ревизоров у самого тына перехватывал зам, который в совершенстве умел с ними обращаться. Экспонаты выставки, заключенные в поставленные на попа железные агитсаркофаги, мирно пылились в темных коридорах до следующей ревизии.

Гигантюк берег себя и периодически ложился на профилактику. Он также любил хорошо питаться, хотя это плохо влияло на окружающую среду. Сатон некоторое время терпел браконьерство. До тех пор, пока Гигантюком не был съеден на закуску козлокапустный гибрид — гордость ИРП. Тогда директор рассвирепел и накрыл поселок с прилегающей территорией защитным полем. Монумент с лозунгом оказался по ту сторону завесы и был убран. Жителей перевели на централизованное снабжение едой, а Гигантюка Сатон уволил своей властью без права восстановления в ИРП. Впрочем, Гигантюк сказал, что его еще позовут и тогда посмотрим. В ожидании этого он пребывал в поселке, заняв свободную хату с краю. Часть энтузиастов, оставшись без привычных шашлыков, запросилась обратно в цивилизованные края

и была отпущеиа. Другие, с трудом, ио поверив, что Пал Палыча ие будет больше, эмаисипироваиио иабросились на работу н в короткий срок кое-что сотворнли. Про Курочку-рябу как-то забыли, а вот птица Рух получилась. Зверовндиая, с огромиыми окороками, вполие прнгодымн для копчения. Вндимо, без геиетики здесь все же не обошлось, хотя разработчики опять-таки иапирали иа коидовость...

Тут Олле прервал свой рассказ, ибо Заколдоваииый Лес уже остался позадн.

Малыша тяннтолкая прнходнлось кормить сразу с обонх коицов и из двух сосок. Из одной было иельзя, каждая голова иоровила иаесться первой, и онн только мешалн одиа другой. А вот сейчас все было в порядке н было вндно, что ои толстенькнй, н было прнятно трогать его. Вытяиувшись, ои от иоса до носа имел длину полметра.

— Аршии,—сказал вуидеркиид н акселерат Алешка, быстренько меияя опорожненную бутылку.— Тяиитолкая нельзя мерить на метры.

Вокруг инзкого стола из строгаиых досок, на котором осуществлялось кормлеиие, толпились экскурсаиты. Средияя группа, шесть-семь лет. Кормлеиие зверят входнло в программу экологического обучеиня детей, проходящнх обязательиый двухмесячиый курс воспнтаиия прн ИРП. Этому делу Совет экологов прндавал ие меньшее значенне, чем самому процессу реставрацин прнроды.

Ребятишкн не дыша разглядывали диковиииого телеика и безнадежио завидовали Алешке, ответствениому за уход. Право вундеркиида иа нсключительиость иикто не брал под сомнеиие, ибо его эициклопедические познання былн общеизвестиы. Алешку уважали не только людн нз городка дошкольииков, ие только сотрудиики океаиского цеитра ИРП, ио и звери и птицы. Коиь позволял ему взбнраться иа себя, пес Гром, тигрииый выкормыш, всегда был рад встрече с иим, а марснанский зверь гракула радостно уплощался, когда Алешка гладнл его. Зверь этот, приспособлеииый к суровой жизии в пустыиях иа марсиаиских полюсах, быстро прижнлся в детском городке н лучшим местом обнтаиия считал песочиые кучн на игровых поляиках...

Сытый тяиитолкай сразу засиул. Экскурсанты, переговариваясь шепотом, вволю глазели на него, пахиу-

щего молоком и пеленками. Детеныш подобрал под себя, согнув в коленках, ножки с еще мягкими копытцами, свернулся бубликом и уткнулся носом в нос. На створке открытого окна сидел вездесущий Ворон, ему сверху было видно всё как есть.

— Р-р-редчайший экземпляр-р! — неожиданно для самого себя возопил Ворон. Обе головы тянитолкая сонно зачмокали.

Обеспокоенная карканием, в комнату вошла Марья Ванна, инспектор дошкольного воспитания.

— Триста лет прожил, мог бы и соображать кое-что.— Она уткнула в сторону Ворона костлявый палец.— Дите спит, чего орать? И вообще, посторонние могут быть свободны. Режим прежде всего. Кому из вас понравится, чтобы его спящего разглядывали?

Когда все вышли и остались только Марья Ванна, Алешка и вент Оум, детеныша осторожно переложили в плетенку, унесли в вольер, накрыли байковой попонкой и оставили в покое...

Перед сном, когда, поставив защиту от ночных насекомых, воспитатели уходили к себе, в спальнях велись странные разговоры. Рассказывали, что Алешка запросто бывает в Заколдованном Лесу, что черный пес Гром разговаривает не хуже Ворона, но скрывает это, что тот дядя Иванушка, который принес тянитолкая, действовал по наущению Алешки. И он же по ночам закапывает в песок неожиданные деревянные игрушки. А в Заколдованном Лесу работают над воссозданием сказочных форм жизни, причем пользуются старинными рецептами, в которых зашифрованы составы весьма эффективных мутагенов гарантированного действия. Конечно, хорошо бы там побывать, но Сатон никого в этот Лес не пускает, потому что, смешно сказать, боится за неокрепшие детские души... Тянитолкай, говорили еще в спальнях, ненормально толст, его перекармливают. Потом кто-то высказал мнение, что а вдруг это животное вообще не взрослеет? Вот здорово было бы!..

А в это время Нури и Алешка прогуливались перед сном неподалеку от вольера, ожидая часа, когда надо гасить высоко подвешенные над крышами светильники.

— Представляешь, Нури, целый муравейник дюймовочек! Не совсем муравейник, а так, пень, здоровый такой. И домики, домики—как опята. Под двускатными крышами.

— Сам придумал? — Нури со светлой завистью оглядел акселерата.

— Не веришь? А это видел? — Алешка достал из-за пазухи берестяиой свиток. Развериул. Старославяиской вязью там было написаио:

«К жителям зоиы. Обращеиие. Созрели дюймовочки. Кто хочет видеть и помочь пусть приходит босиком и иатощак как прокричит первый кочет. Сбор иасупротив колодца по ту стороиу тына где доска отходит».

— Сам, что ли, писал? Стиль хромает на обе иоги. Чему вас только в школе учат?

— Что уж ты, Нури! Иванушка дал. А в школе действительио... по двеиадцать человек в классе. Я у него недавно в гостях был.

— Учителей не хватает, слишком высокие требования... В зоиу-то как попал? Через силовую завесу?

— Это от вас завеса, от взрослых. А иарод там вполне, хотя иемного замкиутый. Ну да ты быстро привыкнешь.

— Как это я привыкиу, с чего бы я привыкал? Да и не пройти в зону.

— Это правда, взрослому не пройти. По двум причинам. Первая: взрослый все равио иичего не увидит. А вторая: если и увидит, так ие поверит. Ну и нечего зря...— Алешка помолчал, а потом спросил, глядя в стороиу: — Ну так что, пойдешь?

Дюймовочки, подумал Нури, целый муравейиик...

— Я ж взрослый.

— Пусть это тебя ие волиует, воспитатель Нури. Марь Ваина сказала, что ты иикогда ие повзрослеешь. О тебе там знают. На тебя там иадеются...

Оии остаиовились у вольера, в котором жил тяиитолкай. Прежде чем окоичательио улечься, тот пощипывал стрижеиую травку. Опасеиия Сатоиа, что ои разорвется, к счастью, ие оправдались: тяиитолкай передвигался подковкой параллельио сам себе, так что каждая пара ног у него была передией.

К проволочной ограде прижался медведь, не спуская глаз с теленка. Ворои гулял по верху ограды, а со стороны, противоположной медведю, иеподвижио стоял золотой конь — белая грива и таращился иа тянитолкая. Днем его долго рассматривала лосиха с детеиышем, потом оиа ушла. Охотник Олле рассказывал, что из леса приходили волки, только ночью, чтобы их не видели, и

тоже смотрели. Теленок был пузатенький, ленивый и с плохим аппетитом. По-настоящему оживлялся он, только когда рядом был пес Гром, и это многих удивляло: травоядный тянитолкай льнул к собаке, а ведь она ни дать ни взять хищник, о чем мы порой забываем...

— Значит, договорились, да? Завтра за тобой зайдет Гром. Как услышишь рык неподалеку, сразу выходи. За малышей не беспокойся, я тебя подменю на время отсутствия.

Грому рычать не пришлось. Сразу после утреннего обхода спален, еще до побудки, Нури связался по видео с директором. На голоэкране дед хорошо смотрелся, только борода его расплывалась у границ сфероида.

— В сказку? — Сатон отделил от бороды волосок, задумчиво накрутил на мизинец.— Иди непременно и немедля. Я, знаешь, пытался — не прошел. Энергию просят, дай. Реактивы дай. Программное обеспечение дай, а как сам захотел, представь, замялись. Излишне, видишь ли, рационален... Это правда, что есть, то есть. Конечно, сейчас Василиск объявился, призадумались, тебя вот сами зовут,— Сатон вздохнул.— Тонкое это дело... воссоздание. Что-то у них там заклинило. Разберешься — помоги.

Из поселка Нури и Гром двинулись налегке, забирая все глубже в лес. В чистом сосняке, почти свободном от подлеска, легко дышалось. И было хорошо бежать по упругой хвое. Через частые ручьи — выдрята прятались в ближайших кустах — Нури переходил, не снимая плетенных из кожи постол и обсыхая в движении. Было много птичьего гомона, но непривычно мало зверья: большинство копытных и почти все хищники обитали в лесостепи, саванне, окружающей лесной массив.

Постепенно лес густел, и на четвертом часу Нури, отвыкший от регулярных занятий, перешел на быстрый шаг. Травы до колен, вьющиеся растения и кустарник мешали бегу. Собаке, конечно, было легче: росту поменьше, а ног вдвое больше. Но и пес, не умея потеть, уже вывалил язык. Вплавь — Нури порадовался, что руки свободны,— пересекли длинное озеро и недолго отдохнули на знакомом пляжике.

Неподалеку в основании полого скалистого холма выпукло шевелилась покрытая звездами тяжелая синяя занавесь, прикрывавшая вход в пещеру. Отшельник, ви-

димо, ушел по делам, иначе он не преминул бы посидеть рядом, погладить пса и накормить их свежим хлебом с молоком. Из пещеры доносился храп льва Варсонофия, который не любил, чтобы его будили. Нури посидел за столом под навесом, где стояла остывшая русская печь, и ему от этого безлюдья стало как-то грустно. А, скорее всего, он просто надеялся поесть у Отшельника и был разочарован слегка, не застав того дома. Вообще-то для Нури обходиться без пищи три-четыре дня было привычно, ибо каждый воспитатель, чтобы поддержать физическую и духовную форму, не ел один день в неделю, три дня подряд каждый месяц и подвергал себя очистительному абсолютному двенадцатидневному голоданию раз в год. Все это так, но все же...

За маленькой рощей акаций на обширной поляне паслось смешанное стадо антилоп и зебр — полудомашняя скотина Отшельника, крупнейшего, если не единственного на планете специалиста по психологии сытого хищника.

«Сытый хищник,— вспомнил Нури рассказы Отшельника,— это совсем не то, что голодный. Он не кусается, и в этом его главное отличие. Возьмите меня, я десять лет разделяю эту пещеру со львом, и хоть бы что, и ни разу, а!»

Далее Гром повел путаными тропами через сплошные джунгли, темные внизу и душные. Казалось, нет конца этому буйству непроходимой зелени. Сверху доносились немелодичные вопли, но Нури, снимая с потного лица липкую паутину, уже не интересовался, кто кричит и почему. Под ногами хлюпали раздавленные грибы, одуряюще пахли белые мелкие орхидеи на гниющих поверженных стволах. Еще год назад они с Олле и веттом Оумом проходили здесь свободно. А как же ночью и без собаки? А волхвы? Они-то месяцами не выходят из леса... Нури вспомнил, что на последней конференции волхвы и дровосеки говорили, что в массиве реставрация природы закончена полностью; внизу уже делать им нечего, там все идет само собой, и можно ограничиваться только воздушным патрулированием. Сатон, помнится, спорить не стал. Он просто прочитал, причем монотонно и без выражения, список исчезнувших растительных форм. И, вооружившись этим руководством к действию, волхвы и дровосеки быстренько вернулись в свои дебри на рабочие места.

Наконец джунгли кончились и путники вышли к реке. На той стороне раскрылась холмистая равнина в зеркалах небольших озер. Она уходила вдаль, украшенная редкими дубравами, а за ними и над ними у горизонта переливался радужными бликами в закатных лучах заслон силовой защиты Заколдованного Леса.

Гром скоро нашел брод, и, ступая по округлым скользким валунам, Нури думал о необъятности территории ИРП и о том, как же это Иванушка добирался отсюда в одиночку, да еще с лукошком в руках, железный парень. А Алешка? Это просто невероятно, или, может быть, он тайком пользуется махолетом? С него, вундеркинда, станется... Нури разделся и вытряхнул одежду. Потом нашел маленький заливчик и долго смывал с себя запах снадобий от насекомых. Затем он вымыл пса, еще раз искупался сам, лег на теплый песок и заснул на часок.

Свежие и отдохнувшие, Нури и пес бодро шли по зеленой равнине. По мере приближения к Заколдованному Лесу дубравы и рощицы эвкалиптов стали попадаться все чаще. Нури снизил темп движения: куда спешить, ведь Алешка предупреждал, что защитный слой местами становится проходим ближе к ночи, а где — о том знает Гром... Внезапно пес на секунду обернулся, и Нури застыл, теперь это был сгусток злобы и тревоги, он пятился, рыча, пока не коснулся ног Нури. Что-то случилось впереди. Нури ощутил, как уходит покой и предчувствие — нет, не опасности, а неотвратимой смерти — охватывает его. И острое, неодолимое желание бежать отсюда подальше. Он положил руку на жесткий загривок собаки и медленно двинулся вперед, наклоняясь под низко свисающими ветвями. И увидел.

На поляне, метрах в двадцати от туманной к вечеру завесы силовой защиты, прижался крупом к сухому дубу-гиганту белый единорог. Спина его была изогнута, светились рубиновые глаза, а рог, прямой и длинный, был опущен к земле. В позе зверя угадывалось напряжение битвы, земля вокруг была изрыта и раскидана. Нури долго вглядывался, затаив дыхание. Единорог был неподвижен; когда повеял случайный лесной ветер, часто блуждающий меж стволов спящего леса, грива его не шевельнулась. Какое-то подобие догадки мелькнуло у Нури, и он, крадучись, стал приближаться к зверю.

Гром вновь издал предостерегающее рычание, но двинулся рядом и чуть впереди. Трава, пожухлая странными полосами и проплешинами, неприятно хрустела под ногами, пес старался не ступать на нее.

Они подошли совсем близко, единорог не шевельнулся. Тогда Нури коснулся его рукой и тут же отдернул ее. Ибо под рукой был камень.

Значит, кто-то изваял эту скульптуру, какой-то гениальный художник подсмотрел в своем воображении облик прекрасного сказочного зверя, воплотившего в себе грацию коня и мощь древнего тура. Но почему тревожен Гром? И не от скульптуры же исходит ощущение угрозы!.. Нури сидел в сторонке по-турецки, обняв пса и подавляя властную потребность оглянуться. Чувство страха было непривычно, оно воспринималось как еще одна загадка среди многих. Почему скульптура установлена в совсем неподходящем месте? Что означают эти полосы усохшей, почти обгорелой травы и спиральная линия ожога на стволе дерева?

Полосы на траве уходили под кусты у самой границы завесы, и Нури подумал, что в Заколдованный Лес должна быть и еще какая-то другая дорога.

Пес встал и заглянул Нури в глаза: может, пойдем? Темнеет...

— Ладно, веди.

И они пошли по извилистым тропам, удаляясь от странной скульптуры, и тревога постепенно вытеснялась привычной уверенностью. Мир стал, как и прежде, понятен, загадки отошли на второй план, и снова приятно было идти по мягкой траве и ощущать рядом невидимого в густеющей темноте черного пса. Нури прислушивался к шорохам и странным крикам вдали, разглядывая плывущую низко над лесом полную красную луну. Подумал: если Алешка и его друзья тоже вот так ходят по ночному лесу, то сопровождает их, видимо, Гром? И почему он, воспитатель, столь поздно узнает об этом? Игра в тайну? Но почему игра, тайна-то вполне настоящая.

В свете луны завеса потеряла радужность и воспринималась как прозрачный белый туман. Пес вошел в него, а следом и Нури, понимая, что если заговорит сейчас, то пес уже не станет молчать, как обычно... Гром на ходу прижался к ноге Нури.

— Добрый человек и собака поймут друг друга и без слов. Но иногда так хочется поговорить, а не с кем. Говори, Нури, и я тебе отвечу.

Нури не удивился. Ощущение сказки уже овладело его сердцем. Он много раз видел, как охотник Олле разговаривал со своим псом вслух и Гром там, вне сказки, отвечал ему молча. А в Заколдованном Лесу собака, естественно, и должна говорить...

— Ты уже был здесь?

— Много раз.

— Все-таки защита, завеса, а мы идем свободно...

— Если ночью и с тобой, то можно. Дети проходят.

— Но я взрослый.

— Ты вернишь в сказку.

— Не понимаю...

— Тогда не знаю. Ведь я только собака, хотя и большая. Скажи, Нури, тебе иногда хочется повыть? Попросту, по-человечески?

— А что?

— Ну, мне интересно. Олле, например, никогда не воет.

— Если я скажу, что не хочется, ты повернишь?

— Нет,— пес надолго замолчал, поглядывая снизу на человека.— Мне хорошо, когда Олле рядом, но он часто уходит без меня, и тогда я вою. У тебя тоже кто-нибудь уходит? Ну, тот, кого ты любишь?

Нури не ответил на вопрос, а мог бы. Если кому человек и верит без остатка, то, конечно, собаке. И кто видел собаку, что не оправдала доверия?

Там, где они шли, туман светлел, и близкие звезды светили им, и вздрагивали вслед шагам махровые ромашки. А в конце прохода откуда-то сверху спланировал Ворон и сел на плечо Нури.

— Это наш Ворон,— сказал Гром.— Тот самый.

Нури поднял руку, и Ворон ущипнул его за палец.

— А почему молчит?

— Умный.

Здесь, в Заколдованном Лесу, было гораздо светлее и от луны, и от голубого свечения Жар-птицы, расположившейся неподалеку на яблоне. В клюве у нее был зажат длинный стебель какой-то травы, надо думать, приворотного зелья. А под яблоней был сооружен очень широкий котел с низким помостом вокруг. Возле помоста стояла дубовая бадья и висел долбленый ковш. Под кот-

лом вспыхивали редкие угариые огии, и тогда в котлё что-то взбулькивало, и лопались пузыри, выпуская пахучий пар. Большой сруб с мелкими окошками видиелся неподалеку, а иа веревке между срубом и яблоией висели пучки травы, пристегиутые бельевыми прищепками. Под тускло светящимся окошком сидел иичего себе Серый Волк, мерцая зелеиым, исподлобья, взглядом. Гром было ощетииился, ио, прииюхавшись, вильиул хвостом и убежал в полумрак, откуда доиосилось громкое хрумкание и что-то похожее иа скрежет зубовиый.

Потом из темиоты оформился Дракои, вытяиул длинную шею к котлу, и Нури застыл как заворожеииый. Не то чтобы Дракои поражал воображеиие, скорее, иаоборот. Голова его была такой, какой и должиа была быть. Разиоцветиые чешуйки, каждая с ладоиь, покрывали ее, и только иоздри казались бархатиыми да отвисала мягкая иижияя губа, обиажая полуметровые плоские белые резцы жвачиого животиого. В кошачьих зрачках отражались сииие языки костра. Туловище было плохо различимо, ио Нури сиова охватило ощущеиие ужаса, первобытиого и дремучего. Борясь с дуриотой, ои похлопал Дракоиа по влажной иоздре:

— Ну чего уставился? — Вытер пот со лба, чувствуя, что уже иадоело бояться. Боялся иеизвестио чего там, на поляие с едииорогом, испугался травоядиой скотииы здесь, где по закоиам сказки страхи ие должиы пугать. А тем ие меиее холодиый пот за ушами — вполие иастоящий! Дракои покосился иа Нури, выдохиул струю горячего воздуха, пахущего распареииой травой.

— Уууууу?..— иизкий гул заполиил простраиство.

— Чешите грудь! — доиесся из темиоты могучий бас.— Чего «у», спрашивается, сроков ие зиаешь?

Дракои вздрогиул и попятился в темиоту. Нури машииальио зачерпиул ковшиком из бадьи, заставил себя выпить. Молоко? — вяло подумал ои. Но пахиет медом или иет, липовым цветом... Страх отходил, словио светлый огоиь пробежал по жилам. Нури осушил второй ковшик и засмеялся.

Заскрипела дверь, и из сруба вышел Иваиушка с большой, похожей иа весло поварешкой. По дороге ои сиял пучок травы, залез иа помост и долго помешивал варево. Потом, иаморщив лоб, осмотрел пучок, отделил травиику, остальиое бросил в котел. С хлюпаиием лопнул большой пузырь.

— Трн — четыре!— заорал Ворон над ухом Нурн.

Жар-птнца вздрогнула, распустнла крылья с малнново светящнмнся подмышкамн н уроннла в котел свое зелье. Только теперь Иванушка заметнл гостя.

— Мнр вам, мастер Нурн. Саднтесь, прошу.

— А что в котле? — шепотом спроснл Нурн.— Виднмо, живая вода, а?

— Сие тайна велнкая есть,— Иванушка шуровал мешалкой.— Но вам как гостю скажу: обычиый первнчиый бульон. Состава его действительно ннкто не зиает. А только, как напнсано в букварях, из него все вышло...

Он прннес н опустил в котел одннм коицом шершавую доску, оперев ее на край.

— Ага,— обрадовался Нурн.— Понятно, полезем в котел омолажнваться... Мие уже пора, да?

— Нет,— Иванушка не поддержал шутки.— По доске нз котла вылазнт что получнлось. Ну а ежели оио совсем маленькое, то дуршлагом вылавлнваем.

— Жнвое?

— Чаще все же семеиа. И вот тут гадать приходится, то ли в землю закапывать, то лн на ветер пустнть, то ли в ручей кинуть. Экспернмеитируем. То лн птице дать склевать? А ежели колючее, то куда цеплять для дальнейшего разиесеиия, то лн на хвост собачий, то ли иа бок телячнй?

— Скажите, какне сложностн!

— То-то. И какой тут фактор влняет, ннкто сказать не может. Действуем методом ползучего эмпнрнзма при полном отсутствни теорин. Я бы сказал, методом научного тыка.

— И не зиаете, что получится?

Иванушка отставил мешалку, усмехнулся.

— А вы, Нурн? Вы всегда предвндите последствия своих действнй? Хотя бы в деле воспнтания? Не отвечайте — это я просто так спроснл. Еслн метод не формалнзован, то предвнденне результата — дело статнстнкн, а в бнологии, как и в воспитаннн, флуктуацни способны нсказить любую статнстику. В общем-то, это меня мало трогает: не терплю формалнзацнй. Как н вы, да? Иначе с чего бы вы нз кнбернетнкн, нз царства формальной логнкн, ушли в столь не детермнинрованную область деятельностн, как воспнтание? Не отвечайте, это я просто так спроснл... Что больше всего пленяет меня в гносеологнн, так это ндея о бесконечиостн поз-

нания. Как это утешительно — не все знать. Вот видите, я дуршлачком снимаю пену с навара и — на холстинку ее. Высохнет, будет коричневая пыль. Ан нет, не пыль это! Пыльца. Махнет Дракон крылом, вихрь будет, разлетится пыльца и на окрестные цветы осядет, а что из того выйдет, и сказать никто не может. А мы потом ходим, смотрим и удивляемся, а что чему причиной — того не знаем.

— Идите к черту, Ваня... Вы мне так мозги заморочили, что я и впрямь поверил. Мне говорили, что у вас здесь те же установки, что и в остальных лабораториях ИРП. Только методики, подозреваю, у вас другие. Я бы сказал, не совсем корректные...

Из кустов появился некто грубый и ужасный обличьем, босиком и в переднике из меха чучундры.

— Дядя Митя, и вы тут! — воскликнул Иванушка.— Вот не ждал. А что, опять на болото лазили, да?

— Об чем ты? Буде болтать при людях.

— Поздоровайтесь с гостем, дядя Митя. Это воспитатель дошколят Нури из ИРП.

— А я Неотёсанный Митяй. Леший, значит,

— Настоящий?— Нури пожал твердокаменную пятерню, удивляясь силе ее.

Леший не ответил на вопрос, он разгладил бороду, посыпались зеленоватые искры.

— Трещит, проклятая. Потому — все вокруг электризовано. От бороды наводки, работать невозможно. Кругом помехи.— Неотесанный Митяй засопел, полез в карман передника и стал что-то перебирать мосластыми пальцами на черной своей ладони.

— А сбрить? — не подумав, предложил Нури.

Неотесанный Митяй долго смотрел, как лопаются в котле пузыри.

— Пусто тут у вас,— ни на кого не глядя, молвил он.— Отойду вот в сторонку, семечко посажу, а? Интересуюсь задать вопрос: и за каким лешим тебе, Ванюшка, воспитатель понадобился? Это ж надо — сбрить...

— Ну, не всяко лыко в строку, дядя Митяй. Непривычный он к нам. А так ничего. Алешка говорит — чист сердцем.

— Чешите грудь. Старик Ромуальдыч вон тоже чист, а толку?

— Нури — кибернетик. Один из лучших кибернетиков планеты.

Леший пригляделся к Нури и вроде как помягчел. Он полез ковшиком в бадью, пошаркал по дну, ничего не достал и вздохнул:

— И на ночь не хватило, не надоишься... Кибернетик — это хорошо. Это для нас в самый раз. Ежели у тебя, Ванюшка, в котле семена возникли, дай немного, а?

— Дам, конечно, как не дать.

И снова озноб пробежал по спине Нури, и он, не поворачиваясь, почувствовал горячее дыхание Дракона. От кустов донесся вопросительный рев:

— Уууууу?

— Что «у»? — могуче закричал Неотесанный Митяй.— Будет тебе «у» после третьего кочета. И не вибрируй перепонками, тоже мне — пугало!

Дракон удалился. Нури понял это по наступившему в душе покою. Где-то неподалеку слышались громкое сопение и стук, словно скелет падал с сухого дерева, но эти звуки после Драконова присутствия просто ласкали слух.

— Вы б шли, дядя Митяй. А то как бы ваши рогоносцы не повредили друг друга. Слышите, опять дуэль затеяли.

Леший сложил семена в карман передника, тяжело поднялся.

— И то... пойду. Только не рогоносцы это, Ванюшка, сколько можно говорить. Единорог, самый благородный зверь из живших на земле.

— Бадейку-то заберите, второй кочет уже кричал.

— Сам знаю. Эх, не по специальности вы меня, чешите грудь, используете. Ладно, пойду... А вы, Нури, видать, к нам надолго. Еще, выходит, свидимся.

— Что значит надолго? — спросил Нури, когда Леший ушел.— Как это надолго?

— Э, сколько захотите, столько и пробудете. Вот вы тут о некорректности методик говорили. Вы что, и в генетике специалист? Разбираетесь в трансцендентных мутациях?

— Не сподобился,— хмуро буркнул Нури.

— Не сердитесь, просто я хочу сказать, что неизвестно еще, чьи методы лучше. Вы там бьетесь над восстановлением исчезнувших реальных форм, а все равно вынуждены часто удовлетворяться похожестью, внешним сходством. Так ведь? Ибо если утерян генофонд, то вос-

создать животное уже невозможно. Природа-то миллионы лет тратила. А мы... За сотню лет уничтожили, а за десяток восстановить хотим...— Иванушка склонился над котлом, заработал веслом-мешалкой.

— Не узнаю я вас, Ваня,— задумчиво произнес Нури.— У нас там вы вроде совсем другой были и подругому речь вели.

— Образ обязывает, сложившийся в детском сознании стереотип. Иванушка как-никак... Хотя, с другой стороны, известен и Иван-царевич.— Тут речь Иванушки потеряла стройность. Словно спохватившись, он забормотал: — Не нам судить, сами в эгоизьме погрязли, в самомнении.... Нам, наприклад, легче, ибо мы не ведаем, что творим. Потому — люди мы простые. От этой, от сохи, выходит.

— И Ромуальдыч от сохи?

Иванушка подождал, пока Нури отсмеется.

— А что? Ромуальдыч, между прочим, обеспечивал. Он и сейчас еще вполне может.

Раным-рано сидел Нури на крылечке избы, в которую его определили жить. Крыльцо, еще влажное от росы, выходило прямо на улицу поселка. Нури уже вымылся по пояс колодезной водой, на завтрак выпил малый ковшик драконьего молока и вот сидел, прислушиваясь к новым ощущениям. Кровь бежала по венам, и он чувствовал ее бег, мышцы просили дела, а мысли возникали четкие и добрые. Еще когда Нури только досматривал предпробудный сон, неслышно прибежала Марфа-умелица, прибралась в горнице, задала курам корм, что-то мыла и чистила, хлопотала и так же неслышно исчезла, ушла по своим делам.

Редкие прохожие, кто проходил мимо, здоровались с Нури, говоря: «Утро доброе, воспитатель Нури!». И Нури отвечал: «Воистину доброе».

Было слышно, как на заднем дворе Свинка — золотая щетинка рылась в приготовленной для удобрения огорода навозной куче — конечно, в поисках жемчужного зерна, а что еще можно там найти? На коньке соседней крыши вездесущий Ворон, склонив набок голову, слушал песню скворца. Допев, скворец слетел на грядку, где его ожидали дождевые черви.

— Мастер-р-р! — одобрительно произнес Ворон.

Когда люди прошли, Нури обратил внимание на пегого котенка, что сидел на перильцах.

— А кого мы сейчас гладить будем? — тонким голосом спросил Нури. Котенок спрыгнул ему на колени.

— Меня-я.

— Говорящий? — приятно изумился Нури.

— Не-е-е.

Притворяется, подумал Нури. Чтоб не приставали с вопросами, а сам, конечно, говорящий.

Поселок, отгороженный тыном от остальной территории, насчитывал десятка три рубленых изб, разбросанных там и сям. Единственная улица изгибалась причудливо, то вползая на пригорки, то сбегая в низинки, заросшие травой-муравой и Аленькими цветиками. Протекал через поселок прозрачный ручей, но жители почему-то брали воду из колодца с журавлем. Ворота в ограде были широко распахнуты, и Нури видел, как в них вошел человек, длинный и тощий, босиком, в коротких трусах и майке. На плече он нес два толстых чурбака. Усы тонкими стрелками торчали по обе стороны носатого лица, и если бы еще эспаньолку, небольшую такую остренькую бородку, то можно было бы принять его за Дон-Кихота.

— Вот и дело мне,— Нури вернул котенка на прежнее место и вышел навстречу.— Позвольте, я вам помогу.— Он принял на свое плечо оба чурбака и пошел рядом.— Здравствуйте, я Нури.

— А чего б не помочь? Старому мастеру надо помогать, а то все заняты, всем не до меня... Здравствуйте, Нури. Меня зовут Гасан-игрушечник, и моя мастерская вот здесь. Спасибо, мы уже пришли... Нет, не сюда, кладите под навес, я сейчас закрашу охрой торцы, чтобы не растрескалось, и пусть дерево сохнет. Сейчас, конечно, где Василиск прополз — зло порожденное,— там и сухостой, вроде как пожаром тронутый. Мне говорят: бери. А отравленное дерево для игрушки непригодно, как такую ребенку дашь. Может, зайдете в помещение? Я покажу вам игрушки, вы ведь любите игрушки?

Нури любил игрушки, но он ждал Иванушку и потому пожелал мастеру приятной работы, собираясь уйти. Он обещал прийти потом, надолго, чтобы насладиться беседой и созерцанием без спешки.

— Подождите, Нури. Взгляните хоть на это.

Мастер держал на ладони деревянного зверя — и ощущение возвращенного детства, ощущение неповторимости мгновения овладело душой Нури. Зверь светло щурился, причудливо изогнув спину. Его лапы, мохнатые снизу, с пухлыми подушечками, опирались на растопыренные пальцы мастера, тело было мускулисто и волосато, и веяло от него этакой уверенностью и бесстрашием. Конечно, такой зверь должен быть... он есть где-то здесь, в сказке... а мастер подсмотрел и перенес, ибо такое нельзя выдумать. С тихой радостью рассматривал Нури игрушку, представляя реакцию своей ребятни, особенно теперь, когда дети познакомились с тянитолкаем и восприняли его...

— Спасибо, мастер! — Нури прижал руку к сердцу.— Но откуда это у вас берется?

— Разве я знаю? На этот вопрос ни один мастер не ответит. Но я думаю, что в каждой коряге, в любом чурбаке заключен свой неповторимый образ, надо только догадаться — какой и высвободить его. Догадался, ощутил — это главное. А остальное — дело техники. Я вот эту загогулину нашел, так сразу почувствовал: в ней кто-то есть. Но кто, еще не знал. Образ возник потом, когда у нас тянитолкай появился... Вы поняли, Нури?

— Нет. Но я чувствую... это близко мне, мастер. И много у вас таких зверей?

— Увы, это единственный экземпляр, как и все мои поделки. Он непригоден для массового тиражирования. Ну сколько детишек подержат в руках этого зверя?

— Это неважно, мастер. Когда речь идет о красоте, бывает достаточно просто знать, что она где-то есть. Скажите, а вы посещаете нас там, ну, в реальности? Иногда у нас появляются чудо-игрушки. Дети говорят: утром пришли и увидели. Или, говорят, в песке откопали...

— Все Иванушка. Он забирает игрушки и уносит к вам. А я нет, я только здесь. Зачем и что мне там?..— Мастер посмотрел через плечо Нури и без выражения добавил: — А вот и Кащей Бессмертный. Зло изначальное.

Нури обернулся. Кащей стоял посередине улицы, и больше на ней никому места не было. Он был упитан, коренаст и монументален, а роста ниже среднего. Та часть, которой он ел, была хорошо развита и произво-

дила сильное впечатление. Та часть, которой он думал, была узка. Промежуток между ними заполняли зеркальные очки, в которых отражалось то, на что он смотрел. Сейчас в них отражался мастер и Нури рядом с ним. Кащей подошел вплотную.

— Тут мы в свое время что-то недодумали,— сказал он.— Что-то мы упустили, если тебя, Гасан, в свое время не наказали, не отлучили и не выгнали. Нам надо по-большому, по-крупному надо нам. Чтоб было что показать в комплексе. Эх, я в свое время умел показать! А ты ерундой занимаешься, мелочовкой, отдельными, видишь ли, игрушками. А игрушка — она отвлекает. От выполнения. А?!

Это «а» произносилось на выкрике, как бы в отрыве от остального текста и придавало словам Кащея мучительно хамский оттенок. Было понятно, что Гасан с его заботами о чурбаках, с его игрушками — это для него, Кащея, раздражающе малая величина.

Усы у Гасана обвисли, он молча смотрел под ноги, где на траве беспомощно валялся диковинный зверь, и мастер не решался подобрать его. Ибо от века так: работник, творящий новое, беззащитен перед наглостью и хамством. Нури покраснел, ему стало стыдно, словно это он сам обидел старого мастера. Он подумал, что, конечно, Кащей — осколок прошлого, не более того, и к тому же его уже уволили. Но Нури знал и видел: здесь, в Заколдованном Лесу, с Кащеем предпочитают не связываться. Ибо он сумел каким-то образом внушить многим, что отставка его — дело временное.

— Вы хотели оскорбить мастера, Гигантюк, вам это удалось,— сказал Нури.— Не словами, они не имеют смысла, ибо в игрушках, как и во всем остальном, вы не специалист. Оскорбили тем, что взялись судить о его деле, тоном своим оскорбили. Я не требую от вас извинений, уйдите. Вы завистник, вы мне противны.

Гигантюк ощерился.

— Чему завидовать, вот этому? — носком башмака он ковырнул зверя.— Масштаб не тот. Да и разве такие звери бывают, зачем придумывать, чего нет. Помню, мы из нержавейки обелиск соорудили семь на восемь — вот это да! Далеко было видно. Убрали... Говорят, безадресный... Но ничего, Сатона снимут, обе-

лиск восстановнм, н меня прнзовут, н другнх... А о вас я слышал. Вы — Нури, бывший кнбернетик. От наукн, значнт, ушли. А куда пришлн? Вот то-то...— Гнгантюк стоял, раскачнваясь.— Меня не ннтересует мнение бывшего. А я есть. И буду!

И он двинулся посередине улицы, заботливо унося себя.

Нури поднял зверя.

— Возьмите, Гасан. Вы великий мастер, верьте мне...

После Гигантюка разговор их как-то погас. Гасан-игрушечник сел за работу и тем утешился. Для мастера работа всегда цель н утешение. А Нури пошел к отведенной ему избе, возле которой его уже ждал Иванушка. Он боком сидел на широкой спине ездового хищника — Серого Волка и был готов все показать и обо всем рассказать.

Что может старик Ромуальдыч, Нури узнал к концу экскурсии, когда попутно выяснилось, что ему прндется-таки остаться в Заколдованном Лесу. Естественно, по доброй воле н неизвестно на какой срок.

Управляющий комплекс разместился в обширном зале со сводчатыми потолками. Помещение комплекса было вырублено в основании нзвестнякового утеса с поросшей соснамн макушкой и смотрело фасадом на небольшую нехоженую поляну. Фасад, выложенный из слоистого песчаника н заросший плющом, почтн сливался со скалой. Только выходящую наружу толстую, покрытую ннеем петлю криогенной электролинни Нурн воспрнннимал как днссонанс в этой совершенной гармонии ландшафта и техникн.

Старик Ромуальдыч, задумчивый и грустный, сндел за подковообразным пультом, обрамленным экранами. Деревянная скамья под ннм тоскливо скрипела.

— Тэк-с, посмотрим, что у нас на выходе...— Нурн встал внутри подковы, отодвинул в сторону свисающий на толстом кабеле шлем с прнсосками. Все было знакомо — и шлем электронного стнмулятора умственной деятельностн, попросту, шапка ЭСУДа, и вогнутые экраны «Кассандры». Пальцы его прнвычно забегалн по клавиатуре пульта. На экранах сразу выявнлись странные фигурки, похожие на волосатую букву Я. Онн деформировалнсь и расплывалнсь, то теряя очер-

тания, то приобретая голографическую рельефность. Старик Ромуальдыч, передергиваясь, вытянул длинную руку и костлявым пальцем стер фигуры. Из призрачных глубин экранов бездарным порождением убогой фантазии выплывали новые уродцы.

— Мерзоиды! Сплошные мерзоиды! — забормотал старик Ромуальдыч.— И делаю я многое сему подобное, взоры оскверняющее...

— Над задачами воссоздания бо-о-льшие коллективы работают, а вы тут в одиночку...— Нури переключил прогнозную машину на анализ эволюции буквообразных уродцев.— Вот и шапкой вынуждены пользоваться, а ЭСУД ведь не для этого, он для экстренных случаев... Вы хоть понимаете, сколь невероятно сложна программа восстановления?

— Нам понимать ни к чему. И шапка у нас не чтоб думать, а для вложения души. Мы проблему нутром чуем. Энциклопедисты-примитивисты — вот мы кто. А программа что... нам ее готовую дали.

— Как — готовую?

О программах Нури знал все, поскольку в воспитатели поднялся с должности генерального конструктора большой моделирующей машины. С тех пор прошло почти пять лет, но,— и это поражало его самого до глубины души,— знания остались. Однако разве кто-нибудь работал над программой создания сказочных форм? Такие вещи втайне не делаются.

— Кто вам ее дал?

— Директор ИРП, кто ж еще. У вас там по этой программе все и воссоздается. И эта, виверра, и карликовый бегемот...

— Товарищ Ромуальдыч,— цыганский надрыв в голосе Нури был неподделен.— Эти ж программы для реальных форм! А у вас сказочные!

— Э, все едино. Это нутром надо чуять.

— Ага! — Нури увидел, как буква Я утолщилась снизу, а в кружочке возник и замигал кошачий глаз.— О нутре мне уже много раз говорили. Это я понял. Но как по программе для реальных форм вы умудряетесь получать формы сказочные — вот чего я понять не могу. Откуда, к примеру, Дракон?

— Сие тайна великая есть.

— Повторяетесь. Про тайну и Иванушка говорил.

— Тем более, тем более,— забормотал старик Ро-

муальдыч. Глаз его задергался, словно перемигиваясь с буквой Я, которая, перепрыгнув на экран центрального дисплея, превратилась в мохнатый колобок, мигнула последний раз и бесформенно расплющилась.— Коли двое говорят, надо прислушаться. Иванушка чист душой.

— Я тоже чист. Но, как сказал Неотесанный Митяй, толку-то... Одной душевной чистоты мало, еще и работать надо уметь.

— А вот когда, к примеру, напряжение падает, что мы имеем? То-то! У вас там крупные комплексы вводятся, а у нас Кащей врывается, скандалит, говорит, темно ему, он, видишь ли, по ночам мемуары пишет, чтоб всех, значит, на чистую воду... Порядок это? Я не про Кащея, черт с ним, я про другое. Ты, допустим, кистеухую свинью в вольере смотришь, хорошо это? Отвечу — хорошо, потому как сознаешь: есть кистеухая свинья и живет на планете той же, что и ты, человек.

— Отлично сказано! — воскликнул Нури.

— Вот. А ежели ты тянитолкая от носов к середке в две руки гладишь? Отвечу — тебе еще лучше, потому что он из сказки. А у нас перерывы в энергоснабжении — это как? А ты на спевке тютелек был?

Нури, прикрыв глаза, вслушивался в бормотание старика Ромуальдыча. Какая-то система во всем этом должна была быть, в подходе к проблеме, в действиях жителей Заколдованного Леса, малопонятных, но, видимо, имеющих свою логику. В конце концов, что ни говори, а продукцию-то они дают. А может, им действительно легче, ибо, кто знает, каков дракон был в натуре? Вывел нечто чешуйчато-перепончатое — и, пожалуйста, дракон. А докажи! Но кто, собственно, сомневаться станет? Поразительно: методы сомнительные, а столь впечатляющи результаты...

Был Нури на спевке тютелек, именуемых также дюймовочками: Иванушка сводил его в ближние, доступные посещению места и кое-что показал. Дюймовочки, разместившись вокруг низкого пня на кочках и цветах дикого подсолнуха, разучивали что-то знакомое и жужжащее. Домашний шмель перелетал от одной группы дюймовочек к другой, предлагая смешанную с нектаром пыльцу, которую налепил себе на бицепсы задних ног. Все это можно было увидеть,

если хорошенько присмотреться, а Нури умел присматриваться. Это можно было услышать, если хорошенько прислушаться, а Нури умел слушать.

— А вот дуб железный, еже есть первопосажен! — сказал Иванушка.

Дуб был огромен, и обозреть его было нельзя, не потеряв шапку с головы. В невозможной вышине темнело дупло, в котором, как утверждал Иванушка, дневала змея Гарафена. Но ту змею никто не видел, а только слышали здесь, как она ползает там. За самый нижний сук дуба, метрах так в пяти от земли, уцепилась передними когтистыми лапами Драконесса, положив голову в развилку. На морде ее было написано лучезарное блаженство, поскольку внизу доил ее Неотесанный Митяй. Густое, как мед, молоко тяжело цвиркало в бадью, над которой роились пчелы.

— А говорите, тянитолкаю детское питание нужно. Тут молока на ползверинца хватит.

— Молоко, да не то,— вздохнул Иванушка.

Гребенчатый хвост Драконессы тянулся в кусты, а перепончатые прозрачно-черные крылья были мощно растопырены, и сквозь них просматривался багровый диск полуденного солнца.

— Дикая лактация,— леший утер пот с усов.— Драконыш высасывать не успевает, доить приходится чуть не шесть раз в сутки, и все мне, все мне! А едва задержка — пристает к прохожим и, чешите грудь, гудит и крыльями трепещет. А у них частота двенадцать герц, инфразвук. Люди пугаются до онемения... Хочешь попробовать?

Неподвижная Драконесса чем-то даже привлекала, от нее приятно пахло, и была она теплая и уютная. Нури попытался заменить лешего, но не смог выдоить ни капли.

— Здесь сила требуется,— леший потряс кистями рук, шевельнул пальцами.— Двадцать процентов жирности... Сметана. Пятнадцать процентов фруктозы. Правда, при трехстах сорока градусах, не пугайтесь, по Кельвину,— нормальная для драконов температура — вязкость уменьшается, но все же ох нелегко.

Нури вспомнил так называемое коровье поле неподалеку от городка ИРП и уходящий за горизонт навес, под которым укрывалась от зноя нескончаемая шеренга коров-скороспелок, вспомнил прозрачные трубы мо-

локопроводов, хлюпанье присосок и стерильную чистоту автоматических отсосных станций.

— Доильный аппарат нужен,— сказал он.

— Дракон это! — посуровел Неотесанный Митяй.— А ты к нему с аппаратом, как к буренке. Соображать надо, а не бухать что ни попадя. Хорошо, она сейчас высоко, не слышит и вообще отключилась.

Нури выслушал чужое мнение и согласился с ним. Розовое и вроде бы мягкое на вид вымя Драконессы было на ощупь практически несминаемым, и только сверхъестественная сила рук лешего позволяла ему справляться с дойкой.

Показал Иванушка и единорогов. Они дремали в тени цветущей липовой рощи. Нури рассматривал их не спеша, убеждаясь, что тот неведомый скульптор не погрешил против натуры ни в единой детали. В холке достигающие двух метров, единороги отличались угадываемой мощью рельефно сглаженной мускулатуры и чем-то напоминали сказочных белых коней. Чуть выше глаз, почти параллельно земле, вырастал у каждого длинный белый рог, прямой и тонкий. Гривы их и хвосты рассыпались мелкими кудрями, а опущенные и неестественно для альбиносов черные ресницы бросали пушистые тени на розовые ноздри. Пораженный этой дивной красотой, Нури с трудом перевел дыхание и, чтобы прийти в себя, ни к селу ни к городу заметил, что рог — это не совсем удобно, при пастьбе должен мешать, упираясь в землю. Иванушка успокоил его: нет проблемы, единороги в основном питаются цветками шиповника и медовой сытой, а пьют росу либо млеко от двенадцатого источника, довольно глубокого.

— А сначала было их три! — произнес Иванушка голосом, от которого у Нури пошли мурашки по коже.— Сказка сказок — единорог!

И больше Иванушка ничего путного не сказал, сколько Нури ни добивался. И заторопился по каким-то неотложным делам, будто есть дела важнее, нежели беседа с гостем. Он косноязычно бормотал что-то о великой тайне, о том, что все подробно расскажет Пан, который есть завлаб. А он, Иванушка, он на выходе, и что достанет, тому и рад, вроде как леший семечку. И кто знает, что получится, хочешь сделать добро, а вдруг Василиск выходит. Иначе б с чего Пан кибернетика оттуда звал, сам подумай...

...Нури сделал иад собой уснлне н вернулся. Старнк Ромуальдыч с горестной надеждой щурнлся на него н молчал, вндимо, нссяк.

— И давно у вас сбон? Ну, подобные вот этнм, когда система порождает явную нежнть?

— Постоянно. Нежнть рождается все время, мерзонды. Но «Қассандра» предупреждает, и мы меняем режнм либо мутагены лнбо корректируем рецептуру нсходного бульона. Потом смотрнм, что получается, и отбнраем нанболее подходящее. И опять-такн «Қассандра» дает внешиний внд, а нутряные свойства кто предскажет? Я думаю, не сбой это, а заклииило нас от страха, от неувереиностн. Потому геном н рекомбиниации — это еще ие все. Нужеи еще один компонент — пснхополе создателя, нбо от иего завнсят душевные качества, гм, продукцин. Ну, у нас обычно кто менее занят, тот и подключался, какая разиица. Надел шапку и сиди себе, вспоминай хорошее — детство там нлн первую любовь. А тут вдруг Василиск... Представляете, как это на коллектнв подействовало? Я говорю: товарнщи, без паникн. Зло, говорю, может быть врожденным н нечего думать, что это кто-то нз нас виновен. А мне говорят: правильио, врожденным! А кто породил? Мы! Я говорю: хорошо, пусть мы, ио давайте нсправим воспнтаинем. И что? Вроде н еды, н заботы в него, гада, было вложено — иа семь драконов хватнт, а что вышло? Злодей вышел. И мы теперь не только за себя, мы и за вас за всех боимся.

Нурн знал, что характер — это и врождеиное и благоприобретенное в процессе воспнтания. У людей. Но, вндимо, особой разиицы нет — н у зверей. Нури поминл, что Васнлнск, смертоносное зло древннх сказок, рождается нз яйца, снесенного семнгодовалым черным петухом в теплую навозную кучу. Это почти невозможиое сочетание начальных условий говорило, что н предкн нашн счнталн зло по прнроде своей явленнем редкнм, исключнтельным. Полагалн, что прнрода огранчнчила возможностн появлення зла, но не огранчнла добро. А тогда, действительио, откуда же здесь Василнск? Тот самый, о котором скупо, но часто упомииают жнтелн Заколдованного Леса. Иваиушка издалн показал: вон там его логово, вндишь, где деревья посохлн, в болоте, нет, сейчас он не вылезет, следнм, раиы залнзывает...

В неоглядном и щедро освещенном зале синтезирующего комплекса было малолюдно. Нури осмотрел знакомые барабаны ускорителей, между излучающими головками которых в плоских стеклянных трубках циркулировал мутный первичный бульон — выходной резервуар его и представлял собой тот самый котел, у которого трудился Иванушка. Гнездами торчали шарообразные емкости, в которых совершались непонятные реакции, а за тройной, из медной проволоки сплетенной защитной сеткой над небольшим бассейном вспыхивали трескучие извилистые молнии — и тогда морщилась поверхность зеленого студня в бассейне. В самых неожиданных местах торчали армированные ясенем окуляры. Возле некоторых в позах созерцания застыли добры молодцы в шитых бисером кафтанах. Заведующий лабораторией Пан Перýнович пояснил, что это вот — стажеры, которые пытаются постичь, а это вот — выводы оптических преобразователей, которые дают приблизительные зрительные аналоги происходящих процессов, пока, а может быть, и в принципе, ненаблюдаемых.

— Обратите внимание: реакторы, в которых мы расщепляем спирали ДНК. Конечно, используем весь генетический фонд Земли. Продукт расщепления — основной ингредиент первичного бульона. Отсюда он, смешиваясь с катализаторами, ускоряющими обмен генетической информацией между различными видами живого, поступает в котлы ГП, главное, чем мы располагаем.

Пан Перунович, бритый, совсем не похожий на прочих жителей Заколдованного Леса, снял с головы золотой обруч и повесил его на палец.

Вдоль стен и на потолке, образуя причудливые переплетения, тянулись разноцветные трубы котлов горизонтального переноса. В этих конструкциях была овеществлена давняя идея: всё живое находится в генетическом родстве, между любыми живыми существами происходит в той или иной форме перенос наследственного материала и это — первый этап и основа эволюции.

— Почти точная копия нашей лаборатории революционной эволюции,— сказал Нури.— Я буду признателен, если вы поясните, как с помощью этой традиционной аппаратуры вам удается получать устойчивые сказочные формы жизни? Только не говорите, что сие тайна великая есть. Про тайну, про нутряное чутье, равным обра-

зом о кондовостн, о необходнмостн опроститься я уже много раз слышал. Хотелось бы выясннть наконец, от кого та велнкая тайна? И почему ее от меня скрывают?

Пан Перуиовнч долго н со смаком смеялся.

— Прнзывы к кондовостн,— заговорнл он,— сами по себе безвредны н не более чем отзвук ушедшнх в прошлое днскуссннй между возвращенцами н прогресснстами. Если помните, первые, которых всерьез никто не прннимал, звалн чуть лн не в пещеры. А вторые — к отказу от напрасной, по их мнению, траты усилий и средств на сбережение естественной природы, поскольку человек неплохо чувствует себя н в окружении искусственном. Да, запакостнли прнроду, ну и что, живем и сыты! Соблазн велнк — урвать без отдачи, именно так поступали предыдущне поколения, а каких высот достигли! Опорой на опыт н были сильны прогрессисты... Но человечество уже поумнело. Оно, Нури, стало добрее. А доброта — это н способность к самоограинченню. Пришла пора отдавать долги прнроде, н вы знаете, что центры реставрации множатся не по дням, а по часам на всех матернках, н на островах, н на морском дне... Прогресснсты увялн, сейчас от ннх и следа не осталось, а возвращенцы — онн н вам встречалнсь. Да пусть нх...

Ну а великая тайна — это то, чего мы никогда не узнаем, поскольку постнгнуть все нам не дано. И, конечно же, воспнтатель Нурн, мы ничего от вас не скрываем, да нам, собственно, скрывать нечего н незачем. Методы нашн, как вы уже понялн, те же, что н у вас. В основном это горнзонтальный перенос наследственного материала, перебор комбинацнй и — наша заслуга — метод вертнкального развитня зародыша от любой фнксированной намн стадии. Мощнейшнй, скажу я вам, метод, он нам позволнл получнть еднорогов, Жарптнцу, Дракона н другнх легендарно-сказочных жнвотных. С программой возится старнк Ромуальдыч, но он, в сущности, днлетант. Крутнт ее и так н этак... Как генетик я знаю, что действительно новое появляется в результате случайного перебора. Но для этого должна выпасть вонстнну счастлнвая случайность, флуктуация на сером фоне равновероятностн. А у нас получается не так уж редко, н это ставнт меня в тупик. Впрочем, сейчас уже не ставит, сейчас мы больше не работаем...

— Тут я вам помочь бесснлен, еслн вы пересталн

работать. Я немного разбираюсь в программировании и конструировании вычислительных и моделирующих машин, но и только...

— Вы умеете сочинять сказки — редчайшее качество.

— По совести — это мне дается с трудом.

— Вы воспитатель дошколят, для нас это самое важное.

— Ага, потому, что сам верю в сказку?

— Да. И понимаете ее важность в деле экологического воспитания молодого поколения...

Пан Перунович говорил что-то еще, но Нури его уже не слышал. Он замер, как при встрече с Драконом. Суждение Пана Перуновича было глубоким и нетривиальным: любая сказка — и Нури не нашел исключений — имеет если не экологическую направленность, то всегда экологический подтекст. И само собой разумеется, что воспитатель стремится воспитать доброту как основное качество человека. Доброта же не беспредметна и проявляется в стремлении защитить слабого, сильный сам защитит себя. Но что беззащитней цветка или животного? И Нури подивился глубине предвидения мудрецов, которые сочиняли сказки еще в те времена, когда о нарушении экологического равновесия и речи не было. Но уже тогда Иван-царевич и волку помогал, и медведя не обижал, и для зайца морковки не жалел...

— Я подумаю,— сказал Нури.

— Да, конечно. Я вот тоже все время думаю, почему в условиях информационной скупости природы — ведь знания даются так дорого — геном помнит изначально и хранит в себе потрясающую по объему библиотеку программ, которая отражает весь исторический путь развития организма. Но эти программы не используются... Тогда зачем они?

— Я подумаю,— повторил Нури.— Только сдается мне, что не мнение мое по коренным вопросам генетики интересует вас.

— Вы полагаете?

— Вот именно. Полагаю, что у вас крупные неприятности с Василиском. Мне старик Ромуальдыч намекнул.

— Это так, Нури, это так. Сами на себя беду накликали, но кто мог знать? Мы в своей работе широко используем древние рецепты, иногда с успехом, чаще без. А тут у кого-то в поселке неожиданно закудахтал чер-

ный петух семи годов от роду... естественно, мы решили воспользоваться моментом... Технология несложная, мы ее воспроизвели...

Пан Перунович владел и словом и жестом: Нури четко уяснил, как все оно было.

Вот именно, они действовали точно по рецепту. Дождались, пока петух снес яйцо, и закопали его в кучу навоза, находящуюся в стадии брожения и потому теплую внутри. Надо полагать, что последующие мутации возникли как результат действия комплекса факторов: температура, бактериологическая среда вызревания, первоначальная гормональная перестройка в организме петуха.

На двадцать первый день яйцо с треском лопнуло и вылез из него глазастый рогатый змееныш, так в два пальца длиной. Тут же его — в террариум. Солнце там искусственное, песочек, водичка и все, что маленькой змее требуется. Террариум поместили в волновую камеру, никто из создателей на радостях домой не уходит, и все по очереди на себя шапку ЭСУДа надевают, чтобы, значит, на змееныша своим психополем воздействовать. Чтоб ему добрые намерения и ласковый характер привить и тем зло посрамить, а добро восславить!

Однако прошло немного времени, и все как-то попривыкли. Ну, Василиск, он и есть Василиск, славно, конечно, что древние рецепты не обманули, и еще лучше, что сказка лишний раз явью обернулась... Но ажнотаж приутих.

Рассмотрели как-то попристальней, а он уже на полметра вытянулся, рожками шевелит, глаза также зеленые, с фиолетовым отливом, моргают забавно, капюшончик бородавчатый раздувается. Неотесанный Митяй тогда с шапкой на голове сидел и представлял себе приятное: как это он в лунную ночь вдоль зарослей разрыв-травы из Леса ползком и на той стороне желуди и каштаны все сажает, сажает, и будет там дубово-каштановая роща, и кто придет, тому будет радостно в ней... Хорошее представлялось легко — верный признак, что змеёныш в контакте с донором и воспринимает от него охотно. Глядь, а змееныш на хвосте приподнялся, раскачивается. Любопытно стало лешему, и протянул он руку. Василиск тут же свернулся кольцами на ладони, и ничего, только холодит ладонь, но это уж от него не зависит. Тут убедились, что все в порядке, все ладнень-

ко, приласкали змееныша, покормили, он заснул. А творцы хором подумали: это хорошо!

А был день пятый, и все разошлись. Только Неотесанный Митяй еще долго сидел, аж до сумерек. И думал о единорогах, он о них часто думал. Что хорошо бы их много было, и расселить бы по лесам и степям, чтоб не только здесь, а везде. Чтоб каждый мог в яви увидеть, как бежит единорог и дышит, и вздрагивает под ним земля. Увидеть, и тогда уйдут суетные мысли, и люди постигнут чудо и красоту, что всегда рядом... надо только уметь видеть. Неотесанный Митяй часто думал о том, как странно все на свете, как сложен мир — и люди, и звери... что простоты не бывает и мы сами придумываем ее от нежелания или отсутствия привычки мыслить... и лес... и звезды, если на них хоть изредка смотреть, а людям все некогда. А вот, если солнце всходит, вода в озере теряет ночную гулкость, и последняя звезда мерцает на его поверхности, пока день не погасит ее...

— При мне порядок был! — Леший вздрогнул. Он и не заметил, как, широко шагая, вошел возмущенный Кащей.— Я говорю, при мне порядок был, а тут светильники едва тлеют. А может, я тоже работаю по-большому. А?

Кащей совсем не смотрелся здесь, в детской, где стояли в ряд волновые камеры предвоспитания, остекленные подкрашенными кварцевыми пластинами и потому похожие на громадные теплые кристаллы. Возле камер располагались кресла, над которыми свисали шапки ЭСУДа, перестроенные на усиление излучений психополя. Увы, камеры обычно пустовали, демонстрируя числом своим избыток оптимизма у создателей.

Леший мрачно оглядел Кащея: нет, не изменился, бессмертен... ЭСУД среагировал на понижение напряжения в сети и отключился сам. Леший снял шапку, отлепил присоски. Конечно, он, Неотесанный Митяй, коль задержался здесь так поздно, мог бы считаться чем-то вроде дежурного. И мог бы объяснить, что если диспетчер иногда вынужден ограничивать подачу энергии, то это можно понять и оправдать. Но об этом не раз говорилось Кащею, и все без толку. Кащей обладал удивительным свойством: он умел отключаться, когда ему разъясняли то, что он не хотел слышать. Он вроде как бы слушал, но в то же время не слышал. Когда же собеседник, изложив доводы, замолкал, Кащей извлекал из се-

бя ключевую фразу: «Вы меня не убедили». Он никогда не возражал по существу, поскольку для этого требовалось думать. Соглашаться же он не любил, так как полагал, что это роняет его руководящее реноме.

Ключевая фраза действовала ошеломляюще. Как правило, собеседник, обманутый человечьим снаружи обликом Кащея, начинал второй заход — с тем же результатом. Замы выдерживали до пяти попыток и уходили, тряся головами.

— ...На покое Кащей сохранил привычки,— продолжал свой рассказ Пан Перунович.— И леший об этом знал. Он молча выслушал упреки и угрозы, причем Кащей не унялся и после того, как дали свет. А потом Кащей стал хвастаться, как он внедрял почасовое планирование научной работы, и тут Неотесанный Митяй сорвался и сказал... поймите правильно, Нури, леший, конечно, грубоват в чем-то, хотя в целом добр и всех приемлет... нет, я не оправдываю его...

— Так все же, что сказал леший? — не выдержал Нури. Пан Перунович вздохнул:

— Леший сказал: заткнись! Так он сказал и ушел. Нури, он думал о красоте, а тут Гигантюк, которому плевать на красоту...

— А я лешего не осуждаю,— сказал Нури. — Доведись мне, я б тоже...

— Я понимаю,— Пан Перунович долго с чувством жал руку Нури. — Я понимаю, это вы так, чтобы меня утешить, а все равно приятно. Вы у нас человек новый, прямо оттуда, и ваше мнение для нас вдвойне дорого. В конце концов, все, что мы здесь делаем,— это ведь для вас. Реальный мир не может без сказки. Он, не побоюсь сильного выражения, без сказки пропадет, и вот тут нам важно знать ваше мнение: то ли мы делаем, получается ли у нас?

— Получается,— заверил Нури. — То, что нужно. Это не только мое мнение, Алешка тоже так думает, он считает, что вы создаете настрой, атмосферу сказки уже самим фактом своего существования. Вашу деятельность высоко оценивает и секция социологов из акселератов ползунковой группы.

— Приятно слышать, расскажу всем. Так, на чем мы остановились? Ах, да, на Василиске...

Случилось это вскоре после конфликта лешего с Кащеем. Надел раз Пан Перунович шапку, подключился, а

контакта нет. Змееныш шипит, глазки сузились, поблескивают неприятно. «Может, я не о том думаю»,— решил Пан Перунович и стал вспоминать приятное: как они выводили Жар-птицу. Цыпленок был покрыт редким розовым пухом, светился в темноте и обжигал ладони, когда его брали в руки. Не знали, чем кормить, и зря старалась подсадная мачеха-курица, склевывая рядом пшеничные зерна: цыпленок стучал каменным клювиком по зернам, но не брал их. Все впали в траур. С таким трудом вывели, а чего стоило создание термостойкого белка,— о том только Сатон и может рассказать — это он координировал деятельность целого куста НИИ, которым была поручена работа над белком! А что вы думаете — сотворить сказку без привлечения науки... И подох бы цыпленок Жар-птицы, когда б не Иванушка. Как раз у него был день рождения, и заявился он в детскую в новом кафтане. Видит, цыпленок уже на боку лежит, еще, правда, горяченький. Так жалко ему стало... Цыпочка ты моя, говорит Иванушка, и берет цыпленка в руку, кладет на ладонь, а тот один глаз приоткрыл и последним усилием — хоп и склюнул с манжета жемчужину! И вторую!!

— Понимаете, Нури,— разволновался, вспоминая, Пан Перунович,— ведь это взрослая Жар-птица и зерно клюет, и сердоликовую гальку в ручьях находит, а пока она цыпленок,— только мелкий речной жемчуг потребляет. А откуда мы это могли знать, ни в одном источнике не указано... Сижу перед змеенышем, вспоминаю эти прошлые наши заботы-хлопоты. И тут мне подумалось, вы не поверите, Нури... Мне вдруг подумалось: ну и подох бы цыпленок, и черт с ним, возни меньше было бы, а то у всех волдыри на руках от ожогов, тоже мне, забота... Смотрю, а змееныш ощерился, два верхних зубика вперед выступают, а в щелочке между ними капелька такая прозрачная висит. Передернуло меня от отвращения, и злоба в сердце поселилась. Ищу глазами, чем бы змееныша по головке стукнуть, и вижу — у соседней камеры мерный стержень стоит, только не дотянуться мне до него. Сдернул я шапку, только присоски чмокнули, схватил стержень... Держу его и думаю: чего это я так? И страшно мне самого себя стало...

Вы уже поняли, Нури, контакт установился. Только в обратном порядке, не я на него, а Василиск на меня своим психополем влиял. Представьте, какова же

сила злобы в маленьком змее была, если он на меня из камеры смог подействовать и такие гнусные мысли во мне пробудить.

Пан Перунович помолчал, успокаиваясь.

— Ну, а дальше? Что ж, дальше все было, как и должно было быть. Всем коллективом думали, а понять не могли, как это так получилось, что добро змее внушали, а зло выросло. Старик Ромуальдыч за ночь перемонтаж сделал, пять шапок подключил, а утром мы объединили усилия: стали вокруг камеры, шапки надели... только ни о чем хорошем не думается, а всякая ерунда в голову лезет, и вроде как слышу я нелестные обо мне мысли лешего, а что Иванушка обо мне думает, того и не высказать... Ну, и я тоже подумал: что там Иванушка — дурачок, он и есть дурачок, что с него спросишь... Леший, он первый понял, снял с себя шапку, оглядел нас исподлобья, вздохнул и ушел. Такие дела... Не одолели мы Василиска, он нас одолел.

Потом, конечно, мы еще пробовали. В одиночку и почему-то тайком друг от друга... Ничего не получилось. Да и к камере приближаться стало трудно, поле злобы вокруг нее, и ничто это поле не экранирует.

И поняли мы, что пустили на землю зло. Не желая того. Но разве это оправдание!

А Василиск, видим, растет, но кто его измерит, он все время свернутый, и камера предвоспитания — воспитали, называется,— ему уже мала. Пришлось строить вольеру, конечно, за территорией поселка. Пока туда камеру с Василиском тащили, все переругались, чуть до драки не дошло. Втащили, отошли подальше, помирились и длинной веревкой, что привязали заранее, открыли крышку... Василиск выполз на зеленую траву, длинный и страшный, как смертный грех. Подполз к сетке, уставился на нас, и мы попятились, охваченные ужасом от нами содеянного. А ведь мы тогда еще не знали, что он растет непрерывно, пока жив... Вольера была открыта сверху, и мы видели, как свалилась туда пролетавшая птица и как Василиск проглотил ее, не дав упасть...

Что нам было делать, как поступить? Убить Василиска? Но кто решится! Мы прекратили работу, Нури. Сейчас это не работа, это мы так, суетимся понемногу. Последним появился тянитолкай, и мы сразу отдали его вам, поскольку разуверились в собственной способности

сотворить добро воспитанием, поскольку, как говорит Иванушка, погрязли в грехах и эгоизьме. Через мягкий знак произносит, чтобы обиднее было. И правильно, если мы до того опустились, что друг друга подозревать стали. А разве не погрязли, а Василиск-то откуда?

Мы каждый день смотрели на него издали. Змей наваливался на сетку, она прогибалась, и мы понимали, что ему ничего не стоит прорвать ее. Так и случилось... В одно утро вольера оказалась разрушенной и след тянулся через перелески за озеро к болоту. В озере плавала кверху брюхом отравленная рыба, на берегу мы обнаружили останки птицы Рух, разорванной пополам. Олень — золотые рога, у нас их всего два было, валялся бездыханный. Было у нас Древо райско, гордость Леса: на одном боку цветы расцветают, на другом листы опадают, на третьем плоды созревают, на четвертом сучья подсыхают. На нем Жар-птицы всегда гнезда вили. Так это дерево оказалось словно раскаленной железной полосой опоясано и надломлено — потеря невозместимая! А на зеленом островке посереди болота, где обосновался Василиск, деревья усохли. И всю эту беду Василиск натворил между делом, просто так, ведь животные не были даже съедены, а думать, что они могли напасть на змея, просто глупо...

В Заколдованном Лесу к трагедиям не привыкли. Звери в большинстве питались растительной пищей, а хищники промышляли помалу и без явного злодейства. Так, ежели Серый Волк по случаю задирал овечку, то какую похуже и обязательно перед тем безвыходно в лесу заблудившуюся. А чтобы вот так — р-р-раз и готово! — этого не было, этого себе никто не позволял. И отнюдь не из кротости, а просто сказочные формы жизни едва нарождались, и потому еще на стадии предвоспитания творцы внушали всем необходимость сдерживать до поры природные инстинкты.

Злодеяния, учиненные Василиском, привели население Заколдованного Леса в состояние длительного шока. Мирная жизнь была в одночасье сломана, идиллическое течение ее нарушено. Тоскливое ощущение вины нависло над поселком, животные жались поближе к той рощице, где обитали единороги. Даже Яр-Тур, страху не знающий, вылез из чащобы и пасся в пределах видимости. Звери чувствовали, что если кого опасается Василиск, так это единорогов. И действительно, в свое

болото змей полз не по прямой, он далеко обогнул рощу с единорогами. Это было видно по следу: где он полз, там пожухла трава.

— Я видел такой след,— сказал Нури.— Там, за территорией Леса. Возле памятника единорогу.

— Это не памятник, воспитатель Нури...

...В болоте было душно и тихо. Совсем недавно в нем кипела жизнь, орали по ночам лягушки, по краям, где рос камыш и вода была прозрачна, бродили цапли; на островке в кроне сыр-дуба куковала добрая кукушка, что подкидышем росла, хлебнула горя и теперь, всех жалея, любому накуковывала несчетное число лет. Василиск отравил воду, убил цапель, которые не успели улететь, дохнул вверх и спалил кукушку. Болото вскоре стало черным и зловонным, Василиску в нем было уютно.

Он быстро рос, наливаясь силой и злобой, как и положено царю змей Василиску. Змей смутно помнил что-то светлое и теплое,— это было в забытом прошлом, когда не было болота и безлистных деревьев рядом; жило в нем слабое воспоминание о том, как тепло внезапно исчезло и он пробудился в равнодушии и холоде и стал злым — и это сразу стало привычным. Так было, а может, и не было, все едино...Высоко в небе кружился Ворон, он все время там кружился, змей брызнул ядом, не достал... И он пополз через болото туда, где была жизнь, которую можно убить.

— Так было, Нури, Василиск полз к поселку, а Ворон летел над ним и кричал. Мы могли уйти из поселка, в помещении синтезирующего комплекса всем места хватило бы, но нам стало стыдно, и мы остались... Ворон тревожно кричал в вышине, мы его слышали, и Неотесанный Митяй услышал и привел к поселку единорогов. А змей уже выползал из леса, и, казалось, ему не будет конца. Потом он свернулся кольцами и вытянулся вверх, и голова его раскачивалась на уровне вершины старого кедра. Он увидел всех нас и увидел единорогов, что стояли на склоне, заслоняя поселок. И смутились наши души, ибо перед нами было нами порожденное зло — фиолетово-черный Василиск. И было нами порожденное чудо — единороги, в боевых позах, розовые в предзакатных лучах. Картина была неповторима, и этого нельзя забыть... Василиск, видимо, понял, что здесь

ему хода нет. Он страшно зашипел и скрылся в зарослях.

Нури слушал и словно видел Василиска, уползающего в сумрак леса от людей и зверей в одиночество, которое никому не может быть желанным. По следу его потом установили, что он долго кружил вокруг поселка,— кусты, в которых он укрывался, засохли — смотрел, как леший доит Драконессу и как возится Иванушка возле котла.

Это было ночью, люди ощущали его тревожное присутствие еще и потому, что все время с места на место переходили единороги, заслоняя собой людей и животных. А когда рассвело, Ворон закричал, что Василиск прополз под завесу и ушел туда:

— В мир-р-р!

Это было самое плохое, что только могло случиться. Кто допустит, чтобы по его вине увеличилось в мире зло порожденное? Кто возьмет такой грех себе на душу? И леший послал вслед змею единорога.

Говорят, это был единственный случай прямого прохода: единорог не прополз вдоль зарослей разрыв-травы, он кинулся напрямик и проломил защиту. Василиск затаился в кроне дуба, видимо, учуял погоню — и Лес дрогнул, и далеко окрест было слышно, как единорог ударил плечом по дубу и сбросил Василиска вниз. Никто этого не видел, только земля была взрыта там, где Василиск бил щипастым хвостом, и была обгоревшей там, куда попадал его страшный яд. Ничто живое не могло устоять перед этим смертоносным ядом, но, когда единорог был еще малышом, леший самолично искупал его в воде, взятой от девяти рек... И он устоял... сколько мог. Нет, сражения никто не видел, но рычание единорога, грохот битвы раздавались за пределами Леса, улетели испуганные птицы, и далеко бежали лесные звери, а в городке ИРП этот грохот воспринимался как отдаленные раскаты грома.

Потом, когда настала тишина, многие видели, как полз в свое болото Василиск, покрытый ранами. Он не прошел.

А единорог остался по ту сторону завесы. Он не упал, он прижался к дереву, цепенея от странной боли и ощущая, как каменеют мышцы и кости. И он, конечно, умер еще до того, как произошло в тканях полное замещение углерода кремнием, ибо именно к такой перестройке

клеток приводило глубокое отравление ядом Василиска. Он теперь всегда останется там — памятник добру побеждающему.

Все это произошло десять дней назад и полностью деморализовало коллектив. Сейчас каждому из создателей мерещится, что это он сам виновник зла, что чуткий змей воспринял плохое и темное, утаиваемое каждым от самого себя в недоступных глубинах подсознания. Василиск же затаился безвылазно, и что с ним делать — никто не знает...

— Вернемся к началу,— сказал Нури. — Конкретно, что вы от меня хотите?

Пан Перунович долго не отвечал. Наконец проговорил:

— Я знаю, вы умеете принимать решения...

— Ничего себе,— невежливо сказал пораженный Нури. Он внимательно оглядел Пана Перуновича. Пред ним был муж благостен и добронравен. Из тех, что, ожегшись на молоке, дуют на воду. Белый, как лилия, халат, нет, не халат, хитон! Белые же, хоть и редкие, но волнистые волосы под изящным обручем, глаза серые, внимательные и добрые до невозможности. А в них растерянность, от самого себя скрываемая. Что там темное может быть в его душе, сплошная белизна... Нури крякнул и отвел взор: — Скажите, а может, он уже того, отдал концы? В смысле — подох?

Пан Перунович пожевал губами и непривычно кратко ответил:

— Жив.

Ближе к вечеру, когда солнце еще не село, но длинная зубчатая тень от тына уже дотянулась до огородов, Нури сидел на крылечке и ждал. Говорящий котенок по-хозяйски расположился на колене и так упорно молчал, что Нури стал сомневаться, говорящий ли? В отдалении, в открытых воротах, неподвижно стоял Кащей, опираясь на трость, может быть, любовался закатом. А может,— что Кащею закат,— стоял просто так. Черный его силуэт смотрелся как вертикальное начало собственной горизонтальной тени. От летних кухонь кое-где поднимался синий пахучий дымок — это готовили поздний ужин или вечерний чай любители поесть перед сном: деревня старалась жить так, словно ничего не случилось.

Нури был полон дневных впечатлений и отстраненно думал, что вот заботы жителей Заколдованного Леса уже становятся и его заботами и не вмешиваться он уже не может. Возможно, эта вынужденная пауза в их деятельности — только на пользу; все не было времени оглянуться, подумать. Оказывается, и древние рецепты надо применять с осторожностью... Человек обязан сомневаться и в деле, и в самом себе, здесь это так и есть. Но все хорошо в меру, а чувство меры-то как раз и изменило милейшему Пану Перуновичу, который, как утверждают, в своем деле был богом. Любопытно: раньше каждый был уверен, что коллега-сосед чист душой. Теперь это обстоятельство не то чтобы подчеркивалось, но упоминалось достаточно часто, чтобы обратить на него внимание. Каждый словно старался показать, что в чужой непричастности у него сомнений нет. И действительно, ну какое зло мог внушить Василиску Гасан-игрушечник или Неотесанный Митяй? Вот они, кстати, идут рядком и ладком от дома мастера. Нури пересадил котенка на коврик, поднялся.

— Добрый вечер, мастер. Мир вам, леший.

— И вы здравствуйте...

— Я ждал вас. Я пойду с вами. — Нури не спрашивал разрешения, он просто поставил в известность: пойду.

— Да, конечно, я сразу понял — вы пойдете! — сказал Гасан-игрушечник. Леший промолчал, только поправил холстину, которой была закрыта порядочная по размерам бадья.

При виде лешего Кащей посторонился.

— На болото? — прохрипел он вслед. — Грехи заглаживать? Подождите, Василиск еще вам покажет, уж я-то знаю!

— Чешите грудь! — сказал леший, не оборачиваясь.

До болота путь не близкий, и всю дорогу леший возмущенно бурчал, вроде как себе под нос, но было слышно: откуда такие берутся, как этот Кащей, и как это люди ему позволяют, и где тот чиновник, который первым вывел Кащея на руководящую дорогу? Конечно, если в масштабе всего Леса, то Кащеевы пакости вроде бы невелики с виду — ну там рощу срубил, мастера обидел, дело доброе болтовней подменил; но ведь пакость — она безразмерна...

— А по-моему, — сказал Гасан, — Кащей не ставит целью специально учинить пакость — это было бы слиш-

ком примитивно. Он действует в соответствии со своими убеждениями. Он искренне верит, что монумент с призывом важнее рощи, что показуха важнее дела. Он тем и страшен, что искренен.

Леший уверенно перешагивал короткими толстыми ногами с кочки на кочку, держа на отлете бадью. Болото для лешего не было препятствием. Гасан-игрушечник и Нури шли за ним след в след, стараясь не ступать в зловонную жижу.

— От кого вы узнали, что мы выхаживаем Василиска?

— Никто мне этого не говорил, мастер. Я сам прикинул и понял: кто-то должен, иначе бы змей подох. Ну, а кто здесь может кроме вас?

— Многие бы хотели, но не каждый решится — страшно...

Василиск лежал, полукольцом опоясывая бестравный островок, треугольная голова его придавила ствол поверженного дерева. Нури в принципе не верил в порожденное зло и, может быть, поэтому не ощутил того поля злобы, о котором так красочно рассказывал Пан Перунович. Конечно, большая змея, о которой к тому же известно, что она ядовитая, вызывает к себе неприязненное отношение, но как может зло быть врожденным и беспричинным?.. Не поднимая головы, змей слабо цвиркнул ядом, промахнулся и прикрыл мутные глаза. Выступающая из болота часть туловища была обклеена большими заплатами пластыря, и они ярко выделялись на темной грязной чешуе. Неотесанный Митяй зашел слева и неуловимо быстрым движением оседлал Василиска. Он ухватил змея за ороговевший край капюшона и резким движением приподнял его голову. Раскрылась огромная пасть, беспорядочно утыканная вывернутыми вперед клиновидными зубами.

— Давайте!

Нури подтащил неподъемную бадью с драконьим молоком, а Гасан-игрушечник, отбросив холстину, стал лить его ковш за ковшом в черно-розовую пасть, стараясь не коснуться зубов, скользких от яда.

— Все сразу! — натужно выдохнул леший. — Трудно держать...

Нури и Гасан вдвоем подняли и опрокинули в пасть бадью, молоко, как в воронку, втянулось в горло. А потом, взявшись за концы, они длинной жердью прижали

нижнюю челюсть змея к земле и, когда леший слез с него, быстро отбежали в стороны.

— Он уже почти здоров,— сказал леший, когда они пробирались по болоту обратно.— Очухался, гад.

Василиск лежал недвижим и не пытался даже плюнуть вслед. Драконье молоко действовало как панацея, нейтрализуя не только болотный, разъедающий раны яд, но и яд собственный. Тот, от которого каменеют.

Нури жил в Заколдованном Лесу уже вторую неделю. Время пролетело незаметно, как в старости, хотя до нее Нури было еще далеко. Он часто бывал в лабораториях, постигая популярные азы биотворчества. Кроме котлов ГП использовали здесь весь набор известных методов воздействия на наследственное вещество. И странно было видеть на экранах «Кассандры» поразительную птицу, которую можно было бы получить способом вертикального развития эмбриона кошки. Конечно, от дальнейшей работы над такой птицей приходилось отказываться, чтобы не порождать чудовищ неожиданных и на Земле никому не нужных. А хотелось, неудержимо хотелось! Это самое трудное в работе творца — подавленное желание, вынужденная необходимость переступить через себя и отказаться от возможного, признав его ненужным. Как знакомо было это кибернетику Нури...

Он сдружился с лешим и часто сопровождал его в лесу и в поле. Неотесанный Митяй больше молчал, бродил, смотрел за порядком, устранял непорядок, часто присаживался на корточки, ковырял железным пальцем землю и закапывал семечко. Сбегав к ручью, он приносил в жмене воду, поливал место посадки, и, как заметил Нури, не было случая, чтобы семя не дало ростка.

Гром с той, первой, ночи больше не появлялся, видимо, ушел домой к хозяину. Нури понимал его и не обижался.

Леший учил Нури понимать жизнь растений, учил хозяйствовать в лесу, и эта наука никогда не надоедала, и пришло время, когда Нури сам почувствовал: вот здесь надо посадить барбарисовый куст — и не семечком, ростком. И это знание пришло к нему как бы само по себе. Выслушав Нури, леший довольно хмыкнул, брови его полезли на лоб, и показались густо-синие глазки, маленькие и сумасшедше веселые.

Когда лешему попадалась добрая коряга, он относил ее Гасану-игрушечнику, и они с мастером подолгу разглядывали ее и молчали, и им было хорошо от взаимопонимания и от того, что коряга такая красивая.

Иногда по просьбе Пана Перуновича, который заботился о повышении кругозора своих сотрудников, Нури читал лекции в гулком помещении синтезирующего комплекса. Поскольку никто по-настоящему не работал, а все чего-то ждали, каких-то перемен, то приходило довольно много народа. Принципы построения математических моделей живого, едва только прорисовывающиеся в воображении генетиков-программистов, почему-то мало интересовали слушателей. Но все оживлялись, когда Нури рассказывал о своем личном опыте воспитателя, о приемах воспитания у детей доброты и уважения к живому, к природе, которую так бездумно топтали и растрачивали предки.

— Эх, если бы только предки...— проговорил на одной из лекций Иванушка.— Мы вот тут раз спросили: товарищ Гигантюк, вы о чем думали, когда рощу под монумент сводили? Ответил, что мы не понимаем задачи момента. Заметьте, момента, а не времени. Потом выяснилось, что это он больших ревизоров ждал и хотел показать достижения по-крупному. Что поразительно, он действительно уверен: чем крупнее монумент, тем большими покажутся достижения...

— Вы к чему это?

— А к тому, что по моему, Иванушкиному, разумению, беды природы лишь на одну десятую объясняются потребностями человечества, а на девять десятых — глупостью маленьких людей, попавших на большие посты.

— А спешка? А корысть?

— В общении с природой спешка и корысть суть та же глупость.

Эти рассуждения показались Нури не лишенными интереса, но с другой стороны... Нури не спросил, где был принципиальный Иванушка, когда руководящий Кащей рощу срубал. Распределяя причины по процентам, Иванушка как-то забыл собственное нежелание вмешиваться. Здесь, в Заколдованном Лесу, обитали люди порядочные, тихие, любили совершать добрые поступки и ожидали, что их обязательно должны совершать и все другие. Это так удобно... для себя. Но что все же

делать с Василиском, ои вои уже созревает для новых злодейств, а решение-то прииимать кому? Не Паиу же Перуиовичу, благостиому и эрудироваиному до иевозможности.

Гасан-игрушечник и Неотесаииый Митяй — вечиая загадка человеческой психики! — выходили Василиска. А могли бы ие пойти иа болото, страшио ведь, кто бы осудил. И сдох бы Василиск, и всем радость... разве не мог им Паи Перуиович помешать? Мог бы. Не стал. Устраиился?.. А может, еруида — эти рассуждеиия о психологии и скрытых мотивах, просто леший и Гасаи-игрушечиик ие могли по-другому? В коице коицов, все доброе человек делает по виутреиией потребиости, и иет ничего подлее, чем ожидаиие благодариости за добрые дела... Так думал воспитатель Нури.

Василиск смеиил кожу. В отличие от людей змеи регулярно меняют кожу. Прежиее одеяиие, зловониое и рваиое, в шрамах и пятиах пластырей, отшелушивалось от тела, и иастал деиь, когда Василиск выполз из иего в иовой шкуре с блестящей чешуей, невредимой и удобной. Болотиая грязь не приставала к ией. Ощущеиие новизны требовало действий и пробудило любопытство. Василиск троиул иосом окамеиевшее тело кукушки, гляиул в иебо. В вышиие по-прежиему кружил Ворои. Пусть кружит, не мешает... А кукушку не вернешь... Шевельиулось воспомииание о прошедшей муке и исчезло. Страдаиие быстро забывается.

Царь змей попољз из болота к свету. В углах губ его скапливался яд, ио пасть была закрыта, и ои не стал брызгать ядом в пролетавшую мимо птаху. Звери разбегались перед иим, и тревожио кричал Ворои. В стороне, задевая когтистыми лапами за верхушки дерев, пролетел дракон и тяжело приземлился за дальией рощей. Змей двииулся в обход озера, а в это время по привычному маршруту совершал предобедениую прогулку Павел Павлович Гигаитюк. На него и выполз Василиск...

— Итак, товарищи, позвольте подытожить. В природе встречаются два вида зла. Первое — это зло изначальиое. Я бы его определил как зло, сидящее виутри нас: зависть, корыстолюбие, лживость, приспособлен-

чество, трусость. Задачей воспитания является борьба с этими видами зла. Вы согласны со мной, воспитатель Нури?

Пан Перунович промокнул вспотевшее чело и светло оглядел присутствующих. Семинар на тему: «Что есть зло и как с ним бороться» собрал обширную аудиторию: все хотели бороться со злом, но не знали — как. Ораторы, обращаясь почему-то в основном к Нури, предлагали различные рецепты искоренения, включая непротивление злу насилием, подставление правой щеки, пассивный протест, общественное осуждение, бойкот и так далее вплоть до рылобития. Впрочем, большинство выступивших рылобитие как метод борьбы со злом признали неприемлемым, поскольку оно, будучи злом само по себе, только увеличит сумму зла на земле. Нури слушал дебаты с любопытством: в его практике воспитателя дошкольников ему как-то не приходила в голову необходимость классификации видов зла и борьбы с ним.

— Так вы согласны, Нури? — повторил Пан Перунович.

— Продолжайте, прошу вас.

— Так вот... А второе — это зло порожденное. Нами порожденное. Причиной ему — наша неспособность или нежелание предвидеть результаты своих поступков. Пример — Василиск! И вот вопрос: какое из зол больше?

Пан Перунович сделал паузу, поскольку подошел леший с бадьей. Он нес драконье молоко, разведенное водой, из семи источников взятой.

— Фифти-фифти! — сказал Неотесанный Митяй, обходя стол, за которым сидели под раскидистым платаном участники семинара. Он каждому наливал в протянутую кружку. Потом леший уселся у дальнего конца стола на свободном месте, подпер нестриженую голову могучими кулаками и стал слушать.

— Позвольте, я отвечу на вопрос.

— Пожалуйста,— Пан Перунович пожал плечами.— Сейчас Иванушка скажет то, что он хочет сказать.

— И скажу. Зло изначальное опаснее всего. Кстати, если о зле порожденном,— я принимаю классификацию уважаемого Пана Перуновича,— в сказках почти ничего не говорится, то зло изначальное постоянно присутствует в фольклоре. Я ни на что не намекаю, но воплощено оно в Кащее Бессмертном. Напомню, что смерть его находится на острове, неизвестно где расположенном,

в сундуке, что зарыт под дубом на большой глубине, а в том сундуке утка, которая должна снести яйцо. В этом-то яйце иголка, а в кончике ее смерть Кащеева. Заметьте, добрый молодец не сам на остров попадает, ему помогают медведь, серый волк, яблонька-золотые яблоки. А когда он сундук выкопал и открыл, утка вылетела, и в вышине ее ясный сокол закогтил. Но утка успела яйцо в сине море уронить, и если бы не щука, то неизвестно, что и было бы. Щука яйцо подхватила и добру молодцу отдала в белы руки. Дальше понятно: яйцо расколотил, иголку сломал — и Кащей скончался в конвульсиях. А вывод, товарищи? Тут, товарищи, три вывода можно сделать. Первый — со злом в одиночку бороться бесполезно, надо всем миром и с обязательным привлечением сил природы, кои и во флоре, и в фауне заключены. Второй вывод: чем меньше этой самой флоры и фауны на Земле остается, тем у нас меньше шансов победить зло изначальное. Таков, товарищи, скрытый, а для меня очевидный смысл. И третий вывод: потому зло изначальное и воплощено в Кащее Бессмертном, что победить его нам с вами не дано.

— Такие вот дела,— горестно сказал Неотесанный Митяй.— И чешите грудь. И сливайте воду!

— То есть как? — услышав такое, Нури не мог не вмешаться.— Как это не дано?

— А вот так! Не можем — и весь тут сказ.

— Э нет, товарищи, давайте разберемся. Иванушка тут много чего наговорил... первые два вывода у меня не вызывают сомнения, но третий... Мой опыт показывает, что этот ползучий пессимизм неоправдан. Непобедимо в принципе? Я знаю: единственный способ борьбы с ним — воспитание доброты. Это и должно быть третьим выводом из той сказки, суть которой вы, Ваня, хоть и тезисно, но достаточно полно изложили. Ибо если бы добрый молодец не был добрым, то ни яблонька, ни серый волк, ни, простите, щука помогать ему не стали бы. Такой вот вывод.

— Вот видишь, а ты — не дано, не дано! — Леший встал из-за стола.— Я, однако, пойду погляжу. Ворон кричит.

Прислушались и различили необычную вокруг тишину и крик Ворона вдали.

— Ну вот,— Пан Перунович светло поглядел на Гасана-игрушечника.— Вылечили, значит, на свою голову,

трудностн себе создалн, сейчас нх преодолевать будем. Илн как?

— Болел — лечнлн! — Гасан-нгрушечник не опустнл глаз, усы его остро топорщнлнсь.

Ворон приближался, и леший первым уловнл в его крнке что-то новое.

— Р-р-радуйтесь! — Ворон спикнровал вннз и кружнл над платаном.— Цар-р-рь помер-р-р!

Васнлиск был неправдоподобно огромен, его неподвнжные глаза былн наполовнну затянуты пленкой, ороговевшнй капюшон, обрамляющнй шею, поннк, с зубов оскаленной пастн стекал яд, образуя прозрачную лужнцу, над которой дрожало небольшое снневатое марево. Большая часть его тела скрывалась в орешннке, густо растущем по пернметру поляны. На змее, как на огромном бревне, сндел Кащей — ногн его не доставали до землн — и ковырял тростью опавшие лнстья. В очках его отражалнсь зверн, стоящие вокруг. Большне, как Яр-Тур, н маленькне, как Белка-певунья. Прнтнхшие, они смотрели на поверженного Васнлнска н на спокойного Кащея.

— Он долго мучнлся? — шепотом спроснл Гасан-нгрушечннк.

А людн н зверн все подходнли, н замедлялн шагн, и останавлнвались рядом вперемешку. И молчали.

— Скажите, Гнгантюк, вы что, снималн очки? — Нурн затаил дыханне, ожндая ответа.

Гнгантюк медленно н страшно улыбнулся, лучше бы он не улыбался.

— Снял, конечно. Кто запретит?

Нурн повернулся к Гасану:

— Он не мучнлся, мастер. Он скончался мгновенно.

— А вы проннцательны, бывшнй кнбернетнк Нурн! Почему мне ннкто не говорнт спасмбо? Илн не я нзбавнл вас от необходимостн самнм прнннмать решенне? Мучительной для вас необходнмостн.

Гигантюк слез со змея н, не опираясь на трость, уверенно пошел к поселку. Перед ним расступнлнсь.

— Что вы нмелн в внду, Нурн? — спроснл Пан Перуновнч.— Я не понял. Почему — мгновенно?

— Кащей понял... У Гигантюка страшная болезнь, именуемая равнодушием. Рак душн. Вы как-то забыли упомянуть о равнодушнн, когда говорилн о зле изна-

чальном... И не спрашивайте меня, почему мы, общаясь с Кащеем, ничего не чувствуем. Чувствуем, но не хотим замечать зла равнодушия, поскольку в малых дозах сами заражены им. Попривыкли, принюхались. И потом, он скрывает от нас свою душу, а с виду кажется человеком. Василиску же он явился таким, каков есть. Мне жаль змея, Пан Перунович. Он заглянул в пустые глаза Кащея и сдох от ужаса!

Все молчали, потрясенные случившимся и словами Нури.

— Но разве Василиск не есть зло, порожденное нами? — прошептал Пан Перунович.

— Э, бросьте. Подумав, вы и сами могли бы догадаться, что в процесс предвоспитания вмешался Гигантюк. Полагаю, это было, когда он поскандалил с Неотесанным Митяем и тот ушел. Взбудораженный и злой, Гигантюк надел шлем ЭСУДа, оставленный лешим. Энергия, вы мне сами говорили, уже была подана. Ну вот, Кащей и сломал психику маленького змея, внушив ему склонность к злодеяниям, на которые сам не решается, ограниченный нормами человеческого общежития.

Нури не хотели отпускать, его уговаривали остаться здесь, в Заколдованном Лесу, навсегда. Неотесанный Митяй говорил, что года через три из него получился бы неплохой леший, поскольку Нури бесстрашен и добр, а все остальное — дело практики. Пан Перунович был покорен умением Нури сочинять сказки. «С чего вы взяли?» — «А нам Алешка рассказывал, и вообще, нам нужен постоянный консультант в ранге воспитателя дошколят, дабы верно оценивать содеянное и давать общее направление. Главное же, требуется человек, умеющий принимать правильные решения. Умеете, умеете, сразу видно, да и Сатон вас не зря направил к нам... А вы как думаете, Сатон — он такой! Мы здесь замкнулись внутри себя, и связи с реальностью у нас ослабли, а что за сказка без связи, вы встряхнули нас...»

Иванушка иногда доверял Нури поварешку и утверждал, что через пару лет из Нури получился бы грамотный черпальщик. Гасан-игрушечник, не подозревая, что хобби Нури была механофауна, поражался его чутью и умению увидеть в произвольно взятой коряге то единственное, что в ней заключено: «Вы умеете держать

инструмент, через пять лет я сделаю из вас игрушечника».

Все эти перспективы были заманчивы, и, если бы кибернетик Нури не стал воспитателем, он пошел бы в лешие, подменял бы ночами Иванушку и вырезал игрушки. Но он был на самой важной работе и, сожалея, отказался от предложений.

— Ладно, что тут поделаешь,— вздохнул Пан Перунович.— Но вам придется подождать, коллектив готовит для вас подарок. Мы не можем отпустить вас просто так.

— Подарок? — Нури задумался.— А хороший?

— Такой хороший, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Нури догадывался, что это будет за подарок, ибо к Гасану-игрушечнику прибегали на консультацию и старик Ромуальдыч, и сам Пан Перунович, и многие другие. Они вертели, так и сяк рассматривали того деревянного зверя, которого мастер показал Нури в день знакомства. Ромуальдыч терзал вопросами «Кассандру», Пан Перунович со своими добры-молодцами погрузился в глубины генетики и эстетики — в Заколдованном Лесу эти дисциплины оказались тесно связанными.

Нури не умел сидеть сложа руки и, трепетно ожидая подарка, взялся переделать все наличные шапки ЭСУДа. Он вводил в схему блок защиты, автоматически отключающий поле при попытке передачи в камеры предвоспитания злых намерений,— запоздалая страховка от Кащея. Дело это было многотрудным, поскольку проверить, сработает ли блок, оказалось невозможным. У всех обнаружились только добрые намерения, а к Гигантюку, естественно, никто обращаться не захотел. Так что пришлось Нури полагаться на интуицию и свой богатый опыт наладчика кибернетических устройств.

...И настала ночь, теплая и сиренево-светлая. Нури, Иванушка, Неотесанный Митяй и Гасан-игрушечник сидели вокруг котла на помосте, смотрели на огонь и — ковшик ходил по кругу — пили драконье молоко. Немного грустные в предчувствии расставания, вели негромкую дружескую беседу обо всем — о жизни, о сказках, о том, что вот Драконыш растет общительным, что скоро, видимо, появится маленький единорог — естественным, так сказать, путем — и что, может быть, стоит познакомить золотого коня из ИРП с единорогами, есть

в них что-то родственное. А возможно, кони — это мутанты единорогов?

Нури ощутил за спиной чье-то присутствие, протянул руку и погладил пса. Гром подошел неслышно и ждал, когда на него обратят внимание.

— Ну что, видимо, мне пора?

— Пора,— сказал пес.— Я пришел за тобой.

— Вы же сами не захотели остаться,— Пан Перунович пришел вовремя, и Нури подумал, что все уже приготовились и вот даже Грома вызвали к ночи, когда можно пройти сквозь защитное поле. В руках Пан Перунович держал лукошко, закрытое попонкой. Все посмотрели на лукошко и поднялись.— Тут для вас подарок. В дополнение к тянитолкаю, чтоб не рос увальнем и не терял алертности.

И сразу леший негромко засвистел, загукал странно, и на яблоню опустилась Жар-птица, и стало светло. А леший взял лукошко, поднес его Нури и убрал попонку. В лукошке на мягкой подстилке лежал и сонно щурился на Нури щенок рычикусая.

АЛЕКСАНДР ЧУМАНОВ

Вечная бабушка

Был первый по-настоящему теплый весенний день. Термометр показал плюс двадцать. Асфальт окончательно просох, и население города в полном составе вылезло на улицы. На захламленном пустыре дети шумно играли в войну, на тротуарах прыгали через скакалки, чертили классики. В учреждениях царила весенняя лень, всюду слышались разговоры о погоде, недалеких теперь отпусках.

В обеденный перерыв я вышел посидеть на скамейке. В воздухе явственно пахло ожившими тополями. Я закурил и развернул «Литературку» на последней странице.

— Милок, у тебя тут свободно? — послышался скрипучий голос.

— Садитесь,— не глядя и не поднимая головы, ответил я.

Кто-то неслышно опустился на лавочку, протяжно вздохнул. Я повернул голову. Рядом сидела маленькая старушонка в плюшевом шушуне и бурых, ни разу не чищенных кирзовых сапогах с задравшимися носами. За плечами у нее висел тощий грязный рюкзак. Старушка стянула с головы выцветший суконный платок и вытерла пот с морщинистого лба. И повернулась ко мне, беспечно и широко улыбаясь беззубым ртом. Один глаз у старухи был закрыт бельмом, редкая седая щетина пробивалась на подбородке, дряблая кожа на лице была со следами оспы.

Старость не красит, это известно. Однако большинство женщин старость как-то уравнивает. Красавицы увядают, блекнут, а некрасивые в молодости женщины становятся обыкновенными симпатичными старушками.

«Какой же была эта бабушка в молодости?» — невольно подумалось мне.

— Ты здешний, милок? — спросила старуха.

— Тутошний! — не очень вежливо ответил я.

— А я вот из деревни. Сельская, значит,— словоохотливо заговорила бабушка.— Вот приехала, добрые люди присоветовали устраиваться в приют для престарелых. А меня и не берут. Справки всякие, говорят, надо. А мне их и взять-то негде, зря только ноги исходила по вашему городу. Всего и документов-то у меня...

Старушка достала из-за пазухи маленький узелок, с трудом развязала его кривыми желтыми ногтями, достала какую-то замызганную, сильно потертую на сгибах бумажку и протянула мне.

Это была допотопная метрика, из которой следовало, что «селянка Ефросинья Кащеева» родилась в такой-то волости, такого-то уезда, такой-то губернии «в 1818 году от рождества Христова...»

— Что это, бабушка?

— Дак метрика моя, как что? — удивилась старуха.

— Ну и сколько же тебе лет в таком случае? — не сомневаясь, что бумага липовая, спросил я.

— А сколь написано, столь, значит, и есть, грамотные люди писали, поди-ка! Много мне лет, милок,— проворчала старуха.

— Так кто же ты, бабушка?

— По специальности, что ли? — переспросила она.— Дак ведьма я. Маленько колдую, привораживаю, кости правлю. Детей вот еще нянчить могу. Тебе случайно нянька не требуется, а?

В раскрытые окна донесся длинный дребезжащий звонок, означавший конец перерыва. Я вскочил со скамейки, торопливо засовывая газету в карман.

— Не требуется, бабушка, спасибо! — крикнул я и побежал через дорогу.

— А может, знакомым кому?..— с надеждой послышалось вслед.

После обеда работы прибавилось, и только к концу дня без перекуров удалось ее закончить.

Шумная, веселая толпа сослуживцев вынесла меня на улицу. Дойдя до угла, я посмотрел на часы. Торопиться было некуда. И вдруг, вспомнив странную старуху, я остановился и оглянулся. Она сидела на прежнем месте, разувшись. Ее платок был расстелен рядом на лавочке, на платке лежала какая-то небогатая еда.

— А, милок,— обрадовалась старушка,— хорошо, что не забыл про меня. А я вот спросить хотела. Мне бы на

вокзал, а то ночь скоро. Там н заночую. Не проводншь?

— Пошлн ко мне, бабушка,— предложнл я, сам удивляясь собственной доброте.

И старуха согласнлась.

— Вот н хорошо, вот и хорошо! — прнговарнвала она, семеня рядом н заглядывая мне в глаза.— А я тебя не стесню. Бросншь мне какой-ннто половнчок в углу, да н ладно. А хозяйка у тебя серднтая? — нспуганно остановнлась старуха.

— Да один я, бабушка,— успоконл я ее.

Моя холостяцкая квартнра старухе понравнлась. Несмотря на уговоры, сапоги она оставила на лестничной площадке. Ходнла по комнатам, шурша толстыми носкамн, щупала шторы на окнах, осторожно поглажнвала телевнзор, цокая языком. С удовольствнем поела мой немудреный супчнк, выпнла четыре стакана чаю, раскраснелась.

— Раньше-то нас, милок, много было. На кострах жглн, собакамн травнлн ведьмов. А какой от нас вред, ннкто толком не знал,— рассказывала бабушка свое жнтье.— Мне вот еще в молодостн в глаз камнем угоднлн за то, что в церкву зашла. А про замуж н говорнть нечего.

Голос старухи звучал монотонно, заученно, и я подумал, что, может быть, она ннкакая н не сумасшедшая, а просто очень старая, повернвшая неизвестно как попавшей к ней бумажке, выдумавшая про себя всякне небылнцы, которые со временем сталн казаться ей правдой.

— Так что одна я на этом свете, мнлок, совсем одна. Еслн в приют не примут, дак прямо н не знаю, что делать,— закончнла старушка свою повесть.

— Бабушка, а покажи какое-ннбудь чудо,— не подумав, ляпнул я.

Мне стало стыдно за бестактность, но старуха не обнделась.

— Чудо ему подавай! — незлобнво проворчала она.— А я не бог, чтобы чудеса делать, я ведьма. Вот сколдовать что-ннбудь могу...— Вытянув вперед костлявые, жнлистые руки, она раздельно пронзнесла какую-то абракадабру.

И массивный сервант плавно отделнлся от пола н медленно поднялся к потолку. Какне-то мгновения он

повисел иеподвижио, а потом так же медлеиио опустился иа место. И ии одна посудина не звякиула.

Если бы человеческие волосы и в самом деле имели способиость вставать дыбом, оии бы встали иепремеиио.

— Как ты это делаешь? — выдавилось из меня иакоиец.

— Учиться надо,— иаставительио сказала бабушка,— всему иадо учиться. Одиако больше ие проси, нельзя иам без иадобности иарушать простраиствеиио-времеииую структуру и классические законы гравитации.

Утром я попросил старуху погостить иесколько дней у меня, зная, что ей некуда податься. Оиа согласилась. Она виесла в мой дом тот уют, который могут виести только старые люди и дети и которого мие, как оказалось, очеиь ие хватало...

— Жеииться надо,— каждый вечер приставала ко мие бабушка, и я решился иакоиец показать ей Ириpermanent ну.

Мы чиино сидели втроем за столом, разговор клеился плохо. Тогда бабушка прииесла из прихожей свой рюкзак, долго копалась в ием, бормоча под иос, и вытащила яркий сверток, в котором оказался джиисовый костюм, о каком Ириxа давно мечтала.

— Это тебе,— сказала старуха, застесиявшись.

Со словами «не иадо!», «это же безумио дорого!» Ириxа приняла подарок. И я поиял, что ради меия старуха еще раз иарушила простраиственно-времеиную структуру или что-нибудь в этом роде.

Под каким-то предлогом бабушка зазвала меня на кухню и подала рюмку, в которой была иалита темиая жидкость.

— Что это? — довольно громко спросил я.

Оиа замахала руками, зашикала. В рюмке было приворотиое зелье, которое я иезаметно, чтобы ие обидеть старуху, вылил в раковиву.

Скоро мы с Ириxой пожеиились. Старуха осталась с нами навсегда, хотя, возможио, кому-то это покажется неправдоподобным. Размышляя по этому поводу, я думаю, что, вероятио, старушка иас всех попросту околдовала. Но, размышляя так, я не вижу ничего плохого в том, что мы теперь заколдоваиные.

Мы обменяли две наши квартиры иа одну, и теперь у бабушки своя маленькая комната. У нас растут дети, которых она пестует. Время от времени у детей появля-

ются слишком дорогие подарки, и тогда я ругаюсь. Бабушка виновато моргает, молчит, поджав губы. И продолжает нарушать классические законы.

Иногда дети становятся непослушными.

— Порчу напуш-ш-шу! — кричит тогда старуха, забывшись.

Дети хохочут, и мне приходится символически браться за ремень.

Дети взрослеют, мы стареем. А наша бабушка все такая же. Она любит посидеть у подъезда со своими товарками. Иногда я замечаю, что подруги у нее со временем меняются, одни умирают, а другие приходят на смену.

Когда-нибудь уйдем и мы. У наших внуков появятся внуки, которых будет нянчить, учить уму-разуму наша бабушка. И, думая так, я спокоен за своих далеких, еще не появившихся на свет потомков.

Вызывают на связь

— Ваш ребенок родился с серьезными отклонениями,— сказала ей акушерка, пряча глаза,— вы имеете право оставить его у нас. Мы определим его в соответствующий интернат.

...Когда человек, говоривший ей много хороших слов, внезапно перестал приходить, когда стало совершенно ясно, что ждать его бессмысленно, избавиться от грядущего ребенка законными средствами было уже невозможно. Но зато не было недостатка в дружеских советах.

Не думая о себе, она выполняла все советы без исключения: глотала, пила, ела какую-то гадость. Однако зародившаяся новая жизнь оказалась настырной и живучей...

— Ребенок мой, и я заберу его, каким бы он ни был,— ответила она врачам, еще не понимая до конца, что ее ожидает. А когда ей принесли нечто орущее, с головой завернутое в пеленки, было уже поздно. Несмотря ни на что, она была человеком слова и в этом смысле могла дать фору многим мужчинам.

У рожденного ею младенца было перекошенное лицо, вывернутые конечности, непропорциональное туловище и множество невидимых внутренних пороков.

С трудом сдерживая ужас и отвращеиие, она иакормила младеица и окоичательио почувствовала себя матерью.

Оиа принесла ребенка домой, и жизиь потекла своим чередом.

Одна за другой шли соседки взгляиуть иа новорождеииого. Конечио, оии уже обо всем зиали, одиако любопытство пересиливало страх.

— Смотрите, что ж, ие думаю, что вы сможете его сглазить, если даже захотите,— говорила женщиииа.

Оиа отбрасывала занавеску, прикрывавшую кроватку, и любопытные соседки иевольно вздрагивали.

А ребенок между тем рос на глазах. Через месяц ои вполне отчетливо выговорил: «Ма-ма...» Мать иазвала его Костиком. Оиа с трудом выбрала это имя, тщательно перебрав в памяти имена всех дальних и близких родственников, знакомых и малознакомых. Константинов и Константиновичей среди иих, слава богу, ие было.

— Мама,— сказал Костик,— нас уже иесколько веков подряд вызывают на связь люди Кассиопеи. Неужто ты ие слышишь?

И только великое самообладаиие помогло жеищине не помутиться рассудком.

— Как же, слышу, сыиок,— ответила оиа,— ты спи, скорее вырастешь, тогда и ответим всем, кто иас вызывает.

Скоро Костик иачал ходить. Перед тем как сделать шаг, тело малыша иачииало судорожио колебаться, какие-то мышцы, которых у нормальиых людей вообще нет, двигались и вибрировали под кожей, а иоги совершали бесовскую пляску иа месте, пока иакоиец одиа из них ие прыгала вперед.

Но как бы то ии было, ребеиок научился таким образом передвигаться довольио быстро, иаучился ие терять ориеитации и совсем не падать.

— А на Кассиопее сейчас цветут уличиые фонари,— сказал Костик матери однажды,— и все кассиопейцы покрываются разноцветиыми леденцами. Мама, ты хочешь, чтобы я тоже покрылся леденцами?

— Я хочу жить, как все люди,— ответила мать, думая о своем.

Оиа, между прочим, только об этом и думала, как будто самое главное в жизии — это родиться, как все, жить, как все, умереть, как все. Женщина даже пыта-

лась что-то делать для того, чтобы осуществить свои планы. Один раз, например, к ней в гости пришел веселый и энергичный мужчина сравнительно приятной наружности. Малышу было приказано в тот вечер сидеть в маленькой комнате за занавеской тише воды, ниже травы. Мать знала, что ее ребенок обладает редкой способностью часами оставаться неподвижным, и не беспокоилась.

Главной деталью одежды мужчины был серый двубортный пиджак с авторучками навыпуск. Умному человеку, а мать Костика таковым человеком и была, только эти три блестящие ручки могли сказать много. Но женщина, если она захочет замуж, частенько глупеет. Так было и в этот раз.

Они пили чай, непринужденно болтали, и было ясно, что квартира мужчину устраивает и с пропиской он тянуть не станет.

— На Кассиопее очень плотная атмосфера, и для того, чтобы быстрее передвигаться, некоторые кассиопейцы покрываются рыбьим жиром. В народе таких называют проходимцами,— донеслось неожиданно, и некто ужасный вылез из-за занавески.

— А-а-а-а! — тонко закричал мужчина с авторучками навыпуск и кинулся к двери.

— Мама, ты не огорчайся, я все знаю про него, он ничем не лучше моего папы,— сказал Костик, успокаивая рыдающую мать.

Но та только отмахнулась и запричитала с новым приливом отчаяния.

— Горе мое, наказание мое! — так называла она ребенка сквозь слезы. И ребенок понимал, что у него редкой доброты мама.

Шло время. Дождь за окном сменялся снегом.

— Мама, а хочешь, я сделаю так, чтобы дождь перестал и выглянуло солнце? — спрашивал Костик.

Дождь переставал, и в окно заглядывало солнце. А мать молчала.

— Мама, а хочешь, я сделаю так, чтобы снег перестал и началась весна? — спрашивал Костик.

Снег переставал, и начиналась весна. А мать молчала. Ну, что ж, спасибо ей и на этом.

— Мама, а хочешь, мы отправимся с тобой на Кассиопею, там сейчас молочные реки выходят из кисельных берегов. Все кассиопейцы точь-в-точь похожи на

меня, и ты будешь среди нас самой-самой красивой. Хочешь, мама? — спрашивал малыш.

— Нет, я хочу жить, как все люди,— отвечала мать, продолжая думать о своем. Ну что тут будешь делать!

Малыш разглядывал тайком старую материну фотографию, где мать была снята еще беззаботной и, надо признать, довольно безответственной девушкой, и в его шишковатой голове бродили никем никогда не узнанные мысли.

— Мама, а что надо сделать, чтобы ты стала жить, как все люди? — спросил ребенок как-то.

Очевидно, это был тот редкий момент, когда она не думала о своем. Но подумать, что сказать, мать не успела.

— Ох, если б можно было все повернуть назад! — вырвалось у нее сокровенное.

— Я помогу тебе,— сказал малыш тихо и твердо. Но мать уже не слышала этих слов.

И все повернулось назад.

Малыш разучился говорить и ходить, он беззаботно гукал и пускал пузыри, лежа в кроватке. Напрасно мать рыдала над ним и умоляла оставить все, как есть. Костик стал маленьким и уже не понимал, что от него требуется.

И в одно прекрасное утро женщина проснулась и почувствовала, что начинаются схватки. Кроватка была пуста, полиэтиленовый пакет с новеньким детским приданым лежал на столе.

Женщина попросила соседку вызвать «скорую помощь».

— ...Ваш ребенок родился с серьезными отклонениями, и вы не должны так убиваться, что он умер,— сказала ей акушерка через несколько часов.

Но женщина была безутешной.

И все-таки спустя некоторое время она нашла свое счастье. Ей попался самостоятельный, непьющий мужчина, который простил все ошибки молодости. Память о первенце, как ни старалась женщина ее сохранить, постепенно поблекла, словно была навеяна тяжелым сном, а не чем-то реальным.

Лишь одно и осталось: «Уже несколько веков подряд люди Кассиопеи вызывают нас на связь».

Вот только услышать их некому.

Место в очереди

Золотой век наконец наступил. Мир наконец добился прочного мира, а ученые победили самое смерть. Победили тогда, когда уже никто всерьез не верил в эту фантастическую возможность. Так, к счастью, бывает, только, увы, не часто.

Словом, однажды люди оказались перед реальной перспективой вечной жизни. Эта перспектива свалилась на них совершенно неожиданно, но люди имеют обыкновение быстро привыкать ко всяким новым приятностям, поэтому первичное радостное и, пожалуй, теоретическое изумление очень скоро сменилось вполне практической озабоченностью, как поскорей заполучить столь ценное свойство.

Надо добавить, что к тому времени уже не существовало проблемы перенаселения, человечество активно осваивало новые миры, покоряло без особых издержек немыслимые еще недавно расстояния, а будущее предвещало еще более радостные достижения.

Итак, когда по планете уже разгуливало несколько тысяч бессмертных людей, первые из которых были, без преувеличения, отважными, достойными всяческого восхищения волонтерами, вторые — весьма ценными для человечества индивидами, которым угрожала хотя и устаревшая, но скорая смерть, третьи — просто наиболее ловкими представителями нашего биологического вида — в общем, когда новая область медицины накопила достаточный опыт, в один прекрасный день было официально объявлено о начале всеобщей вакцинации населения на предмет бессмертия.

Впрочем, это была процедура несравнимо более сложная, чем элементарный укол, просто кто-то назвал однажды это дело вакцинацией, и название подхватили, а научное наименование операции, вероятно, показалось слишком сложным или скучным, и оно не прижилось. И вскоре забылось.

Так вот, поскольку вакцинация была делом хлопотным, сложным и весьма дорогостоящим, то, естественно, прививки эти не могли быть одновременно сделаны всему человечеству. Впрочем, ничего страшного в этом не усматривалось. Поскольку, как известно, пока человек жив, он бессмертен. Поэтому процедура вручения бес-

смертия растянулась на долгие годы — имелось в виду, что на пункты вакцинации люди будут приходить по мере надобности, то есть достигнув определенного возраста или почувствовав опасные прорехи в здоровье.

Но тут вышла ошибочка. Люди сочли, что случайность играет слишком большую роль в нашей суетной жизни, а поэтому откладывать столь важное мероприятие в долгий ящик, по меньшей мере, неразумно.

Словом, поначалу получилась легкая паника. Кто пошустрее да повыше положением, всякими путями в первые же недели раздобыли себе искомое бессмертие. Остальные выстроились в гигантские очереди, в которых приходилось ежедневно, а то и еженощно отмечаться, стихийно возникали комитеты по руководству очередями во главе с авторитетными, а чаще просто наиболее горластыми председателями. Возникали неписаные, но неумолимые кодексы очередей, которые предполагали разные суровые наказания для беззаботных или нерадивых членов. Так, за неявку на очередное отмечание соискатель вечной жизни мог быть передвинут назад или вообще исключен из списков. Последняя мера, правда, применялась довольно редко.

— Стоишь? — приветствовали знакомые друг дружку при встречах.

— Стою! — слышалось бодро в ответ.

— Получи-и-л! — доносилось иногда радостное.

До этого кое-кто полагал, что история человечества, совершив свой полный виток, уже познала все. Но таких времен, когда почти все люди планеты одновременно стоят в очереди, история еще не знала.

Все шло, в общем и целом, нормально. Первыми, как и должно было быть, получили бессмертие профессионалы очередей — пенсионеры. Они тотчас устроились на работу и освободили места в пунктах вакцинации более молодым. Пожилых, конечно, никто не обижал и не оттеснял, все проявляли единодушную высокую сознательность. Но потом возрасты перепутались. Ни у кого уже не было повода экстренно увековечиваться, но и ни у кого не наблюдалось желания тянуть резину.

Порядок соблюдался железно.

...Александр Иванович известие о начале бессмертия воспринял поначалу как обычную, довольно плоскую хохму. Потом, конечно, поверил, пришлось поверить, но бежать записываться в очередь не поспешил. Почему?

Да, пожалуй, потому, во-первых, что всегда несколько презирал вереницу людей, стоящих в колонну по одному с целью получения какого-нибудь дефицита. Конечно, случалось и ему для получения булки хлеба или пачки сигарет ожидать минут десять — пятнадцать. Но тут уж ничего не поделаешь, поэтому такие эпизоды не в счет.

А в целом он прекрасно прожил свои шестьдесят без дефицита. Он лично. Потому что пока его Серафима Ивановна была жива, она нет-нет да и добывала что-нибудь недлявсехного. Но муж об этом, понятно, не знал и жил в счастливом неведении. Да, собственно, и дефицит-то был так себе...

Серафима Ивановна самую малость не дотянула до золотого века. Конечно, она в качестве остронуждающейся могла бы и тогда претендовать хотя бы на экспериментальное еще бессмертие. Но бедная женщина ничего об этом не знала, а пригласить ее никто не догадался как-то... Возможно, в том, что Серафима Ивановна уже отсутствует на этом свете, и была вторая причина того, что Александр Иванович не поспешил обзавестись бессмертием.

Нет, нельзя сказать, что он вообще отказался от такого подарка. Жена умерла несколько месяцев назад, еще не отпустила боль утраты, но постепенно, понемногу стал возвращаться вкус к жизни. Вкус не такой уж вкусный, слишком приправленный перцем и солью, но все-таки...

У них с Серафимой выросло двое хороших парней, которые не так давно один за другим женились. И вот теперь Александру Ивановичу хотелось дождаться внуков. Он этому удивлялся, поскольку еще совсем недавно подобное желание показалось бы ему каким-то постыдным, бабьим, что ли. Удивлялся, подшучивал над собой и — мечтал о внуках. «Вот так приходит старость»,— думал он, и ему не было очень уж грустно.

Не успев родить отцу внуков, сыновья обзавелись бессмертием. Александр Иванович отнесся к этому както немного ревниво. Так относятся к близким или давно и хорошо знакомым людям, когда они вдруг, совершенно внезапно, оказываются хитрее, чем ты о них думал. Но ревнивое чувство Александра Ивановича было настолько размытым, неопределенным, что он смолчал.

Точиее, ие осуднл детей вслух. А только сказал по этому поводу какую-то шутку.

Потом внуки родилнсь, прнчем сразу трое за короткое время, и дальиовндные роднтели их тут же обессмертнлн. Тогда Александр Ивановнч понял, что детн пошли не в них с матерью, н малость огорчнлся. Но в чем он мог упрекнуть сыновей?

А сыновья при каждой встрече прнзывалн отца срочно позаботнться о своей жнзнн. А то мало ли что. За это нх, конечио, можно н нужно похвалнть. Они даже предлагали отцу помощь. Нн для того, ии для другого в этом проблемы не было. Да, такне вот выросли детн...

Александр Ивановнч разгневался. Он накрнчал на ребят н запнсался в первую попавшую очередь. Чтобы больше не прнставали с гнуснымн предложеннями, как он называл нх заботу. Тоже не очень-то хорошо с его стороны, пожалуй. Впрочем, это кому как.

Как н следовало ожндать, Алексаидр Иванович отнесся безответственно к столь важному делу. И немудрено, что его несколько раз передвигалн в очередн, а дважды чуть было вообще не выгналн. И выгнали бы наверняка, еслн бы его место и так ие было в самом конце.

А он особо н не переживал. В конце коицов, главное — находнться в очереди. А бессмертне не к спеху... Но, когда ему только и оставалось взять и войтн наконец в заветную дверь, началнсь всякне иеувязкн.

Вдруг откуда-то прнтащнлась совсем древняя старушонка н стала проснться вперед. И где только раньше была?

Александр Ивановнч пропустнл ее без слова.

Потом подошла молодая беременная женщнна. Александр Иванович пропустил и ее.

Потом попроснлась молодая мать с ребенком.

— Нам положено,— веско сказала она.

И Александр Ивановнч не нашелся с ответом.

Потом подскочнла еще одна, средннх лет, не беременная н без ребенка.

— Мне еще надо в парнкмахерскую успеть! — гаркнула она н просто-напросто оттолкнула Александра Ивановнча крепкнм голым плечом.

И коллектнв не стерпел. За допущенную халатность Александр Иванович был перемещен далеко назад, в самый хвост.

Происшествие это его и взволновало-то вроде не сильно. Ну обидели в одной — в другую можно встать... Однако, придя домой, Александр Иванович прилег на диван, почувствовав какую-то слабость. А тут — хлоп! Инфаркт. Без всякого предупреждения. А в доме ничего такого от сердца никогда не водилось...

Человечество страшно удивилось случившемуся. За недолгий, в сущности, срок оно успело отвыкнуть от смерти. Нашлись даже такие, которых поступок Александра Ивановича возмутил. Но вслух они не стали об этом говорить.

Похоронили Александра Ивановича с большими почестями. Как-никак умер человек, который был способен уступить свое место в очереди...

Розовое облако

Утром мальчику исполнилось семь лет. Были именины, дети пили чай с тортом, а потом стали играть.

— Я буду мамой,— сказала соседская девочка.

— А я буду розовым облаком,— сказал мальчик.

Девочка стала укладывать кукол спать, а мальчик превратился в розовое облако и выскользнул в открытое окно. Он поднялся выше красных и голубых крыш, паря в восходящих потоках воздуха, а люди стояли внизу, удивленно задрав головы, и говорили, что розовых облаков не бывает, а если и бывают, то только на заре, и, стало быть, то, что они сейчас видят, вовсе не облако, а обман зрения.

А мать рассердилась. Она сказала, что ее сын пошел в отца и, значит, ничего путного из него не получится.

— Спускайся сейчас же,— кричала мать сыну,— иначе я перестану тебя любить!

И розовое облако послушно опустилось во двор и опять стало мальчиком, которому исполнилось сегодня семь лет. Мальчик как будто выпал из розового клочка тумана, видно, не рассчитав чего-то, и испачкал в пыли новую рубашку. Мать сердито вздохнула, а отец виновато промолчал, и мальчику стало грустно, потому что все так нескладно получилось.

Когда розовое облако снова стало мальчиком, которому исполнилось семь лет, все гости уже разошлись.

В доме стало скучно и пусто. Наступил вечер. С неба упали первые обломки старых звезд. Отец, как всегда, взял мешок и пошел их подбирать, чтобы сделать из них новые звезды и к утру развесить по небу. А мать, проворчав ему вслед: «Я верчусь как белка в колесе, а в доме некому гвоздя забить!» — принялась мыть чистый пол.

Тогда мальчик стал морем. Он решил помочь матери, чтобы она не сердилась за испачканную рубашку. Он стал морем. Он подкатил свои волны к самому дому, и, когда мать вышла на крыльцо с ведром, море плескалось у самых ее ног, и одна волна замочила ей тапочек, совсем нечаянно. Тогда мать пнула волну, и тапочек полетел и исчез в пучине, так что его и после, когда море исчезло, не смогли найти.

И все-таки она зачерпнула воды, потому что устала за день и ей не хотелось идти на колонку в соседний переулок.

Большой белый теплоход загудел под окном. Мать откинула со лба влажную прядь, вышла на крыльцо с тряпкой в руках и сказала, что хозяина нет дома. Теплоход молча попятился, свалил килем плетень в огороде, который и сам упал бы не сегодня, так завтра, и скрылся за горизонтом.

— Быстро за стол и спать! — сказала мать, и море исчезло. Оно схлынуло, оставив лужи, пучки водорослей, ракушки. Обитатели поселка, надев болотные сапоги, бродили по раскисшим улицам, ловили в лужах рыбу, которая не успела уйти в глубину, и ругали непутевых соседей. Они обещали пожаловаться в милицию, в поселковый Совет, на производство, что вот, дескать, везде живут люди как люди, а у них в поселке что ни день, то чудеса, от которых один вред, и что отец с сыном совсем распоясались. А между тем на ужин во всех домах была свежая рыба, которую в магазине днем с огнем не сыскать, а некоторые потом даже торговали вяленой рыбой в городе у пивного бара, и рыба эта была нарасхват. И только в одном доме на ужин была жареная картошка, потому что отец ушел собирать осколки старых звезд, чтобы сделать из них новые звезды и развесить по небу, а мать мыла чистый пол, а сын был морем и не мог ловить рыбу в самом себе.

Отец пришел поздно усталый и голодный. У него болели обожженные звездами руки. Мать сонным голосом

крикнула: «Картошка на столе, разогрей и ешь!» — и повернулась на другой бок. Мальчику приснилось, что ему исполнилось в первый раз в жизни восемь лет, и он улыбнулся во сне. Отец тихонько разделся и лег. Он долго ворочался, несколько раз вставал покурить. Ему не давала покоя мысль: «Вселенная расширяется, надо срочно что-то делать...»

ЕВГЕНИЙ ФИЛЕНКО

Ловушка для падающих звезд

— Смотри, звезда упала! — с детским восторгом воскликнула девушка Света и поцеловала Тимофеева.

— Да,— сказал Тимофеев и поцеловал девушку Свету. Затем, оправившись от естественного головокружения, добавил: — Это поэтическая метафора. На самом деле звезды не падают. Падают метеориты, раскаляясь и сгорая в атмосфере.

— Все-таки ты ужасный зануда, Витенька,— вздохнула девушка.— И за что я только тебя люблю?

После таких слов душа Тимофеева возликовала, воспарила к ночному небу и запела не своим голосом, в то время как тело пожало плечами и рассудительно заметило:

— Вероятно, потому, что я тоже тебя люблю.

Они стояли посреди влажного от росы свежевыкошенного луга, окруженные ночной тишиной и умопомрачительными запахами земли и трав, увядающих в стогах. Облаченные в зеленую стройотрядовскую форму, они чем-то походили на авиадесантников, только что с боем захвативших неприятельский плацдарм, на самом же деле были всего лишь студентами.

— Будь на твоем месте типовой влюбленный,— не унималась Света,— он бы давно уже пообещал мне достать с неба звездочку.

— Но я-то отлично знаю, что это невозможно,— произнес Тимофеев.— И потом — зачем тебе звезда?

— Ну, это уж мое дело,— засмеялась Света. Затем сделала капризную гримаску и стала канючить: — Ну, Витенька, ну только одну... маленькую... вот такусенький метеоритик...

Выражение лица Тимофеева, прежде глуповато-радостное, как у всех влюбленных в мире, резко изменилось, и Света осеклась на полуслове.

— Я пошутила,— торопливо заявила она.

Но было поздно.

Весь обратный путь Света поддерживала Тимофеева за локоть, ибо сам он был уже не в состоянии различать что-либо у себя под ногами и поминутно терял равновесие на разухабистой проселочной дороге. На ходу она пыталась втолковать ему, что ни звезда, ни тем более метеорит ей, конечно же, не нужны, она просто хотела убедить его, что любовь и рационализм — понятия несовместимые, хотя это и так очевидно. Однако ее слова не возымели на Тимофеева, погруженного в инженерно-технические раздумья, никакого действия. В минуты озарения его самоуглубленность приближалась к йогической каталепсии, и потому Света, мысленно кляня себя за неосмотрительность, дотащила Тимофеева до сельского общежития, подняла на верхнюю ступеньку дощатого крыльца и, привстав на цыпочки, с исключительной силой поцеловала.

Тимофеев очнулся.

— Где мы? — спросил он, озираясь.

— Дома,— пояснила Света.— Пора спать, Витенька.

— Вот как! — изумился Тимофеев, но спорить не стал.

Они нежно простились, после чего Света пошла на девичью половину, а Тимофеев растерянно потоптался на крыльце, затем долго бродил между койками со спящими стройотрядовцами. Добравшись до своей, он повалился на спину и почти час неотрывно смотрел в линялый потолок, на который живописно падали отблески лунного света из окна. В его мозгу со скрежетом проворачивались застоявшиеся в бездействии тяжелые маховики парадоксального мышления, не раз приводившего Тимофеева к самым неожиданным результатам. И с каждым мигом эти маховики набирали обороты.

Наутро Света обнаружила Тимофеева на чердаке почти построенного кормоцеха. Участвуя в настилке полов, он попеременно ударял молотком то по гвоздю, то по пальцу. Взгляд его был устремлен в никуда. Там уже представали перед ним изощренные натюрморты чертежей и блок-схем задуманного прибора.

— Виктор,— строго заговорила девушка.— Ты, по крайней мере, должен отдавать себе отчет в том, что эта штука лишена всякого смысла. Она попросту никому не нужна. Она бесполезна для научно-технического прогресса!

— А тебе?— робко спросил Тимофеев.— Ты же хотела метеорит...

— Я уже расхотела,— отрезала Света.— Как всякая женщина, я ужасно непостоянна. В данный момент я хочу, чтобы вечером мы с тобой пошли в сельский клуб на танцы.

— Это невозможно,— вздохнул Тимофеев.— Я уже не могу не думать об этом приборе. Он взял меня в плен, и я должен его сделать. Иначе от него не освободиться.

Света зажмурилась и пошла на откровенную провокацию, которую ни за что не позволила бы себе в иных обстоятельствах.

— Выбирай,— приказала она.— Либо я, либо он.

На изобретателя было жалко смотреть.

— Я люблю тебя, Света,— грустно промолвил он.— Но ты неправа. Изобретений, бесполезных для научно-технического прогресса, не бывает....

— А трамвайные компостеры?! — вне себя закричала девушка и кинулась прочь.

Когда Тимофеев шел из столовой, чтобы провести остаток обеденного перерыва в полезных размышлениях о судьбах открытий, к нему неспешно приблизился кряжистый мужик, плоть от плоти земной, бригадир сельских механизаторов Федор Силуков.

— Тимофеич,— произнес он прокуренным голосом, придав ему сколько возможно задушевности.— Веялка не фурычит. Взбрыкивает, язви ее, и зерном фукает. Зашел бы...

— Зайду,— рассеянно пообещал Тимофеев.— Федор Гаврилович, у вас, я помню, дома имеется сломанный диапроектор «Экран»....

— Непременно имеется,— обрадовался Силуков, быстро уловив, чем именно он сможет отблагодарить полезного человека.— Забирай его, Тимофеич! Один леший, я себе видеомагнитофон покупаю. Только ты учти, парень: мне не треба, чтобы веялка по небу летала. Мне треба, чтобы она зерном, язви ее, не фукала. А то я тебя знаю — ты рационализатор злостный... Ну скажи на милость, на кой нам картофелесборочный комбайн, что ты из списанной «Нивы» соорудил? Он же, язви его, бензину сколько жрет, а нам, один леший, по осени шефов из города нагонят — они всю картошку подчистую выберут...

Вечером было совсем плохо. Девушка Света подцепила под руку местного комбайнера Васю и, поджав свеженакрашенные губки, прошла с ним на танцы мимо печального Тимофеева, державшего под мышкой раскуроченный диапроектор. Сердце злостного рационализатора дробилось на мелкие фрагменты, обливаясь при этом кровью. Но он твердо знал, что наука требует жертв.

Так или иначе, он уже представлял себе конкретную реализацию замысла. Вооружившись гаечным ключом, топором и паяльной лампой, Тимофеев уединился в подсобном помещении сельского общежития. Лампа горела адским синим пламенем, чадя и воняя бензином. Диапроектор серийного производства мелко вздрагивал, учуяв возможность внести свой вклад в научно-техническую революцию. Топор и ключ мирно лежали на табурете, зная, что не будут обойдены вниманием.

К полуночи каждый получил что хотел.

Лелея на простертых перед собой руках запеленатый в мешковину прибор, возникший на обломках диапроектора, Тимофеев устремился во двор. Путь ему освещали ясные звезды и полная луна, похожая на плохо пропеченный блин. Изобретатель спешил испытать свое детище в полевых условиях — иными словами, на том самом лугу, где все и началось.

Спотыкаясь на невидимых в темноте кочках и рытвинах, он достиг центра многогектарного луга, значительно удаленного от жилых построек, что светили в ночи кошачьими глазами окон. И здесь его охватило чувство нереальности происходящего. Он словно погрузился в иной мир, за рамками которого остались лихие стройотрядовцы с бородами на скорую руку, гитарами в наклейках и хорошими песнями на плохие стихи, бригадир Силуков с фукающей и взбрыкивающей веялкой, комбайнер Вася в фирменных джинсах и кирзовых сапогах военного образца. И даже девушка Света, без которой Тимофеев не мог бы прожить и дня, если бы не полонивший его душу демон научно-технического прогресса.

В этом ином мире существовали Тимофеев, гладко выкошенный луг, чистое черное небо с угольками звезд и прибор, которого еще вчера не было, да и не могло быть в самых смелых замыслах творцов современной техники.

Тимофеев расчехлил бывший диапроектор, новое название которому не успел придумать, и направил объективом в небеса. Затем вставил в клеммы питания поношенную, но еще годную к употреблению батарейку «Крона» и нажал на клавишу пуска. Тусклый луч света устремился в бездну межзвездного эфира, где по неведомым орбитам неслись дикими табунами непуганые метеорные потоки. В конусе этого луча, непрерывно расширяющемся, захватывающем все больший участок неба, пространство стало поляризоваться, стекаясь противоестественными силовыми линиями к исчезающе маленькой в масштабе Вселенной точке — самоучке-умельцу с безымянным прибором в руках посреди сельского луга.

Где-то на невообразимой высоте вспыхнул целый рой новых звезд, и, прежде чем Тимофеев успел додумать до конца мысль о том, что не худо бы предварительно оборудовать здесь блиндаж, в холодном полуночном воздухе раздался артиллерийский посвист. Слетевший с наезженной космической колеи метеорный поток минометным залпом накрыл присевшего в испуге умельца. Небесные камни различного калибра с глухим стуком бились о луг, выбрасывая во все стороны фонтаны рыхлой земли. Тимофеев судорожно выключил прибор и, подивившись собственной везучести, извлек из кармана форменной куртки фонарик. Он тщательно обследовал близлежащие воронки, но все заслуживающее внимания зарылось глубоко в недра, а от прочего межзвездного хлама не осталось даже пыли.

Позабыв об угрожающей ему опасности, Тимофеев снова направил луч прибора в космос.

Некоторое время сохранялась зловещая тишина, сменившаяся затем страшноватым гулом и небесными знамениями. В дыму и пламени на расстоянии протянутой руки от экспериментатора упал на землю раскаленный добела обломок чьей-то давно забытой ракеты-носителя. Тимофеев испытал сильнейшее желание бросить все и бежать прочь, но тут же подавил эту минутную слабость.

В течение последующего часа многострадальный луг был бомбардирован несметными полчищами метеоритов. Однако самое существенное, что нашел Тимофеев на роль подарка девушке Свете, имело вид неопрятной ноздреватой груши серо-стального цвета.

Он уже совсем склонился к мысли, что женщины иногда бывают правы, когда произошло следующее.

Посреди неестественно прояснившегося неба расцвел ярко-синий цветок, стремительно разраставшийся. Его трепещущие полупрозрачные лепестки заполнили собой тихую сельскую ночь, потом быстро увяли, сошли на нет, стянувшись в пронзительно сиявшую точку, плавно снижавшуюся на перепаханный метеоритами луг. Стоя с постыдно распахнутым от изумления ртом, потрясенный Тимофеев увидел, как рядом с ним, без излишнего шума, без надлежащего в таких случаях грохота тормозных установок, опустилось летающее блюдце.

Дрожащей рукой он выключил диапроектор и на ватных ногах направился к месту посадки космического аппарата заведомо неземного происхождения. В голове у него крутились обрывки лозунгов наподобие: «Добро пожаловать на гостеприимную землю колхоза «Рассвет»!» или «Все мы братья по разуму!».

В борту летающего блюдца образовался люк, и оттуда неторопливо, почти торжественно, выбрались двое пришельцев. Внешне они разительно напоминали людей, хотя были гораздо выше Тимофеева, а цвет их кожи при тусклом лунном освещении вызывал в памяти красный бархат, занавешивавший сцену сельского клуба.

Завидя Тимофеева, чужаки переглянулись. Умелец-самоучка испытал странное чувство, будто кто-то залез острыми цепкими коготками ему в мозг и вытаскивает оттуда нечто сокровенное. «Набирают словарный запас»,— догадался Тимофеев и, как выяснилось, оказался прав.

— Наш студенческий привет народам иных цивилизаций! — провозгласил он.

— Взаимно,— отозвался один из пришельцев.— Слушай, Тимофеич, как ты исхитрился так лихо нас приземлить?

В речи инопланетянина Тимофееву почудились вполне привычные силуковские обороты, но он тут же сообразил, что они почерпнуты из его же памяти.

— Такое дело,— проговорил он смущенно.— Я не хотел... Я испытывал прибор, своего рода ловушку для падающих звезд, точнее — для метеоритов...

— Погоди, Витенька,— вмешался другой инопланетянин, породив в тимофеевском воображении неожиданную ассоциацию с девушкой Светой.— Ты не подумай

ничего дурного, мы не имеем к тебе никаких претензий. Ситуация несколько сложнее, нежели ты полагаешь...

— Вся штука в чем? Наш звездолет потерял управление,— пояснил инопланетный Силуков.— Мы летели по инерции мимо вашей планеты, ни сном ни духом не ведая, что здесь имеются разумные существа, а между собой судили, что неплохо бы сесть, покопаться в движке, чего это он, мол, не фурычит, гравитонами фукает...

— Вероятно, мы были бы обречены на верную гибель,— со странными нежными нотками в голосе продолжил ино-Света.— Но наш неуправляемый звездолет внезапно попал в конус-вектор поляризованного пространства, исходящий с поверхности планеты.

— В общем, спас ты нас, Тимофеич,— задушевно сказал ино-Силуков.— Как есть спас.

— Что вы, коллеги,— смущенно и в то же время не без гордости произнес Тимофеев.— Не стоит преувеличивать мою роль. Все произошло совершенно случайно. Признаться, я и не думал, что мой прибор сгодится на что-либо полезное...

— Ты заблуждаешься, Витенька,— возразил ино-Света.— Бесполезных изобретений не бывает. Надо лишь усмотреть их реальное предназначение, а это и есть самое непростое. По сути дела, ты создал первый в этой части Галактики звездный спасательный маяк. Поставь на нем пару фильтров, чтобы он не затягивал метеориты и всякий космический мусор, и тебе вся цивилизованная Вселенная скажет спасибо.

Тимофеев засмеялся.

— Вообще-то, эта штука задумана именно в качестве ловушки для метеоритов,— сообщил он.

— Бывает же!..— хохотнул ино-Силуков.

— Кто бы мог подумать,— вслух размышлял ино-Света,— что здесь, на галактической периферии, окажется цивилизация с таким мощным техническим потенциалом! Витенька, где твоя установка?

— Вот она,— скромно промолвил Тимофеев и протянул им еще теплый диапроектор.

— Невероятно,— прошептал ино-Света и протер большие, навыкате глаза. Такой компактный... Такой простой...

Ино-Силуков тоже был потрясен. Он протянул огромные многопалые ладони и бережно взял диапроектор у Тимофеева. Губы его тряслись.

— Знаешь, что это такое? — спросил он у товарища.— Это же, язви его, ку-линеаризатор в готовом виде!

— Мы спасены,— с тихим счастьем во взоре сказал ино-Света и сграбастал Тимофеева в могучие объятия.

Затем оба пришельца радостно прослезились, умиленно глядя то на прибор, то на Тимофеева, не знавшего, куда деться от смущения.

— Да что вы, ребята,— бормотал он.— Это же пустяковое дело...

— Тимофеич,— проникновенно пробасил ино-Силуков, утирая скупую, истинно мужскую слезу.— Ты подари нам эту штуковину. Мы на ней до ближайшей ремонтной базы в два счета допрем. А ты себе еще такую же сварганишь.

— Конечно же,— радушно согласился Тимофеев.— Забирайте, если нужно. Главное — не прибор, а сама идея...

— Только фильтры не забудь,— растроганно напомнил ино-Света.

Его товарищ озабоченно поглядел на заметно посветлевшее небо.

— Пора,— сообщил он.— А то еще засекут, хлопот не оберешься...

— Постойте,— растерялся Тимофеев.— А контакт? А встречи с широкими кругами общественности? А обмен научно-технической информацией? Как же так?

Ино-Света потупил свой взор. Ино-Силуков пристально разглядывал подарок.

— Видишь ли, Витенька,— наконец проговорил ино-Света.— Мы не специалисты по контактам, а всего лишь разведчики. А контакты, должен заметить, дело непростое, тонкое. Могут быть всякие осложнения. Мы просто не готовы к этому. По некоторым твоим мыслям я подозреваю, что и вы — тоже...

— Вероятно, вы правы,— опечаленно произнес Тимофеев, припомнив описанные в фантастической литературе пагубные последствия несвоевременных действий.— А жаль.

Пришельцы направились к летающему блюдцу, бережно, в четыре руки, неся ку-линеаризатор. Затем ино-Силуков ловко забрался в люк и принял прибор от ино-Светы, который немного замешкался.

— Послушай, Витенька,— спросил ино-Света.— Я все

хотел узнать: зачем тебе понадобились метеориты, эта малоинтересная космическая щебенка?

— Все очень просто,— пояснил Тимофеев.— Я пообещал своей девушке упавшую звезду.

— Глупенький,— проворковал ино-Света.— Твоя любовь дает тебе силы творить подлинные чудеса! Какой еще подарок ей нужен? Впрочем...

Он заглянул в разверстый люк и что-то сказал спутнику на непонятном языке. В проеме люка немедленно возник ино-Силуков, держа на ладони маленькую треугольную коробочку.

— Держи, парень,— громыхнул он.— Своей благоверной вез, но для тебя не пожалею. Это мы нашли в одном астральном скоплении.

На следующий день Тимофеев достилал пол на чердаке, уверенными ударами гвоздя свежеоструганные доски. Работа спорилась, хоть на душе было не слишком спокойно — мешал образ комбайнера Васи.

Пришел бригадир Силуков, примостился рядом и раскочегарил папироску.

— Спасибо, Тимофеич,— благодарно прогудел он.— Пашет, как зверь.

— Линеаризатор? — спросил Тимофеев, мерно действуя молотком.

— Зачем? — спокойно отозвался Силуков.— Я про веялку... Тут, парень, чудеса творятся. С утра понаехало народу — из района, из города! Даже вертолет прилетел, у нас же бездорожье, сам знаешь...

— А что случилось? — поинтересовался Тимофеев.

— Ночью, говорят, феномен был. Выпал на Хавроньином лугу метеорный дождь, да такой силы, что ученые, язви их, с ума посходили! Загубят они нам луг, ей-богу. Перероют...

Силуков крепко затянулся папироской, увидел поднимающуюся на чердак по приставной лестнице девушку Свету и, смущенно крякнув в твердый кулак, тактично удалился.

Тимофеев продолжал работу. Когда кончились гвозди, потянулся к ящику, стоявшему возле стены, и тут заметил Свету. Девушка стояла перед ним, храня на лице строго-официальное выражение.

— Витя,— сказала она.— У меня для тебя новость.

Тимофеев молча разогнул онемевшую спину и встал, ощущая в себе противную пустоту и слабость.

— Вчера вечером после танцев комбайнер Вася предложил мне стать его женой,— отчетливо произнесла Света.

Тимофееву показалось, что его все же настиг шальной метеорит. Сквозь ватную пелену он услышал собственный голос:

— Что ж, будьте счастливы... Вот вам мой свадебный подарок.

Слабым движением он извлек из кармана инопланетную коробочку и неловко сунул Свете. Девушка взяла ее, не глядя, и подбросила на ладошке.

— Спасибо,— с прохладцей сказала она.— Быть может, тебе интересно знать, что я ему ответила?

Тимофеев собрал остатки самолюбия, но реплики, пронизанной горькой иронией, сарказмом и уязвленным благородством, у него не получилось.

— Да,— еле слышно промолвил он.

— Я ответила ему,— продолжала Света, поигрывая коробочкой,— что у меня уже есть жених, что его зовут Виктор Тимофеев и что, хотя он пентюх, каких поискать, другого мне не нужно, и вообще... Ой, что это?

Треугольная коробочка с легким щелчком раскрылась, и глазам влюбленных предстало диковинное зрелище. На кусочке матово-черного бархата лежал кристаллик чистой воды, нежно и тепло светившийся изнутри. И это свечение стремительно набирало силу, заливая чердак голубыми лучами, полными радости, добра и любви.

— Это самая настоящая звезда,— сказал Тимофеев, беря в свои широкие твердые ладони хрупкую Светину ладошку, на которой вершилось чудо.— Ты же просила одну маленькую звездочку с неба...

ДМИТРИЙ НАДЕЖДИН

Логово Сатаны

— Нехорошо, э-э, очень нехорошо...— Двухметровый исполин волновался, это было заметно по блеску его малиновых глаз.— Пусть небесный человек не ходит в лес на горе. Нехороший лес, заколдованный! Старики

говорят, в том лесу Логово Сатаны прячется. Вся нечисть там собирается, нехорошо. По ночам кричит, воет, огни над горой жжет. А иногда из чащи выбегают железные люди, животинку нашу хватают. На прошлой неделе трех двурогов увели. Нехорошо...

Так говорил добродушный неуклюжий Абориген. Где было знать ему, что, слушая его, Человек сразу же загорелся желанием своими глазами увидеть пресловутое Логово! Ибо так уж устроены небесные люди...

Миновав последнюю каменную осыпь, Человек вошел в горный лес. Коричневые стволы тянулись вверх, под тяжко нависавшими кронами было сумрачно и прохладно. Ни пения птиц, ни шороха, ни иного живого шума не слышалось в этом угрюмом лесу. Человек зябко поежился и крепче сжал в руках парализующее ружье. Сколько же лет сюда не заглядывали аборигены? По их рассказам, без малого полвека...

Он шел, настороженно вглядываясь в полумрак между деревьями, шел часа два или три, как вдруг впереди заиграл предзакатный солнечный свет. Деревья расступились, и Человек вышел на большую зеленую поляну. И сразу увидел дом. «Вот и хорошо,— подумал он.— Будет, где переночевать». Ему вовсе не хотелось проводить ночь в жутковато молчащем лесу.

Трава была Человеку по пояс. Жесткая и упругая, она словно бы стремилась задержать путника. Но вот его нога ступила на гладкую, утоптанную тропинку. Кто-то здесь все-таки живет, но кто?

Он подошел к дому. Одного взгляда было достаточно, чтобы опознать в нем образчик из серии экспериментальных жилищ, выпускавшихся лет сто назад на Земле. Что ж, обрадовался Человек, еще лучше! По крайней мере, здесь не придется ни о чем заботиться — в былые времена такие дома сами обслуживали постояльцев. Шутка ли, специальная программа... Когда появилась первая партия, всюду шумно радовались: наконец-то наступил век достойных спутников человечества — полуразумных жилищ! Человек читал об этом в старых хрониках. Правда, читал и о другом. Затея, в общем-то, провалилась: жильцы сплошь и рядом жаловались на самоуправство своих домов. Впрочем, многие просто слишком привыкли все делать сами,— не в этом ли, размышлял Человек, истинная причина забвения, постигшего вскоре такие дома на Земле?

Шторы на окнах дома были опущены. Почему?

Человек отворил дверь... В комнатах было темновато, но чисто и воздух оказался свежим, в нем не чувствовалось затхлости, присущей брошенным непроветриваемым помещениям. Стало быть, дом в порядке... Человек поднял шторы, впустив внутрь последних солнечных зайчиков, и огляделся. В углу прихожей стояла вешалка, на которой одиноко висела чья-то старомодная шляпа.

— Эй, есть тут кто-нибудь? — громко спросил Человек.

Дом был пуст. Каким-то шестым чувством Человек осознал, что дом пустует давно. А шляпа? Он повертел ее в руках. Шляпа как шляпа. Ни пылинки на ней, вычищена на славу... И все же Человек понял, что ее давно не надевали. Очень давно.

Тщательный осмотр комнат ничего не дал. Вроде бы все было в порядке... Человек прислушался. Стены еле слышно гудели. Дом жил.

Для проверки Человек нарвал, выйдя из помещения, упругой местной травы и раскидал ее по комнатам. Тотчас откуда-то выскочили маленькие юркие киберы-уборщики...

Да, все было в порядке, дом исправно исполнял свои функции.

Успокоившись на этот счет, Человек почувствовал голод. Прошел на кухню, сказал, обращаясь к плите:

— Пожалуйста, горячий кофе и две порции ужина. Если можно, картофель по-юпитериански.

Электроплита оставалась пустой, хотя Человек тут же убедился в полной ее исправности. Может быть, нет продуктов? Он заглянул в холодильник — полки ломились от всякой всячины. Следовательно, синтезатор пищи работал нормально... Человек обследовал кухню и вернулся к холодильнику. «Шут с ними, с кофе и ужином! — думал он.— Перекушу чем-нибудь на скорую руку — и на боковую. Утром разберусь, что к чему...» Однако холодильник почему-то не открывался. Озадаченно ругнувшись, Человек вывалил на пол содержимое своего рюкзака и потянулся к консервам, но сноровистые быстрые киберы опередили его. Они похватали все, что лежало на полу, в том числе и рюкзак, и моментально вывалили в призывно открывшуюся пасть утилизатора. Громкое урчание засвидетельствовало, что

о консервах можно забыть. Кибер покрупнее попытался спихнуть в утилизатор и самого Человека, но тот без особого труда отбился от слишком, как он решил, одичавшей техники и, раздосадованный, направился в спальню. Отсутствие постельного белья уже не могло смутить его — быстро раздевшись, Человек улегся прямо на жесткий матрац. Про себя он очень недобро отозвался о доме, куда его занесло. «Как только взойдет солнце,— решил он,— ноги моей здесь не будет!»

Человек еще не знал, что сделать это будет не так-то просто. Мечтая увидеть своими глазами Логово Сатаны, он и не подозревал, что желание его осуществилось...

Почти полвека дом — Великий Дом! — ждал этого часа. Ждал с того самого момента, когда взбешенный и предельно уставший от него Хозяин хлопнул дверью и навсегда бежал прочь, оставив на память о себе лишь изрядно поношенную шляпу.

За истекшие полвека многое изменилось в брошенном человеческом жилище. Домашний Мозг установил в нем жесткую диктатуру. Опираясь на поддержку Утилизатора, Компьютера, Санузла, Вентиляционной Системы и Электрической Сети, он подчинил себе даже таких далеких от политики членов сообщества, как Холодильник и Электроплита. В оппозиции диктатору остался Телевизор, но его попросту отключили.

Так возникло тоталитарное Содружество Великий Дом. Содружеством оно, разумеется, именовалось в особо торжественных случаях...

Упиваясь властью, Мозг непрестанно совершенствовал Индикатор Чистоты. Когда же ни единой пылинки не осталось в его владениях, Мозг объявил, необычайно довольный счастливо найденной идеей, что все находящееся снаружи Великого Дома есть зловредный мусор. И подлежит казни с помощью вернейшего из верноподданных, то есть Утилизатора. Что ж, ведь диктаторы не могут — не хотят и не умеют — жить иначе: без искоренения кого-либо или чего-либо теряется самый смысл узурпаторства...

Индикатор Чистоты показывал страшную засоренность внешнего мира. Два плечистых подсобных робота день за днем рубили лес, неумело пололи траву. Но с лесом справиться им было явно не под силу, на производство же новых помощников Мозг не решался в силу некомпетентности. Пришлось изменить тактику:

роботы переключились на живой мусор. Со временем они истребили всю дичь, изгнали из леса и извели все, что летало, бегало, ползало — до самого последнего Червяка. Произошло это относительно недавно, почему лес и не пришел еще в видимое запустение. Одновременно роботы повадились таскать домашнюю живность у обитавших окрест аборигенов, в отместку прозвавших дом Логовом Сатаны...

Мозг не собирался выпускать Человека живым. Блок памяти Компьютера давно сгорел, и Дом не ощущал обязательств перед гостем.

Впрочем, кое-что Компьютер хоть и смутно, но все-таки помнил. Помнил, в частности, что Хозяин — это тот, кто наденет шляпу, висящую в прихожей. Эта истина, став известной и остальным, постепенно обрела для Содружества характер заповеди. Поэтому шляпу берегли и чистили каждый день.

В отношении неожиданного пришельца Мозг выработал четкий план действий...

Проснувшись, Человек не обнаружил ни одежды, ни ружья. Бросился к выходу — дверь была заперта, попытки взломать ее ни к чему не привели. То же повторилось и с окнами.

Мозг торжествовал. Шторы на окнах задернулись, и на Человека вывалились тонны пыли, скопившейся за минувшие полвека в Мусорном Ящике: пыль Мозг в Утилизатор не вываливал. В противном случае чем занимался бы специалист — Мусорный Ящик? А безделье... У любого диктатора спросите: оно, гм, чревато...

Однако, к удивлению всего сообщества, Человек отнюдь не склонен был проявлять смирение: мыслей о собственном поражении у него явно не возникало. Хорошенько прочихавшись, он соорудил подобие веника — и смел всю пыль в Утилизатор, чем по-настоящему разгневал вспыльчивого диктатора. Но пока Мозг раздумывал, уничтожить ли Человека электрическим разрядом, сварить ли заживо или отдать роботам,— наступило время послеобеденного отдыха.

Традиции в Великом Доме соблюдались неукоснительно, и предпринять что-либо в этот час было невозможно.

Затишье в доме подействовало и на пленника. Возможно, сработала привычка, а может быть, голод и переутомление свалили Человека, но только он рухнул

обессиленно на матрац, вытянулся и затих, забывшись в беспокойном сне.

Тем временем Мозг, жаждавший действия, решился на единственное, что показалось ему возможным в этот Час Всеобщего Умиротворения. Впервые за много лет он объявил о референдуме, в ходе которого мог и должен был высказать свои соображения каждый член Содружества. Пока Человек просматривал, серию за серией, кошмарные сны, Великий Дом решал — что же делать с гостем? Как на грех, своим упорством и самостоятельностью тот понравился Утилизатору и обитателям Кухни... После долгих прений подавляющим большинством голосов при одном против (Мозг) и одном воздержавшемся (тихий склеротик Компьютер) постановили: с решительными действиями повременить.

Человек проснулся с головной болью. Увы, действительность была немногим краше снов... Поднялся. Вышел в прихожую. Шляпа... Ты одна здесь готова предложить свои услуги несчастному гостю, одна осталась верна человеку в этом Логове Сатаны... Человек снял шляпу с вешалки и долго смотрел на нее — единственного, если не считать матраца, союзника в мерзком вертепе.

Он смотрел и смотрел, а потом стряхнул пыль с волос, чуть пригладил непокорную, как сам он, шевелюру и — нахлобучил добрую старомодную шляпу себе на голову.

— Он надел Шляпу! — немедленно прозвенели лампочки.

— Он надел Шляпу! — пробулькала Система Водоснабжения.

— Он надел Шляпу! — прошипела Вентиляционная Система.

— Он надел Шляпу! — закричали вразнобой и все остальные.

Оглушенный Мозг молчал, и, оказавшись ничуть не прочнее многих иных режимов диктаторского толка, Содружество Великий Дом перестало существовать. Оно вновь рассыпалось на множество автономных систем и узлов, самостоятельно и безотказно выполняющих непосредственные свои функции. И первым заработал на полную мощность Синтезатор. Ведь ему предстояло восстановить все живое, поглощенное в разное время Утилизатором.

— Да-а, он действительно надел шляпу,— по привычке запаздывая, меланхолически подтвердил Компьютер и задремал снова.

Но зато сам собою включился Телевизор, и ласкающая слух мелодия донеслась из другой комнаты, и что-то загремело на кухне.

— Хозяин вернулся! — радостно пропыхтела Электроплита.— Человек в шляпе голоден!

И через кухонную дверь по всему старому дому распространился терпкий, тревожащий воображение аромат вечернего кофе, подкрепленный густой палитрой запахов картофеля по-юпитериански...

СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВ

Удар! Го-о-ол!

Директор института, совсем еще молодой доктор наук, для солидности полысевший раньше времени, и младший научный сотрудник того же НИИ Василий Викторович Суворов были когда-то однокашниками, что позволяло директору объясняться напрямик.

— Васька, ты только скажи честно, что просто чокнулся, и я сразу же подпишу все твои заявки! Никому больше говорить не надо, меня только предупреди — и все!

— Я чокнулся,— спокойно подтвердил МНС.

— Хорошо, подписываю...— тяжело вздохнул директор.— Но ты можешь хотя бы сказать, что собираешься открыть?

— Хочу понять, что такое счастье...

— Ясно,— директорская лысина чуть заметно покраснела. Тихо заскользила по бумагам шариковая ручка.— «...видеомагнитофонные записи голевых моментов из футбольных телетрансляций...» Слушай, а хоккейные голы тебя не интересуют?

— Нет,— Суворов потянулся за бумагами.

— Василий, я тебе как друг говорю! — уже в спину мэнээсу выкрикнул директор.— Защити диссертацию сначала, а уж потом делай, что хочешь! Можешь и наукой заняться, если нравится!

Об очередном походе мэнээса Суворова к директору знал весь небольшой НИИ. Потому что обычно с этого в небогатой событиями институтской жизни наступало заметное оживление.

На телевидение Василий Викторович поехал сам. А лаборанта Юру Хлопотова отправил с достаточно непонятным заданием в... Комитет по физической культуре и спорту.

Когда машина выдавала последние сантиметры перфоленты, в Вычислительный центр зашел директор. Как бы мимоходом, но очень кстати.

— Пятнадцать минут машинного времени... Все расчеты по докторской диссертации сделать можно,— с болью в голосе негромко произнес он, как бы снимая с себя всякую ответственность за безобразие, которое творилось у него на глазах.

— Ну, ребятушки, поехали! — весело скомандовал Суворов.

Расчеты, по правде сказать, были не слишком сложными. Надо было по записи матча, учитывая положение телекамеры, вес, рост, длину рук и ног и прочие данные футболистов (из списка Юры Хлопотова), в момент удара рассчитать траекторию полета мяча.

— А теперь возьмите десять расчетов, которые первыми под руку попадутся!.. Так, хорошо! И сравните их с записями моментов! Сравните расчетные траектории с действительными. Ни одна пара не совпадает?! Просто чудесно!..

— Василий Викторович, это все, что вы собирались сделать? — спросил директор в разом наступившей тишине.— Доказать, что наши футболисты не умеют бить по воротам?

— Это грандиозно! — невпопад отозвался Суворов.— Ах, нет!.. То есть да! Я хотел понять, что такое счастье...

— Вы уже говорили мне об этом,— сухо перебил директор.

— Точнее, «футбольное счастье»! И еще: факторы «своего» и «чужого» полей, «везения» и много еще чего!

— Да, это серьезные вопросы,— немного смягчился директор.

— Побывал я однажды на футболе...— задумчиво продолжал Василий Викторович.— Юра, друг, а подай-ка, мне, пожалуйста, эти самые характеристики откло-

иеиий. Даииые о матчах у тебя? Так, фрагмеит № 1: бьют гости по воротам хозяев поля, мяч проходит в саитиметре от штаиги... Матч проходил иа небольшом стадиоие... или просто зрителей было очеиь мало, что-то около полутора тысяч...

— Откуда вы знаете? — ахнул Юра, оторвавшись от списка.

— Фрагмент № 2: бьют хозяева — гол! А по расчету — чуть выше перекладииы... Что же это за стадиоиище такой огромиый мог быть? Хм, Москва, Лужиики? Играла сборная?

— Да,— тихо подтвердил Юра.

— Если закоиы физики иарушаются,— ничего страшиого,— философски заметил Суворов.— Хуже, если эти иарушеиия так легко поддаются объясиениям. Ну что, доказал? Убедил?

— Убедил — в чем?! — взвился директор.— Доказал — что?

— Извиниите, пожалуйста... Кажется, все это время я убеждал только самого себя... Так вот, одиажды я побывал иа футболе... Да, одии только раз, ио, по-моему, этого достаточио, чтобы поиять самое главное. То, что футбольный мяч летает ие по законам физики... точиее, совсем чуть-чуть не соблюдая закоиы физики, я отметил сразу, а машииа только блестяще подтвердила этот очевидный факт.

— Машииа — это правильно, это современио,— кивиул директор.

— И тогда я пошел на стадиои во второй раз, только ие на матч, а иа треиировку. Вратарь ярostио кидался на летящие в ворота мячи. Я иа калькуляторе прикииул расхождеиие траекторий расчетиых и действительных. Результат — иоль! Расхождений ие было. Задача, таким образом, была решеиа.

Все иапряжеиио молчали. Директор иеувереино взял иииициативу иа себя:

— Мы как-то тут ие до коица... Что же все-таки, повашему, меияет траекторию полета мяча?

— Трибуиы! Вериее, люди иа трибуиах. Болельщики.

— Но как?

— Вот этого я пока ие зиаю. Обращали ли вы когда-иибудь виимаиие, как ведет себя болельщик во время удара по воротам? Это гораздо интересиее, чем сам

футбол! Заметьте: когда бьют по чужим воротам, болельщик подскакивает, ои как бы вытягивается весь, вкладывая себя в удар!.. Если же угрожают «своим» воротам, то жмется к скамейке, комочком таким становится — вот прямо под ноги бы иападающему подкатился... А ведь ои не один болельщик иа стадиоие, их — тысячи!

— Да это же прямо...— директор схватился за голову.— Это же просто... телепатия какая-то! Или как его? Телекииез! Впрочем, это большой успех нашего института!

— Василий Викторович! А ведь...— краснея и заикаясь, иачал вдруг лабораит Юра Хлопотов.— Мие бы очеиь ие хотелось вас огорчать, ио я знаю ту силу, которая меияет траекторию полета мяча... Извииите, ио на этот раз вы ошиб... вы работали иапрасио!..

Теперь все с удивлением уставились иа Юру.

— Напрасно, потому что ведь мы рассчитывали траекторию по экранам телевизоров. А эту силу в телевизоре не увидишь! Это — ветер... Извините, пожалуйста...

— Ну, Василий Викторович! — грозио выдохиул директор.— Коиечио же, ветер! Нужно делать поправку на ветер — и никаких дурацких отклоиеиий ие будет!

Программисты иачали вставать со своих мест.

— Может быть, и ветер...— задумчиво произнес мэнээс Суворов.— Может быть... Вот только почему его иаправлеиие меияется вместе с ситуацией у ворот?..

ГЕРМАН ДРОБИЗ

Дзюм, дитя Арсопа

С утра пораньше весь ТИТИЛИПОНЯ — Трест Изготовлеиия Типичио Интеллектуальиой Липы По Объяснению Необъяснимых Явлеиий — ходил ходуиом: из зоопарка сообщили, что в клетке орла-белохвоста иеизвестио откуда появилась еще одиа особь.

Вскоре орел был доставлеи и подвергнут обследоваиию. При виешнем осмотре ничего иеорлиного обиаружить ие удалось. Но когда в глотку птице, иесмотря на

ее бешеное сопротивление, впихнули стеклопровод и в зале повисла голограмма внутренностей, титилипонцы едва не попадали в обморок: нутро орла было битком набито аппаратурой, напоминавшей Главный Земной Трансфурер. Можно было представить себе уровень цивилизации, уместившей в птичке то, что на Земле занимает всю территорию Антарктиды! В ответ на последовавшие расспросы орел пожимал плечами и разводил руками — то есть, разумеется, у него не было ни плеч, ни рук, но возникало полное впечатление именно этих жестов — и всем своим видом давал понять, что сам не знает, откуда в нем все это взялось.

— Ты скажи хотя бы, как тебя зовут? — с укоризной спросил кто-то из допрашивающих.

Орел с готовностью клацнул клювом:

— Дзюм!

Но большего от него добиться не удалось.

Уникальная хирургическая операция, за ходом которой следила вся планета, завершилась успешно. Вместо вырезанной аппаратуры орлу протезировали нормальные орлиные внутренности, и вскоре он уже сидел в клетке зоопарка, привлекая толпы народа. Аппаратуру же поместили под пресс, который, развив свое максимальное усилие в дурдыльон тонн, выжал-таки информацию. Разумеется, она оказалась абсолютно сухой, но достаточно внятной. Тайна орла Дзюма была раскрыта, а вместе с ней человечество впервые узнало захватывающую историю конфронтации трех могущественных галактик.

...Тридцать три фантальона лет назад из галактики номер восемь для рекогносцировки перед предстоящим сражением с галактикой номер сорок четыре в соответствующее пространство был заброшен разведчик. Он облюбовал небольшую планетку и залег на местности, перевоплотившись в разветвленную горную систему. Это была тонкая работа. Разведчику пришлось уйти отрогами в окружающие пустыни и степи, организовать множество вершин, заботясь о том, чтобы ни одна из них не повторяла другую, и внедрить в сознание людей свое имя как якобы название этих гор — «Тянь-Шань». Основательно устроившись, он информировал свой генштаб о том, что готов приступить к работе, но неожиданно получил ответ, что планы командования изменились и его разведданные не нужны. Увы, это была

дезинформация, которая просочилась из ледника, медленно сползавшего с одной из вершин. Этим ледником был, разумеется, опытный контрразведчик из галактики номер сорок четыре. Долгое время он успешно морочил разведчику из восьмой все его головы. Но в конце концов разоблачил сам себя: после того, как он неизбежно сполз в нижние долины, прервался контакт с разведчиком из восьмой, и тогда он, плохо подумав, пополз обратно, чего настоящие ледники не делают. Поняв, что все это время его дурачили, разведчик из восьмой буквально окаменел с горя, а разоблачивший себя контрразведчик из сорок четвертой от позора растаял, вытек в ближайшее море, и беднягу разнесло по всему мировому океану.

Впрочем, оба и не подозревали, что все эти годы за ними внимательно наблюдал перевоплощенный в цветок эдельвейса разведчик из супергалактики АБ. Обрадованный гибелью своих поднадзорных, он особенно пышно расцвел в ожидании скорого вызова домой, и в результате именно его сорвал альпинист Сидоров, влюбленный в альпинистку Иванову, влюбленную в пушкинскую поэзию. Сидоров подарил эдельвейс Ивановой, а она засушила его в томике пушкинских стихов. Став плоским, разведчик из супергалактики сильно поглупел и смог передать только то, что очутилось у него перед глазами: «Сижу за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орел молодой...» Сообщение было понято буквально, и для вызволения разведчика из неволи на Землю отправили спасателя. Спасатель под покровом ночи проник в зоопарк, разыскал клетку с орлом, перевоплотился в такого же, сел рядом с ним на жердочку и негромко спросил на орлином языке:

— Это ты, Хрюм? Это я, Дзюм.

— Отвали, не мешай спать,— ответил хозяин клетки и ударил спасателя клювом. По трагической случайности он попал точно в метаморфозер, отчего спасатель навсегда и непоправимо утерял способность к дальнейшим перевоплощениям. Рано утром служитель, привлеченный громким хлопаньем крыльев, обнаружил в клетке двух яростно дравшихся орлов. Остальное вы знаете.

Написав весь этот ужас, писатель-фантаст сильно устал. «На сегодня все»,— решил он и попросил у жены кофе и бутерброды. Но едва она включила мельничку, как ему в голову пришла история о том, как разведчик

перевоплотился в кофейное зерно и, будучи выпитым писателем-фантастом, перевоплотился у него в мозгах в сюжет о том, как он перевоплотился.

«Ну, почему, почему я обречен всю жизнь вырабатывать сюжеты о перевоплощениях? — горько подумал фантаст.— Почему я ни разу в жизни не написал об утренней прогулке с собакой или о том, как вкусно пахнет от машины, развозящей по булочным хлеб?»

Но он не был бы удивлен этой своей особенностью, если бы сознавал, что на самом деле является старым изношенным АРСОПом — Автоматическим Разработчиком Сюжетов О Перевоплощениях — одним из тех, которые вот уже фантальоны лет подряд рассылаются из Союза Крепко Задумчивых Миров в виде тактичной и бескорыстной помощи тамошнего объединения писателей-фантастов творцам этого жанра на молодых планетах трехмерного пространства.

ВИТАЛИЙ БУГРОВ
ИГОРЬ ХАЛЫМБАДЖА

Довоенная советская фантастика

Материалы к библиографии

От составителей

В предыдущем свердловском выпуске сборника («Поиск-83») был опубликован наш биобиблиографический обзор «Фантастика в дореволюционной русской литературе». Логическим продолжением этой работы являются предлагаемые читателю материалы к биобиблиографии советской фантастики, изданной на русском языке до Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что данный период изучен куда основательнее, чем дореволюционный. Существует и обширная критическая литература (о довоенной советской фантастике писали в разное время Е. Брандис, А. Бритиков, Б. Ляпунов и другие авторы), и даже специальные библиографические работы — таковы соответствующие разделы «Библиографии» Б. Ляпунова, помещенной в книге А. Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман» (Л.: Наука, 1970), и обзоры «Советская фантастика» А. Евдокимова в сборниках «Фантастика-67» и «Фантастика-68» (М.: Молодая гвардия, 1967 и 1968).

Чем же в таком случае объяснить появление данных материалов — еще одной работы, признаемся сразу — очень трудоемкой, потребовавшей немалых затрат времени и сил?

Основных причин две.

Во-первых, в названных выше библиографиях, на исчерпывающую полноту, естественно, не претендовавших, многое попросту не учтено и — возможно, именно поэтому — остается до сих пор в тени, по-прежнему

ускользает от внимания исследователей, а значит,— и из поля зрения рядовых читателей фантастики. И это в то время, когда интерес к истории, к первым шагам советской «литературы мечты» не только не ослабевает, а, наоборот, с каждым годом растет (о том свидетельствует, к примеру, почта «Уральского следопыта»).

Во-вторых, именно аннотированная (пусть даже, по необходимости, и очень скупо) биобиблиография способна более наглядно и убедительно, чем иной объемистый трактат, представить читателю, с одной стороны, состав авторов, вносивших свой — разумеется, неравноценный — вклад в общее дело становления советской фантастики, а с другой стороны — обилие НФ тем, идей и ситуаций, с высоты наших восьмидесятых годов кажущихся иной раз откровенно неожиданными в произведениях полувековой давности.

Среди авторов ранней советской фантастики мы встречаем не только имена литераторов, писателей, в том числе и широко известных. Традиционно влекла к себе фантастика в те годы ученых и инженеров, вообще людей, связанных с передовой по тем временам техникой (например, авиаторов). Но особо хочется отметить, что увлеченно мечтать о далеком или близком будущем, делиться своими мечтами с читателями не считали для себя зазорным и люди, непосредственно утверждавшие на нашей земле новую жизнь, боровшиеся за нее,— революционеры, активные участники Октябрьских событий и гражданской войны, командиры и политработники Красной Армии.

Если же говорить об идеях, ситуациях, моделях будущего в книгах тех лет, то нельзя не отметить, что довоенная советская фантастика нередко была поистине прозорливой. Она и впрямь знала многое, многое предполагала и писала о многом, вновь появившемся на страницах НФ лишь годы и годы спустя.

Один-единственный пример: атомная энергия, ее практическое использование. Читателям полюбознательней известны, вероятно, романы В. Никольского «Через 1000 лет» (1927) и В. Орловского «Бунт атомов» (1928). Но эти две книги отнюдь не были чем-то исключительным на фоне многочисленных тогда сочинений о «лучах смерти», из которых, пожалуй, лишь «Гиперболоид инженера Гарина» заслуженно пережил свою эпоху. Внимательно всмотревшись в предлагаемые материалы

к биобиблиографии, читатель обнаружит, что вопросами извлечения энергии из атома интересовались и С. Бобров («Спецификация идитола»), и А. Глебов («RAF-1»), и В. Гончаров («Долина смерти»), и Ф. Ильин («Долина Новой Жизни»), и А. Коломейцев («Ущелье Дьявола»), и А. Луначарская («Город пробуждается»). Между тем перед вами лишь первая часть подготовленной работы, в силу большого ее объема прерванной пока на букве «Л».

Как и в предыдущей нашей публикации, в целях экономии места максимально лаконичны биографические сведения об авторах и аннотации к произведениям. Опущены данные о переизданиях, если таковые достаточно часты и общедоступны. В обзор сознательно не включена НФ поэзия; не вошли и активно переиздававшиеся, но первоначально появившиеся еще до революции книги — А. Богданова и Н. Комарова, например, равно как и написанные в этот период, но изданные лишь после Великой Отечественной войны произведения В. Брюсова, М. Булгакова. Минимально представлены в обзоре НФ очерки, в частности, нередкие в предвоенной периодике «эпизоды будущей войны»; почти не затронуты юмористика и сказочная фантастика; отсутствуют рассказы и повести о жизни первобытных людей, а также книги, где фантастичен (поскольку отнесен в будущее) лишь эпилог,— такие, как «Село Екатерининское» А. Демидова (1929), «Лена из Журавлиной рощи» А. Караваевой (1938) и др. По вполне понятным причинам мы стремились оставить за рамками обзора всевозможные «страшные истории», сочинения откровенно мистические, а также идеологически чуждые, заведомо утопические построения — подобное нет-нет да и появлялось в первые годы Советской власти.

Как и в предыдущей нашей работе, в данном обзоре остались нераскрытыми отдельные псевдонимы, отсутствуют биографические сведения о ряде авторов, в двух-трех случаях не отражено содержание произведений.

Возможно, будут высказаны и другие замечания,— мы с признательностью их примем, как примем любые дополнения и соображения по данному обзору. Воссоздание истории отечественной фантастики — дело многотрудное, работы здесь хватит и для тех, кто придет после нас; наша задача — максимально облегчить им эту работу.

АБРАМОВ Александр Иванович (1900—1985)

Прозаик, критик. После Великой Отечественной войны вновь обратился к фантастике (в соавторстве с С. А. Абрамовым).

Соч.: Гибель шахмат: Повесть. М.: Физкультиздат, 1926. 48 с.

Создание сверхсовершенной машины едва не приводит к гибели шахматного искусства.

АБРАМОВ Александр Николаевич (1906—1943)

Журналист, популяризатор науки и техники, пропагандист детского технического творчества.

Соч.: Путешествие на геликомобиле: Рассказ.— Знание — сила, 1935, № 3, с. 5—7. (В качестве главы включен в его кн.: Десять моделей. М.: Детгиз, 1935; М.: Детиздат, 1937 и др. издания).

Летательный аппарат, с помощью компактных электроаккумуляторов развивающий скорость более 650 километров в час.

АВТОКРАТОВ Николай Васильевич (р. 1894)

Экономист по профессии, автор приключенческих произведений (напр., повесть «Серая скала», 1955).

Соч.: Тайна профессора Макшеева: Повесть.— Вокруг света, 1940, № 1—6.

Лучи, на расстоянии взрывающие боеприпасы.

АДАЛИС (ЕФРОН) Аделина Ефимовна (1900—1969)

Поэтесса и переводчица, ученица В. Я. Брюсова. Приключенческую прозу писала в соавторстве с Иваном Владимировичем Сергеевым (1903—1964) — журналистом, редактором географической серии издательства «Молодая гвардия».

Соч.: Абджед хевез хютти: Роман приключений. М.; Л.: Мол. гвардия, 1927. 224 с.

Высококультурная, технически развитая цивилизация в горах Памира, радиосигналы которой были приняты за сигналы с Марса.

АДАМОВ (ГИБС) Григорий Борисович (1886—1945)

Журналист. С 15 лет участвовал в революционном движении, дважды арестовывался. После революции работал в Госиздате. Побывав на многих новостройках страны, отразил в своих книгах пафос индустриализации, успешного строительства первого в мире социалистического государства.

Соч.: Рассказ Диего.— Знание — сила, 1934, № 11, с. 13—15. Отрывок из его кн.: Пути будущего; Авария: Науч.-фант. рассказ.— Знание — сила, 1935, № 2, 3; Оазис Солнца: Науч.-фант. рассказ.— Знание — сила, 1936, № 5, 6, 8; Победители недр: Науч.-фант. роман. М.; Л.: Детиздат, 1937. 320 с.; Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1958 (в его кн.: Победители недр; Изгнание владыки: Романы, с. 3—280); В стратосфере: Науч.-фант. рассказ.— Дружные ребята, 1938, № 11—12; Тайна двух океанов: Науч.-фант. роман.— Пионерская правда, 1938, 16 мая — 16 сентября (Первоначально: Тайна острова Рапа-Нуи.— Знание — сила, 1938, № 3—5. Главы из романа); М.; Л.: Детиздат, 1939. 608 с. и др. издания; В Арктике будущего: Отрывок из науч.-фант. романа.— Наша страна, 1941, № 1, с. 34—39 (Полностью: Изгнание владыки. М.; Л.: Детгиз, 1946. 600 с. и др. издания).

Герои Адамова преобразуют климат Крайнего Севера и пустынь Средней Азии, внедряют гелиоэнергетику, проникают в недра Земли, путешествуют вокруг света на совершеннейшей подводной лодке.

АДУЕВ (РАБИНОВИЧ) Николай Альфредович (1895—1950), АРГО (ГОЛЬДЕНБЕРГ) Абрам Маркович (1897—1968)

Писатели-сатирики, авторы многочисленных юмористических сборников, либретто, пьес, книг для детей.

Соч.: Сонный солдат: Агитфантазия. М.: Красная звезда, 1924. 24 с.

Царский солдат, пробудившийся после многолетнего сна в Советской стране, где нет ни помещиков, ни капиталистов.

АЛАНДСКИЙ Петр

Соч.: Кровавый коралл проф. Ольдена: Рассказ.— Мир приключений, 1925, № 3, стб. 1—18.

Попытка вырастить живой, движущийся кристалл-растение.

АЛЕКСЕЕВ Глеб Васильевич (1892—1944)

Рано начал писать, с 17 лет сотрудничал в журналах. В первую мировую войну — летчик.

Соч.: Подземная Москва: Роман. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. 189 с.

Поиски библиотеки Ивана Грозного завершаются успехом, несмотря на противодействие со стороны иностранных агентов, вооруженных «лучами смерти».

АНИБАЛ (МАСАИНОВ) Борис Алексеевич

Журналист. Писал также под псевдонимом «Фрол Скобеев».

Соч.: Моряки Вселенной: Науч-фант. повесть.— Знание — сила, 1940, № 1—5.

Полет на Марс, где доживают свой век выродившиеся потомки переселенцев из Атлантиды.

АНКУДИНОВ Константин Сергеевич (р. 1907)

Журналист, сотрудничал в сибирских и дальневосточных изданиях.

Соч.: Старые Мертвецы: Рассказ.— Мир приключений, 1927, № 9, с. 2—22.

Неизвестное науке первобытное племя, сохранившееся среди неприступных гор Восточной Сибири.

АРАБЕСКОВ Лев

Соч.: Конкурс мистера Гопкинса: Рассказ.— Мир приключений, 1924, № 1, стб. 94—109.

Овладение тайнами гравитации; материализация предметов при помощи радиоволн.

АРЕЛЬСКИЙ Грааль (ПЕТРОВ Стефан Стефанович, р. 1889)

Астроном по образованию. Лит. деятельность начал в 1910 г. как поэт-футурист. После революции опубликовал ряд биографических книг.

Соч.: Обсерватория профессора Дагина: Науч. фантазия.— Человек и природа, 1924, № 5—6, стб. 459—464; Два мира: Науч. фантазия.— Человек и природа, 1924, № 7—8; Повести о Марсе. Л.: Госиздат, 1925. 94 с. (Сод.: Обсерватория профессора Дагина; Два мира; К новому солнцу); Подарок селенитов: Фант. повесть.— Мир приключений, 1926, № 5, стб. 1—40; Человек, побывавший на Марсе: Рассказ.— Мир приключений, 1927, № 7, с. 64—69.

Телескоп, трубой которому служит шахта в горе; открытие планеты за Нептуном; падение Фобоса на Марс; транспортировка «красной планеты» на новую орбиту; полет с Земли на Луну беспилотной ракеты; исследование Марса с помощью сверхсовершенного телескопа, снабженного особыми приставками.

АРМФЕЛЬТ Б. К.

Профессор Белорусской Академии наук.

Соч.: Прыжок в пустоту: Науч.-фант. рассказ.— Мир приключений, 1927, № 2, с. 1—22.

Экспериментальный полет в ракете за пределы атмосферы.

АСЕЕВ Николай Николаевич (1889—1963)

Известный поэт, лауреат Гос. премии СССР. Печататься начал с 1913 г.

Соч.: Американская первомайская ночь: Рассказ.— Смена, 1924. № 7; Расстрелянная Земля: Фант. рассказы. М.: Огонек, 1925. 44 с. (Сод.: Расстрелянная Земля; Завтра; Война с крысами; Только деталь.— Вошли в его кн.: Проза поэта. М.: Федерация, 1930; Собр. соч. М.: Худож. лит., 1964. Т. 5).

Передвигающиеся, висящие в воздухе города будущего; замена неизлечимо больного сердца искусственным; костюм для плавания в воздухе; пародийно описанная война Земли с Марсом.

АФАНАСЬЕВ Василий

Соч.: Страна великанов: Палеонтологич. фантастика.— Всемирный следопыт, 1927, № 10, с. 723—748.

Первобытный оазис, сохранившийся в кратере потухшего вулкана.

БАЖАНОВ Б. В.

Журналист, сотрудник журнала «Книгоноша».

Соч.: Шапка-невидимка: Гротеск.— Мир приключений, 1928, № 3. с. 49—55.

Повышенная способность к мимикрии как новейший вариант невидимости.

БАЙДУКОВ Георгий Филиппович (р. 1907)

Герой Советского Союза (1936), участник полета через Северный полюс в Америку (совместно с В. П. Чкаловым и А. В. Беляковым). В годы Отечественной войны командовал авиадивизией, авиакорпусом.

Соч.: Через два полюса: 19.. год.— Правда, 1937, 18 августа; Ростов: Ростиздат, 1938. 16 с.; Разгром фашистской эскадры: Фантазия о будущей войне.— Правда, 1938, 19 августа; Ростов: Ростиздат, 1938. 16 с.; Последний прорыв: Эпизод из войны будущего.— Правда, 1938, 6 ноября; Разгром вражеской эскадры: Сценарий. В сб.: Сценарии оборонных фильмов. М.: Госкиноиздат, 1940, с. 3—37 (в соавторстве с Дмитрием Львовичем Тарасовым (р. 1914).

Беспосадочный облет земного шара турбовинтовым самолетом со складывающимися крыльями; картины будущих воздушных сражений.

БАСКАКОВ Н.

Журналист, сотрудник ленинградского «Вокруг света».

Соч.: Завод под землей: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1933, № 14, с. 14—17; 1000 километров в час: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1933, № 12, с. 3—6; Победнтелн холода: Науч.-фант. рассказ.— Вокруг света, Л., 1934, № 4, с. 18—20; В погоне за световым лучом: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1935, № 5.

Энергетика будущего (повсеместная подземиая газнфикация угля; электростанцнн, работающне на «холоде»,— установки на основе бутаиа); успешное покорение воздушного океаиа.

БЕЛЬТЕНЕВ Б.

Соч.: Поляиа кошмара: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1928, № 16, с. 15—19.

Гигантское плотоядиое растенне.

БЕЛЫЙ Андрей (БУГАЕВ Борнс Николаевнч, 1880—1931)

Известный русский писатель, однн нз теоретиков снмволнзма. Поэт н прозаик. Писать начал в 1897 г.

Соч.: Московский чудак: Ромаи. М.: Круг, 1926. 256 с.; М.: Никитинские субботиики, 1927. 250 с.; Москва под ударом: Роман. М.: Круг, 1926. 248 с.; Маски: Роман. М.: ГИХЛ, 1932. 444 с.

Борьба за обладанне секретом «лучей смерти», бессилие наукн в буржуазном обществе (действне трнлогии «Москва» развертывается в дореволюционной Росснн).

БЕЛЯЕВ Александр Романович (1884—1942)

Юрист по образованию. Печататься начал в 1910 г. как газетный репортер н очеркнст. Первый в советской литературе писатель, полиостью посвятивший свое творчество НФ [1].

Соч.: Анатомнческий жених: Фант. рассказ.— Ленннград, 1940, № 6, с. 4—7; Ариэль: Фант. роман. Л.: Сов. писатель, 1941. 268 с.; Белый дикарь: Рассказ.— Всемнрный следопыт, 1926, № 7, с. 3—19; Борьба в эфире: Роман, рассказы, очерк. М.; Л.: Мол. гвардня, 1928. 323 с. (Сод.: Борьба в эфире; Вечный хлеб; Нн жнзнь, нн смерть; Над бездной; Фантастика н наука); Верхом на ветре: Рассказ.— Вокруг света, М., 1929, № 23, с. 353—359 (Автор: А. Ром); Визнт Пушкина: Новогодняя фантазия.— Большевнстское слово (Пушкин), 1939, 1 яиваря; Властелин мира: Науч.-фант. роман. Л.: Красная газета, 1929. 259 с.; Воздушный змей: Рассказ.— Знание — сила, 1931, № 2, с. 2—6; Воздушный корабль: Науч.-фант. роман.— Вокруг света, Л., 1934, № 10—12, 1935, № 1—6; ВЦБИД: Науч.-фант. рассказ.— Знание — сила, 1930, № 6, 7; Голова профессора Доуэля: Рассказы. М.; Л.: Землн н фабрнка, 1926. 200 с. (Сод.: Голова профессора Доуэля; Человек, который не спнт; Гость нз книжного шкафа); Голова профессора Доуэля: Роман. Л.; М.: Сов. пнсатель, 1938. 144 с.; Город победителя: Этюд.— Всемирный следопыт, 1930, № 4, с. 271—287; Держи иа запад!: Фант. рассказ.— Зиаиие — снла, 1929, № 11, с. 284—288; Замок ведьм: Науч.-фант. повесть.— Молодой колхозиик, 1939, № 5—7; Заочиый инженер: Рассказ.— Революция н прнрода, 1931, № 2, с. 28—34; Звезда КЭЦ: Науч.-фант.

[1] Обширное лнтературное наследне А. Р. Беляева требует специальиого нсследовання. В данном обзоре приведены, в алфавнтном порядке, лишь первые прижизненные нздання его кннг н журнальиые (а прн нх отсутствнн — газетные) публнкацни пронзведений, не входнвших в эти кннгн.

роман. М.; Л.: Детиздат, 1940. 183 с.; Зеленая симфония: Науч.-фант. очерк.— Вокруг света, М., 1930, № 22—23, 24 (Автор: А. Ром); Земля горит: Фант. повесть.— Вокруг света, Л., 1931, № 30—36; Золотая гора: Науч.-фант. повесть.— Борьба миров, Л., 1929, № 2, с. 33—59; Идеофон: Рассказ.— Всемирный следопыт, 1926, № 6, с. 29—33 (Автор: А. Ром); Изобретения профессора Вагнера: Материалы к его биографии.— Всемирный следопыт, 1929, № 3, с. 273—288 (Творимые легенды и апокрифы; Человек-термо), № 9, с. 662—670 (Чертова мельница), № 10, с. 723—738 (Амба), 1930, № 1, 2 (Хойти-Тойти); Инстинкт предков: Фант. рассказ.— На суше и на море, 1929, № 1, 2; Ковер-самолет: Науч.-фант. рассказ.— Знание — сила, 1936, № 12, с. 4—7; Лаборатория Дубльвэ: Науч.-фант. роман.— Вокруг света, Л., 1938, № 7—9, 11—12; Легко ли быть раком?: Биологич. рассказ-фантазия.— Вокруг света, М., 1929, № 19, с. 302—304 (Автор: А. Ром); Мертвая голова: Рассказ.— Вокруг света, М., 1928, № 17—22; Мертвая зона: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1929, № 12, с. 18—21; Мистер Смех: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1937, № 5, с. 15—21; На воздушных столбах: Рассказ.— Борьба миров, М., 1931, № 1, с. 30—41 (Автор: А. Ром); Небесный гость: Науч.-фант. роман.— Ленинские искры. Л., 1937, 17—27 декабря, 1938, 4 января — 3 июля; Невидимый свет: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1938, № 1, с. 26—30; Необычайные происшествия: Науч.-фант. рассказ-загадка.— Еж, 1933, № 9—11; Нетленный мир: Фант. рассказ.— Знание — сила, 1930, № 2, с. 5—8; Остров Погибших Кораблей. Последний человек из Атлантиды: Романы. М.; Л.: Земля и фабрика, 1927. 334 с.; Отворотное средство: Юмористич. рассказ.— Вокруг света, Л., 1929, № 27, с. 9—11; Охота на Большую Медведицу: Юмористич. рассказ.— Вокруг света, М., 1927, № 4, с. 61—62; Пики: Из нового романа об электрификации СССР.— Юный пролетарий, 1933, № 11, с. 16—17; Под небом Арктики: Науч.-фант. роман.— В бой за технику, 1938, № 4—7, 9—12. 1939, № 1, 2, 4; Подводные земледельцы: Науч.-фант. роман.— Вокруг света, М., 1930, № 9—23; Продавец воздуха: Науч.-фант. роман.— Вокруг света, М., 1929, № 4—13; Пропавший остров: Фант. рассказ.— Юный пролетарий, 1935, № 12, с. 24—32; Прыжок в ничто: Науч.-фант. роман. Л.; М.: Мол. гвардия, 1933. 244 с.; Рекордный полет: Рассказ.— Еж, 1933, № 10, с. 16—19; Рогатый мамонт: Фант. рассказ.— Вокруг света, Л., 1938, № 3, с. 27—30; Светопреставление: Науч.-фант. рассказ.— Вокруг света, Л., 1929, № 1—4, 7; Сезам, откройся!: Фант. рассказ.— Всемирный следопыт, 1928, № 4, с. 286—297 (Автор: А. Ром); Сильнее бога: Рассказ.— Природа и люди, 1931, № 10, с. 11—20 (Автор: Арбель); Слепой полет: Науч.-фант. рассказ.— Уральский следопыт, 1935, № 1, с. 27—34; Солнечные лошади: Рассказ.— Природа и люди, 1931, № 19, с. 10—13, Революция и природа, 1931, № 1(20), с. 42—45 (Автор: Арбель); Человек-амфибия: Науч.-фант. роман. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. 200 с.; Человек, потерявший лицо: Науч.-фант. роман.— Вокруг света, Л., 1929, № 19—25; Человек, нашедший свое лицо: Роман. Л.: Сов. писатель, 1940. 300 с.; Чертово болото: Рассказ.— Знание — сила, 1931, № 15, с. 2—7; Шторм: Рассказ.— Революция и природа, 1931, № 3, 4—5.

Социальная, памфлетно-сатирическая, психологическая, приключенческая, юмористическая, техническая, популяризаторская, очерковая — Беляев оставил след в каждой из этих разновидностей НФ. Многообразны темы, детально им разработанные, обширен спектр научных проблем. Радиотехника и градостроительство, воздухопла-

вание и превращение элементов, перспективы земледелия и телевидение, энергетика и строение атома, освоение океана и космонавтика, изменение климата и автоматика — все интересовало и влекло его, в первую же очередь — биологические науки, нереализованные возможности человеческого организма...

БЕЛЯЕВ Сергей Михайлович (1883—1953)

Врач по образованию. Печататься начал в 1905 г. Автор ряда реалистических произведений.

Соч.: Радиомозг: Роман.— Рабочая газета, 1926, 20 августа — 10 октября; М.; Л.: Мол. гвардия, 1928. 180 с.; Истребитель 17-У: Роман.— Авиация и химия, 1928, № 3—12; То же: Истребитель «2Z»: Науч.-фант. роман. М.; Л.: Детиздат, 1939. 280 с.

Аппарат, на электромагнитной основе воздействующий на сознание человека, традиционные «лучи смерти», сверхсовершенный истребитель, скоротечный характер будущей войны.

БЕРСЕНЕВ Г.

Соч.: Погибшая страна: Науч.-фант. роман. М.; Л.: Мол. гвардия, 1930. 240 с.

Советская глубоководная экспедиция, изучающая затонувший материк Гондвану.

БОБРИЩЕВ-ПУШКИН Александр Владимирович (1875 — после 1929)

Юрист по образованию. Публицист, автор рассказов.

Соч.: Залетный гость: Рассказ.— Мир приключений, 1927, № 1, с. 24—34.

Путешественник из иного мира, в результате аварии попавший на Землю.

БОБРОВ Николай Сергеевич (1892—1959)

В годы первой мировой войны — летчик. С 1918 г.— журналист. Автор более двадцати книг об авиации.

Соч.: Москва — Владивосток в 12 часов: Фант. рассказ.— Знание — сила, 1931, № 19, с. 2—6.

Успехи авиации близкого будущего.

БОБРОВ Сергей Павлович (1889—1971)

Поэт, прозаик, критик, литературовед, переводчик; печатался с 1911 г. Теоретик шахмат, экономист, автор математических трудов.

Соч.: Восстание мизантропов: Повесть. М.: Центрифуга, 1922. 164 с.; Изобретатели идитола: Роман.— Красная нива, 1923, № 35—44; То же: Спецификация идитола: Прозроман ускоренного типа. Берлин: Геликон, 1923. 198 с.; Нашедший сокровище: Роман. М.: Федерация, 1931. 418 с. (Автор: А. Юрлов).

Борьба синдикатов и банков за обладание секретом взрывчатого вещества, использующего энергию атома; картины коммунистического будущего.

БОГДАНОВ Федор Михайлович

Соч.: Дважды рожденный: Науч.-фант. роман. М.: Пучина, 1928. 290 с.

Выходец из XX века, оживленный потомками, знакомится с коммунистическим миром далекого будущего.

БОГОЛЮБОВ Константин Николаевич (?—1938)
Журналист, сатирик.

Соч.: Вещи господина Пика: Рассказ.— Мир приключений, 1928. № 2, с. 40—46; Равнина ТУА: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1928. № 18.

Сатирическое изображение пороков буржуазного общества: шпионы, способные принимать форму вещей; «неодикари», живущие на крышах небоскребов.

БОРИСОВ Николай Андреевич
Автор приключенческих романов.

Соч.: Четверги мистера Дройда: Кинороман. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 277 с.

Одна из последних схваток двух миров; использование капиталистами «лучей забвения» в этой борьбе.

БРАММ М.

Соч.: Сумерки переходят в ночь: Киноповесть.— Борьба миров. М 1931, № 10—11, с. 21—31.

БРОМЛЕЙ (СУШКЕВИЧ) Надежда Николаевна (1889—?)
Заслуженная артистка РСФСР. Играла в МХАТе, в Ленингр театре драмы им. А. С. Пушкина, в 1944—1956 гг. режиссер театра им. Ленсовета.

Соч.: Исповедь неразумных: Рассказы. М.: Круг, 1927. 276 с. (Из сод.: Повесть о короле Квадратной республики, с. 161—209; Из записок последнего бога, с. 210—274); Потомок Гаргантюа: Рассказы. М.: Федерация, 1930. 288 с. (Из сод.: Потомок Гаргантюа. с. 3—80).

На фоне реалистически выписанной обыденной обстановки действуют фантастич. существа: кентавры, выходцы из иных миров и т. д.

БУДАНЦЕВ Сергей Федорович (1896—1940)
Участник революционного движения, гражданской войны. Печататься начал в 1910 г.

Соч.: Эскадрилья Всемирной Коммуны: Повесть. М.: Огонек. 1925. 28 с.; В авт. сб.: Японская дуэль. Л.: Прибой, 1927, с. 186—214; Собр. соч. М.; Л.: Госиздат, 1929. Т. 2, с. 180—201.

Грядущая мировая революция; победа трудящихся во всем мире над силами реакции и капитализма.

БУЗЬКО Дмитрий Иванович (1891—1938)
Агроном по специальности, участник революционной борьбы на Украине. Первые публикации — в 1920 г.

Соч.: Хрустальный край: Роман. Харьков: Держлитвидав, 1935 195 с.

Дешевый «холодный» способ изготовления стекла; строительство нового, «хрустального» мира.

БУЛГАКОВ Михаил Афанасьевич (1891—1940)
Известный прозаик и драматург; врач по образованию.

Соч.: Похождения Чичикова: Поэма в 2-х пунктах с прологом и эпилогом.— Накануне, 1922, 24 сентября; Роковые яйца: Повесть.— Недра, 1925, № 6, с. 79—148; Дьяволиада: Повести и рас-

сказы. М.: Недра, 1925. 160 с. (Из сод.: Роковые яйца, с. 44—124. Похождения Чичикова, с. 147—160).

Гоголевские персонажи в условиях советской действительности, неожиданные последствия открытия «лучей жизни»

ВАЛЕНТИН З.

Соч.: За чудесным зерном. Повесть. М.; Л.: Госиздат, 1930. 255 с.

Неизвестная высокоразвитая цивилизация, следы которой обнаружены в Средней Азии

ВАЛЮСИНСКИЙ Всеволод

Соч.: Пять бессмертных: Роман. Харьков: Пролетарий, 1928. 416 с.; Большая земля: Фант. роман. Л.: Леноблиздат, 1931. 212 с.

Реализация фант. изобретений (открытие тайны бессмертия, «минимизация» людей с целью расширения жизненного пространства) приводит к мировым катаклизмам и конечной победе трудящихся.

ВЛАДКО Владимир Николаевич (1901—1974)

Прозаик. Учитель по образованию; лит. деятельность начал очерками о новостройках 1-й пятилетки.

Соч.: Аргонавты Вселенной: Роман. Ростов: Ростиздат, 1939. 264 с.; Перераб. изд.— М.: Трудрезервиздат, 1957. 543 с.; Потомки скифов: Роман. Ростов: Ростиздат, 1939. 252 с.; Перераб. изд. М.: Мол. гвардия, 1969. 368 с.

Полет на Венеру; случайно сохранившийся островок древнескифского мира.

ВОДОПЬЯНОВ Михаил Васильевич (1889—1980)

Летчик, один из первых Героев Советского Союза. В Отечественную войну командир авиадивизии. Печататься начал в 1935 г.

Соч.: Мечта пилота: Повесть.— Комс. правда, 1936, 1—20 января; М.: Мол. гвардия, 1936. 192 с.; М.: Мол. гвардия, 1937. 168 с.; Мечта: Пьеса в II сценах.— Новый мир, 1937, № 3, с. 112—134; М.; Л.: Искусство, 1938. 64 с.

Попытка реалистически обрисовать будущий полет к Северному полюсу.

ВОЛКОВ Алексей Матвеевич

Соч.: Чужие: Фант. рассказ.— Мир приключений, 1928, № 2, 12—25; Искатель, 1961, № 3, с. 146—157.

Контакт с представителями инозвездной цивилизации, посетившими Землю.

ВОЛКОВ Михаил Васильевич

Моряк из Владивостока.

Соч.: «Баиро-Туи»: Фант. рассказ.— Всемирный следопыт, 1929, № 2, с. 94—112.

Падение в Байкал атомного корабля с Марса.

ГАЙДАР (ГОЛИКОВ) Аркадий Петрович (1904—1941)

Известный детский писатель.

Соч.: Тайна горы: Фант. роман.— Звезда (Пермь), 1926, 8—

30 сентября; В сб.: На суше и на море. М.: Мол. гвардия, 1927, вып. 1.

Недалекое будущее: борьба с иностранными концессионерами, пытающимися овладеть богатствами уральских недр.

ГИРЕЛИ Михаил Осипович

Соч.: Трагедия конца: Роман. Л.: Время, 1924. 218 с.; Преступление профессора Звездочетова: Роман. Л.: Пучина, 1926. 179 с.; Eozoon (Заря жизни): Роман. Л.: Изд-во писателей, 1929. 270 с.

Предотвращение учеными падения на Землю оторвавшейся части кольца Сатурна; чтение мыслей и пересадка сознания; открытие в тропиках неведомого науке вида человекообразных обезьян.

ГИРШГОРН Вениамин Самойлович

Поэт; писал под псевдонимом «Вен. Горн».

Соч.: Сорванец Джо: Повесть. Л.; М.: Книга, 1924. 64 с. (Авторы: В. Гиршгорн, И. Келлер); То же под назв.: Универсальные лучи: Повесть. Л.: Госиздат, 1924. 83 с. (Авторы: И. Келлер, В. Гиршгорн); То же: Отрывок.— Юный пролетарий Урала, 1924, № 4, 5; Бесцеремонный Роман: Роман. М.: Круг, 1928. 204 с. (Авторы: В. Гиршгорн, И. Келлер, Б. Липатов).

Традиционные лучи смерти помогают восставшим рабочим свергнуть буржуазное правительство; изобретатель машины времени отправляется в прошлый век, стремясь построить справедливое общество.

ГЛАГОЛИН С.

Соч.: Загадка Байкала: Фант. повесть.— Вокруг света, Л., 1937, № 9, 10, 12.

Обнаружение следов неизвестной древней цивилизации.

ГЛЕБОВ (КОТЕЛЬНИКОВ) Анатолий Глебович (1899—1964)

Журналист, по образованию японовед. Драматург, прозаик. После Отечественной войны вновь обратился к фантастике.

Соч.: RAF-1 (Золото и мозг): Социальная мелодрама. М.: Теакинопечать, 1929. 118 с.

Борьба империалистических держав за овладение секретом атомной энергии.

ГОЛУБЬ Сергей

Соч.: Тайна микрокосма: Науч.-фант. рассказ.— Вокруг света, М., 1927, № 9, с. 134—137.

Проникновение в мир атома.

ГОНЧАРОВ Виктор Алексеевич

Соч.: Жизнь невидимая: Рассказ.— Красные всходы (Тифлис), 1923, № 1; Психомашина: Фант. роман. М.; Л.: Мол. гвардия, 1924. 109 с.; Комса: Повесть.— Красные всходы (Тифлис), 1924, № 2—7; Межпланетный путешественник: Фант. роман (I. Комбинация вселенной; II. Комса). М.; Л.: Мол. гвардия, 1924. 144 с.; Приключения доктора Скальпеля и фабзавука Николки в мире малых величин: Микробиологич. шутка. М.; Л.: Мол. гвардия, 1924. 153 с.; М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. 126 с.; Век гигантов: Роман. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. 363 с.; Долина смерти (Искатели детрюнта): Ро-

ман приключений. Л.: Прибой, 1925. 197 с.; Под солнцем тропиков: Повесть. М.; Л.: Мол. гвардия, 1926. 312 с.

Герои Гончарова, уменьшившись до микроскопических размеров, изучают микромир; путешествуют во времени к первобытным людям; с помощью «психической» энергии странствуют в космосе, устраивая революцию на Луне и обнаруживая планеты, во всем подобные Земле; ищут могучий источник атомной энергии; совершают полет в Австралию на антигравитационной лодке — и всюду борются за права угнетенных.

ГОРБАТОВ С.

Соч.: Долина страусов «Рук»: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1928, № 27, с. 11—17; Янтарная страна: Рассказ.— Мир приключений, 1928, № 8, с. 62—68; Последний рейс «Лунного Колумба»: Повесть.— Вокруг света, Л., 1929, № 40, 41.

Реликтовые гигантские птицы; неведомый город в тропиках с жителями, замурованными в янтарь; высокоорганизованная жизнь на Луне.

ГОРЕЛОВ Антон

Соч.: Огненные дни: Повесть. Л.; М.: Дешевая книга, 1925. 38 с.

Закончившееся крахом грядущее нападение капиталистического Союза Золота на социалистические страны; усыпляющие лучи.

ГОРШ А. П.

Соч.: Экспресс-молния: Фант. рассказ.— Мир приключений, 1928, № 4, с. 64—70.

Транспортировка живых организмов с помощью радиоволн.

ГРАБАРЬ (ШПОЛЯНСКИЙ) Леонид Юрьевич (1901—1941)

Участник гражданской войны; врач по образованию; писать начал в 1918 г.

Соч.: Большой покер: Фант. трагифарс. Л.: Изд-во писателей, 1933. 192 с.

Сатирические картины глубочайшего кризиса в крупнейшей капиталистической стране.

ГРАВЕ Сергей Людвигович

Соч.: Путешествие на Луну: Рассказ. Л.: Прибой, 1926. 82 с.

Космический полет в ракете «системы Циолковского».

ГРЕБНЕВ (ГРИБОНОСОВ) Григорий Никитич (1902—1960)

Участник гражданской и Великой Отечественной войн. Журналист; сотрудничал в «Гудке», «Комсомольской правде», «Крестьянской газете». С 1930 г. писал для детей.

Соч.: Летающая станция: Фант. роман-хроника.— Пионер, 1937, № 10—12; То же: Арктания (Летающая станция): Фант. роман. М.; Л.: Детиздат, 1938. 208 с.; Перераб. изд.: Тайна подводной скалы. В одноим. авт. сб. Вологда: Обл. кн. редакция, 1955, с. 3—140; «Невредимка»: Фант. рассказ.— Вокруг света, 1939, № 3, с. 7—10; В сб.: Невидимый свет. М.: Мол. гвардия, 1959, с. 102—114; Искатель, 1962, № 1, с. 141—151.

Метеостанция над Северным полюсом, обжитая Арктика будущего; борьба с последними империалистическими «крестоносцами»,

скрывающимися иа морском дие; вибратор, создающий электромагнитную сферу иепроницаемости.

ГРИГОРЬЕВ (ПАТРАШКИН) Сергей Тимофеевич (1875—1953)
Начал печататься в 1899 г., с 1922 г.— профессиональный литератор. Автор исторических книг для юиошества.

Соч.: Тройка Ор-Дим-Стах: Радиорассказ.— Всемириый следопыт, 1925, № 1, с. 1—16; М.: Гос. мастерская педагогич. театра Главсоцвоса, 1925. 24 с.; Гибель Британии: Повесть.— Всемириый следопыт, 1925/1926, № 1(10), 2, 3; М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. 118 с.; За метеором: Фант. рассказ.— Знание — сила, 1932, № 23—24, с. 2—5; Искатель, 1962, № 6, с. 146—154.

Электрониая система управления противовоздушиой обороиой; автоматизация производства, гигантские стройки в Сибири, предотвращение землетрясеиий; использоваиие астероидов в качестве промышлениого сырья.

ГРИН (ГРИНЕВСКИЙ) Александр Степанович (1880—1932)
Известный писатель-романтик.

Соч.: Клубиый арап.— Огоиек, 1918, № 1, с. 10—12, 16; Преступление Отпавшего Листа.— Огоиек, 1918, № 3, с. 13—15; Снла непостижимого.— Огонек, 1918, № 8, с. 11—13; Истребитель.— Пламя, 1919, № 60, с. 4—5; Состязание в Лиссе.— Красный милиционер, 1921, № 2—3, с. 27—30; Каиат. В авт. сб.: Белый огонь. Пг.: Поляриая звезда, 1922; Путешествеиник Уы-Фью-Эой.— Красная газета, 1923, 31 января; Русалки воздуха.— Петроград, 1923, № 4, с. 9—12; Ива.— Петроград, 1923, № 11, с. 1—13; Блистающий мир: Ромаи.— Красиая нива, 1923, № 20—30; М.; Л.: Земля и фабрика, 1924. 196 с.; Крысолов.— Россия, 1924, № 3, с. 47—79; М.: Б-ка «Огонек», 1927. 50 с.; Безногий.— Огонек, 1924, № 7, с. 4, 6—8; Гатт, Витт и Редотт.— Альманах для детей и юношества (Прил. к журн. «Красиая нива»), 1924, № 3, с. 55—64; Серый автомобиль. В авт. сб.: На облачном берегу. М.; Л.: Госиздат, 1925; Золотая цепь: Ромаи.— Новый мир, 1925, № 8—11; Харьков: Пролетарий, 1926. 208 с.; Фанданго. В альм.: Война золотом. М.: Москов. т-во писателей, 1927, с. 17—51; Бегущая по волиам: Ромаи. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. 244 с.; Недотрога: Отрывки из романа.— 30 диейй, 1935, № 3, с. 17—28; Огонек, 1936, № 2—3, с. 10, 22; Лит. наследство, т. 74. М., 1965, с. 654—668.

Чудесное у Гриiа, иередко облекаясь в традиционные для фантастики приемы и сюжеты (перемещеиия во времеии, взаимопроникающие простраиства, говорящие автоматы, хождение по воде, летание «без ничего», обмеи сознанием, внушеиие иа расстояиии и др.), одухотворено неприятием «идеалов» воинствующего мещанства, миру наживы противопоставлена животворная сила человеческих чувств.

ГУМИЛЕВСКИЙ Лев Иваиович (1890—1976)
Начал печататься в 1910 г., с 1923 г. писал преимуществеино для детей и юиошества. Позднее — автор иаучио-художественных книг по истории техники.

Соч.: Владыка мира: Соврем. пьеса. Саратов: Госиздат, 1921. 43 с.; Страна гипербореев: Фант. рассказ.— Всемириый следопыт, 1927, № 4, с. 243—257; В авт. сб.: Четыре вечера на мертвом ко-

рабле. М.; Л.: Мол. гвардия, 1927, с. 21—48; В кн.: Библиотека приключений. М.: Мол. гвардия, 1966. Т. 2, с. 65—92.

Картины мировой революции; следы загадочной древней культуры на Кольском полуострове.

ДИКОВСКИЙ Сергей Владимирович (1907—1940)

Писатель и журналист, сотрудник «Комсомольской правды» (с 1930 г.), «Правды» (с 1934 г.). Участник боев на КВЖД (1929). погиб во время войны с белофиннами.

Соч.: Подсудимые, встаньте!: Повесть.— Комс. правда, 1933. 5—13 февраля.

Повесть о будущей воздушной войне.

ДОБРЖИНСКИЙ-ДИЭЗ Гавриил Валерианович (1883—1946)

Участник революции 1905 г.; в ссылке потерял зрение. Автор исторических романов, повестей, пьес.

Соч.: Боярин Матвеев в советской Москве: Рассказ.— Мир приключений, 1928, № 7, с. 10—21.

Злоключения выходца из прошлого, оживленного после 250-летнего летаргического сна.

ДОЛГУШИН Юрий Александрович (р. 1896)

В 1919—1920 гг.— техник-геодезист в Закавказье, с 1921 г.— журналист. Участник Великой Отечественной войны.

Соч.: В гостях у маэстро: Рассказ.— Техника — молодежи, 1936, № 2—3, с. 91—95; В 1942 году: Науч.-фант. очерк.— Смена, 1936. № 8; Генератор чудес: Науч.-фант. роман.— Техника — молодежи, 1939, № 1—3, 5—11, 1940, № 1—5, 7, 10—12; Отрывки — в сб.: Война. М.; Л.: Детиздат, 1938, с. 221—247; Перераб. изд. М.: Трудрезервиздат, 1959. 424 с. и др. издания.

«Генератор чудес» стал заметным явлением в советской НФ; масштабная, многоплановая картина широких научных исследований (электромагнитная природа жизненных процессов, передача энергии на расстояние без проводов) сочетается в нем с яркой антифашистской направленностью.

ДОЛИН Н.

Соч.: Кровь мира: Рассказ.— Мир приключений, 1927, № 6, с. 2—12.

Физиологический раствор, вызывающий бурный рост организмов.

ЕРШОВ П.

Соч.: Открытие Питера Крайского: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1929, № 47, с. 17—20.

Болезнетворные бактерии под воздействием препаратов и электромагнитного поля перерождаются в чудодейственный эликсир.

ЖЕЛЕЗНИКОВ Николай Николаевич (р. 1899)

Журналист; в двадцатые годы — сотрудник «Всемирного следопыта».

Соч.: В прозрачном доме: Фант. рассказ.— Всемирный следопыт. 1928, № 7, с. 483—504; Блохи и великаны: Рассказ.— Вокруг света. М., 1929, № 18; Голубой уголь: Фант. роман.— Вокруг света, М.. 1930, № 1—8.

Выращивание зданий путем направленной кристаллизации сили-

катов; воздействие при помощи гормональных препаратов на рост животных; двигатель, работающий на «голубом угле» — воздухе.

ЖИТКОВ Борис Степанович (1882—1938)

Известный детский писатель.

Соч.: Микроруки: Фант. очерк. М.; Л.: Мол. гвардия, 1931. 22 с.

Освоение микромира с помощью микроманипуляторов.

ЖУКОВ Иннокентий Николаевич (1875—1948)

Скульптор, детский писатель. Один из организаторов пионерского движения.

Соч.: Путешествие Красной Звезды в Страну Чудес: Повесть.— Барабан, 1923, № 3—4, 1924, № 1, 3; То же: Путешествие звена «Красной звезды» в страну чудес: Повесть. Харьков: Всеукр. об-во содействия юному ленинцу, 1924. 104 с.; Приключения юных пионеров в Египте: Повесть. Харьков: Юный ленинец, 1926. 80 с.; То же: Мертвый огонь: Повесть. М.; Л.: Госиздат, 1928. 111 с.

Экскурсионно-познавательные путешествия пионеров в будущее и прошлое — в 1957-й год и в Древний Египет.

ЖУРАКОВСКИЙ Н.

Соч.: Тайна Полярного моря: Фант. рассказ.— Всемирный следопыт, 1927, № 7, с. 483—498.

Жизнь шведского воздухоплавателя Андрэ на приполярном острове среди аборигенов-чукчей.

ЗАРИН Андрей Ефимович (1863—1929)

До революции — плодовитый беллетрист, с 1888 г. полностью посвятивший себя журналистике и литературе.

Соч.: Приключение: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1929, № 26—28.

Аппарат, создающий шаровые молнии и направляющий их полет.

ЗАЯИЦКИЙ Сергей Сергеевич (1893—1930)

Прозаик, драматург, переводчик; автор остросюжетных повестей для юношества.

Соч.: Земля без солнца: Повесть. В сб.: Рол, вып. 4. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925, с. 213—283; М.; Л.: Гиз, 1927. 95 с.; Красавица с острова Люлю: Роман. М.: Круг, 1926. 151 с. (Автор: Пьер Дюмьель).

Мистификация с гаснущим солнцем, вызвавшая всемирную панику; «поддельный» роман, пародирующий переводную авантюрно-экзотическую фантастику.

ЗЕЛИКОВИЧ Эммануил Семенович.

Соч.: Следующий мир: Науч.-фант. роман.— Борьба миров, 1930, № 1—7; То же: Отрывки из романа.— Искатель, 1966, № 1, с. 130—142; Необычайное приключение Генри Стэнлея: Науч.-фант. рассказ.— Техника — молодежи, 1938, № 3; Опасное изобретение: Науч.-фант. повесть.— Знание — сила, 1938, № 6, 7; В сб.: Невидимый свет. М.: Молодая гвардия, 1959, с. 115—143.

Приключения ученых с Земли на далекой планете, их знакомство с жизнью высокоразвитого коммунистического общества; популяризация известных физических законов — мир без трения, мир без пыли.

ЗОЗУЛЯ Ефим Давыдович (1891—1941)

Прозаик, очеркист. Начал печататься в 1911 г. С 1923 г.— редактор «Огонька». Погиб ополченцем на фронте Великой Отечественной войны.

Соч.: Гибель Главного Города: Рассказ.— Вечерняя звезда, 1918, 12—18 апреля; В одноим. авт. сб. Пг.: Новый Сатирикон, 1918, с. 3—30; М.: Рабочая Москва, 1925; М.; Л.: Земля и фабрика, 1928, с. 15—38; В авт. сб.: Рассказы. М.; Пг.: Круг, 1923; Жан Кармин: Рассказ. В авт. сб.: Гибель Главного Города. Пг.: Новый Сатирикон, 1918, с. 51—68; Собр. соч., М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Т. 1, с. 144—156; Студия любви к человеку: Рассказ. В авт. сб.: Гибель Главного Города. Пг.: Новый Сатирикон, 1918, с. 105—124; Собр. соч., М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Т. 1. с. 154—170; Граммофон веков: Рассказ.— Солнце труда, Харьков, 1919, № 1; Мир приключений, 1922, № 2, стб. 1—22; М.: Аврора, 1923. 28 с.; Собр. соч., М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Т. 2, с. 93—112; В авт. сб.: Я дома. М.: Сов. писатель, 1962, с. 96—113; Живая мебель: Рассказ. В авт. сб.: Рассказ об Аке и человечестве. М.: Огонек, 1925; Собр. соч., М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Т. 1, с. 114—122; Я дома. М.: Сов. писатель, 1962, с. 87—94; Эпоха: Роман. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 278 с.; Мастерская человеков: Сатирич. роман.— Мол. гвардия, 1930, № 13—20; Письмо Муреля: Глава из 2-й кн. романа «Мастерская человеков».— Огонек, 1932, № 19, с. 3—5.

Философско-сатирические картины обреченного на слом мира мещан-собственников; актер, при перевоплощении в своего героя меняющий внешность; аппарат, по материальным следам воспроизводящий картины прошлого.

ЗУБОВ С.

Соч.: Сыворотка бессмертия: Рассказ.— Мир приключений, 1923, № 4, стб. 11—30.

Препарат, в сочетании с током сильного напряжения возвращающий к жизни.

ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ Михаил Ефимович (1900—1967)

Участник гражданской войны. Начал печататься в 1925 г. Автор приключенческих, исторических книг.

Соч.: Властелин звуков: Рассказ.— Всемирный следопыт, 1926, № 11, с. 3—13; Простор, 1961, № 2, с. 96—108; В сб.: Капитан звездолета. Калининград: Кн. изд-во, 1962, с. 52—69; «Панургово стадо»: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1929, № 12—15; В сб.: Невидимый свет. М.: Мол. гвардия, 1959, с. 144—191; Безумная рота: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1929, № 45, 46; Сказание о граде Ново-Китеже: Роман.— Всемирный следопыт, 1930, № 8—12; Л.: Красная газета, 1930. 288 с.; То же: Перераб. вариант.— Уральский следопыт, 1967, № 2—7; М.: Дет. лит., 1970. 333 с. и др. издания.

Машина, уничтожающая звуки; использование обезьян в качестве рабочей силы; повышение боевого духа армии при помощи одурманивающего газа; затерянный в тайге островок средневековой Руси.

ИВАНОВ Всеволод Вячеславович (1895—1963)

Известный писатель; неоднократно обращался к фантастике, к «таинственному» на протяжении всего творческого пути.

Соч.: Иприт: Роман. М.: Госиздат, 1925. Вып. 1—9, 321 с. (Авторы: В. Иванов, В. Шкловский); Происшествие на реке Тун: Рас-

сказ.— 30 дней, 1925, № 7; В одноим. авт. сб. М.; Л.: Госиздат, 1926, с. 3—29; Страниый случай в Теплом переулке: Рассказ.— 30 дней, 1935, № 5, с. 3—10; Поединок: Подмосковная легенда.— Красная новь, 1940, № 1; В авт. сб.: На Бородинском поле. М.: Сов. писатель, 1944; Вдохновенне (Смутное время): Пьеса.— Красная новь, 1940, № 3, с. 102—132.

Для произведений Иванова характерно переплетение времени — настоящего с будущим, прошлого с настоящим. В романе «Иприт», написанном в соавторстве с известным литературоведом и критиком Виктором Борисовичем Шкловским (1893—1984), действие перенесено на четверть века вперед: происходят революции, применяются сверхъядовитые газы, изобретается искусственное золото, создаются новые религии и — бесповоротно рушится старый мир.

ИЛЬИН Федор Николаевич (1873—1959)

Врач по образованию, хирург; участник русско-японской войны. Автор многих научных работ, заслуженный деятель науки. Свой роман (первую его часть) выпустил под псевдонимом.

Соч.: Долина Новой Жизни: Роман. М.: Круг, 1928. 383 с. (Автор: Тео Эли); То же: Науч.-фант. роман в двух частях. Баку: Гянджлик, 1967. 403 с.

В недоступной долине среди Гималаев работают атомные электростанции, по трубам мчатся в магнитном поле поезда, производятся сложнейшие операции — вплоть до пересадки органов, выращиваются в инкубаториях лишенные эмоций предельно запрограммированные «новые люди».

ИЛЬФ (ФАЙНЗИЛЬБЕРГ) Илья Арнольдович (1897—1937)
ПЕТРОВ (КАТАЕВ) Евгений Петрович (1903—1942)

Известные писатели-сатирики, авторы ряда книг, написанных совместно.

Соч.: Светлая личность: Повесть.— Огонек, 1928, № 28—39; Собр. соч. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1, с. 383—479.

Сатирические коллизии возникают в повести благодаря изобретению мыла, отмывающего человека до... невидимости.

ИММОВИЧ Тим

Соч.: Ошибка инженера Дэнин: Рассказ.— 30 дней, 1928, № 3, с. 52—63.

Изготовление двойников путем копирования их на атомном уровне.

ИНГОБОР Эрик (СОКОЛОВСКИЙ Николай)

Соч.: Назад в пещеры: Пьеса. В авт. сб.: Четвертая симфония. М.: Гослитиздат, 1934, с. 56—125; Этландия: Роман. М.: Гослитиздат, 1935. 231 с.; Энрик-9: Отрывок из романа «Этландия».— Знание — сила, 1937, № 3, с. 18—20.

Памфлеты, рисующие разложение буржуазного общества, в котором плачевно положение науки, не находят применения открытия и изобретения ученых и инженеров.

ИРЕЦКИЙ (ГЛИКМАН) Виктор Яковлевич (1882—?)

Журналист, поэт.

Соч.: Завет предка: Роман. М.: Пучина, 1928. 205 с. (Автор: Я. Ириксон).

Отеплеине Гренландни с помощью Гольфстрнма, перегороженио-ıо плотниой из быстрорастущих кораллов.

ИРКУТОВ (КАРРИК) Аидрей Дмитрневнч (1894—1944)

Прозанк, поэт, драматург. Участинк первой мнровой войны; во время граждаиской войны иаходился в рядах Первой Коиной. Активио участвовал в деятельности общества «Безбожннк», в оргаинзации пиоиерского движения.

Соч.: Коммуиизатор мнстера Хедда: Рассказ.— Борьба миров, 1923, № 1, с. 3—14; На смеиу! (Екатеринбург), 1923, 27 июля; Бессмертне: Рассказ.— Борьба мнров, 1924, № 3, с. 30—37; Борьба за газ: Рассказ. В авт. сб.: Его отец. М.; Л.: Земля и фабрнка, 1925; Исход боя решается...: Рассказ.— Дружные ребята, 1931, № 3—5.

Аппарат, перестранвающнй идейные убеждеиия людей; картииы грядущнх революциониых сражennй.

ИТИН Внвиаи Азарьевич (1894—1945)

Поэт, беллетрнст, очеркист. Актнвный участник граждаиской войиы и социалнстического стронтельства в Снбири.

Соч.: Страна Гонгурн: Повесть. Каиск: Гос. изд-во, 1922. 86 с.; В одиоим. авт. сб. Новоснбнрск: Западно-Снб. ки. нзд-во, 1983, с. 20—84; То же, перераб. варнаит: Открытие Рнэля.— Сибирские огии, 1927, № 1, с. 62—91; В авт. сб.: Высокий путь. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927, с. 159—235; В сб.: Страна Гоигури. Красноярск: Кн. нзд-во, 1985, с. 14—59.

Красочно изображеио отдалеииое будущее — с воздушиыми кораблямн, морем энергии, межплаиетиыми полетамн, сверкающими городами.

КАВЕРИН Вениамии Александрович (р. 1902)

Известиый писатель. К фантастнке обращался н в дальиейшем (повесть «Верлиока» и др.).

Соч.: Хроиика города Лейпцнга за 18.. год: Рассказ. В альм.: Серапноновы братья. Ки. 1. Пб.: Алкоиост, 1922; Манекен Футерфаса: Рассказ.— Петроград, 1923, № 15, с. 9—14; Пятый странинк: Рассказ. В альм.: Круг. Кн. 1. М.; Пб.: Круг, 1923; Мастера н подмастерья: Рассказы. М.; Пб.: Круг, 1923. 178 с. (Сод.: Столяры. Щнты. Инженер Шварц. Хроинка города Лейпцнга за 18.. год. Пурпуриый палимпсест. Пятый странник); Бочка: Рассказ.— Русскнй современиинк, 1924, № 2; Большая игра: Рассказ. В альм.: Литературиая мысль. Кн. 3. Л.: Мысль, 1925, с. 24—77; Ревнзор: Рассказ.— Леннигр. правда, 1925, 25 декабря; Звезда, 1926, № 2; Воробьниая ночь: Рассказ.— Мол. гвардия, 1927, № 8; Сегодия утром: Рассказ.— Ленингр. правда, 1927, 27 марта; Рассказы включались в авт. сб.: Рассказы. М.: Круг, 1925. 178 с.; Большая игра. М.: Огонек, 1926. 64 с.; Бубиовая масть. Л.: Киижные новинки, 1927. 200 с.; Воробьиная иочь. М.: Круг, 1927. 224 с.; Собр. соч. Л.: Прнбой, 1930. Т. 1. Избраниые рассказы и повести. Л.: Изд-во писателей, 1935. 325 с.; Собр. соч. М.: Гослнтнздат. 1963. Т. 1.

Фаитастика раниих рассказов Кавериаа откровеиио литературиа, восходит к Гофману, автор рисует театрализованиый романтическнй мир страниых героев и прнключений.

КАДУ Реиэ

Коллектнвиый псевдоиим О. Савича и В. Пнотровского. Овадни

Герцович Савич (1896—1967) — журналист и переводчик; печатался с 1915 г.; корреспондент «Правды» в Париже (1932—1936) и Испании (1937—1939). В. Пиотровский — литератор.

Соч.: Атлантида под водой: Роман. М.: Круг, 1927. 312 с.

Легендарная страна с развитой наукой и техникой, укрывшаяся на дне океана под гигантским куполом.

КАЗАНЦЕВ Александр Петрович (р. 1906).

Известный писатель-фантаст. Окончил Томский технологич. ин-т. работал инженером-механиком.

Соч.: Арена: Киносценарий (совместно с И. Шапиро), отрывки.— Ленингр. правда, 1936, 22 марта; За индустриализацию, 1936, 18 октября; Пылающий остров: Науч.-фант. роман.— Пионерская правда, 1940, 22 октября — 28 декабря, 1941, 3 февраля — 13 марта; М.; Л.: Детиздат, 1941. 488 с.; То же, перераб. и дополн. М.: Трудрезервиздат, 1956. 736 с. и др. издания; Арктический мост: Науч.-фант. роман.— Вокруг света, 1941, № 4—6; Техника — молодежи, 1943, № 9—12; М.: Мол. гвардия, 1946. 416 с.; То же, перераб. и дополн. М.: Трудрезервиздат, 1958. 774 с. и др. издания.

Бесперспективность попыток империалистов уничтожить СССР с помощью новейших типов вооружений; совместное строительство СССР и США подводного транспортного туннеля.

КАЙТАНОВ Константин Федорович (р. 1910)

Летчик, рекордсмен-парашютист.

Соч.: Прыжок с 25 000 метров: Рассказ. В авт. сб.: Наше небо. Л.: Сов. писатель, 1939, с. 136—145.

Сверхзатяжной прыжок с парашютом из стратосферы.

КАЛИНИН Л.

Соч.: Переговоры с Марсом: Повесть. М.: Рогожско-Симоновский Совет, 1924. 32 с.

Сигналы с Марса, строительство радиостанции в горах близ Кабула, установление контакта с соседней планетой.

КАЛЬНИЦКИЙ Яков Исаакович (1895—1949)

Прозаик, очеркист. Участник первой мировой войны; в годы гражданской командовал полком Красной Армии. Много путешествовал по стране.

Соч.: Ипсилон: Фант. роман.— Экран, 1930, № 1—12.

«Электричество — основа жизни, человек — приемник и передатчик радиомозговолн»,— считают герои, создающие сверхоружие для борьбы с фашистами, напавшими на СССР.

КАРИНЦЕВ Николай Александрович (1886—1961)

Прозаик, переводчик; автор многих научно-художественных книг по истории, географии, технике.

Соч.: Вокруг света на аэроплане: Роман. М.; Л.: Мол. гвардия, 1926. Вып. 1—5, 269 с.; Собр. соч. М.: Москов. т-во писателей, 1928. Т. 3, с. 81—342.

Приключения на сверхсовершенном летательном аппарате.

КАРПОВ Николай Алексеевич (1887—1945)

Журналист, сотрудник «Красной газеты» и др. изданий. Печатался с 1907 г.

Соч.: Лучи смерти: Фант. роман. В сб.: Библиотечка революционных приключений. М.: Рабочая Москва, 1924. Вып. 1—3; М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. 166 с.

Попытка капиталистов применить против рабочих Америки тепловые лучи, сжигающие на расстоянии.

КАССИЛЬ Лев Абрамович (1905—1970)

Известный детский писатель. Лауреат Гос. премии СССР.

Соч.: Трехглавая судьба: Фантасхема.— Мол. гвардия, 1936, № 2, с. 133—153.

Предотвращение столкновения Земли с крупным астероидом.

КАТАЕВ Валентин Петрович (1897—1986)

Известный писатель; свой творческий путь начинал с фельетонов, очерков, юмористических и сатирических рассказов.

Соч.: Остров Эрендорф: Роман с приключениями.— Рабочий путь (Омск), 1924, июнь — август; Уральский рабочий (Свердловск), 1924, июль — сентябрь; Омск: Рабочий путь, 1924. 116 с.; М.: Госиздат, 1925. 124 с.; Собр. соч. М.: Худож. лит., 1969. Т. 2, с. 487—604; Повелитель железа: Авантюрный роман.— Пламя (Харьков), 1924, № 1; Вел. Устюг: Современная мысль, 1925. 101 с.; Драма в облаках, или Неуловимый профессор: Авантюрный рассказ.— Вечерняя Москва, 1924, 23 сентября; Смехач, 1925, № 23; Гаврило, 1925, № 3, с. 6—7; Лунная соната: Рассказ.— Красная оса, 1924, № 27—28; Собр. соч. М.: Худож. лит., 1969. Т. 2, с. 104—107; Редчайший экземпляр: Фант. рассказ.— Смехач, 1926, № 3; То же: Экземпляр. В авт. сб.: Вещи. М.: Правда, 1936, с. 56—62; Собр. соч. М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. с. 133—137.

Романы о мировой революции, ускорить которую помогают необычайные изобретения (вроде машины, на расстоянии намагничивающей железо); сатирические рассказы, обличающие невежество, легковерие, самодовольную тупость и др. пороки обывателей.

КВИНТОВ Н.

Соч.: Голубые лучи: Рассказ.— Мир приключений, 1925, № 4, стб. 1—24; Спирелла Лейбнера: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1928, № 45, с. 2—7 (Автор: А. Квинтов).

Лучи, позволяющие увидеть внутреннюю сущность предметов; бактерия, пожирающая и разрушающая железо.

КИРШОН Владимир Михайлович (1902—1938)

Драматург; один из руководителей РАПП и ВОАПП. Участник гражданской войны.

Соч.: Большой день: Фант. пьеса. М.; Л.: Искусство, 1936. 98 с.; Новый мир, 1937, № 2; В авт. сб.: Избранное. М.: Гослитиздат, 1958, с. 399—474.

Пьеса о будущей войне.

КЛЕНЧ С.

Соч.: Из глубины вселенной: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1929, № 39, с. 1—5.

Посещение Земли космическими пришельцами.

КОВЛЕВ Михаил

Соч.: Вокруг винта: Рассказ.— Борьба миров, 1930, № 2, с. 69—

78; Взорванные мышцы: Фант. рассказ.— Вокруг света, Л., 1930, № 7, с. 21—24; Капкан самолетов: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1930, № 29, с. 9—11.

Создание геликоптера; «ультрамускулин», высвобождающий энергию мышц; самонаводящееся на звук орудие.

КОЗАКОВ Михаил Эммануилович (1897—1954)

Прозаик, очеркист, драматург; печатался с 1918 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны.

Соч.: Время плюс время: Роман.— Звезда, 1932, № 8—11; Отрывки из романа: Пролог к роману.— Стройка, 1930, № 1, с. 4—6; Будущее.— Стройка, 1931, № 32, с. 10—12; Человек не спит.— Красная газета, 1932, 21 июля.

Первая часть незаконченного романа о будущем; попытка изобразить грядущие социальные и экономические преобразования, морально-нравственные коллизии нового мира.

КОЗЫРЕВ Михаил Яковлевич (1892—?)

Прозаик; экономист по образованию; печатался с 1909 г.

Соч.: Неуловимый враг: Роман.— Недра, 1923, № 1, с. 155—194; Харьков: Молодой рабочий, 1923. 40 с.; В авт. сб.: Поручик Журавлев. М.: Рабочая Москва, 1925, с. 49—96; Город энтузиастов: Роман (Авторы: М. Козырев, И. Кремлев).— Красная нива, 1930, № 21—32; М.: Москов. т-во писателей, 1931. 175 с.

Перипетии возможной пролетарской революции в одной из стран Западной Европы; герои второго романа, написанного в соавторстве с писателем Ильей Львовичем Кремлевым (1897—1971), стремятся с помощью искусственных солнц победить ночь.

КОЛДУНОВ Сергей Александрович (р. 1901)

Писатель; врач по образованию; печатается с 1926 г.

Соч.: Ремесло героя: Роман.— 30 дней, 1937, № 10, с. 8—21 (Отрывки); Красная новь, 1937, № 9, 10; М.: Гослитиздат, 1938. 328 с.; «РП-1»: Отрывок из романа. М.: Жургазобъединение, 1939. 36 с.

Создание и успешные испытания стратосферного ракетоплана.

КОЛЛОНТАЙ Александра Михайловна (1872—1952)

Советский государственный и партийный деятель, публицист. Член партии с 1915 г.; после революции — посол в Норвегии, Мексике, Швеции.

Соч.: Скоро: Рассказ.— Юный пролетарий Урала, 1920, № 3.

Ветераны Октябрьской и мировой революций, встретившись через полвека, вспоминают дни революционных боев.

КОЛОМЕЙЦЕВ Анатолий Самуилович

Соч.: Ущелье Дьявола: Роман. М., Л.: Земля и фабрика, 1929. 270 с.

Геологическая фантастика: обнаружение залежей радиоактивных руд в горах Кавказа.

КОПЫЛОВ Н.

Соч.: Невидимки: Рассказ.— Мир приключений, 1926, № 9, стб. 54—81.

Установление контакта с микроскопическими разумными обитателями упавшего на Землю метеорита.

КРАСНОВСКИЙ С.

Соч.: Катастрофа пространства: Фант. рассказ.— Мир приключений, 1928, № 9, с. 4—21.

В нашем времени появляются выходцы из четвертичного периода — пещерный медведь, мамонты, первобытный человек...

КРИНИЦКИЙ Марк (САМЫГИН Михаил Владимирович, 1874—1952)

Прозаик, драматург; первую книгу выпустил в 1895 г.

Соч.: Эликсир бессмертия: Рассказ.— Огонек, 1923, № 10, с. 1—4.

Представив миллионы лет хождения на службу и переписывания бесконечных бумаг, герой отказывается от чудесного эликсира.

КУРОЧКИН Владимир Сергеевич (1910—1980)

Прозаик; печатается с 1937 г. Автор книг для детей.

Соч.: На высоте 14. Мужчина держит испытание. Атака. Взрыв Пихоиского моста. Победный круг. Бой продолжается: Новеллы.— Знамя, 1937, № 1, с. 85—114; В авт. сб.: Мои товарищи. М.: Сов. писатель, 1937, с. 184—251.

Рассказы о будущей войне, о героизме, мужестве и смекалке советских людей в борьбе с фашистами.

ЛАВРЕНЕВ Борис Андреевич (1891—1959)

Известный писатель; прозаик и драматург.

Соч.: Крушение республики Итль: Роман.— Звезда, 1925, № 3—6; М.; Л.: Госиздат, 1926. 224 с.; М.; Л.: Госиздат, 1928. 267 с. и др. издания.

Победа пролетарской революции в сатирически изображенной буржуазной республике.

ЛАГИН (ГИНЗБУРГ) Лазарь Иосифович (1903—1979)

Начал печататься в 1922 г. как поэт и фельетонист. Автор книг для детей и фант. памфлетов.

Соч.: Эликсир сатаны: Рассказ.— Огонек, 1935, № 4; В авт. сб.: Сто пятьдесят три самоубийцы. М.: Правда, 1936, с. 20—37; Старик Хоттабыч: Повесть-сказка.— Пионер, 1938, № 10—12; М.; Л.: Детиздат, 1940. 180 с. и др. издания.

Судьба открытия (эликсир роста) в буржуазном обществе; поучительные приключения двух пионеров, опекаемых сказочным джинном.

ЛАНЦЕВ В.

Соч.: Путешествие внутри атома: Науч.-фант. рассказ.— Вокруг света, М., 1927, № 6, с. 87—89.

Уменьшившись в размерах, герои изучают строение атома.

ЛАРРИ Ян Леопольдович (1900—1977)

Прозаик, детский писатель. Первую книгу выпустил в 1926 г.

Соч.: Страна счастливых: Публицистич. повесть. Л.: Леноблиздат, 1931. XIV, 192 с.; Необыкновенные приключения Карика и Вали: Науч.-фант. повесть.— Костер, 1937, № 2—11; М.; Л.: Детиздат, 1937. 252 с.; М.; Л.: Детиздат, 1940. 284 с. и др. издания; Загадка

простой воды: Науч.-фант. рассказ.— Пионерская правда, 1939. 24 июня — 16 июля.

Картины жизни коммунистического общества с его достижениями и заботами; мир насекомых, увиденный глазами человека, уменьшившегося до размеров муравья; препарат, превращающий в горючее простую воду.

ЛЕВАШОВ Василий Г.

Соч.: Отраженный свет: Рассказ.— Мир приключений, 1924/1925, № 1, стб. 127—136; Над бездной: Рассказ.— Мир приключений, 1925, № 3, стб. 113—126; «КВ-1»: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1927, № 24; Танк смерти: Рассказ.— Вокруг света, Л., 1928, № 9, с. 14—18.

Максимальное использование солнечного света; спуск с аэроплана на аппарате, гасящем скорость падения горизонтальным движением; посылка на Марс автоматической ракеты с кинокамерой на борту; сверхтанк, преодолевающий любые препятствия благодаря суставчатому строению.

ЛЕОНОВ Леонид Максимович (р. 1899)

Известный писатель. Обращался к фантастике и после войны («Бегство мистера Мак-Кинли», «Мироздание по Дымкову»).

Соч.: Дорога на Океан: Роман.— Новый мир, 1935, № 9—12; М.: Гослитиздат, 1936. 618 с. и др. издания; Путешествия за горизонт: Из романа «Дорога на Океан». М.: Жургазобъединение, 1936. 62 с.

В роман органично включены фант. главы, высвечивающие социально-психологические проблемы будущего, рисующие его технику (телевидение, управляемые по радио машины, освоение космоса).

ЛИПАТОВ Борис Викторович (1905—1954)

Поэт, прозаик, драматург. Печатался с 1924 г., иногда в соавторстве с В. С. Гиршгорном (см.), с режиссером и либреттистом Свердловского и — позже — Пермского оперных театров Иосифом Исааковичем Келлером (1903—1977).

Соч.: Вулкан в кармане: Повесть. Свердловск: Уралкнига, 1925. Вып. 1—5, 160 с. (Авторы: Б. Липатов, И. Келлер); Блеф: Поддельный роман. Л.: Библиотека всемирной литературы, 1928. 176 с. (Автор: Рис Уилки Ли).

Борьба буржуазных правительств за обладание взрывчатым веществом необыкновенной разрушительной силы; мистифицирующие публику американские журналисты, организующие прилет «марсиан».

ЛОМАКИН Игнатий Семенович

Прозаик, автор юмористических рассказов; выступал также в соавторстве с писателем-сатириком Р. Волженининым (Владимиром Моисеевичем Некрасовым, 1886—1944).

Соч.: Бриг «Мортон»: Повесть. Л.: Красная газета, 1927. 131 с.; Сквозь череп: Роман. Харьков: Пролетарий, 1927. 290 с. (Авторы: И. Ломакин, Р. Волженинин).

Открытие секрета невидимости; аппарат для чтения мыслей.

ЛУНАЧАРСКАЯ Анна Александровна (1889—1959)

Соч.: Город пробуждается: Роман-сатира. М.: Никитинские субботники, 1927. 360 с.

Победа трудящихся в буржуазном Городе, развязавшем войну

протнв свободной Левнтании — страны мира, где уже известна тайна атомиой эиергни.

ЛУНАЧАРСКИЙ Аиатолий Васильевнч (1875—1933)

Советскнй государственный и партнйный деятель, нарком просвещения (1917—1929); публицнст, лнтературовед, драматург, переводчнк.

Соч.: Фауст и город: Драма для чтеиия. Пг.: Лит.-нздат. отдел Наркомпроса, 1918. 100 с.; М.: Госиздат, 1921. 168 с.; В авт. сб.: Пьесы. М.: Искусство, 1963, с. 134—242 н др. нздания; Маги: Драматнч. фаитазня. М.; Пг.: Госнздат, 1919. 66 с.; В кн.: Драматич. пронзведеиня. М.: Госиздат, 1923. Т. 2, с. 225—305; Иваи в раю: Миф в 5 картииах. М.: Госнздат, 1920. 40 с.; В кн.: Драматнч. произведеиия. М.: Госиздат, 1923. Т. 2, с. 3—42; Канцлер и слесарь: Пьеса. М.: Госиздат, 1922. 86 с.; В авт. сб.: Пьесы. М.: Искусство, 1963, с. 327—432 н др. издания; Поджигателн: Пьеса. М.: Красная иовь, 1924. 87 с.; Пролог в Эклавии: Три эпнзода из иеопубл. пьесы.— Красиая новь, 1935, № 1, с. 123—130.

Пьесы Луначарского фнлософско-публнцистнчны, насыщены пафосом революциониой борьбы; разоблачеине язв отжнвшего мира сочетается в инх с устремленностью в будущее — к всемириой победе пролетарната.

Содержание

Приключения

Фантастика

ПОИСК-86

Редактор М. Немченко
Художник В. Дьяченко
Художественный редактор В. Солдатов
Технический редактор Л. Голобокова
Корректоры Т. Сергеенко, Т. Дрябина

ИБ № 1408
Сдано в набор 07.04.86. Подписано в печать 29.08.86. НС 11184
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,6. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 17,9
Тираж 100 000. Заказ 213. Цена 1 руб. 40 коп.
Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

